МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. В. ЗЫЗЫКИН

ПАТРИАРХ НИКОН

Его государственные и канонические идеи

Часть II. Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении

М. В. Зызыкин

ПАТРИАРХ НИКОН

Его государственные и канонические идеи

Часть II. Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
З96

Зызыкин, М. В.

З96 Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3 ч. Ч. II. Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении / М. В. Зызыкин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 486 с.

ISBN 978-5-4499-0328-0

Михаил Валерианович Зызыкин (1880—1960 гг.) — русский историк, правовед, публицист. В 1921-м году М. В. Зызыкин был вынужден эмигрировать из России. Находясь в эмиграции, он преподавал в Софийском университете, а в 1929-м году был приглашен на православный богословский факультет в Варшаву на кафедру по Православной Социологии и Каноническому праву. Именно в Польше вышел один из его самых главных и актуальных трудов «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» (в трех томах). Исследование представляет собой магистерскую диссертацию, представленную в Русскую Академическую группу в Париже. Мысль об этой книге зародилась у М. В. Зызыкина во время Московского Церковного Собора 1917 года «среди грохота разваливавшейся русской государственности и потуг возрождения Русской Церкви в реформе». В своей монографии автор рассматривает общие и вечные вопросы церковно-государственных отношений. Не излагая полную биографию Никона, М. В. Зызыкин в то же время акцентирует внимание на его идеях о церковно-государственных отношениях, рассматривая его «личность и деяния постольку, поскольку это нужно для уяснения его идей».

Вниманию читателей представлена вторая часть труда, в которой излагается собственное учение Никона о царской власти, а также представлены его идея оцерковления и отзывы Никона о различных статьях Уложения.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-4499-0328-0

ЧАСТЬ II
Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении.

Глава I. Учение Никона о царской власти

Борьба Никона с политическим староверством, уклонявшимся в сторону цезарепапизма. – Сравнение царства с священством. – Источник царской власти и ее освящения. Духовная и светская власть независимы друг от друга. – Кому вверена Церковь? – О церковных законах. – Об участии царя в церковном управлении. О правах царя по отношению к соборам церковным. О соборе 1660 г. – Об участии царя в церковном управлении, О повышении ранга Епископской кафедры. – Царь – образец послушания церковным законам для народа. Церковный закон неприкосновенен для государства. Апостасии. – О Церкви: ее самостоятельность. – Для управления в Церкви необходимы Епископские полномочия, а не царские. – Действие Антихриста: властительство над Церковью светской власти. – Царь некомпетентен в деле суда над Епископами-клириками. – Положительные обязанности царя к Церкви. Обязанности царя к церковной собственности. – Никон о своей службе царю. – Никон различает обязанность царя в Церкви от его обязанностей к Патриарху. – Никон о сфере светских дел. О тяжести царского служения. – Власть царская получается независимо от священства, но им благословляется. Где санкции для соблюдения царем заповедей Божиих. – Царская власть и знамение пришествия Антихриста. – Лигарид выдвигает новые обвинения против Никона. – Никон о лжепророках цезарепапистах. – О власти удерживающей. – Цезарепапизм – от духа Антихриста. – Помощь Патриарха царю – быть царем православным. – О природе послушания царя Патриарху. Клятва 1652 г. – О превосходстве священства над царством. – Критика Никоном разных теорий о соотношении духовной и светской власти. Его теория. – Никон о «Дарении Св. Константина Великого». – Каждая власть происходит от Бога; ни одна не выше другой. – В церковных делах церковный закон и Епископ выше царя. – Каждая власть имеет свой порядок и права от Бога и должна их защищать. – Юридическое равенство

властей, духовное превосходство власти духовной. – Никон о мерах самозащиты Церкви. Заявление протеста и духовные наказания. – Не должно повиноваться закону, противоречащему канону. – Возмездие за нарушение прав Церкви от Бога. – Никон и сам отказывается исполнять государственный закон, противоречащий церковному – Духовное оружие царя в борьбе со злом – христианские добродетели: смирение – прежде всего. – Праведность царя – основа прочности царской власти. Смысл ухода Никона в Воскресенский монастырь в 1658 г. – Патриарх – нравственная сдержка для царя. – Лигарид и Никон о праве обличения царя. – Об обязанностях царя к Церкви и ее представителям. – Значение отказа Никона в прощении царю Алексею Михайловичу, как царю. – Никон обвиняет царя Алексея Михайловича в том, что он перестал поступать, как подобает православному царю. – О времени Божиего наказания за нечестие. – Никон указывает на современные несчастия, как на Божия наказания и предостережения. – Уход Никона как мера протеста. – Источник Никоновой теории соотношения властей: Св. Отцы. – Предшественники Никона (в России) в учении о превосходстве священства. – Юридическая природа участия Никона в государственных делах. – Чисто русское восприятие христианства Никоном. – Мнение Каптерева о Никоне в отношении учения о царской власти. – Никон в делах смешанного характера, т. е. касающихся и Церкви и государства. – Никон прибегает к содействию царя и в чисто церковных делах. – Теория симфонии властей (духовной и светской). Никон обеим властям отводит доминирующее значение каждой в своей сфере. – Нарушение симфоний в 1658 и 1660 гг. – О причинах ухода Никона. – Мнение Соловьева, Пальмера, Горчакова и Беляева. – О поводе к уходу Никона в Воскресенский Монастырь. – Никон о своем уходе в Воскресенский монастырь. – Царь и право Патриарха на обличение. – Сравнение обличений Св. Филиппа и Никона. – Нарушение симфонии в строе московского государства введением Уложения и расцерковления государства. – Смысл борьбы Никона в свете по следующих мер против Церкви. – Различные меры Никона к поддержанию церковного направления в правительстве и обиходе. – Сравнение учения Никона с католическими писателями о соотношении властей. – Сравнение учения Никона с протестантскими писателями. – Учение Никона о субъекте церковного управления перед судом русской канонической

науки. – Учение Никона о субъекте церковного законодательства перед судом русской канонической науки.

Борьба Никона с политическим староверством, уклонившимся в сторону цезарепапизма.

Патриарх Никон, хотя не был теоретиком, разрабатывавшим вопросы права и каноники из чисто отвлеченного научного интереса, тем не менее он дал последовательное развитие учения по вопросам государственно-церковных отношений преимущественно с той их стороны, которая была выдвинута современной ему жизнью. Пока он был Патриархом, он не разрабатывал этих вопросов, ибо был занят устроением Русской Церкви и государства, поскольку был призван к государственному регентству; но, когда через четыре года после его ухода явилось стремление оправдать ту систему отношения к Церкви со стороны государства, которая являлась возрождением античной традиции императора pontifex maximus, то он противопоставил ей другую теорию, в основание которой были положены основы канонического церковного строя Православной Церкви с одной стороны и то учение о царской власти в ее отношении к Церкви, которое выработалось на основе традиции Вселенских Соборов и Св. Отцов Церкви. Как известно, приехавший в Москву Газский М-т Паисий Лигарид, явившийся идейным руководителем партии враждебной Никону, составил вопросы-ответы на разные темы преимущественно церковно-правового характера с некоторой примесью вопросов государственно-правового свойства, с целью уяснения перед сознанием царя и придворных бояр положения, созданного уходом П. Никона от управления патриаршей кафедрой. Эти вопросы-ответы поражают своим тенденциозным стремлением во всем очернить Никона и выставить его невиданным новатором церковно-государственных отношений и, пожалуй, даже идейным бунтовщиком против государственной власти, подрывающим ее основы. Самые вопросы-ответы были озаглавлены: «Обвинения в новых

обычаях и разных винах П-ха Никона, составленные в 30 вопросах боярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и ответах на оные Газского М-та Паисия Лигарида». Уже самое заглавие наводит на мысль, что и в вопросах церковно-государственных против Никона была выдвинута та же точка зрения священного status quo, которая отстаивалась партией старины, то есть, вернее, партией, отстаивавшей церковные обряды, утвержденные Стоглавым Собором 1550 года, против изменений, вводимых Никоном. Однако, предваряя наше исследование, мы можем сказать, что как в обрядовой реформе Никон по существу дела вводил не новость, а лишь возвращался к старине, зафиксированной в древних греческих книгах, так и в вопросах церковно-государственных он боролся с той же порчей, вкравшейся в Московские политические идеи после половины XV века и вылившейся в политическое староверчество, отстаивавшее создавшийся в жизни уклон к цезарепапизму. Тот факт, что хранителем Православия в эпоху отпадения в унию Константинопольского императора, Патриарха и русского Митрополита, оказался великий князь Московский, слишком содействовал возвышению его значения в Церкви. А, если мы припомним, что в это же время, вскоре после унии, великий князь Московский заступил место Византийского императора, что с установлением фактической независимости Русской Церкви от Константинопольского Патриарха Московские Первосвятители потеряли опору для церковной независимости от своих великих князей, которую имели раньше в Константинопольских Патриархах, – то нам ясно будет, что Московский великий князь становился de facto одним из главных факторов в церковных делах, имевшим возможность давить своим авторитетом и на иерархию.

Мы не хотим сказать, чтобы сознание особности церковного организма, как союза, имеющего свое законодательство, управление и суд, совершенно померкло бы на Руси, чтобы Церковь настолько слилась с государством, чтобы принципиальное различие было

забыто. Соборы Церковные 1503 г. и 1550 г., напротив, показали, что Церковь умела отстоять себя от секуляризации своих имений во имя своего церковного закона. Однако, нельзя оспаривать того, что это различение нередко возможно лишь для взгляда, вооруженного юридическим анализом, и что в действительной жизни, в быту Церковь и государство переплетались настолько, что не всегда можно с точностью определить, где кончались действия одного союза и начинались действия другого. Благочестие Московских государей только еще более стирало de facto эти грани. Остановимся несколько на этом смешении двух порядков, смещении, облегчавшем захват сильной стороной, то есть государством, сферы церковной в неподлежащей ему мере. В этом хаосе отношений, создавшемся ко времени царя Алексея Михайловича, тонко анализирующий ум Никона произвел разграничение двух сфер общежития по их внутренней природе и функций их по их существу и источнику, а сильная воля его устремляется к проведению этого разграничения, разбиваясь в конце концов о косность, невежество и нецерковное отношение к церковным вопросам со стороны родовитого боярства, представленного по преимуществу кн. Одоевским, и боярства, родственного царю по жене и матери в лице бояр Стрешневых и Милославских. Напрасно было бы утверждать, что это государственное засилие было юридической нормой; напротив, мы имеем основание утверждать, что норма была иная, именно теория симфонии властей, заимствованная из Юстинианова кодекса в Кормчую еще до Никоновской редакции и вошедшая там в 42-ую главу. Вот ее дословный текст: «Великая паче инех иже в человецех еста дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбии Божия, священничество же и царство: ово убо Божественным служа, се же человеческими владея и пекийся: от единого же итогожде начала обоя происходят человеческое украшающие житие, якоже ничто же так бывает поспешнее царству сего ради, яко же святительская честь: о обоих самех тех присно вси Богове молятся; аще бо они непорочни будут

во всем и к Богу имут дерзновение и праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и сущия под ними будет согласие некое благо, все еже добро человечестей даруя жизни; сему быти веруем, аще священных правил блюдение сохранится, их же праведно похваляемии поклоняеми самовидцы Божию Славу предаша апостоли и святии отцы, сохраниша же и заповедаша».

Надо было подробнее раскрыть теорию симфонии, заключенную в этом тексте. Вопрос этот является краеугольным, ибо все контроверсы, в которые был вовлечен Патриарх Никон, сходятся в центральном пункте в вопросе о положении царя и Церкви, что в свою очередь ставит нас пред вопросом о соотношении двух сфер общежития Церкви и государства и природы и полномочий. В свою очередь учение о царской власти у Никона есть следствие определенным образом понятой (т. е. в строго православном смысле) теории симфонии. Рассмотрев его учение о царской власти, мы рассмотрим его учение о Патриархе и его взгляд на Уложение царя Алексея Михайловича[1] и критику Никоном постановлений Уложения о церковном суде, управлении и законодательстве. Эти вопросы познакомят нас с его взглядами на природу Церкви и ее полномочий и на характер отношений ее к государству.

Рассмотрев учение Никона о царской власти, мы сопоставим его учение с некоторыми учениями по тому же вопросу у отцов Восточной Церкви с одной стороны и с другой стороны с Западной церковной литературой средних веков, а также с учением немецкой политической философии 17 века, давшей теоретические основы для церковной реформы Петра I-го, для его jus reformandi в Церкви.

---

[1] Не забудем, что власть Патриарха не была единоличной: при Московском первосвятителе были Соборы из прилучившихся Архиереев для рассмотрения вопросов текущих и таких, которые по каноническим правилам не могли решаться единоличной властью первосвятителя, вроде суда над Архиереями.

Сравнение царства с священством.

Никон говорит о царской власти большей частью в сопоставлении с властью священства, разумея под последним все его иерархические степени, и прежде всего устанавливает, что существуют две власти, духовная и светская, происходящие от Бога, а не одна от другой; в этом случае острие его направлено против той теории, которую ему противопоставил Паисий Лигарид, т. е. против цезарепапизма; обычно он сопоставляет обе власти и показывает превосходство священства над царством в духовном отношении, пользуясь нередко буквально Златоустовскими выражениями. Эти два порядка различны: «Разве это добро, что царь вероломно усвояет себе чин священства? Ибо порядок священства – один, а порядок царства – другой... Священство от Бога, а от священства цари получают помазание на царство. Освящение Моисеева священства последовало, когда лик Моисея сиял при спуске с горы. Моисей, по приказу Божьему, посвятил Аарона и его сыновей; это начало священства было не от людей к людям, но от Самого Бога. Когда пришло время для исполнения старого закона, Бог послал Сына Своего. Господь помазал Иисуса Назорея Св. Духом и властью (Деян. X, 37, 38). Христос посвятил Своих учеников и Апостолов, говоря: Приимите Духа Святого, чьи грехи отпустите, тому отпустятся, и чьи свяжете, у того связаны. Приятие Духа Святого дает ничто иное, как сообщение Божественной благодати и власти» (I, 225)[2], а в другом месте: «Видишь ли, нечестивый вопрошатель (обращается Никон к Стрешневу), как священство имеет свое начало не от человека, но от Самого Бога и ветхое священство и настоящее, и никоим образом не от царей, как думаешь ты? Но скорее от священства царство приемлет и свое начало, как свидетельствует чин коронования. Священство во всех

[2] Цитируемые в предстоящих главах в скобках цифры означают: римские — том Пальмера, издавшего сочинение Никона «Раззорение» на английском языке, а арабские цифры указывают страницу в нем.

отношениях почетнее царства..» (1, 234). И Никон восстает против того, что царь после его ухода из Москвы распоряжается в Церкви, назначая, помимо Никона, его заместителем Митрополита Питирима и других духовных лиц на места, как будто царь – источник прав в Церкви: «Ты говоришь, вопрошатель, что наш наияснейший, наисчастливейший царь поручил Никону надзор за всеми церковными делами и судами: это не царь поручил Никону эту власть, а благодать Святого Духа, но царь рассматривает эту благодать, как ничто, и нанес бесчестие Святому Духу и лишил ее силы, так что теперь без приказа царя благодать Святого Духа не может действовать, и Епископы, по слабости своего понимания, пишут теперь: «Я посвятил или поставил такого-то архимандритом, игуменом или пресвитером и тому подобное, благодатью Святого Духа и указом Великого Государя». Так равно они готовы хоронить с церковными молитвами нераскаянных преступников, повешенных или казненных за их преступления, и читать молитвы при рождении за детей, рожденных в грехе, и все по приказу царя. Что может быть ужаснее этого.... Господь свидетельствует (Мф. 12, 31, 32): «Посему говорю вам: великий грех и хула простится человекам, а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; а если кто скажет слово на Духа Св., не простится ему ни в сем веке, ни в будущем». Кому же может дать благодать Св. Духа тот, кто осмелился ругать Духа Святого и считать ее бессильной прибавлением слов «и указом Великого Государя». Не написано ли, что всякий избранный светской властью низвергается вместе с посвятившим его? Но они ни на что не обращают внимания. Государь не боится этого, хотя ничего не может быть страшнее, как оказаться неспособным к стяжанию прощения и на земле, и на небе. Но он действует, как если бы был великий понтифекс: по его приказу посвящают в Епископы. Увы! Горе! Какое презрение! Какое осуждение за это! И кто освободит его от этого?» (I, 206, 207). Здесь Никон восстает не на то собственно, что испрашивается согласие царя на

иерархическое поставление, ибо и сам он в чисто церковных делах действовал по соглашению с царем, а на то, что царь берет на себя инициативу в решении чисто церковных вопросов без согласия находящегося в живых представителя церковной власти Патриарха Никона.

Источник царской власти и я ее освящения. Духовная и светская власть независимы друг от друга.

Царь получает власть фактически мечом, но освящение ее, царское имя получает чрез епископское благословение, для которого Епископ есть источник. Закон царский никоим образом ни в чем не может нарушать законов духовных, ибо в духовных делах воля царская не может быть поставлена выше духовных законов, и в отношении дела, по существу принадлежащего Церкви, царь не может поставлять или действовать без контроля духовной власти. Равным образом и Епископы и духовные каноны приказывают людям соблюдать царские законы. Ибо оба закона (и духовный, и светский) поддерживают один другой... Никто не может противодействовать канонам Церкви и законам царства и возражать, когда оба они утверждают одно и то же. «Ты должен понять, что в духовных делах, имеющих дело со спасением души, Епископ выше царя, и каждый православный обязан повиноваться Епископу, ибо он – отец наш в православной вере, которому вверена забота о Церкви. Власть их равная, и каждая имеет свой собственный порядок установленный Богом; каждая из них обязана поддерживать свой собственный порядок на свою ответственность, и нет нормального суда, перед которым каждая из них была бы ответственна при нарушении этого порядка» (I, 254, 255). В этих словах яснее дня, что Никон различал обе власти по их существу, обе сводил по происхождению к одному источнику – Богу, признавал их самостоятельность в осуществлении своих функций и считал, что гарантией их лояльности по отношению друг к другу не может быть какой-либо обычный суд, как не может его быть в государстве при действии высших органов государственной

власти[3]. Но наказания за такое нарушение надо ждать от Бога. «Бог не пощадил ангелов, которые восстали против Бога, создавшего их Они пали. Так и теперь тот, кто поднимается безумно против Бога и действует не по благодати, данной ему, как царь, возносящийся властительски над епископским (в сфере Епископа) достоинством, издавая приказы в его сфере. Ибо власть царя – одно, а власть Епископа – другое. Но одна больше другой (в духовном смысле), как небо больше и превосходней земли, как видно из самых молитв при посвящении. Ибо Епископ есть образ Божий и сидит на троне Божием. Царю не дано ранга даже с чтецами и субдиаконами, ни с диаконами, еще менее с Епископами. Но он помазан не царство этого мира. И благословение ему Бог дает чрез Епископа» (I, 241). Если принять во внимание чин коронования во времена Никона, то Никон был в праве не вносить царского чина в число иерархических степеней, в отличие от того, как это было в Византии, где царь возводился в сан депутата, сан равносильный диаконскому, – ибо в России только с коронованием Феодора Алексеевича после исправления богослужебных книг царский сан возводится на степень священной иерархической степени, и царь впервые принимает причащение под обоими видами раздельно, что допустимо только для чинов священной Иерархии. Если мы сравним молитвы при посвящении царя и Епископа, то увидим и разнородность этих должностей. В молитве при поставлении Епископа читалось: «Ты, Господи, и сего явленного строителя святительской благодати сотвори же подобника Тебе, истинному пастырю, положившего душу свою о овцах Твоих, наставника слепым, света сущим в тьме, наказателя безумным, светильника в мире, яко да устроив души, вверенные ему в настоящем сем житии, предстанет судищу Твоему непосрамленному и великую мзду приимлят,

---

[3] См. Дюги у М. Зызыкина: Царская власть и закон о престолонаследии в России, стр. 145.

юже уготовал еси, пострадавшим о благовестии Евангелия Твоего» (Акт ист. IV, 10, 11).

Так, Епископ назван подобником Божиим, но таких выражений, говорит Никон, нет в молитвах при поставлении царя (I, 243). Там говорится о молитве недостойных рабов Божиих о том, чтобы быть царю «на престоле правды», а «не на престоле величия Божияго». «Препояшь его оружием Святого Духа, укрепи его руку, подложи под его нози врагов, посей в его сердце страх Божий», но не говорится «о жертве» и подобии Богу; говорится о «его милосердии к подданным», о «сохранении в чистой вере», о том, чтобы он был «хранитель заповедей Св. Соборной Церкви», «стражем Церкви» (I, 250). При передаче скипетра Патриарх говорит царю: «О, Божественно венчанный царь, приими от Бога скипетр, который Он дал тебе для управления Российским царством и храни его для блага твоей державы». Патриарх благословляет царя и, беря его за правую руку, сажает на царское место. «Смотриже, прибавляет Никон, умственный слепец, кто коронует и кого, кто дает Божественные права по твоему выражению и кому, и как кто-либо может дать что-либо тому, кто сам получает это от него» (I, 245). «Не царь кладет руку на голову Патриарха, а Патриарх на голову царя, и царь склоняет свою голову во исполнение долга своего». Здесь Никон утверждает свое положение, что благодать священства не может иметь источником царский приказ. «Ты говоришь, что царь облек правом нас, правом надзора над церковными делами, чего сам не имеет. Ты видишь, кто антихрист, кто – дети Божии и кто дети сатаны. И теперь много антихристов, т. е. Митрополит Крутицкий и подобные ему; дух лжи – Митрополит Газский и подобные ему» (I, 193). Митрополита Крутицкого Питирима Никон клеймит за то, что он, будучи поставлен Патриархом Никоном заместителем на время его ухода, по приказу царя прекратил возношение имени Патриарха Никона после его отъезда в июле 1658 г. в Воскресенский монастырь и стал управлять Церковью совершенно независимо от него; а Митрополит Газский явился с проповедью цезарепапизма в

Россию без всякого соответствующего канонического полномочия от своего Патриарха и без всякого права учить в чужой епархии. А что сравнение двух властей происходит именно с духовной точки зрения, ясно из слов Никона: «Царь отпускает денежные долги, а священник грехи. Один действует принуждением, другой утешением; один употребляет материальное оружие, другой – духовное. Один имеет войну с своими врагами, а другой с властью века сего. Удивительно долготерпение Божие, когда не только царь восхитил на себя епископское достоинство, но его сторонники (бояре) делают то же» (I, 134). Никон разумеет, что все назначения на духовные должности идут от Монастырского Приказа, где заседали в 60-х годах XVII века уже одни светские люди, хотя в начале его деятельности в 50-х годах в его состав входили и духовные лица, назначавшиеся, впрочем, светскою властью. «Царь имеет несомненно власть давать права и почести, но в границах поставленных Богом, но не духовную власть Епископам и архимандритам и другим духовным лицам: вещи духовные подлежат решению Бога, а земные царю» (I, 555). Здесь мы опять видим, что Никон не только различает две власти, но и сферу каждой определил соответственно с природой каждой власти, применяя тот же метод, как в наше время Проф. Заозерский при определении полномочий церковной власти. Поставление духовных лиц есть передача им определенных прав духовной власти в определенной мере: поэтому не дело царя издавать здесь односторонние без согласия представителя Церкви приказы. «Ты, ответотворче, говоришь, что Бог поставил иных Апостолами, иных пророками; Он не дал, ведь, всех даров одному, чтобы человек не возгордился и тем не изъял себя от действия Благодати. Посмотри же, лицемер, уставы Апостольские, как они перечисляют отдельные дары, и как они говорят: в каком призвании человек призван, в том пусть и живет. Как же царь, забывая, что он должен быть образцом, несмотря на то, восхищает священство?

Ты сам цитируешь Иезекииля 28, 17: «От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою: за то Я повергну тебя на землю, пред царями отдам тебя на позор». Как можешь применять это к нам, когда мы ушли от зла согласно Божьей Заповеди и всех святых. Не видишь ли, человекоугодниче, чье сердце надмилось? (I, 281).

Кому вверена Церковь?

«Не царю или князю времени вверена Церковь, строители которой были Божественные Апостолы, принявшие лицом к лицу в Таинстве Тела и Крови Христовой чистое и верное единение» (I, 555). Но, если внутренние церковные дела – обязанность Епископов-строителей Церкви, то забота о внешнем положении Церкви – долг царя: «Самая главная обязанность царя – забота о Церкви, ибо владение царя никогда не может быть прочно утверждено и быть благоденственным, когда не установлено твердо положение его матери-Церкви Божией, ибо Церковь Божия, всеславнейший царь, есть твоя мать, и, если ты обязан почитать мать природную, родившую тебя, то ты тем паче должен любить твою духовную мать, которая возродила тебя в Св. Крещении и помазала тебя на царство елеем и хризмой радования. А вы слышали, ответотворче и вопрошатель, что такое Церковь и что такое основание Церкви, и что такое стены и ее глава? Послушай, обманщик, Ап. Павла, законодателя Церкви Божией и он перечислит тебе шаг за шагом постановления Св. Церкви (1 Кор., 12, 28—31): итак, Бог поставил в Церкви Апостолов, пророков, учителей; далее, иным дал силу чудодействовать, также дары исцеления, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы, все ли пророки, все ли учители, все ли чудотворцы? Все ли имеют дар исцеления, все ли говорят языками? все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь превосходнейший». Видишь ли ты священную градацию? Почему же не назван царь на первом месте ради высоты царской власти? Для всякого надо знать свою меру:

«Каждый оставайся в том звании, к которому призван» (I Кор. 7, 20) (I, 123). Каждая власть призывается Никоном осуществить свои благодатные дары, и царь, помазанный на царство, должен управлять царством, а не Церковью; вопреки теории цезарепапизма, он считает, что власть его не безгранична и не может простираться на тот союз, где закон дает Христос и Его Апостолы с их преемниками.

Царь не глава или правитель Церкви. «Где есть какое-либо слово Христа, что царь имеет власть над Церковью?» Христос говорит: вся власть дана Мне на небеси и на земле, и в другом месте: кого свяжете на земле, будет связан на небеси. Но кому дана такая власть? Ты слышал, что Апостолам и их преемникам Епископам, но не царям; царю поручены дела этого мира, а нам вручены небесные дела. Царю поручены тела, но священникам души людей. Царь отпускает денежные долги, а священник грехи. Один принуждает, другой утешает. Один воюет с врагами, другой с началами и правителями тьмы века сего. Поэтому и священство много выше царства. Чудо, что милосердие Божие так долготерпеливо, когда царь не только восхитил на себя епископство, но и все его слуги делают то же. Ты слышал, как в старое время пали восставшие против Аарона Дафан, Авирон и Корей (Пс. 105, 16—18). Послушай, что случилось с Саулом, первым царем Израильским, и слово Божие сказало Самуилу: Я раскаялся, что послал Саула на царство, ибо он перестал следовать Мне? Что же сделал Саул, что от него отвергся Бог? Он, говорится, не последовал Моим советам» (1 Цар. 15, 10—28) (I, 129). «Видишь ли, ответотворче, это – Слово Божие, а не слово человеческое: «Я сделал тебя правителем над племенами Израиля и помазал на царство Израиля, а «не приносить жертвы и всесожжения», уча на все будущие времена, что священство выше царства, и, что желающий большого теряет и свое? Или этого тебе недостаточно? А царь Озия?» Мы постоянно встречаем у Никона угрозу Божиим гневом за правонарушения царя, за вторжение его в святая святых Церкви. Он не только не взывает к человеческим санкциям

против злоупотребления царской власти, но определенно говорит, что против них нет человеческой власти, но есть гнев Божий, как в цитируемых им словах Самуила к Саулу: «Не ворочусь я с тобою, ибо ты отверг Слово Господа, а Господь отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем» (1 Цар. 15, 26). И Никон безмерно возмущен тем, что Паисий Лигарид, не имевший полномочий от духовных властей (он был еще в 1660 г. низвергнут из сана, а в Москву приехал в феврале 1662 г.), явился поучать в Москве и выступать по царскому полномочию в переговорах с ним, да еще по вопросам духовным. И Никон пишет ему (I, 165): «Зачем же ты, святотатец, не слушаешь Писания, но воздымаешься гордостью и узурпируешь не порученное тебе? Послушай Писание: там Господь говорит: Я знаю, кого Я избрал. Кто же тебя избрал и поставил на высоту того, чего ты не достоин? Если ты скажешь, что царь приказал тебе то ты уже видел, что написано выше. А теперь знай, что всякий получающий власть в Церкви через светскую власть низвергается (Ап. пр. 30), и ты обманываешь себя, когда говоришь: царь приказал мне. Ты уже видел, что над царями есть высший Царь – Христос, Который наказывает за такие нарушения... Может, ты думаешь, что я один анафематствую тебя, но я не один, но также и Бог (Матф. 25, 41, 42). Тогда скажет Он тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Ибо алкал Я, и вы Мне не дали есть». И если прокляты от времени не давшие есть голодному, то насколько более прокляты грабители и отбирающие то, что принадлежит другим?» (I, 165). В данном случае право учить в Московском Патриархате никоим образом не могло принадлежать Лигариду, ибо он и не был отпущен своей канонической властью и не был принят Московской церковной властью, а, как угодивший боярам, враждебным Никону, был уполномочен только царем; его цезарепапистское учение Никон называл ложью и человекоугодничеством, а самого его сыном Сатаны. «Не Царю или князю мира обручена Церковь, строители коей были Апостолы» (I, 556). Никон с

отвращением относится ко всяким даже внешним проявлением цезарепапизма и пишет: «Пред царем многие кричали: ты – Бог земной». И государь никому не запрещает говорить это. Никон говорил царю, когда был в Москве, и после ее оставления, чтобы он запретил на будущее время так себя называть. Но царь молчал. Он не слушал тех, кто говорил подобно Давиду: наш Бог на небеси. Он не поревновал князю Апостолов, о котором написано в Деяниях 14, 11—18. Апостолы были чисты от гордости и не только не желали почестей, но обеспокоивались, когда она им воздавалась: (2 Кор. 3, 5;. 2 Кор. 6, 14). Что это за соединение царя и Бога? Послушай, новый Арий (Лигарид)! Один мудрец сказал: что есть царь. Он царь сегодня, а завтра умирает, он – наследие ползучих животных и червей. Начало гордости тогда, когда человек отходит от Бога, и когда сердце отворачивается от Творца, ибо гордость есть начало греха, и тот, кто ее имеет, распространяет омерзение (Прем. Сына Сирах. 10, 10—15). За это Бог напускает зло и разрушает. Бог сказал царю Вавилонскому, уподобившему себя Богу и говорившему: Это ли не величественный Вавилон, который я построил силой моего могущества и во славу моего величия. «Тебе говорят, царь Вавилонский, царство отошло от тебя» (I, 401), и Никон цитирует Иезекииля 28, 1—9, где царству ставится угроза гибелью за гордость царей, и Деян. 12, 21—23 о смерти царя Ирода за невоздание славы Богу.

И против другого внешнего проявления неограниченной власти царя возражал Никон, за то, что на двуглавом орле нарисован был царь верхом на лошади с надписью пророчества Соломона о Христе, отнесенного к царю на переплете Острожской Библии. «И ты пишешь: Почему орел представлен двуглавым? Потому что он простирается и в церковную и в светскую сферу. Вот ответ: Верно, что Царское Величество вознесся над Церковью, вопреки Божественным Законам, превознося идею собственного достоинства, но не по какому-либо Божественному закону. И он не остановился здесь, но гордо воздымается против Бога полетом орла на щите, недавно сделанном в 1663 г. На нем представлен

двуглавый орел, и на орле царь верхом на лошади с богатейшей добычей, а над ним надписано пророчество Соломона о Христе, которое царь снес к себе. Слова эти из 3-й главы Песни Песней: «Войдите и посмотрите, дщери Сиона, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать в день бракосочетания его, в день радостный для сердца его». Есть там и другой текст из Писания, в котором Исаия говорит о вечном царстве Христовом. «Вот праведный царь будет царствовать по правде», и в другом месте: «Я установил царя правды; все шаги Его прямы, он будет защищать мой город». Но все это Исаия пророчествовал не о царе Алексее, а о Царе Царей, Спасителе нашем Иисусе Христе» (I, 555). Царь связан Божиими заповедями и правилами Христовой Церкви, которые установлены благодатью Духа Святого через Апостолов и их преемников. Лишь соблюдая их, как всякий православный христианин, он очищается от страстей своих, и Его слово только тогда становится орудием Божиим. Никон пишет (I, 554): «Ты говоришь, что царь может назначать архимандритов и все церковные власти, что это – одна из царских привилегий, и это обычай народов, чтобы он распределял эти должности. Ты (Лигарид) и здесь солгал, как лжешь всегда, будто это – привилегия царей. Нигде в царских (Византийских) законах не сказано, что Царю подобает выбирать Епископов ли архимандритов или других клириков, но есть совершенно противоположные постановления в канонах Св. Апостолов, св. отцов и в царских законах по этому предмету. Прочитай 30 Апостольское Правило, 13 Лаодик., VII Вс. Соб. 3 и 19 Антиох. Всякого, кто окажется избранным светскими правителями, Божественные каноны не признают и извергают. И тех, которые избрали бы таковых, хотя бы это был и царь, подвергают покаянию, и тех, которые были бы посвящены Епископами, так избранными, – считать непосвященными и крещенных некрещенными. Всякий должен знать свою меру. Саул принес жертву но потерял царство; Озия, воскуривший фимиам в храме, получил проказу. Хотя ты и царь, но оставайся в пределах своих. Скажешь ты, что сердце царево в

руце Божией? Да, но тогда сердце царево в Божией, когда царь пребывает в границах, поставленных ему Богом. Так сказал Господь Саулу через Самуила: «Ты отверг Слово Божие, и Он отверг тебя от царства над Израилем».

О церковных законах.

А о природе церковных законов, их происхождении, Никон повествует в обращении к боярину Кн. Одоевскому, главному составителю Уложения, по поводу издания гражданских законов, вторгающихся в Церковь вопреки канонам, почитая таковое деяние пятнанием Церкви Христовой, ибо «Церковь есть не стены, не храмы, а законы церковные (I, 534—539): видишь ли ты Церковь? И что такое Церковь? И как Христос помолвил ее с Собой и очистил ее? Тогда зачем же ты запятнал ее прелюбодеянием, исказил и обесчестил все ее священные законы и в ничто поставил и осквернил ее Главу Христа? Как говорит Апостол: «Глава жены муж, и он есть спаситель тела, как учит Христос Спаситель: как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними». Хотел ли бы ты, чтобы твой слуга унизил жену твою прелюбодеянием, даже, если бы ты ничего тягостного не переносил за нее и не проливал бы за нее кровь, как делал Христос? Какого бы наказания не пожелал ты наложить на такого беззаконного и дурного слугу? Я думаю, что ты не оставил бы такового в живых. И как старый закон приказывает таковых побивать камнями, так и гражданский закон их наказывает смертью. Но ты унизил прелюбодеянием жену Царя, жену Агнца, не имеющего скверны или порока или нечто от таковых... Ты из зависти нападаешь на Церковь и борешься против Бога, ибо ты ослеплен завистью к благодати, данной твоему брату. А как интерес Церкви связан с его искусством, то с его падением он нарушается. Ты делаешь сатанинское дело, строя заговор против тела Христова, ибо, как тело и голова – один человек, так Церковь и Христос – едино. Слушай: откуда законы церковные? Они – свыше от Бога и говорят с небес; основания стены – благословенные Апостолы, на которых

основана Церковь Божия, но стена Церкви есть Сам Христос. И зачем же ты стараешься разрушить стену Церкви, которая есть Христос? Свет Церкви есть Христос, почему же ты, который есть темнота, тушишь его? Но она основана на скале, и врата адовы не одолеют ю. Архангел Гавриил свидетельствует, что царству Его не будет конца, зачем же ты кладешь конец царству Христову беззаконным кодексом так, чтобы явилась власть князя мира сего? Но, если другой приходит, то этот другой никто, как Антихрист. На Апостолов в день Пятидесятницы сошли огненные языки, и они заговорили на разных языках. Видишь ли ты теперь, откуда явилось Евангелие, что оно пришло с небеси, и как Апостолы сделались мудры не сами собой, но по наитию Святого Духа? Но и после такого дара и приятия Святого Духа Апостолы не переставали свидетельствовать от закона и пророков (Деян. 2, 14—18). Почему же ты не принимаешь заповеди Божией и Его святых учеников и Апостолов? Видишь, что не своей властью или благочестием делали все Апостолы, но благодатью Святого Духа свыше? Князь Апостолов учит, что праведно слушать Бога более нежели людей. (Деян. IV, 19), но ты не слушаешь избранного сосуда Христа, проповедника Божественной тайны (Апостола Павла), говорящего: «Кто не имеет Духа Христова, тот не Христов...» Как же ты возмечтал о себе и не следуешь Евангелию Христа и Его св. учеников и Апостолов 12 главных и 70 других и с ними семи Вселенских и девяти Поместных Соборов, которые ты отверг и не только отверг, но и оклеветал». Мы не будем сейчас входить в подлежащий разбор критики Никоном Уложения, но обратим внимание, что в его представлении Церковь есть особое учреждение, Богом установленное, с особыми законами, изданными свыше по благодати Духа Святого через Апостолов, и что в этом учреждении неприемлемы законы, не соответствующие его основам, тем более исходящие от власти посторонней, какой является власть государственная. Никон не касается здесь вопроса, все ли законы Церкви Божественны, нет ли среди них и законов человеческих, обусловливаемых

земными условиями места и времени, но он устанавливает принцип, что в Церкви есть неизменные Божественные законы, и что для нее неприемлемы законы им противоречащие.

«Разве царь – глава Церкви? Нет! Глава Церкви Христос (Кол. I, 16—20). Но царь не глава и не может ею быть, но есть один из ее членов. Вследствие этого он не может действовать в Церкви» (1, 129). Если бы кто увидел царя в своих царских одеждах служащим, как священник, литургию или делающим что-либо, принадлежащее к священству, то кто же бы мог такой акт назвать правильным и соответственным, если он не сумасшедший? Как же ты, безумный ответотворче, говоришь, что главное дело царей – управление Церковью?... Где Христос сказал, что царь имеет власть над Церковью? (1, 129).

Об участии царя в церковном управлении. О правах царя по отношению к Соборам церковным. О Соборе 1660 г.

Царь, мы видели, по Никону не имеет права назначать самостоятельно духовных лиц, не имеет права и самостоятельно созывать Соборов Епископских. «37 Апост. Правило: дважды в год Епископы собираются для церковных дел и для вопросов веры». Смотри, ответотворче, как говорит св. канон: «собираются», а не созываются царем или кем другим. Также говорят I Вс. Соб. пр. 5; IV Вс. Соб. пр. 194. Если верно, что в древности созывались Соборы благочестивыми царями, то это делалось по просьбе Епископов, а не по приказу царя, как это теперь практикуется созывать приказом и принуждением». В этом пункте Никон возражает против взгляда (1, 40) на Соборы, как на орган царской власти по церковным делам, и в этом отношении сходится с огромным большинством современных канонистов. Одновременно Никон намекает на Собор 1660 г., созванный в его отсутствие в феврале 1660 г., когда он с разрешения царя уехал из Воскресенского монастыря в Иверский и Крестный монастыри, Собор,

созванный царем для суда над Никоном вопреки 75 апост. правилу, требующему для суда над Епископом его троекратного вызова. Никон был строг сам в исполнении церковных законов и требовал соблюдения их от других. Так он обратил внимание на допрос свидетелей на Соборе 1660 г., допрос, тенденциозность которого в исторической науке впервые доказана Пальмером и проф. Николаевским и совершенно опорачивает ценность многих свидетельских против Никона показаний об уходе Никона из Москвы 10 июля 1658 года, показаний, на основании коих судил не только Собор 1660 г., не приведенный в исполнение вследствие несогласия между судьями о подсудности Патриарха и о наказании за оставление паствы, но и осудивший Никона Собор в декабре 1666 г. Никон указал на полное отсутствие свободы действий Собора 1660 г., составленного и руководимого по пристрастию заинтересованным царем. «Когда я больной ради нужд своего существования уехал в Иверский и Крестный монастырь, то царь приказал одним своим приказом (без духовной власти) созвать Митрополитов, Архиепископов, Епископов, архимандритов и игуменов и, созвав их, говорил о нашем уходе в таких выражениях, как ему было угодно, и послал свитки свидетельских показаний о моем уходе, заготовленных им, в Крестовую Палату Патриаршего Дворца. Кто допрашивал каждого из свидетелей, не написано, но надо полагать, что сам великий государь или какой-либо боярин допрашивал и руководил следствием. Но не написано, по какому правилу Св. Апостолов и св. отцов допрашивался, а есть постановление о созыве Соборов в 37 Ап. пр., VI Вс. Соб. 8 пр. Правило 6-е или 5-е II Никейского Собора приказывает, чтобы Соборы всех Епископов собирались однажды в год, но не говорится, что царь должен был их собирать. Также и I Вс. Соб. пр. 5; 12 Ант. пр.; 39 Лаод. И 30(18) Карф. Везде одинаково говорится: «Собираются». Нельзя найти примера после Вселенских Соборов, в которых бы царь созывал Собор... А этот Собор я могу назвать не только жидовской синагогой, но и диавольской, так как он

созван не по канонам, а затем в своих деяниях его члены действовали по царскому Указу в угоду царю. Собор был созван царским Указом, и все делалось по царскому Указу, как написано и в Деяниях Собора, и засвидетельствовано подписью его членов с Евангелием во свидетельство и их собственными языками. Канон 104 Карфаг. Собора гласит: «Всякий Епископ, прибегающий к светскому суду царя, низвергается», а канон 106: «Тот, кто по какому-либо необходимому делу желает идти к императору, должен уведомить о том Карфагенского Епископа и Римского и взять от них отпускную грамоту; иначе пусть будет отлучен». Но если даже тот, кто ищет для себя царского суда, низвергается, то насколько же более незаконно для царя созывать своим собственным Указом Епископов для суда?» (1, 102).

Об участии царя в церковном управлении. О повышении ранга епископской кафедры.

И по другому коренному вопросу церковного управления о повышении ранга епископских кафедр, также как и всегда, вооруженный канонами, Никон доказывает, что повышать ранг кафедры – не компетенция царя. Он указывает на общее 38 пр. VI Вс. Соб. «Если какой-либо город построен или будет построен вновь впоследствии царем, то порядок церковных дел должен следовать гражданским законам». Никон говорит об учреждении у нас патриаршества, как пример самостоятельности духовной власти. «В соборном акте при Феодоре Иоановиче, пишет он (1, 45), говорится, что освященный Собор и бояре говорили царю о необходимости Обращения к Патриархам по поводу учреждения патриаршества, чтобы не подумали другие, особенно латиняне и другие еретики, что Патриарший Престол воздвигается в царствующем граде Москве только властью царя, и благочестивый царь внял им. И хотя он мог устроить это своей властью, т. е. возвысить в ранге Московскую кафедру, он решил подчиниться воле Божией, как она открыта в канонах Св. Апостолов и Св. Отцев, и совету Епископов, ибо он почитал священство выше царства т. к.

священники стоят пред алтарем и своими руками приносят непорочного агнца. Согласно Божественному Писанию, чтить священников значит чтить Высочайшего Бога, ибо часть священническая восходит к Богу не по естеству (substantially), – Бог запрещает так мыслить, – но вследствие великой милости, которая дана Христом Богом нашим Апостолам и их преемникам: «Слушающий вас Меня слушает, и слушающий Меня, слушает пославшего Меня, а отвергающий вас отвергает Меня, а отвергающий Меня отвергает Пославшего Меня.» Показывая себя превыше всего, как послушный Сын Церкви, царь дал приказ, согласно их совету, и отправлены были грамоты от царя и Епископов к четырем Патриархам. Ответ был, что Святые Отцы определили кому-либо из Патриархов идти в Москву, если можно, то Константинопольскому, как занимающему высшее место» (I, 45).

Царь – образец послушания церковным законам для народа. Церковный закон неприкосновенен для государства. Апостасии.

Никон тем паче требует от царя ненарушения церковных законов, что царь, не дисциплинируя себя, разрушает свой собственный народ (I, 554). Таким образом, санкцией послушания Церкви должна быть забота о благе его собственного народа. Но царь не только лично должен быть образцом их соблюдения, но и в законодательстве государственном не допускать отступничества от них. Отступничество государственного закона от церковных норм в смысле их разрушения Никон рассматривает, как поклонение государства перед антихристом. Этот антихрист не сатана, но человек, который получит от сатаны всю силу действия. Откроется человек, который вознесется над Богом, и он будет противником Бога и разрушит всех богов и прикажет поклоняться себе вместо Бога, и он сядет не в храме Иерусалимском, но в Церквах, выдавая себя за Бога. Как Мидийская империя была разрушена Вавилоном, а Вавилонская Персидской, а Персидская Македонской, а

Македонская Римской, так Римская должна быть разрушена антихристом, а он Христом. Эго открывает нам пророк Даниил. Если бы не пришел антихрист, не поверили бы во Христа. Божественный Апостол предупредил нас о вещах грядущих, и они для нас наступили через вас и ваше злодейство (обращение к составителю Уложения князю Одоевскому). Разве не явилась апостасия от Святого Евангелия и от преданий Св. Апостолов и св. отцов? (Никон разумеет вторжение через Уложение светской власти в управление Церкви). Разве не обнаружился человек греха, сын погибели, который возносится над всем, что называется Богом, или чему поклоняются? Апостасия, ибо он погубит многих. И что может быть более разрушительно, чем оставление Бога и заповедей Его, как они предпочли предания человеческие, т. е. свой кодекс полный злобы и лукавства? Но кто это? Сатана? Нет. Это – человек, принявший дело Сатаны, который присоединил к себе многих других, подобных тебе, составитель лжи, и твоим товарищам. Сидение в храме Божием означает не в храме Иерусалимском, но всюду в Церквах. И сидение не буквальное во всех Церквах, но обладание властью над всеми Церквами. Церковь – не каменные стены, но – церковные законы и пастыри, против которых ты, апостат, поднялся, согласно делу сатаны, и предоставил в Уложении светским людям юрисдикцию над Патриархом, Митрополитами, Архиепископами, Епископами, и над всем духовенством, не имея мысли о деле Божием. Как Господь сказал по одному случаю: отойди от Меня, сатана, так как ты думаешь не о том, что Богу угодно, а людям. Вы отца вашего диавола и похоти его творите. О таких Церквах Христос сказал: Мой дом наречется домом молитвы, но вы сделаете его притоном разбойников; как говорит Иеремия (7, 4): не полагайтесь на обманчивые слова говорящих: здесь храм Господень. Как это – храм Божий, который под властью царя и его подчиненных, в котором они приказывают, что угодно? Такая Церковь больше не храм Божий, но дом тех, которые имеют власть над ним ибо, если бы это был храм Божий, то

никто из страха Божия не был бы способен узурпировать власть над ним или отнимать что-либо от него. Но что касается преследования Церкви, то Бог открыл об этом Своему любимому ученику и лучшему богослову Иоанну» (I, 403-408). Это преследование Церкви Никон усматривает в издании Уложения с его законом о подсудности всего духовенства государственному суду и во вмешательстве Монастырского Приказа не только в суд над духовными лицами, иногда и в духовных делах, но и в управление Церкви, в смысле финансовом и в назначении на духовные должности, а также в конфискации части церковных имений. Эти вопросы будут нами впоследствии обсуждаться подробно; для данного же момента нам достаточно установить положение Никона о полной самостоятельности Церкви, как Богом Установленного учреждения, для управления в котором необходимо иметь соответствующую благодать Апостолов, а не благодать на управление царством. Никон пишет: (1, 175) «Вот, глоссы на изгнание торжников из храма на Марк. 11, 15-17. Глосса: он не просто их выгнал, но побил с позором кнутом, который Сам сделал. Он назвал храм притоном воров за незаконное им завладение», а в другом месте пишет глосса: «Так возненавидел Я вашу наглость, что собственный дом не называю Своим домом, но вашим. Пока добродетель и любовь жили в нем, он был Моим домом, а с тех пор, как вы унизили его и сделали его рынком и притоном воров, столы, на которых они продают голубей, опрокинуты, т. е. стол главных священников, продающих духовные дары, ибо голубь есть символ Духа, и посвящающий за деньги подлежит проклятию». Что же сказать о Митрополите Питириме, который в епархиях других Епископов и по приказу царя и вельмож совершает посвящение. Какого великого проклятия он не заслуживает, согласно тому, что избранный светской властью низвергается вместе с посвятившим его! Но теперь Архиепископы, архимандриты и попы в монастыре избраны самим царем, и Митрополит Крутицкий их посвящает» (I, 176).

К вопросу о самостоятельности Церкви Никон возвращается снова в нескольких других, хотя близких выражениях, когда он полемизирует с Лигаридом по вопросу о том, может ли царь после ухода Никона замещать его кем-либо на патриаршем престоле. Вопрос этот для Лигарида с его учением о царе, как источнике всякой власти, разрешался иначе, чем для Никона, для которого Церковь была независимым от государства учреждением, непосредственно установленным Богом. «Ты, вопрошатель, говоришь, совершил ли царь грех, что он допустил Церковь Божию остаться во вдовстве? Объясни мне, что есть Церковь, и я тебе скажу: если не знаешь, я скажу тебе, что такое Церковь. Господь сказал: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ю».

О Церкви: ее самостоятельность.

Но под Церковью Он разумеет не место только, но известное нравственное состояние, не стены Церкви, но церковные законы. Ибо Церковь – не стены и крыша, но вера и жизнь. Каким образом врата адовы не одолеют ю? Потому что Христос с нами. Ибо, конечно, если бы Он не был с нами, Церковь не одолела бы, как удалось ей с распространением Евангелия по всему миру чрез Св. Апостолов-основателей Церкви и сеятелей Слова Евангелия. По истине Апостолы – основание Церкви. Стена города имеет 12 оснований, и на них имена 12 Апостолов Агнца (Апок. 21, 14). Но основание стены, как мы говорили, благословение Апостолов, на которых основана Церковь Христова, которых имена вписаны в наших сердцах. Но великая стена Церкви, которая выше всех и покровительствует находящимся внутри Святого города есть Христос и Он – Глава или купол (Еф. 5, 23; Кол. 1, 18). Но кто ты, что говоришь неправильно: «Если царь не делает (не замещает патриаршей кафедры после ухода Никона) этого из некоторых оснований, и путем экономии, по неизвестным нам основаниям, то он грешит не тяжко, т. е. не навлекая смертного греха, но не свободен от меньшого греха простительного, ибо многие соблазнены и

приписывают его промедление нерадивости, как если бы он не оказывал делу внимания, а самая де главная забота царя о Церкви, ибо положение царя не может быть прочным, пока не установлено твердо положение Церкви». Но ты, ответотворче, слышал с своим вопрошателем, что есть Церковь, и что есть основание Церкви, и что стены и Глава. Послушай ты, обманщик, законодателя Апостола Павла, законодателя в Церкви, и он перечислит тебе членов Св. Церкви (1 Кор. 12, 28-31). «И иных Бог поставил в Церкви во первых Апостолами, во вторых пророками, в третьих учителями... «Почему же царь не назван на первом месте по высоте царской власти? Каждый должен знать свою меру (1 Кор. 7, 20-24), и Сам Бог свидетельствует о необходимости брачной одежды для участия в брачном пиру (Мф. 22, 11-13); зачем же ты приводишь в Божественный храм не имеющего брачной одежды?»

Для управления в Церкви необходимы епископские полномочия, а не от царя.

Так оспаривал Никон право царя управлять внутри Церкви, что усваивал ему Лигарид; но Никон для права в Церкви требовал благодатных полномочий Епископского сана, как это признает и современная каноническая наука. Это вторжение он признавал за проявление антихристова духа обольщения, духа отступления от Бога; отступление и в том, что Епископы, оставив свое достоинство, поклоняются царю, как владыке над собой в духовных делах, и ищут от него почестей. «Ты, злой вопрошатель, говоришь, что царь облек нас надзором за церковными делами, которыми он сам не владеет, и ты видишь теперь, кто антихристы, что есть дух и что – дух обольщения. Даже теперь много антихристов: т. е. Митрополит Крутицкий и остальные подобные ему. Дети врага – ты и подобные. Дух заблуждения – Митрополит Газский и подобные ему. Послушай Павла во 2 Фес. 2, 3 (да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын погибели) и Матф. 24, 9-12. Из этих слов всякий может

понять, что это время характеризуется вещами, подобными тем, которые происходят теперь.»

Действие Антихриста: властительство над Церковью светской власти.

Что более нечестиво чем то, что царь судит Епископов, восхищая на себя власть, которая не дана ему Богом? Где теперь послушание Слову Евангелия и соблюдение Его Святых Заповедей? Это – отступление от Бога. Мы видим действие злобы антихриста, его слуги действуют подобно антихристам, т. е. как говорит Св. Иоанн : даже теперь есть много антихристов, т. е. много противников Бога, которые действуют против Его Евангелия и не только просто действуют, но они еще гордятся своим нечестием. И он сядет, говорит он, в Церкви Божией, не в той, которая в Иерусалиме, но всюду его власть будет в Церквах, так свидетельствует Иоанн Богослов, говоря, что Антихрист уже в мире. Но никто его не видел и не слышал чувственно, т. е. светские власти начнут в нарушение Божественных заповедей властвовать над Церковью Божией. Ибо слово «трон» означает иметь церковную власть, а не просто сидение... И он прикажет поклоняться ему не внешне или чувственно, но тем же способом, как теперь Епископы, оставляя свое священническое достоинство и честь, поклоняются царям, как своим владыкам. И просят их обо всем и ищут от них чести» (1, 193). Из последних слов цитаты видно, что Никон не только был сторонником самостоятельности Церкви, но и не одобрял влияния того тлетворного духа придворности, который давал такие отрицательные результаты еще в Византийском белом придворном духовенстве с его духом чрезмерной «экономии», приспособления к обстоятельствам и толкованием канонов, идущим вплоть до их уничтожения, с чем так боролся между прочим Св. Феодор Студит.

Царь не компетентен в деле суда над епископами - клириками.

В той же цитате Никон упоминает о недопустимости для царя судить Епископов. Об этом он говорит много и подробнее в других местах, и мы приведем это место, где он обосновывает свое положение канонами (1, 302, 303): «Тем, которые хотят быть судимы перед светскими судьями, будучи клириками или какого-нибудь чина духовного, Апостол говорит: осмеливается ли кто из вас, имея дело против другого идти на суд перед неправедными, а не перед святыми? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор. VI, 1, 2). Видишь ли, ответотворче, что потом они будут судить мир, а ты хочешь, чтобы теперь мир судил их? И как же кто сможет быть судимым теми, кого он сам должен судить? «Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» Это, говорит он, приносит вам стыд и несказанное унижение. Не знаете ли вы, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? (1 Кор. VI, 3). Видишь ли ты великое превосходство чести священства? Если Павел говорит, что мы будем судить ангелов, а не только дела этого мира, то как можно для святых принять суд от светских лиц? Поэтому, он говорит (1 Кор. VI, 4): «Когда вы имеете житейские тяжбы, поставьте судьями тех, которые, по крайней мире уважаемы в Церкви (1 Кор. VI, 5). К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Если нет такого, то лучше оставить дело совсем...» По IV Вс. Соб. 9 пр. «если клирик имея тяжбу против другого клирика обратится к светскому суду, то подлежит каноническому наказанию. Клирики, имеющие что-либо против Епископа, должны ждать созыва Собора. Если Епископы имеют что-либо против Митрополита, они должны уведомить Константинопольского Патриарха». Толкование Кормчей (л. 38): «Клирик, имеющий что-либо против другого, не должен обращаться в светский суд, но только к своему Епископу; если, оставляя своего Епископа, он

обратится в светский суд, то наказывается по канонам. Равным образом, если клирик, имеющий против своего Епископа, должен идти к Митрополиту этой провинции; и когда все Епископы этой провинции соберутся на Собор к Митрополиту, тогда дело будет разбираться в Соборе перед Митрополитом. Но, если Епископ или клирик имеет спор с Митрополитом, его дело должен судить Патриарх, под которым стоят Епископы и Митрополиты всех провинций этой области. Или он может быть судим Патриархом Константинопольским; но эта власть не дана никому из других Патриархов ни канонами, ни гражданскими законами (т. е. судить Митрополита, подчиненного другому Патриарху), но только Константинопольскому Патриарху».

Означенные ссылки Никона на самостоятельность церковного суда показывают, что он признавал Церковь имеющей не только право самостоятельного законодательства и управления, но и суда, – так же, как считают это и современные канонисты, не следующие цезарепапистской теории. Правда, современная каноническая наука различает суд церковный в чисто церковных делах по Божественному праву от суда церковного делегированного государством, например, в делах гражданского права и уголовного, и от суда Епископского посреднического по гражданским делам, бывшего в первые века Христианства, из которого и родилась подсудность духовенства Церкви в гражданских делах. Однако, и у Никона встречаются выражения, показывающие, что в делах церковного суда он, если не вполне отчетливо, то все же чувствовал различие оснований для подсудности Церкви разных дел: на это указывают некоторые его ссылки не на Божественные права, а на историческую традицию, в виде указаний на признание подсудности гражданских дел духовенства суду церковных учреждений по уставам Св. Владимира и Ярослава и на Стоглавый Собор, и это несмотря на то, что он прекрасно сознавал, что часть дел, подлежащих Церкви, во всяком случае подлежит по праву Божественному ей, как учреждению, основанному непосредственно Богом.

Об основании церковного суда Никон пишет Стрешневу в ответ на Лигаридовскую теорию, будто царь является основой всякого церковного суда. Вот, что говорит ему Никон (1,189-190): «Ты говоришь, что наияснейший и всесчастливейший царь поручил Никону надзор над всеми церковными делами и судами, т. е. что он дал ему все привилегии, которые дал Константин Великий Папе ради своего великого уважения к Римскому Папе Сильвестру. Равно де и Никону наш царь дал много письменных привилегий. Твой вопрос полон сатанинского страха и гордости. Что касается полного благополучия царя, то об этом нет надобности говорить; все это знают; каждый знает, какую выгоду мы получили от царского благополучия; но что касается того, будто царь поручил нам надзор над всеми церковными судами, то это просто богохульство и превосходит гордость Люцифера, ибо он сказал: поставлю трон мой на небеса и буду подобно Всевышнему. А здесь он думал поставить власть даже над Богом. Ты говоришь, что наияснейший государь поручил Никону надзор над церковными судами. Но из вышеписанного ты должен познать, что высочайший авторитет священства не получен от царей, но наоборот через священство цари помазуются на царство. Поэтому ясно, что священство больше царства. Ты говоришь, что Никону царь поручил надзор над церковными судами, но мы не знаем иного законодателя, кроме Христа, Который дал власть связать и решить. Какую же власть дал мне царь? Эту? Нет, но он сам ее восхитил себе, как ты сам свидетельствуешь, и как свидетельствуют его беззаконные деяния. Что он делает? Он вознесся над Церковью, обогащается ее собственностью и питается ею; он хвалится делами так, что все клирики, Митрополиты, Архиепископы, Епископы и священники и все низшее духовенство подчиняются, служат ему, как его рабы, платят поголовный налог и служат в его войсках; он властвует над ними судом и налогами. Такие привилегии мы не только не получали от него, но гнушаемся их и бежим от них, как от семени дракона; мы гнушаемся их, как захватов антихриста,

согласно заповеди, данной Христом, когда, указывая на наши настоящие времена, Он сказал ученикам Своим: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я – Христос», и многих прельстят» (Мф. 24, 5). Также учит и Апостол Павел в Еф. 5, 15; Кол. 4, 5, а в Рим. 12, 1, 2: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная». И дальше Никон обращается к источнику, из которого вытекало одобрение всех мероприятий светского правительства после ухода Никона в Воскресенский монастырь, когда приостановленное на время его деятельности Уложение стало применяться не только по точному его смыслу, но и с превышением власти, чисто светским учреждением, каким был выделенный из Приказа Большого Дворца в самостоятельное учреждение Монастырский Приказ. Этим источником была цезарепапистская теория, глашатаем которой был Паисий Лигарид. «Кто ложные пророки? продолжает Никон (1, 191), Митрополит Газский, который ничего не говорит от Божественного писания. А люди принимают его ложные писания за канонические правила, но он ложный пророк: «И вследствие изобилия нечестия любовь многих охладеет». Какого нечестия? Нечестия того, кто, вопреки воле Божией, присваивает себе непринадлежащее, как государь царь теперь незаконно захватил и подчинил своему господству Церковь и всю ее собственность. И потому он возненавидел нас, как и прелюбодей не может любить законного мужа, но всегда замышляет против него. Ты говоришь, что царь Никону вручил надзор за церковными судами. Но что он поручил? Священство? Но он сам его не имеет, И как может дать другим то, чего сам не имеет? Если ты скажешь, что царь дает не самое священство, а благодать священства, то это было бы против благодати Св. Духа и Того, Чьей милостью мы получаем благодать. Но говорящий против Св. Духа не имеет прощения ни здесь, ни в будущей жизни. Кто это говорит? Сам Христос, наш Бог. Но, может, скажут, что

царь дает власть связывать и разрешать, но не в его власти дарить это, а во власти одного Христа, ибо Он дал ее Своим ученикам, сказав: Приимите Духа Святого, чьи грехи отпустите, отпустятся им, и чьи грехи удержите, удержатся им. Никон, таким образом, основу церковного суда в чисто церковных делах прямо связывает с властью вязать и разрешать. Кроме того, в XVII веке еще не было определения подсудности по предметам, а было определение подсудности по лицам, через что духовенство подпадало суду Церкви по всем вопросам, а не только по духовным. «Желаешь ли знать истину? Тогда знай, что даже тот, кто отличен диадемой, подчинен власти священника, и связанный им на земле будет связан на небеси. Это – истина, но, если царь связывает кого во времени или убивает, то он даст за это отчет Богу в день судный, ибо Христос учил нас не бояться тех, кто может убить тело, но не может убить души, но мы должны бояться Того, Кто может низвергнуть в адский огонь и душу, и тело. А что касается того, что царь поручил мне надзор над всеми церковными судами, то сказал ты ложь, сказатель нечестивых словес. Царь не давал нам какой-либо власти (разумеется духовной), и мы не ищем и не нуждаемся от него получать какую-либо власть, зная Божественные каноны, выше писанные: «Всякий получающий Церковь через светскую власть низвергается». И, хотя Бог терпит ныне его правонарушение, и царь, вопреки Божественным правилам, избирает кого хочет на священническия степени и дает приказ посвящать, но все это – не избранники Божии и недостойные. За все это царь отдаст отчет перед Богом. Как может кто-либо дать то, чего сам не имеет?»

В этой цитате опять мы видим все ту же основную мысль Никона об особой природе духовной власти, получаемой Епископатом независимо от власти светской, власти чисто духовной, заключающейся в праве вязать и разрешать грехи, власти, которую может проявить простой священник по отношению к царю. Никон говорит о высоте духовной власти священника, а не только Епископа, по сравнению с царской, и особо подчеркивает, что «царь исповедуется

перед священником, который, по каноническим правилам, не может принимать исповедь без уполномочия со стороны Епископа» (I, 301). Когда царь посылал с Одоевским в 1663 г. сказать Никону, чтобы он не давал целовать своей руки людям, то Одоевский спросил его: «Ты даешь руку целовать всем по образу царей? Это неправильно.» Никон спросил: «Кто тебе сказал это? Царь или ты от себя?» – «Царь». Никон сказал: «Мы удивляемся, почему царь целует руки священников, посвященных нами, и сам при благословении склоняет голову? Мы удивляемся, почему царь заставляет Епископов и священников целовать свою руку. Это – не епископская и не священническая рука. Хотя государь по чрезмерной гордости думает, что священство меньше царства, но он узнает разницу, когда мы будем перед нелицеприятным судом Иисуса Христа». Никон говорит об отсутствии такой духовной власти у царя и о том, что, признавая высоту власти священников, нельзя отказывать в ней тем, от кого ее получают священники. «Ты и твой ответотворче много говорите, как будто Бог сказал царям и князьям: приймите Духа Святого, кому отпустите грехи, отпустятся им, и кому удержите, удержатся. Но кому это сказано? Его святым ученикам и Апостолам и преемникам их власти – Епископам, но не царям и князьям. Смотрите, что же делает теперь, в нарушение канонов 7 и 43 Карф. Собора, дающих права разрешения грехов только Епископу и запрещающих это священнику без особого разрешения Епископа. Если по обычаю вошла произвольная форма дисциплины, и цари и князья терпят запрещения и связывания от священников, почитая их действительными, то насколько же больше они должны слушать тех, о ком Бог сказал в лице Апостолов: «Слушающий вас, Меня слушает и слушающий Меня слушает Пославшего Меня, а отвергающий вас, отвергает Меня, а отвергающий Меня, отвергает Пославшего Меня» (I, 31). Никон требовал повиновения духовной власти только, как духовной власти в пределах ее компетенции, принадлежащей ей в силу Божественного права.

Мы перечислили целый ряд ограничений царской власти, которые ей ставит Никон, ограничений, которые вытекают из природы Церкви, и которые ей ставили Святые Отцы и Учители Церкви тех самых времен, когда Христова Церковь была признана христианскими императорами, как мы видели в историческом очерке об этом предмете, и это вполне соответствует сознанию лучших Византийских императоров, державшихся догмы права, а не льстивых утверждений придворного Византийского духовенства. Никон писал не теоретический трактат, а доказательства правоты своей точки зрения и потому затрагивал преимущественно вопросы, бывшие предметом его борьбы (Издание Уложения с противоканоническими статьями, восхищение царем на себя церковного управления после ухода Никона, суд Монастырского Приказа и т. д.); однако, все эти вопросы им освещены с теоретической точки зрения. Никон подходил к вопросу через изучение того, чего не может касаться царь в церковных делах, ибо самое его сочинение носило оборонительный характер против учения Лигарида о безграничности царской власти, подкрепляемого нередко цитатами из языческих писателей, Гомера и Виргилия. В этом отношении Никону пришлось, при разделении природы церковного законодательства, управлении и суда, выяснить особую природу Церкви и ее самостоятельность от государства, как в наше время проф. Бердников и Заозерский полемизировали с совершенно одиноко стоящим в православной канонической науке в вопросе о царской власти в Церкви проф. Суворовым. Принцип же первенства канонов над законами красной нитью проходит через всю Византийскую историю, признан был даже Вальсамоном, и был руководящим принципом в русском законодательстве, возглашенном еще на Стоглавом Соборе в речи Грозного, и ничего нового в этом отношении Никон не возвещал, а только восстанавливал старую, но забытую истину.

Положительные обязанности царя к церкви. Обязанности царя к церковной собственности.

Мы перечисляли до сих пор отрицательные обязанности царя относительно Церкви по учению Никона, обязанности не вторгаться в законодательство, управление и суд церковный, основанные на апостольском полномочии. Скажем теперь о положительных обязанностях царя относительно Церкви, и в этом отношении переходной ступенью должен быть вопрос об отношении царя к имущественным правам Церкви, ибо здесь на ряду с положительными обязанностями, есть и отрицательные – не вмешиваться в ее управление и не посягать на ее неприкосновенность. И здесь Никон противопоставляет царю церковный канон. Он пишет (I, 117-119): «Те вещи, которые посвящены Богу и даны Церкви или монастырю, не должны отбираться, согласно 24 правилу IV Вселенского Собора: «пусть монастырь, основанный с содействия Епископа, останется неприкосновенным; пусть его собственность будет неотчуждаема, а если кто поступит вопреки, должен быть наказан...» То же говорит VI Вселенский Собор пр. 49; 1 пр. двукратного Собора и 12 пр. VII Всел. Соб. Эти св. каноны запрещают что-либо отбирать у церквей и монастырей или превращать их в светские жилища, или обращать их на мирские цели; Сам Бог приказывает воздавать Божие Богу и Кесарево Кесарю. Об управлении церковной собственностью говорит 38 кан. Св. Апостолов: «Пусть Епископ управляет с властью церковной собственностью, но пусть оттуда ничего не берет для своих родственников, разве что они бедны; в том же смысле канон 41, а также 25 ант. правило: пусть Епископ имеет власть над церковной собственностью. Но если он не довольствуется брать для собственных необходимых нужд, но затрагивает церковную собственность, жатву с полей и доходы епископской кафедры и присваивает это себе без ведома и согласия своего духовенства, то он призывается к отчету перед Собором провинции за присваивание того, что должно быть отдано бедным». И дальше пишет Никон (I, 120): «Но

чтобы царь мог располагать собственностью церкви и монастырей, этого нигде не написано». Никон ссылается далее на Св. Никона, писавшего, что захватывать церковную собственность есть святотатство, за которое Бог посылает несчастие…., ибо собственность церквей и монастырей, как и дела монахов, – вся посвящена Богу и не должна употребляться на иные цели, как на бедных, странников, на пленников и на нужды самых церквей и монастырей, и я не могу назвать светского правителя, который бы брал что-либо из доходов церквей, но, если и был, то подлежит Божьему суду, как святотатец. Если твое величество поищет Божественного писания, то найдет, что такой человек не только оскорбляет Бога и навлекает великое несчастие, но где бы такие дела ни совершали люди насилием ли, во имя ли партийности или родства, или по иным подобным мотивам, они низвергаются, и могущество, собранное ими из разных источников, обращается в ничто…. Я удивляюсь, как ты можешь просить молитвы у монахов и Церкви, когда ты ничего не делаешь, чтобы заслужить эти молитвы, и не только не даешь им милостыни, но приказываешь их грабить. На словах ты только щедр, но не обнаруживаешь этого в мире. Ибо обнаружение мира имеет формы, состоящие в простом слове, но обнаружение Божественного духа – в деле и в истине От взявшего твое не требуй обратно» (Лук. 6, 30). Это предписано не только для монахов, но и для всех христиан (I, 122). Никон признавал реальное значение молитвы и молитву за царя считал обязанностью духовенства, а приношения царя, его материальные жертвы Церкви почитал выражением его собственной благодарности Всевышнему за свое благополучие, но не принимал этих приношений на свой счет. «Мы не преклоняем колена за Царские милости, но молимся только Богу. Какую честь мы принимаем от царя? Что он делает малое пожертвование за прощение его грехов? Но здесь царь не дает, а скорее получает. Не слышал ли ты Божие свидетельство, что приносящий получит во стократ и наследует вечную жизнь. Но если человек не дает то, что он получит, или как

наследует вечную жизнь, хотя был царем? То, что даете единому из малых сих, вы даете Мне (Матф. 25, 45). И если царь делает что-либо для Бога, тогда почему же вы заставляете царя требовать от нас за это почитания» (I, 238).

«Но мы не должны полагаться только на молитву и оставаться бездеятельными, не удаляясь от зла и не делая усилий в добре; не должны и просто делать добро, не оценивая помощи молитвы. Ибо, великая власть в молитве, которую мы совершаем, лишь бы только сами в то же время делали доброе» (1, 180). Относительно самой церковной собственности Никон писал: «Церковная собственность не наша собственность, а Божия, и, как в древности, согласно Божественной заповеди, люди платили десятину, как император Константин Великий, а у нас Великий Князь Владимир и другие цари делали дары Св. Божиим Церквам, Богу, Спасителю, Божией Матери, но не Патриарху, не Митрополитам, не Епископам или монастырям, как это ими самими свидетельствуется» (I, 546). Никон восстает против конфискации в Уложении пригородных посадов у Патриарха и рассматривает это направление государственной политики, стремящейся к понижению общественного значения Церкви, гибельным в конечном будущем итоге для самого государства. «Если старый закон, скиния, храм и жертвы, которые были тенью будущих вещей, т. е. Нового Закона, Церкви и Христианского священства получали великие почести, то как же должны почитаться Церкви и священства Нового Завета? Подумай, князь Никита (Одоевский), как вы их бесчестите! Какое бы малое количество посадов для их обслуживания ни было раньше в Москве и других городах, вы все это присвоили для своих надобностей. Кто теперь обслуживает необходимейшие нужды Церкви и Епископа, как наказал Бог Моисею? Никто, только посторонние. А не слышал ли ты, что Бог сказал, что всякий посторонний, близко подошедший к священным вещам, будет предан смерти? Под посторонним здесь разумеется не только, кто чужд Израилю из язычников, но всякий не из племени Левиина, как Корей, Дафан и

Авирон, которых Бог не избрал, и пламя пожрало нечестивых; и Озия царь положил свою руку на ковчег, чтобы поддержать его, и Бог поразил его, и он умер (2 Цар. VI, 6, 7). Так же и те, кто смотрит на Церковь Божию и завидуют ей и говорят, что те посады – собственность Патриарха, Митрополитов, монастырей, и мы их возьмем. Они взяли немного, но потеряли гораздо больше, чем было у них. Они взяли тысячи и потеряли много тысяч через гражданские раздоры, чуму, войны и разные другие несчастия, которых невозможно описать или перечислить точно». А что касается употребления церковной собственности, то Никон свидетельствует, что и он лично для себя ничего не взял, а все посвятил Богу.

Никон о своей службе царю.

Никон пишет (I, 285): «Обвиняй в неблагодарности, ответотворче, того, кто живет, выходя из своих границ и возносится не против меня только, но против Бога и Его закона. Опять ты уносишься в басни и говоришь: «Видя его среди столь многих благодеяний неблагодарным, что вы думаете? Не есть ли такая неблагодарность от чрезмерной злобы и жадности?...» Но кто неблагодарен? Не я, – я ничего не получил от царя, чего бы не заработал, имущества движимого или недвижимого, но за большие труды на службе ему, как Бог знает, и я не расточал с распутными женщинами, но все посвятил Богу, как свидетельствуют факты; и царь в возврат имеет вдвое и втрое и постоянно возвращает, как плоды в этом мире, и не перестанет получает за это и в будущем мире после этой жизни (да будет он долговечен), как показано в притче о зерне горчичном (Мф. 13, 24-43). Видишь ли ты учение Спасителя? Те, которые считались добрым семенем, растут и приносят плоды к жатве, т. е. к окончанию мира. Где же, вновь спрашиваю, моя неблагодарность? Если царь – доброго семени, которое Бог собирает в житницу, то зачем ты заставляешь его менять настроение, делаться плевелом, которое будет гореть в огне, как и ты будешь гореть за твои соблазны? И если царь – сын

Церкви, то зачем ты его делаешь сыном вражды? Пусть же царь не раскаивается, чтобы с переменой своего настроения не потерять своего сокровища. Так и Божественный Апостол учит: всякий получит награду по своей работе (I, 285). В этой цитате есть ценное и показательное выражение Никона о службе его царю; под этой службой он разумеет, конечно, не его церковное служение, а помощь государю в государственном правлении, когда он в качестве первого сановника государства, в качестве Патриарха, заменял государя в его отсутствие по случаю войны, с половины мая 1654 г. до февраля 1655 г. и с марта 1655 г. до декабря 1655 г., с половины мая 1656 до января 1657 г., в государственном управлении, боролся с чумой, лично спасал от чумы царское семейство, перевозя его то в Сергиевскую Лавру, то в Калязинский монастырь. Но что касается собственно церковных дел, то здесь Никон многократно отвергает признание полномочий от царя, и, когда говорит, что государь поручил Никону надзор за церковными делами, то он всегда повторяет: «это не царь поручил, а благодать Св. Духа» (I, 206).

Положение для отбирающего собственность у Церкви отягощается тем, что церковная собственность в значительной степени составилась из пожертвований царей и частных лиц, а пожертвования делались на вечные времена с произнесением заклятий на возможных их нарушителей. «Видишь ли ты, злочестивый ответотворче, что сказано издревле о дающих обеты, как ужасно не исполнить обещание. Что стало с Ахавом, когда он взял немного из того, что посвящено Богу, а гнев Божий пал на Израиля. Когда Фараон, царь Египетский, отпустил детей Израиля, а потом снова хотел взять их, он был поглощен в красном море со всею ратью. Амалех хотел сопротивляться Израилю в пустыне и был убит. Шишал, царь Египетский, пошел в Иерусалим взять сокровища храма, и Господь поразил его. Сенахерив, царь Ассирийский, пошел взять св. город и осквернить Св. Сион, и ангел поразил у него 185000 людей». Приведя много других примеров, Никон продолжает:

«Господь говорит: если приносишь дар к алтарю и вспомнишь, что имеешь что-либо против брата, оставь дар перед алтарем и иди сначала примириться с братом... Видишь ли, что, если даже кто-либо, находясь в ссоре, принес дар к алтарю, Господь не позволяет его брать обратно, но приказывает оставить его у алтаря до примирения. Знаешь ли, что говорит Златоуст о нарушающих свои обеты: хотя наказание не следует от Бога на них тотчас, но тем большее основание для страха, чем большие муки ждут впереди» (I, 275-280). В вопросе о церковной собственности мы видим иное обоснование их защиты у Никона, чем для права Церкви на управление в чисто церковных делах. Если там основанием неприкосновенности служит у Никона Божественное полномочие, данное Церкви Вселенской, то здесь основанием неприкосновенности является неприкосновенная воля жертвователей предоставить имущество Церкви для церковных целей, основание, хотя и богоугодное, но чисто человеческое, в полном соответствии с истинной природой прав Церкви в том и другом случае.

Никон, защищая каноны, преувеличивал квалификацию церковной собственности, уравнивая в священном значении земли с предметами освященными и священными, а также преувеличивал и объем неприкосновенной для государства части канонического законодательства, ставя под одинаковую санкцию и вторжение в существенные права Церкви, и в ее прикладные права; но он боролся с духом века и в пылу борьбы секуляризацию церковных имений подводил под такие же санкции, как и захват чисто церковных функций государственной властью; но он был в то же время и прав в протесте своем, поскольку и то, и другое было проявлением одного и того же светского насилия над Церковью, стремящегося лишить ее собственных источников дохода. Для Никона все эти вопросы сливаются в один общий вопрос об отношении государства к Церкви, и он приводит, как пример должного благочестия, языческого царя Артаксеркса (Ездры VII, 11-26). Артасеркс говорит священнику Ездре: «Все, что повелено Богом Небесным,

немедленно должно делаться для Бога Небесного, чтобы не было гнева Его на царство, царя и детей его. И уведомляю вас, что ни на кого из священников или левитов, певцов, привратников и служащих при сем доме Божием не позволяю налагать ни податей, ни налогов, ни пошлин. А ты, Ездра, по премудрости Бога твоего, которая в руке твоей, поставь правителей и судей, которые бы судили весь народ, что за рекой, всех знающих закон Бога твоего, а кто не знает, того учите. А всякого, кто не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, немедленно судите на смерть ли, на изгнание ли, на заключение в тюрьму или штраф. Вот, видишь, вопрошатель, как языческий древний царь, боялся Бога Израиля, какую честь и свободу предоставлял священникам. Не восстанет ли Он в день Судный и не осудит ли тех, кто теперь наносит обиду чести и власти священства?»

Никон различает обязанность царя к Церкви от его обязанностей к Патриарху.

Это долг в отношении Церкви, в смысле облегчения и содействия ее деятельности, – долг православного царя в Церкви, а не долг его к Патриарху. Никон сильно возмущается на князя Одоевского за то, что он говорит о патриаршей собственности: «Почему же, оставляя Бога, ты оскорбляешь Его слуг? Патриарх, как и остальное духовенство, слуга Божий и слуга Святой Церкви, и он не имеет своих имуществ, но все – и слободы, и крестьяне – Божие наследие. Патриархом бывает то один, то другой человек, но Бог есть и будет всегда, и Он неизменяем...» Никон ссылается на выделение левитов на служение Богу (Чис. III, 6-13; VIII, 9-26 и XVIII, 1-9 об обязанности священства и ответственности за небрежность) и говорит: «И мы все принадлежим Богу, и часть священников есть Божия часть и собственность. Зачем же ты оставляешь в стороне большее и спускаешься к меньшему, т. е. к нашему смирению, и называешь Божию часть нашей собственностью? (I. 541-548). Считая монахов людьми, отдавшими себя Богу», Никон

считает, что царь из уважения к священству не должен простирать свои права на употребление его на царскую службу. «Монахи – Божии слуги, а царю они только богомольцы, не рабы его, а теперь царь принуждает Епископов и монастыри ко всякой мирской тяжелой работе, даже к военной службе, подобно всем прочим» (I, 178).

Господь дал людям одни и те же заповеди, но теперь царь не только не соблюдает их, но и пренебрегает всеми прежними уставами благочестивых царей и великих князей. Он вовсе не считается даже с дарами, данными ему отцом, в подражание древним благочестивым царям Константину и Юстиниану, но берет людей силой из Патриаршей епархии и от других церквей, Митрополитов, Архиепископов и святых монастырей и посылает их куда хочет, на войну и на другие его службы. Господь заповедует: всякому просящему у тебя, давай и от взявшего твое, не требуй назад (Лук. 6, 30), а царь делает как раз наоборот» (I, 201-202). Когда Никон здесь разумеет употребление на царскую службу людей, прикрепленных к церковным землям, то, поскольку эти люди связаны с землей, они разделяют по понятиям того времени назначение самих земель, предоставляемых Церкви, а потому вопрос сводится к возможности отбирать у Церкви принадлежащее ей для ее назначения; равно вопрос о налогах на церковные земли (не на земли духовных лиц) сводился к вопросу об отобрании от Церкви части предназначенного для ее целей. Поскольку же он разумеет людей, предоставивших себя служению Богу, как монахов и священников, то можно поставить вопрос, не имеет ли Церковь в силу Божественного права для осуществления своих Божественных полномочий право привлекать на свою службу людей, которых признает соответствующими ее требованиям и нужными ей (Мф. 9, 37, 38: тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молите господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою), а христианское государство не обязано ли, признавая Церковь и ее цели, не ставить Церкви препятствия в подборе своих служителей, высокие требования к которым со

стороны Церкви отстраняют для государства опасность отвлечения поданных от государственного дела? «А честь, отнесенная к священнослужителям, восходит к Самому Богу».

Никон о сфере светских дел. О тяжести царского служения.

Никону приходилось объяснять и отстаивать права Церкви от Лигаридовского цезарепапизма, и естественно, что о другой стороне вопроса – о сфере дел присущих собственно царю, он почти не касался, ибо ее никто, и он в том числе, и не оспаривал, но что он признавал ее, видно, хотя бы уже из того, что признавал в его сфере, как мы видели, себя слугой царя; в другом месте он говорит, что «царь принял власть от Бога для царствования на земле» (I, 237); он говорит также: «Мы не наносим обиды царю и не называемся царями. Что я есмь, то и есмь; так и он есть то, что есть, хотя некоторые подражают евреям, ибо как те, отвергая Христа своего Спасителя кричали: мы не имеем царя, кроме Цезаря, так эти теперь говорят: не надо нам Патриарха, хорошо де действует и Митрополит Крутицкий» (I, 299). Никон, как предстоятель Церкви, молится за царя и пишет (1, 287): «Если ты не удостоил видеть наши молитвы за царя, которые мы возносим ежедневно и еженощно в Св. Церкви, то спроси того, кто знает.» При Никоне была даже изменена при переносе Даров молитва за царя в смысле усиления титула царя: – вместо: «да помянет Господь благородие твое», было введено: «благочестивейшего, тишайшего (от западноевропейского слова clementissimus), самодержавнейшего» («Титулы в России» Карповича; приведено по Иконникову: «Новые материалы и труды о Патриархе Никоне», Киев, Унив. Изв. 1888, № 6). «Никто из царей не достиг победы без священных молитв (I, 187). Без них он входит в безмерность и тяжесть царских забот, могущих быть облегченными только молитвой. Вы можете назвать человека царем, но он не способен даже жить спокойно. Его жизнь полна забот и стеснений. Не смотрите

на диадему, но на беспокойство и заботы, которыми мучит его корона, не смотрите на пурпур, но на душу, которая омрачена больше, чем этот пурпур. Не так тяжело корона облегает его голову, как заботы его душу. Не смотрите на множество его вооруженных людей, но на множество его забот и скорбей. Нет комнаты, в которой можно было бы найти столь много великих забот, как в комнате царя. Люди ежедневно ждут смерти перед его лицом, и прежде, чем он сядет обедать, уже пролита кровь... Но не таково небесное царство; когда оно достигнуто, то достигается праведность, мир, любовь, радость (Рим. XIV, 17), Но что касается земного царства, то видим, какими несчастиями оно полно (I, 187).

Власть царская получается независимо от священства, но им благословляется.

И власть царя, по Никону, мы видели, получается самостоятельно, независимо от священства, и только благословляется им; «царство дано Богом миру, но в гневе, и оно дается через помазание от священников елеем вещественным, но священство есть прямое помазание от Духа Св., как и наш Господь Иисус Христос был возведен в первосвященники непосредственно от Духа Святого , так и Апостолы. Поэтому, при посвящении в Епископы, посвящающий держит открытое Евангелие над головой посвящаемого» (I, 234, 235). «Царя надо чтить», и Никон приводит текст Апостольский: Бога бойтесь, царя чтите (1 Петр. 2, 17) (I, 117), говоря, что Апостол приказал чтить царя, как такового (но не за щедроты Церкви «I, 238). Над царем нет суда человеческого, но есть предостережение от пастырей Церкви и суд Божий:

Где санкции для соблюдения царем заповедей Божиих?

«Ты говоришь, ответотворче, что так Евреи поносили Самого Бога, Который дал им манну и мясо утром и вечером. Если ты намекаешь на царя, будто я его поношу, тогда скажу тебе: нет, избави Бог, я его не поношу, а порицаю злобу и несправедливость. А что касается того, что евреи поносили

Моисея, Божьего слугу и священника и Самого Бога, то следует тебе обратить внимание, что за их великий грех разверзлась земля и поглотила Дафана, и покрыла сборище Авирона, и если бы не долготерпение Божие, то и теперь, когда люди принимают на себя священство подобно Дафану и Авирону, Он приказал бы земле раскрыться и поглотить их беспощадно, или, в случае греховного приношения, огонь охватил бы их и пожрал бы тех грешников без милосердия» (I, 288). И в другом месте Никон опять пишет, что он не злословит царя, а предостерегает от несчастия, которые обрушатся на царство за нарушение строя церковного. Как ветхозаветный пророк, припоминает Никон о санкции соблюдения царем Его заповедей. Вот, эта замечательная по силе речь, показывающая, что Никон вовсе не властвовать хотел над царем, а как пророк Божий, указывал недопустимость обиды священства и горькие результаты от такой обиды для царства. «Ты, вопрошатель, говоришь, что Никон поносит государя за то, что он установил Монастырский Приказ и посадил в нем мирских людей, и за то, что царь назначает в монастыри архимандритов и игуменов по своему собственному избранию. Никон не поносил и не поносит царя, но не перестает упрекать его за зло. Послушай, как в древнее время чтил Господь священство и как, когда хотели сделать насилие над первым Патриархом Авраамом из за жены его Сарры (для царя Египетского, желавшего взять ее от мужа), Бог поразил за это его язвой, и он отпустил Патриарха со славой и богатством. Также и Авимелеху Бог явился во сне и велел отпустить Сарру. Фараон неправедно хотел держать в рабстве народ Божий и был поражен гневом Божиим. Так и теперь, если кто обидит Божиих первосвященников-Епископов, Бог накажет его с неменьшей строгостью. «И взошел Моисей на гору, а старшинам сказал: оставайтесь здесь, пока мы возвратимся к вам, и вот, Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним» (Исх. 24, 13, 14). Видишь, вопрошатель, не старейшинам Он вручил суд, а Первосвященнику». И снова Бог сказал (Исх. 28, 29): «И будет носить Аарон имена сынов

Израилевых на наперснике судном у сердца своего». Но когда Корей, Дафан и Авирон из племени Рувимова, а не из священнического племени, поднялись против Моисея и Аарона, то Моисей, услышав об этом, пал на лицо свое и сказал Корею и его товарищу: завтра покажет Господь, кто Его и кто свят, чтобы приблизить Его к Себе и кого Он изберет, того и приблизит к Себе (Числ. 16, 5). Они не послушались Моисея и неистовствовали против священства; они взяли кадильники и воскурили фимиам, Земля разверзлась и поглотила их и их дома и всех людей, бывших с Кореем, и их скот. Они и все бывшие с ними пали живыми в пропасть, и земля покрыла их, и они погибли среди собрания. Снова на другой день сыны Израилевы возроптали на Моисея и Аарона, говоря: ты погубил народ Божий. И Бог поразил четырнадцать тысяч семьсот человек, кроме умерших по делу Корееву. Так и теперь, если кто-либо не вразумится этими примерами, осмелится судить и господствовать над священством и его собственностью, того и Бог накажет также...» (I, 293, 294). И другое место из пророка Осии приводит Никон, напоминающее, что самое существование (XIII, 4-11) царской власти в воле Божией (I, 295), о чем люди не должны забывать, чтобы не прогневать Бога: «Я Господь твой от самой земли Египетской и другого Бога, кроме Меня, ты не должен знать и иного Спасителя нет, кроме Меня. Я любил тебя в пустыне, в земле засухи. Когда были пажити у них, они сыты были, а когда насыщались, то превозносилось сердце их, и потому они забывали Меня. И Я буду для них, как лев, как скимен буду подстерегать их при дороге. Буду нападать на них, как медведица, лишенная детей, и раздирать вместилище сердца их и поедать их там, как львица; полевые звери будут терзать их. Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне – опора твоя. Где царь твой теперь? Пусть он спасает тебя во всех городах своих. Где судьи твои, о которых говоришь ты: «дай нам царя и начальников?» И Я дал тебе царя во гневе Моем и отнял в негодовании Моем». Мы писали это не хуля царя (за то, что он царь), а порицали его неподобающие действия (I, 295).

Если Израильский народ получил царя во гневе Божием, ибо люди отвергли непосредственное управление Божие через пророков, то Бог может осудить их за забвение Его заповедей в худшее положение и лишить их и царя». Какое же значение придавал Никон царской власти в отношении ее обязанностей по соблюдению Божиих заповедей? Огромное, которого нельзя переоценить.

Царская власть и значение пришествия Антихриста.

Это – значение власти удерживающей. Здесь мы должны выяснить, как понимал Никон знамение пришествия Антихриста. Никон показывает Лигариду, что он, Никон, всегда учит от Священного Писания и канонов, а Лигариду за то, что он, вопреки Божественным канонам, устанавливает начало новому законодательству на соблазн людей, провозглашает анафему (I, 68) от святых канонов. И в ответ на проповедь Лигарида о пришествии Антихриста из Нового Иерусалима, где живет Никон, он говорит, что человек тот непогрешим был бы против истины, который повесил бы жернов на твою шею и бросил бы тебя в пучину морскую, как говорится в Евангелии. Если ты не знаешь, где должен родиться отец твой Антихрист, то мы покажем тебе это на основании Священного Писания, а не как ты, который говорит все от себя и только одну ложь, как и в данном случае. И называя еще раз Лигарида кователем лжи, Никон цитирует места Евангелия и апостольских посланий о признаках появления Антихриста, о мерзости запустения, предсказанной пророком Даниилом на месте, где ее не должно быть, и другие места (2 Фес. 2, 3-13; 2 Петр. 3, 3 и 2,-1; 1 Иоан. 3, 8; Лук. 21, 8; 1 Иоан., 4, 1 и 2, 18; Фил. 3, 2; Кол. 2, 8; Быт. 49, 8-10, 16, 17; Иер. 8, 16); приводит выдержки из Мефодия, Епископа Патарского, Св. Ефрема и Св. Андрея об Антихристе, где они говорят, пишет Никон, что Антихрист воссядет в храме Божием; это должно быть не в том Иерусалиме, который в древности был разрушен за грех против Христа, и восстановление которого евреи, воинствующие против Христа, ждут от Антихриста, а

действительно, в храме Божием, т. е. во Вселенской Церкви, подавляя ее и присваивая ее себе, выдавая себя за Бога, как говорит Апостол. Но это не будет продолжаться долго». «Этих свидетельств для себя, лжесловесный, достаточно, а мы, наученные Спасителем, будем молиться усердно о том, чтобы мы были пощажены от испытаний вещей, предсказанных о времени пришествия Антихриста, и чтобы не видеть ни его пришествия, ни волнения народа, которое должно ему предшествовать, ни преследования нас вследствие отступления от веры, и чтобы показать свою совесть незапятнанной Христу нашему Богу, искупившему нас Своей Кровью, и, показывая горячность нашей любви к Нему добрыми делами, заслужит вечное счастье» (I, 73). В последних словах о любви к Спасителю выражен основной стимул Никоновской деятельности, которая много объясняет из того в Его деятельности, что иногда совершено ложно толкуется. В другом месте Никон приводит Мф. 24, 7, 8: «Восстанет народ на народ и царство на царство и будут глады и моры и землетрясения по местам. Все это – начало болезней». Видишь, что положено; не все ли это применено к нам?» Никон разумеет современные события: когда Никон писал свое возражение в 1663 г., происходила тяжелая война с Польшей, начавшаяся в 1654 г., в 1662 г. был бунт из-за вздорожания жизни; только что кончилась неудачная война со Швецией (лето 1661 г.), а в 1654 и 1655 г. страшная чума поражала дважды Москву и другие области. «Но слушай дальше, что говорит Христос, верный пророк: «Тогда будут гнать и убивать вас, и вы будете ненавидимы всеми людьми ради Моего имени» (т. е. будут спорить из за Слова Божьего, как мы теперь) «И тогда многие соблазнятся и возненавидят друг друга. « Не исполнилось ли все это в нас? И многие лжепророки восстанут. Кто эти лжепророки? Конечно, Митрополит Газский, ибо он ничего не говорит от Писания, а все от себя. И люди принимают такое Писание за каноническое правило (цезарепапистская теория). «От изобилия нечестия любовь многих охладеет». Какого нечестия? Ясно, нечестия того, кто вопреки воле Божией

присваивает непринадлежащее ему, как государь царь незаконно захватил и подчинил себе Церковь и всю ее собственность, почему он и ненавидит нас» (1, 193). Никон обращается к боярину Стрешневу и говорит: «О таких людях, как твой составитель ответов, Божественный Апостол, задолго их предвидя, сказал: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей» (1 Тим. 4, 1, 2), «ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча чему не должно из постыдной корысти» (Тит. 1, 10, 11). О ком Апостол говорит? О вас. И кому вы внимаете, как духу обольщения и учениям бесовским через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей? Митрополиту Газскому, который учит из постыдной корысти за изобильные яства и за красивые наряды, за что он и найдет себя в день пира брачного без брачной одежды, как показывают его обманчивые и диавольские ответы» (I, 236, 237). Никон разумеет, что обвинение его со стороны бояр со времени вступления в это дело Лигарида получило идейное подкрепление в теории цезарепапизма, чего до приезда Лигарида в феврале 1662 года не было. На Соборе 1660 г. разбирался только вопрос, насколько виновен Никон, покинув свою кафедру; прямого же обвинения в покушении на державу царскую ему самому до Лигарида не предъявлял никто. Бояре не знали, как избавиться от Никона. На Соборе 1660 г. были крупные разногласия не только о том, подлежит ли Никон удалению на покой или лишению сана, но и о том, компетентен ли суд Архиереев судить своего Патриарха. Хотя одно из проектированных решений Собора было в пользу низвержения, однако, царь, руководивший делом следствия и судебными заседаниями (лично присутствовал только на первом заседании), не решился приводить в исполнение решения Собора. С одной стороны царь не уверен был в компетентности суда Архиереев над

Патриархом, а с другой, чувствовал недостаточность самых обвинений в одном уходе с кафедры для осуждения Никона.

Лигарид выдвигает новые обвинения против Никона.

Приехавший Лигарид подготовил новые обвинения. Он составил вопросы, якобы от имени боярина Стрешнева, вопросы о которых ни один боярин никогда раньше и не думал (I, 12), и которые дали бы возможность в ответах представить Никона человеком неправильно посвященным (1-й вопрос), получавшим чрезвычайные царские милости, но в гордости своей зазнавшимся (11-й) (15-й), превышавшим свою Патриаршую власть по отношению к Архиереям, отрекшимся от Патриаршества (Вопр. 5-й), непризнающим соборной власти Архиереев над собой (10-й), возносящимся в светскую сферу (12-й) (16-й), обидчиком по отношению к царю (27-й).

Наряду с этим Лигарид проводил теорию, что царь сам может созывать Соборы (9-й вопрос), что его обязанность озаботиться о прекращении вдовства Церкви (20-й, 21-й), и что церковное управление и суд исходят от царя, как от своего источника (24), что царь может отбирать у Никона данные ему права по церковному управлению (25-й), по своему реорганизовать церковный суд и вручать его кому угодно (26-й).

Никон о лжепророках цезарепапистах.

Естественно, что Никон называл все учение Лигарида ложью, человекоугодничеством (как и Симеон Солунский квалифицировал цезарепапизм). «Кто ты и что твои дела? Не ты ли Антихрист, пришедший к нам? Не оделся ли ты в овечью шкуру, будучи внутри хищным волком, захватывающим простецов? Не твои ли плоды – плоды терновника и чертополоха? Не ты ли худое дерево, дающее худые плоды, о котором Христос сказал: по плодам их познаете. О таких пророчествах говорит Божественный Апостол Петр (2 Петр. 2, 13): были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные

ереси... И многие последуют их разврату и через них путь истинный будет в поношении» (1, 284). А, обращаясь к Одоевскому, говорит: «Кто ты, что вопреки Божественным законам и канонам составляешь новые сатанинские законы, как новый Лютер (I, 365)?» Так как именно составитель Уложения Одоевский проводил в жизни понятие о безграничной власти царя в церковных делах, которой Лигарид через 13 лет придавал теоретическую опору и вдохновение, то его клеймит Никон прозвищем Лютера, предоставившего церковное управление государственной власти. Никон считает долгом восстать против этого и напоминает, что Иоанн Грозный говорил на Стоглавом Соборе Епископам, чтобы они страдали за имя Христа, что, если бояре или царь прикажут что-либо делать не по правилам Святых Отцов, то не слушаться, хотя бы им угрожали смертью (1, 343). «Антихрист прикажет поклоняться себе не внешне или чувственно, но так же, как теперь Епископы, забывая свое достоинство, поклоняются царям, как владыкам, и просят их обо всем, ища от них чести» (I, 293). Здесь Никон разумеет, что Епископы после его ухода подчинились Митрополиту Крутицкому, которому царь поручил самостоятельно (без согласия Никона) управление Церковью. «А ведь они обещали при своем поставлении во всем следовать и повиноваться Вселенским Патриархам и нам, их отцу, и Патриархам, имеющим быть на нашем престоле после нас, и не делать ничего под давлением царя, бояр или князей или народной массы, хотя бы им угрожали смертью» (I, 137). В епископской присяге перед поставлением (Акты историч. IV, 8, 9) действительно говорится, «....к сим же исповедую.... не сотвориши ми ничто же по нужде, ни от Царя и Великого Князя, или от бояр или от князей многих, ни от множества народа.» И в другом месте далее: «И на том обещаваюся не ослушати ми ся повеления твоего, Великого Господина, Отца моего Святейшего. Патриарха Московского и всея Руси и всего Освященного Собора.» Эта ссылка Никона показывала, что цезарепапистская теория не только не была признана в

официальных актах, но и определенно отвергалась в XVII веке ими, являясь лишь злоупотреблением практики. Этот цезарапапистский дух и есть проявление духа Антихристова, охватившего, по Никону, Русскую Церковь; и этим духом заразили бояре царя, вовлекши его в издание Уложения еще до Патриаршества Никона, когда царю было только 20 лет, а Никон еще не был в силе, чтобы протестовать, когда сам Патриарх Иосиф был увлечен по слабости общим течением. В этом укрепил царя своей ученостью низверженный из сана в 1660 г. Газский Митрополит Паисий Лигарид, продавшийся боярам, ехавший в Россию, никем не званный, за наживой, которого царь поставил председателем всего Архиерейского Собора 10 мая 1663 года, разбиравшего вопрос о предании Никона суду, и о способах дальнейшего направления этого дела. Лигарид стал душой всего похода против Никона, и все распоряжения по делу Никона были плодом его беседы с пресветлым синклитом: «Бояре во всем послушны ему были, и что возглаголет яко от уст Божиих послушали его, яко пророка Божия», пишет современник.

О власти удерживающей.

Так смотрел на цезарепапизм Никон. Между тем, власть православного царя в его глазах – преграда против зла, царящего в мире, и потому должно предохранить ее от разрушения; а это разрушение может наступить, как наказание за презрение к Церкви, за покушение на ее права и положение со стороны цезарепапистских идей; опорой в Православии царю служит Патриарх, как мы заключаем из его рассуждений в соответствующем месте. Никон цитирует 2 Послание к Фессалоникийцам об отступлении, имеющем быть, и об открытии человека греха до пришествия Спасителя. «И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 6, 7). Никон приводит толкование этого места, обращаясь к боярину Одоевскому. «Надо исследовать, кто удерживающий, и почему Павел

говорит об этом неясно. «Что препятствует его появлению? Некоторые говорят, что благодать Св. Духа, другие, что Римская власть. С последними я согласен. Ибо, если бы Павел разумел Св. Духа, то и сказал бы ясно. Если бы он должен был придти, когда оскудеют дары Св. Духа, то они давно уже оскудели. Но, если он говорит о Римской власти, то он имеет основание говорить прикровенно, ибо не хотел навлекать на христиан лишних преследований. Ибо, если бы он говорил о скором ниспровержении Римской власти, то навлек бы со стороны Империи преследование на христиан, как на людей, якобы живущих и работающих на разрушение Империи. Поэтому он не говорит так ясно, хотя и упоминает определенно, что он откроется в свое должное время. Ибо «тайна нечестия уже совершается,» говорит он. Под этим он разумеет Нерона, как образ Антихриста, ибо он желал божественного себе поклонения. Ибо, если до этого времени был уже кто-либо мало отличающийся от Антихриста, и если уже был образ чудовища и тирании в роде такого, какой будет после, он об этом говорил прикровенно не из страха, но чтобы не наталкивать нас на то, чтобы мы без нужды создавали себе врагов. Так он и говорит: «Пока не будет взят удерживающий теперь, то есть, когда Римская власть будет уничтожена, он и придет, то есть, пока есть страх этой власти, никто не захочет ему подчиниться, но когда она будет разрушена, он наведет анархию и будет желать захватить себе всю власть, как человеческую, так и божескую. Ибо, как раньше была разрушена Мидийская Империя Вавилонской, Вавилонская Персидской, Персидская Македонской, а Македонская Римской, так эта последняя будет разрушена Антихристом, а он Христом[4]. Эти вещи передает нам Давид с подробным пояснением. И тогда, говорит Павел, явится тот беззаконник, которого Христос убьет дуновением уст Своих и разрушит блеск его пришествия, даже того, чье пришествие есть дело Сатаны. Он

[4] В глазах Никона Московское царство есть III-й Рим, и ему грозит это разрушение.

покажет большую власть и ничего истинного. Все эти обманы предсказаны, чтобы те, которые будут жить тогда, не были обмануты, также его ложные чудеса, которые обманом введут в ложь и в разного рода нечестия погибающих... Антихрист придет для разрушения людей и нанесения им вреда, и всякого, не сотрудничающего с ним, он насильно подчинит и изумит всех и, вследствие его приказов, страха людей пред ним, он будет страшен и своей властью, и своей жестокостью, и своими беззаконными приказами. Видишь ли, компилятор лжи, что Божественный Апостол предостерегает нас от вещей в будущем, которые теперь для нас уже настоящие, благодаря вам и вашей злобе. Разве не наступило теперь отступление от Святого Евангелия и от преданий Св. Апостолов и Св. Отцев? Разве не обнаружился человек, сын погибели, который противопоставит себя и вознесется над всем, что называется Богом или чему поклоняются. Апостол говорит «отступление», ибо он разрушит многих. И что может быть более разрушительно, чем оставить Закон Божий и Его Заповеди, предпочитать предания человеческие, то есть книгу Уложения, полную горечи и коварства. Но кто же это, спросят? Сатана? Никоим образом. Это человек, который принял все дело Сатаны и который приготовил и принял много других в единение с собой, таких, как ты, составители лжи, и свои товарищи, подобные тебе. А что касается сидения в храме Божием, то это не есть буквальное сидение во всех Церквах; а владение властью над Церквами, а Церковь – не каменные стены, а церковные законы и пастыри, против которых ты, отступник, поднялся, делая дело сатаны, и написал в кодексе, чтобы дать юрисдикцию над Патриархом, Митрополитами, Архиепископами, Епископами, и всем духовным чинам светским людям, не имея мысли о Боге» (1, 404-406).

Цезарепапизм – от духа Антихриста.

Но, если царская власть – власть удерживающая от зла, то носитель ее должен особенно быть свободным от всякого зла, и ему необходима благодатная помощь от того, кто призван

быть в государстве живым образом Христа, словом и делом свидетельствующим истину, – от Патриарха.

Помощь Патриарха царю – быть царем православным.

В предисловии к служебнику, изданному в августе 1655 года по благословению Никона, говорится о царе и Патриархе, как о «богоизбранной сей и премудрой двоице», о «богоизбранной сей сугубице», о «благочестивой сей и богомудрой двоице»[5], которая в лице царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона председательствовала на Соборе 1654 года и повелела собрать в Москву древние святые книги. Обязанность Патриарха – говорить перед царем истину, не стыдясь (I, 607). Но на протяжении всех 615 страниц Английского перевода рукописи Никона нет ни одного слова о требовании для Патриарха каких-либо прав в деле государственного управления или требования соразделения власти с царем. Мы видели, что Никон и свое регенство в отсутствие царя характеризировал, как службу царю. Даже по поводу называния его «Великим Государем» Никон недоумевал и писал: «В Вязьме царь просил нас писаться Великим Государем, но нашего согласия мы на то не давали. Но, если он раскаивается в своей воле, а нас порицает, будто мы впервые сами так писали, то Бог его будет судить в день судный по очевидности его собственных писем, в которых этот титул написан. Но какая разница между государем и господином? Ведь всякий кого угодно может называть государем?» (I, 66).

Когда Никон говорит о правах Патриарха, то говорит только о его правах в недрах Церкви и о праве печалования перед царем; он даже не говорит ни разу о тех правах в государственном управлении, которые имел в силу давнего обычая высший предстоятель Русской Церкви по участию в Боярской Думе, и о признанном, даже в Уложении, положении Патриарха, как первого государственного сановника, честь которого охраняется наравне с царской

[5] Макарий, «История Русской Церкви», XII т., 235 стр.

(Улож. гл. X, 27, 31). Вообще, перечитав все Никоновы писания, нам ни разу не попадалось встретить претензии Никона на участие в светских делах. Такие поползновения ему приписала враждебная ему боярская партия, которая, тяготясь его влиянием на царя, желала возбудить против него царя, и потому убеждала его, что Никон для того и «дар Константина Великого» поместил в Кормчую, чтобы добиться от царя совершенной независимости, подобно Папе Сильвестру, и что невозможно даже совместное их пребывание в одной столице. Что именно бояре возбуждали царя против Никона, об этом говорят не только все беспристрастные историки, но даже подкупленный боярами Лигарид писал в письме Никону, что «бояре соблазнялись об унижении царского достоинства». А насколько бояре действительно ратовали за царя, видно уже из того, что они в своих вопросах Восточным Патриархам, отправленных с иеродиаконом Мелетием, самой постановкой вопросов обвиняли не только Никона, но и царя. Видно из этого, что они не щадили и царя, когда боялись умаления своего положения. Но для Никона помещение этого дополнения в Кормчей служило лишь нравственным образцом отношения царя к Церкви, отношения юридически добровольного.

О природе послушания царя Патриарху. Клятва 1652 г.

Лишь в делах церковного управления Никон требовал послушания от царя; но послушание это он выводил не из прав Патриарха, вытекающего из его государственного положения, а из особой добровольной клятвы царя перед своим вступлением в Патриаршество, которое обновляло и повторяло то обязательство на послушание Церкви, которое царь уже носил в силу обетов крещения, как сын Церкви, и вторично принимал при короновании, как царь. Никон не мог при своих воззрениях на Церковь, как на самостоятельный организм, вступить безоговорочно в управление ею в 1652 году, когда только за три года перед тем при его предшественнике введено было Уложение, исходившее, если не из сознательно других взглядов на

Церковь, то во всяком случае осуществлявшее светское засилие над ней в виде вторжения в ее управление, нарушавшее вековой обычай. Еще Новгородским Митрополитом он добился от царя неприменения Уложения к его митрополичьей области; теперь он перед вступлением в Патриаршество поставил условием принятия должности каноническое подчинение, которое основывал на словах Спасителя: «Слушающий вас Меня слушает.» Никон сам описывает свое вступление на Патриаршество в интимном письме, которое он отправил Константинопольскому Патриарху Дионисию в декабре 1665 года, и которое было перехвачено царем. Вот, в каких словах Никон выразил свое понимание обязанностей всех христиан к Церкви и к ее предстоятелю в речи к царю и боярам: «Благочестивейший царь и Великий князь Алексей Михайлович, самодержец всея России, и вы благочестивые бояре и вы члены Священного Совета, Митрополиты, Архиепископы, Епископы и христианские люди. Вам известно, как сначала пришли в эти страны проповедь Св. Евангелия и канонов Св. Апостолов, семи Вселенских Соборах и девяти Поместных и Св. Отцов и царских законов; именно как мы получили их от благочестивых греческих царей и от Вселенских Патриархов по свидетельству истории. И мы называемся христианами и последователями Божественных пред писаний Евангелия, канонов Св. Апостолов и Св. Отцов и законов благочестивых греческих царей, но, что касается практического исполнения в действительности, то оно весьма недостаточно у нас; хотя наш Господь Иисус Христос говорит: «Почему вы зовете Меня Господи, Господи, и не делаете того, что Я говорю». И в другом месте Он говорит: «Тот, кто имеет и исполняет Мои заповеди, тот любит Меня, а кто не любит Меня, тот не соблюдает и заповедей Моих. «...Не слушатели Слова праведны перед Богом, но исполнители его, ибо блаженны слушавшие Слово Божие и исполняющие его. Поэтому, благочестивый царь, и вы, бояре, и вы, Священный Собор, и вы, христианские люди, если угодно вам, чтобы наше смирение было вашим Патриархом, то вы дайте мне ваше

слово, и делайте завет со мной в этой Святой Соборной и Апостольской Церкви перед Господом Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом и перед Святыми Ангелами и всеми Святыми и обещайте соблюдать заповеди Святого Евангелия и каноны Святых Апостолов и Св. Отцов и законы греческих царей неизменно и повиноваться нам, как пастырю и начальнику отцу во всем, что я буду возвещать вам по Божественным заповедям и законам, и, если вы это сделаете, то я, видя ваше усердие и вашу молитву, не смогу дальше отказываться от этой великой милости». Затем, благочестивый царь со всеми почтенными боярами и всем освященным собором горячо и ревностно приняли наш ответ и обещали во Святой Соборной и Апостольской Церкви перед Святым Евангелием, перед святыми почитаемыми иконами Христа и Богоматери и других святых неизменно исполнять то, что мы упомянули, и призывали во свидетели нашего Господа Иисуса Христа и нашу Святую Непорочную, Преблагословенную и Славную Матерь Божию и Приснодеву Марию, всех Святых и Св. Евангелие и все святые чтимые иконы» (Пальмер, III, 382-384). Из текста клятвы видно, что вся паства призывается Патриархом исполнять законы церковные, ибо и законы греческих царей, о которых здесь говорится, и которые в виде II части Кормчей вошли в состав ее при напечатании ее, как при Патриархе Иосифе в 1651 г., так и при Патриархе Никоне в 1653 г., – относятся к Церкви, ею были приняты в качестве церковных законов, т. е. канонизованы. Уложение нарушало эти принципы своим новым церковным судопроизводством, и Никон добился от царя, если не отмены их, то приостановки действия Уложения в этой части, что и соблюдалось, пока в 1657 году боярам не удалось подорвать доверия царя к Никону. После этого бояре стали применять Уложение к церковным делам и даже превышали, как увидим впоследствии, и права, предоставленные Уложением монастырскому Приказу. Само по себе напоминание о каноническом подчинении Патриарху не представляло ничего, выходящего за сферу его прав, и повторялось и после

Никона при поставлении Патриарха, как и было при поставлении Патриарха Иоасафа II» (III, 473).

Речь Никона при поставлении характерна в том отношении, что в ней сразу выявился тот ревностный блюститель действительного исполнения канонов, который и в течение всей своей Патриаршей деятельности выполнил девиз: не слушатели, а исполнители закона спасаются. В Возражении на вопросы-ответы Стрешнева-Лигарида нигде не видно, чтобы Никон центром своего внимания ставил права именно Патриарха, но рассуждениями об обязанностях христиан к Церкви и в том числе об обязанностях царя, в силу его особого положения, переполнена его книга.

О превосходстве священства над царством.

Также говоря о духовной власти и об ее превосходстве над светской, он говорит не столько о Патриархе и царе, сколько об оценке полномочий духовной и светской власти с духовной точки зрения, рассматривая их содержание, т. е. он сравнивает власти духовную и светскую в объективном их смысле, выражаясь языком юридическим, причем, в таком случае под властью священства разумеет даже не собственно патриаршескую власть, а власть всех иерархических степеней, начиная с священнической. Последнее положение, между прочим, иллюстрируется тем, что пишет Никон (I, 127): «Хочешь ли знать, что священство почтеннее и есть высшее достоинство, чем само царство. Не говори мне о пурпуре, короне, золотых одеждах, ибо все это как трава и ниже любого полевого цветка. Ибо, как сказано, всякая слава человеческая, как полевой цветок, хотя бы это было и то, что вы называете императорским пурпуром. Поэтому, не говорите мне об этом. Но, если ты желаешь видеть, какое различие между священником и царем, то исследуй власти, которые даны каждому, и ты увидишь, что священник поставлен много выше царя. Ибо, хотя трон царя может казаться вам почетнее от драгоценных камней на нем и золота, которым он обложен, однако, он получил власть

управлять только земными вещами и не имеет никакой власти дальше этого. Но трон священства – на небесах. Кто говорит вам это? Царь Небесный. «Что свяжете на земле, то будет связано на небесах» (Мф. 18, 18). Какая честь может быть равна этой? Небо принимает начало духовного суда от земли, ибо судящий имеет свою плоть на земле. Бог следует за Своим слугой. Какое решение дает слуга, то утверждается Богом на небеси. И священник стоит между Богом и человеком, как низводящий на нас благодать, вознося от нас мольбы к небесам, примиряя Его, когда Он гневается, с нашей собственной природой и освобождая своей рукой, когда мы Его прогневали. Потому, сами цари помазываются руками священников, но не священники рукой царя, и самая голова царей поставлена Богом под руки Его священников, показывая нам, что священники есть большая власть, чем царь, ибо больший благословляет меньшего.» Дальше Никон показывает наглядно обязательство для царя подчинения церковным законам. «Если бы кто-либо громко сказал всенародно, что царь оставил Христа и Бога, то кто бы возрадовался, кроме апостата? Кем же может быть такой человек, как не отступник от Христа, даже если бы это был царь. Ибо Бог одинаково всем сказал: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас отвергает Меня». Кто же может назвать христианином отвергающего Христа? Также, если бы царь стал порицать и бесчестить своего духовного отца исповедника, всякий бы стал это порицать и справедливо, если он не сумасшедший» (I, 127-127). «Власть царя – одно, а власть Епископа – другое (I, 242). Священник стоит перед алтарем и своими руками приносит непорочного Агнца (I, 45). Один принуждает, другой утешает; один ведет войну с врагами, а другой с князьями мира сего, тьмы века сего. И потому священство гораздо больше царства» (I, 130). Духовная власть не знает принуждения материального у Никона и опирается на часто цитируемые им слова Спасителя, сказанные Им Апостолам и их преемникам: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас отвергает Меня.» Помимо внутренних духовных дел, в

которых верующий соприкасается с духовной властью в таинствах, есть внешний церковный порядок, который приходит в соприкосновение с порядком государственным, хотя имеет свое происхождение, назначение, свои средства и свою цель, и особую природу.

Критика Никоном разных теорий соотношения духовной и светской власти.

Никон подвергает разбору соотношения двух властей и рассматривает, подвергая критике, различные теории (I, 250-255). Здесь со всей ясностью выступает теория симфонии в Никоновском понимании, и вполне устанавливается тот факт, что Никон был одинаково далек, как и от цезарепапизма, так и от папского цезаризма. Устанавливая далее добровольное подчинение царской власти Церкви, он тем самым отвергает и теорию косвенной власти предстоятеля Церкви, которым заражается католическая теория с XI веке. Это сближает Никона с пониманием симфонии такими Отцами Церкви, как Св. Иоанн Златоуст и Св. Феодор Студит. Борьба Никона за самостоятельность Церкви во многом напоминает такую же борьбу Св. Феодора Студита во время засилия императоров иконоборцев и делает Никона таким же борцом за восстановление церковно-государственных отношений в святоотеческом их понимании, бывших в лучшие времена Византии, каким он был в борьбе за восстановление греческой редакции богослужебных книг.

Вот эта цитата, которая словами самого Никона раскрывает его учение о соотношении властей и суммирует прежде цитированное нами в разных местах в одно целое учение: «Видишь ли, ответотворче и человекоугодник, что не священство берет свое происхождение от царства (в смысле получения от него освящения), как в другом месте совершенно точно говорит Никон[6] (I, 254), а наоборот, как

[6] В английском переводе Palmer'а слова Никона приведены так: But when the Bishop crowns the Tsar and consectates him, he then acts and does

показывают святые церковные молитвы и священнодействия и поучения Епископа при короновании? Где же наша вина перед царем и где его оправдание? В молитвах сказано: «Верный страж Святой Церкви», а он ее только ограбил. И старые греческие законы объявляют, что есть два меча власти: духовный и светский, которые Господь Иисус Христос установил для защиты Своего народа в Церкви, в которой Епископ есть духовный, а царь светский. Рассмотрел ли кто-нибудь ради объяснения этого, что надо разуметь под этими двумя мечами, т. е. как понимать эти выражения? Если кто не повинуется Епископу, царь того вынуждает к повиновению, равно те, которые отказываются повиноваться царю, вынуждаются к повиновению Епископом, когда в этом настанет нужда.

Но эти мечи двух разных родов власти и юрисдикции – духовной и светской (т. е. власти различного порядка и компетенции их различны). Здесь иной может спросить: если духовное и светское правительство поддерживаются этими двумя мечами, то который из них выше и более достоин внимания? Иные думают, что царь должен быть выше Епископа, и аргументируют так: во-первых, говорят они, царство не произошло от другого источника, а от Господа Бога. Во-вторых, если бы Епископ был выше, чем царь, то тогда из этого следовало бы, что Епископ имел бы инициативу, а царь принимал бы его распоряжения, а этого

---

this by virtue of his order; and in the same act the Tsar shows a voluntary submission to the Bishop. For even though he were not instituted or crowred by him he would still all the same be Tsar. He obtains and holds in point of fact the imperial or regal quality by the sword: but the name of Tsar (that is, of a sanctified and christian or orthodox Tsar) he gets by the episcopal consecration, of which the Bishop is the author and source (Но когда Епископ коронует и освящает царя, он действует в силу своего сана; в том же священнодействии царь обнаруживает добровольное подчинение Епископу. Ибо, даже если бы он не был коронован, он все же оставался бы царем. Он получает и удерживает фактически свою царскую власть мечом, но имя царя (то есть имя царя освященного и христианского или православного) он получает от епископского освящения, для которого Епископ является совершителем и источником).

нет (Напротив, царь временами принимает дар победы (триумф от Церкви), а не наоборот). К этому прибавляют, что царю дан меч для защиты закона, правды, вдов и сирот, чем он и может судить всякого рода дела, что не дано Епископу, ибо мы слышали о Св. Петре, которому сказал Искупитель: вложи меч в ножны, желая показать, что не желает соучастия с властью мира сего. Так аргументирует одна сторона. Против этого возражают, что Епископ выше царя, доказывая это следующим образом. Господь Бог дал верховному первосвященнику оба меча и обладание этим миром и духовным, именно де Господь Иисус Христос сказал Апостолам: «Кого вы свяжете на земле, тот будет связан на небеси», и это Он дал в их лице и всем их викариям и преемникам. Они говорят также, что здесь Епископу дана власть на небеси, которая есть нечто более превосходное, чем власть этого мира. Таким образом, достаточно ясно, что Епископ – высший. Они прибавляют, что временами Епископ вынужден употреблять и светский меч и светскую юрисдикцию, и что он может делать то, что обычно делает царь, ибо он издает норму для православных людей. Далее; они говорят, что Епископ ставит царя и имеет власть связывать его по заповеди Божией. Ибо, если священник, которому царь исповедает свой грех, и которого называет отцом духовным, может связывать, то тем более верховный первосвященник, который имеет власть над теми священниками-исповедниками царя, имеющими власть связывать и разрешать? Царь при помазании на царство обязывается покровительствовать правде и искоренять неправду. Но оставим в стороне этот спор и разрешим его так: в духовных делах, принадлежащих к Славе Божией, Епископ выше царя, ибо там только он может осуществить духовную юрисдикцию, но в делах этого мира выше царь[7]. Таким образом, обе стороны не противоречат друг другу.

[7] У Palmer'а приведено: But in these things which belong to the province of this world the Tsar is higher. (Но в делах, принадлежащих к сфере этого мира, царь выше).

Однако, Епископ имеет некоторое отношение к светским делам, как выше указано. Если царь не делает того, что ему подобает делать в повиновении законам Божиим, тогда во власти Епископа наказать или отлучить его, не как царя, но как отступника от Божьего закона» (Тем самым Никон отвергает то учение о прекращении обязанности повиновения подданных, которое на лицо в некоторых средневековых теориях) (I, 250-252).

Никон о «Дарении Св. Константина Великого».

Далее Никон затрагивает историческое происхождение светских функций Папы и их обоснование по «Дарению Святого Константина Великого», в подлинности которого он не сомневается. Он передает его содержание в коротких словах (в другом месте он целиком его приводит) ровно настолько, чтобы, показав историческое происхождение светских полномочий Церкви, вновь продолжить оценку обеих властей; решительно нигде он не выставляет этого Дарения, как основания для того, чтобы и в России создавать нечто подобное светской папской области. Никон рассматривает этот документ при рассмотрении соображений, приводимых сторонниками превосходства духовной власти над светской, и не мог не затрагивать его, ибо он помогал ему, при смешении духовных и светских полномочий у представителя Церкви, различать происхождение и природу тех и других. Никон оттенил, наконец, добровольность Константинова Дарения и высокое почитание Константином Великим Церкви в виду исцеления, полученного им от Папы, тем самым невольно подчеркивая, что в основе светских прав Папы лежит право государства, а не право церковное (Аутентичность «Дарений» опровергалась перед Папами еще в 15 столетии, но еще в 16 и 17 веке находились защитники его (Hergenröt-ter, «La chiesa cattolica e to stato cristiano (III, 30); их число все падало после кардинала Барония. Вот, как рассказывает Никон: «Власть и авторитет Христианской Церкви развились во время Константина Великого, который был крещен Папой

Св. Сильвестром и одновременно исцелен от своей болезни. Когда он знаком Животворящего Креста победил Максенция и изгнал других гонителей и даровал мир Греческой и Римской империи, то, во исполнение обета, который он дал в своей молитве к Богу, он дал Папе собственный дворец в Риме, именуемый Латеранским, и назвал Папу викарием князей Св. Апостолов Петра и Павла и после возложил на него собственноручно корону и пурпур и остальные царские одежды; в прибавление к ним он Дал ему императорский скипетр и все инсигнии и степени императорского престола, даже его войско было устроено в соответствии с различными должностями. Равным образом, он приказал и отличать священников Св. Христианской Церкви. Равно он почитал и других Епископов по их достоинству. И превыше всего он установил, чтобы тот достойнейший пастырь и его преемники были венчаны той короной, из чистейшего золота, которую он дал Сильвестру с своей головы. Все это он сделал для большей чести Св. Петра. После того этот христианский император в знак своего подчинения взял и повел за узду пешком лошадь, на которой сидел Папа Сильвестр. Он дал ему в дар Рим и отдал ему провинцию с западными областями и перенес свой императорский трон на восток и назвал по своему имени Константинополем» (I, 252). Тут Никон рассказывает этот исторический акт, смешавший в лице Папы функции обеих властей и засвидетельствовавший получение светских полномочий и короны папой от светской власти. Он продолжает: «Если кто скажет, что при разделении двух мечей христианства между двумя лицами, предоставлен светский царю, а духовный Епископату, возникает сомнение о том, который же выше, то мы разберем сначала мнение тех, которые обучены в духовном законе и утверждают, что царская власть должна подчиняться епископской власти. Они говорят так: епископской власти Бог дал ключи царства небесного и дал ей на земле власть вязать и разрешать. Далее епископская власть – духовная, а императорская – этого мира, а сфера небесной власти много превосходнее дел этого мира, т. е.

власти светской. Поэтому, ясно де, что царь должен быть менее, чем Епископ, и должен быть ему послушен. Ибо я также говорю, что духовенство есть избранный народ, избранный и помазанный Духом Святым. Если все христиане обязаны повиноваться Епископу, то разве тем более не обязан повиновением тот, кто мечом призывается приводить в повиновение Епископу? Второй аргумент тот, что Епископ имеет власть и авторитет делать то, что относится к царской юрисдикции, т. е. по закону (разумеется предоставление Иерархии светской юрисдикции по светскому закону); он может судить и управлять в обеих сферах, т. е. по законам той или другой власти. Кроме того, царь обязуется излагать свое исповедание перед Епископом, и он, выслушивая его, должен определить, правильно ли верит царь и не подлежит ли анафеме (Это имело громадное значение в Византии в период вырабатывания догмы на Вселенских Соборах и уяснения того, какое учение считать православным). Здесь Никон заканчивает аргументацию сторонников превосходства власти духовной: «Этот вопрос, говорит он, требует подробного обсуждения с двух сторон. Чтобы не входить в слишком долгое обсуждение, рассмотрим, как примирить два противоположных мнения, и предоставим каждому, т. е. Епископу и царю, соответствующий авторитет, и таким образом спор будет закончен.

Каждая власть происходит от Бога; юридически ни одна не выше другой.

Всемогущий Бог, создав небо и землю, приказал двум великим светилам – солнцу и луне – в их течении сиять над землей; одним из них – солнцем – Он прообразил епископскую власть, а другим – луной – царскую. Ибо солнце – большее светило, сияет днем, как Епископ, просвещающий душу, но меньшее светило сияет ночью, под которой разумеется тело. Как луна заимствует свой свет от солнца, и в пропорции удаления от него на большее расстояние получает более полное сияние, так царь производит свое освящение, помазание и коронование (а не

власть) от Епископа, и, получив это, он имеет свой совершенный свет, т. е. свою освященную власть и авторитет. Совершенно такое же сходство между этими двумя лицами во всяком христианском обществе, как между солнцем и луной в материальном мире. Ибо епископская власть сияет днем, т. е. над душами; а царская в вещах этого мира. И эта власть, которая есть царский меч, должна быть готовой для действия против врагов Православной веры. В этой защите от всякой неправды и насилия нуждается Епископат и все духовенство. Это обязана делать светская власть. Ибо светские нуждаются для освобождения своих душ, а духовные нуждаются в светских для защиты своих тел. И таким образом, в этом ни одна из них не выше другой, но каждая имеет власть от Бога. Было написано выше, что духовенство – избранный народ. Отсюда ты можешь понять также, что в духовных делах таких, как крещение, покаяние и другие церковные таинства, духовные кладут руки на голову и призывают на голову благодать Св. Духа. Когда они ставят царя, они помазуют его в форме креста на плечах. И это указывает на различие между тем, что свойственно этому миру и что духовному. Но когда Епископ коронует царя и освящает его, он тогда действует и делает это в силу своего сана, и в том же акте царь выражает свое добровольное подчинение Епископу. Ибо, даже если бы он не был поставлен или коронован Епископом, он был бы все же царь. Он получает и сохраняет фактически императорское достоинство мечом, но имя царя, то есть освященного христианского или православного царя, он получает через епископское освящение, по отношению к коему (освящению) Епископ есть творец и источник. Надо понять, что закон империи или царства никак не затрагивает закона церковного, ибо в духовных делах воля царя не может стоять выше церковного закона, ни в отношении какого-либо дела, принадлежащего Церкви, царь не может делать установлений или действовать с властью контролирующей.

В церковных делах церковный закон и Епископ выше царя.

Также надо понимать и о Епископах и о церковных канонах, которые повелевают соблюдать и поддерживать царские законы. Ни один человек не может противодействовать канонам Церкви и законам царства и учению Св. Отцев или что-либо возражать против них (когда они оба утверждают одно и то же). Поэтому ты понимаешь, что надо думать о них обоих, именно, что в делах, касающихся освобождения души, Епископ выше царя, и каждый христианин православный обязан повиноваться Епископу, ибо он наш отец в Православной вере, которому вручена забота о Православной Церкви.

Каждая власть имеет свой порядок и права от Бога и должна их защищать.

Надо понимать, что их власть одна и равная (одна, в случае если обе постановят одно и то же); каждая имеет свой собственный порядок и права, установленные Богом, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядок для себя, на свою собственную ответственность. Это предоставлено и духовной власти ее Матерью Православной Церковью. Если одна из них нарушает этот строй, ни одна не отвечает перед каким-либо обычным судом» (I, 252-255). Столь ясное признание Никоном верховенства царя в светских делах совершенно устраняет установившееся со временем Лигарида обвинение его в папизме, хотя бы только в смысле слишком широкого понимания объема духовной власти. При наличии таких точных определений, которые мы видим у Никона о самостоятельном происхождении светской власти, о различии в самой сущности власти духовной, нечего прибавлять к тому, что сказано им самим.

Юридическое равенство властей; духовное превосходство власти духовной.

Мы не видим никакого противоречия между прежде высказанным мнением Никона о превосходстве духовной

власти над светской и только что сделанным им заявлением об их равенстве. Когда Никон говорил о превосходстве, он разумел оценку власти по ее содержанию, власти в ее объективном смысле, т. е. ее функции; а когда Никон говорит об их равенстве, он говорит в одном случае о равной их необходимости друг для друга и для мирового строя, а в другом случае имеет в виду признание равенства их юридического строя, существующего параллельно; последнее юридическое равенство нисколько не исключает, что одна власть добровольно признает над собой высший в духовном смысле порядок, в соответствии с требованием которого преобразует свой собственный порядок, т. е. оцерковляет его. Это – совершенно отлично от католической теории косвенной власти, канонизованной в § 24 Силлабуса.

Не может нас нисколько смущать и употребление тех же метафорических сравнений властей с двумя мечами и с двумя светилами, в которые в католической доктрине Григория VII-го и Иннокентия III-го вложен другой смысл. У Никона определенно сравнивается с освещением луны солнцем не происхождение царства, а его освящение Епископом; что же касается меча, то у Никона меч светский вынимается для поддержки и защиты в Церкви, но не по ее приказанию, а в виде добровольного служения, как нравственный долг перед Церковью с свободным выбором порядка его осуществления, а в смысле Иннокентия III-го Церковь распоряжается сама государственным мечом, обязывая государство к тем или другим мероприятиям, которые она в лице Папы намечает; в этой системе уже не государство возвышается до Церкви, а Церковь понижается до государства. Что Никон не материализирует и не омирщает Церкви, видно из тех средств, которые он вкладывает в ее руки для защиты своего самостоятельного строя, а затем и из тех санкций, которыми он сопровождает для царя требование соблюдения границ царской власти, соблюдения ею долга перед Церковью и перед Ее Предстоятелем Патриархом.

Никон о мерах самозащиты Церкви. Заявление протеста и духовные наказания.

Относительно мер, которые священство должно принимать в защиту церковного строя, Никон пишет: «Царь Озия вошел в алтарь Господа воскурить фимиам, вопреки запрету священника, говоря: я праведен. Ты праведен, может быть, но держись в границах, тебе поставленных. Границы, поставленные царству – одни; границы, поставленные священству – другие. Но священство выше царства. И Азария священник пошел за ним и с ним 80 священников. И воспротивился он Озии царю и сказал ему: не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аарона, посвященных на каждение; выйди из святилища, ибо ты поступил беззаконно. И не будет тебе это в честь у Господа Бога. И разгневался Озия, а в руке у него кадильница для каждения; и, когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его перед лицом священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного» (2 Пар. 26, 17-19).

«Разве я без основания сказал, что священник выше царя? Азария и не думал удалять его с почтением, как царя, но как какого-нибудь отверженного презренного раба. Он пошел за ним гневно, как некий верный пес за гадким диким животным, чтобы вытащить его из дома своего хозяина. Видишь ли, как душа священника была исполнена великой храбрости и высокой мудрости? Он не посмотрел на величие правителя, он не думал, как трудно остановить душу, упоенную своей страстью. Он не слушал Соломона, говорящего: «Гнев царя подобен рычанию льва», но смотрел на истинного царя, Царя небес, и, думая о грядущем суде, подкрепил себя такими мыслями и поспешил к оскорбителю. Он хорошо знал, что гнев царя подобен рычанию льва, но для того, кто приготовился скорее умереть, чем оставить без сопротивления нарушение священной заповеди, этот лев был презренен, как самая малая собака. Нет в действительности более безвластного, чем человек, нападающий на Божественные законы, и нет ничего сильнее, чем человек, борящийся за них. Ибо совершающий грех есть

раб греха, хотя бы он носил тысячу корон на голове, но делающий праведное дело больше царя самого, хотя бы он был последний из всех. Все эти мысли были у священника, когда он вошел в алтарь. Посмотрим, что он сказал царю, и для нас будет поучительно услышать его упрек царю, и что он ему сказал: «Не свойственно тебе возжигать фимиам перед Господом». Он обратился к нему, называя не по царскому имени или по другому титулу власти, ибо царь уже лишил себя авторитета. Но что сделал Бог, видя, что священник оскорблен, и слово его растоптано, и сам священник ничего не мог сделать более. Дело священника только протестовать и обнаружить смелость, но не поднимать оружия, не хвататься за меч, не махать копьем, не натягивать лук, не стрелять, но только смело протестовать. И когда священник подверг царя порицанию, а царь не подчинился, и поднял свое оружие, прибегнув к своей власти, священник сказал: «Я сделал свое дело, более я ничего не могу. Защити, Боже, священство поруганное, законы оскверненные и повеления Твои нарушенные».

Что же сделал Бог, любящий человечество? Он тотчас ниспослал проказу на чело Озии. Он не сделал за этот грех того, что сделал, когда Дафан и Авирон пожелали разделить священство с Аароном, за что их поглотила разверзнутая земля. Имея возможность наложить достойное наказание, Он этого не сделал. Я говорю это не для упрека царю, но чтобы ты (Лигарид), упоенный гордостью и яростью, мог познать, что священство выше царства. Озия ушел из храма, помеченный, как пример для всех людей. Искавший священство, он потерял и то, что было его» (I, 131, 132). «Если царь, говорит Никон, не делает того, что он обязан делать ради повиновения Божественным законам, то епископ может подвергать его духовному наказанию и отлучению, не как царя, а как отступника от Божественного закона» (I, 252). Никон ссылается на слова Златоуста, когда он запретил виновным в нарушении его наказа не клясться переступать порог храма. «Если кто не повинуется моему закону, говорит Златоуст, тому я запрещаю переступать порог Церкви, хотя

бы он был князь, хотя бы он был даже носитель диадемы; или низвергните меня с этого авторитетного места, или пока я остаюсь на нем, не ввергайте в опасность мою душу. Я не осмеливаюсь подниматься на ступени этого престола иначе, как для какого-либо духовного успеха. Ибо, если это невозможно, то лучше стоять внизу. Быть пастырем, не принося пользы пасомым, есть самое худое дело, которое может быть» (1, 530). Эта цитата, приводимая Никоном, сопоставленная с словом его 10-го июля 1658 года, в объяснение самим Никоном его ухода с чтением им за той же литургией перед этим 29-й гомилии Златоуста, толкования на послание Апостола Павла к Римлянам, многое объясняет в его уходе в Воскресенский монастырь (IV, 123-128 и V, appendix 1-4). Никон говорит, что царь нарушил клятву, данную при его поставлении, не нарушать самостоятельного управления Церкви, в соответствии с ее канонами, т. е. не исполнил клятвы своей быть православным царем, и потому к нему применимо Златоустовское запрещение входить в храм, относящееся ко всем нарушившим клятву. Он приводит и правила Василия Великого о клятвопреступниках, т. е. о тех, кто поклялся во лжи или нарушил клятвенный обет (64 пр. Василия Великого устанавливает для них 10 лет «покаяния») (I, 581). Он приводит и 82-ое его правило, устанавливающее за нарушение клятвы без принуждения два года быть среди плачущих, три года слушать Божие Писание, пять лет быть среди оглашенных (substrati), и два года стоять с верными в общении молитвенном, и только через 12 лет позволяет быть допущенным к Причастию. Видишь, что нарушители клятвы недостойны даже стоять в Церкви и молиться с верными. И это тебя (Лигарида) не беспокоит? Ты послушай Христа, сказавшего: «Слушающий вас, Меня слушает.... и т. д.». Но как ты говоришь, что царь выбирает Патриархов, Митрополитов? он не имеет власти этого делать; к тому же не держит и клятвы своей. Вследствие этого он недостоин даже входить в церковь, но должен проводить всю жизнь в покаянии, и лишь в час смертный может быть допущен к

причастию... Златоуст запретил всякому нарушившему клятву. переступать порог церкви, хотя бы то был сам царь» (I, 581). Так, за нарушение заповеди Божией царь по Никону подлежит мерам духовного наказания.

Не должно повиноваться закону, противоречащему канону.

А как быть с его законами и приказами, если они противоречат канонам? Никон отвечает на это, что этим законам нельзя повиноваться. И сам Никон, когда его заставляли в 1663 году 25 июня вести тяжбу с Боборыкиным об уведенной будто бы с Боборыкинской земли его монастырскими крестьянами ржи (перед окольничьим Сукиным и думным дворянином Баклановым), судиться отказался, но отдал всю наличность монастыря, превышающую в 10 раз стоимость спорной ржи. Так же в 1653 г. 18-го июля он предоставил комиссии во главе с кн. Одоевским и Лигаридом, приехавшей в Воскресенский монастырь для следствия по делу, будто он проклял на молебне 26 июня 1663 г. царя, – насильно приводить к допросу подчиненное ему монастырское духовенство, но сам благословения им на дачу ответов не давал. Так описано это дело Гюббенетом в его исследовании о деле Патриарха Никона. Все это происходило потому, что в глазах Никона не могли производить царские судьи суда над Патриархом. Никон писал в «Раззорении»: «Мы писали, не хуля царя, а порицая его действия. Пусть кто хочет служит царю и получает от него суд, но нам Христос дал закон и Себя Самого поставил примером не повиноваться и не отвечать перед нечестивыми судами и не привлекать к нему других (Матфея 26, 59-63; Иоанна 18, 19, 21; Видишь ли ты, подражатель жидов, как Христос и наш Бог, неправильно привлеченный к суду нечестивого царя первосвященниками и старейшинами иудейскими, не отвечал и дал пример для всех верующих в Него? Он даже отверг, когда они спрашивали Его с заклинанием. Мф. 26, 63; Лук. 22, 67-71. Никон никогда не говорил вопреки Божественным правилам и не говорит теперь. Но Никон сказал спрашивавшим его

посланным от царя: Божественные законы не позволяют царям узурпировать власть над собственностью движимой или недвижимой, посвященной Богу, ни судить лиц, посвященных, т. е. клириков. Пусть кто хочет принимает суд царя, но, что касается нас, то хотя бы мы лишились последней одежды, Христос запрещает нам идти на суд царя.

Возмездие за нарушение прав Церкви от Бога.

Но если царь привлечет нас к своему суду силой, как сделали евреи с Христом и Его Св. Апостолами, то это увидит Всевышний Царь царей, Господь Господствующих, Который отмщает быстро за всякую обиду совершающим несправедливость и насилие, как и издревле Он давал возмездие тем, которые восставали против Божьей собственности и наследия и судили неправедным судом», и Никон напоминает наказания от Бога Саулу, Озии, Ироду, Ахаву... «Видишь ли, вопрошатель и подражатель еврейского нечестия, что Иисус не отвечал евреям, спрашивавшим Его, и также Он сделал, когда Его привели перед Пилатом (Матфея 27, 11-14; Иоанна 18, 33-35, 36, 37, 38). Видишь ли, как язычник Пилат был склонен простить Иисуса , а мы никакой обиды не делали царю и не назывались царями» (1, 296 и 297) Что Никон не вторгался в гражданское управление, мы имеем свидетельство самого царя, сделанное им в 1657 году. Он сказал одному диакону, просившему у царя снять с него наложенное Никоном запрещение; царь сказал: «боюсь Патриарха Никона, а ну как он скажет мне: я не вмешиваюсь в твои дела, царь, зачем же ты вмешиваешься в церковные ». Никон писал Константинопольскому Патриарху Дионисию: «Мы великим государем не называлися и в государственные дела не вступалися, а что о неправде кому говорили и бедных от бед избавляли, то мы, Архиереи, на то и поставляемся».

Никон и сам отказывается исполнять государственный закон, противоречащий церковному.

Апостольское правило слушаться Бога, нежели людей, Никон считал своим руководством, потому все то, что он почитал церковным каноном, он ставил выше законов

светских и, согласно догме Византийского права о преимуществе канонов над законами, правовой догме, перешедшей и в Россию, он отвергал светское законодательство, которое нарушало канон. С нашей современной юридической точки зрения может казаться покушением на светскую юрисдикцию отказ Патриарха повиноваться в гражданских делах царскому суду, но в XVII веке не было еще подсудности по предметам дел, а только по лицам, и потому духовенство, по Божественному праву подчиненное в духовных делах церковному суду, и в светских почиталось с точки зрения Никона подлежащим его же суду.

Таким образом, этот отказ Никона был не следствием желания оторвать от государства юрисдикцию по гражданским делам, а естественным результатом современного ему понимания объема церковных дел, охватывавшего все дела духовенства, в том числе и гражданские и уголовные, последнее только за исключением убийства и разбоя. В вопросе об имущественных правах видно, что Никон различал благодатные права Церкви, полученные свыше, и права земные, полученные от царей Церковью, как видимым обществом-учреждением. Имущественные права Церкви он признавал полученными в порядке земных отношений, хотя и по заповеди свыше. «Ты говоришь, что царь дал Никону привилегии, как Константин Великий Папе. Какие ? Скажи мне. Десятины»? Но они установлены еще в Ветхом Завете. Что иное они, как не древнее установление закона или традиция благочестивых царей? Но что царь дал нам? Отнял у Церкви собственность, и изгнал нас самих, лишив привилегий и всего» (I, 207). «Ты говоришь, что дар можно отобрать от неблагодарного. От кого же царь приказывает отбирать дары, данные Богу в благодарность за Его великие милости? Если они мне даны за мои труды и старания, то почему же царь должен отбирать их в неправедном гневе? И как он будет отбирать то, что дано и посвящено Богу?» (I, 270).

Принцип подсудности церковного духовенства в гражданских делах Церкви соблюдался в России со времен Святого Князя Владимира вплоть до Уложения царя Алексея Михайловича, впервые его нарушившего. Нарушение это произошло с согласия Патриарха Иосифа и руководимого им духовенства и было одним из признаком чрезвычайной слабости этого Патриарха. Нарушение церковных канонов, сделанное Уложением, вызывало требование восстановления прежнего законодательства; вот почему, между прочим, Никон, так отстаивавший канонический строй, и не мог вступить на Патриарший престол, не получив обещания в восстановлении этого строя. Что это делалось не ради какого то властолюбия, то это видно уже из того, что Уложение сравнительно мало затрагивало юрисдикцию самого Патриарха, который обычно получал от царя несудимую грамоту, ставившую всю его патриаршую область в привилегированное положение. Ее получил Никон еще для Новгородской епархии, когда был туда поставлен Митрополитом. И, конечно, он ни одной минуты не мог сомневаться, что царь даст ее ему и для Патриаршей области, тем более, что эта несудимая грамота для Патриаршей области требовала только обычного подтверждения ее.

Духовное оружие царя в борьбе со злом – христианские добродетели: смирение прежде всего.

Никон неоднократно, как мы видели, писал, что он не хулил царя, а лишь порицал его действия, и делать так он считал себя обязанным по своему положению. Но, что он власть царя ставил на высочайшую степень, видно не только из его признания, что власть царя – власть верховная в гражданских делах; но и из того, что он отводил ей значение власти, удерживающей от зла, господствующего в мире, а чтобы бороться с этим злом, то есть сатаной, недостаточно материального оружия, надо бороться и с крестом в груди, т. е. иметь добродетели, которые по христианскому учению составляют главное средство в борьбе над преобладанием зла. Среди этих добродетелей есть главная; это –

христианское смирение; она – одно из необходимых свойств царя и вообще необходимое средство победы над врагом. На это многократно указывает Никон в разных местах своей книги, и мы их должны привести. Об этом смирении-послушании церковным правилам Никон напоминает указанием на поучение царю, читанное по чину при его короновании царю венчавшим его Иерархом. Там говорится: «Государь и возлюбленный сын во Святом Духе Святой Церкви и нашего смирения, царь и великий князь Алексей Михайлович, самодержец всея Руси, смотри, ты отныне поставлен царем по благодати, данной тебе от Святого и Животворящего Духа наложением рук нашего смирения вместе с Собором духовенства в Святой и Великой Церкви Успения Божией Матери. И ты, государь и сын, Божественно венчанный и православный царь Алексей Михайлович, самодержец всея Руси, имей страх Божий в сердце своем и держи христианскую веру греческого закона чисто и непоколебимо и предохрани свое царство, которое ты принял от Бога чистым и непорочным. Люби справедливость и милость и суди праведным судом. Будь милосерд к послушным подданным. Покажи веру и страх Божий в Святой Соборной Церкви (Успения) и всем Церквам. Воздай ей честь, ибо в ней ты возродился в святом крещении духовным возрождением. И к нашему смирению и ко всем святым богомольцам во Святом Духе покажи твое царское духовное повиновение, согласно словам Св. Евангелия: слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас отвергает Меня. И знай: какую кто честь воздает Епископу, эта честь переходит на Самого Спасителя, от Которого они получат награду во сто крат» (I, 581, 582).

Евангельские слова о послушании апостольском разбросаны по всему сочинению Никона и являются основой, на которой он строит не только загробное, но и земное благополучие. Не говоря о том, что это послушание не выходит за пределы церковной сферы, оно исключает всякий архипастырский произвол. В том самом обете, которого требовал Никон от царя и бояр перед вступлением

на Патриаршество, прямо говорится, что обещают слушать все то, что Никон будет говорить согласно церковным правилам. Что Никон вообще не считал Патриарха верховным судьей церковных правил, видно из того уважения, которое он питал к соборному принципу. В вопросе об исправлении церковных книг и обрядов, когда он убедился в необходимости их исправления, он созвал Собор 1654 года, который решил предварительно вопрос о необходимости их исправления, а после этого Никон писал Константинопольскому Патриарху Паисию, испрашивая его мнение об исправлении, и после получения одобрения, предоставил на просмотр и одобрение Собора все исправленные книги. Это обращение к Соборам и к Восточным Патриархам показывало, что Никон не считал себя единовластительным и в Патриаршем сане; письмо 1665 г. к Константинопольскому Патриарху Дионисию показывает, что он считал и всех Патриархов, вместе взятых, связанными канонами в своем высшем суде.

Праведность царя – основа прочности царской власти.

Слова Никона о послушании указывают на тот факт, что правила церковные требуют добровольного повиновения, не имея материального принуждения, но что они обязательны для каждого христианина; без исполнения их христианин есть христианин только на словах; без исполнения их, по Никону, он не может надеяться получить от Бога и земное благополучие. Потому он постоянно ссылается на ветхозаветные примеры благополучия благочестивых царей и несчастий царей нечестивых, постигающих их самих, и царства их. Первое дело царя – заслужить милость Божию, потому праведность – основа его жизни, а праведность неразлучна со смирением пред Церковью. И Никон цитирует Златоуста: «Делающий волю Божию имеет большую ценность, чем 10.000 нарушителей. Поэтому, все в беспорядке, все перевернуто вверх дном; ибо как в театре мы желаем иметь просто множество людей, а не множество надлежаще воспитанное. Какая польза от множества? Разве

не знаешь, что действительный народ – святые, а не многие? Выведи на битву миллион людей и одного святого, и посмотрим, кто сделает больше. Иисус Навин пошел на войну, и один добился успеха; остальные были не нужны: даже такое множество людей, когда оно не делает воли Божией, есть и все и ничто» (I, 530). Также, разбирая царские инсигнии, Никон приводит древнюю форму поставления царя, связывая с каждой из инсигний особое нравственное значение, символизирующее соответственные требования к царю. «Есть пять инсигний собственно принадлежащих царю, которые Патриарх при посвящении ему вручает: первая – корона, которую он возлагает на его голову; форма ее подобна корон с некоем пучком над головой, имеющим 4 лилии в знак того, что царь должен быть благородным, хорошего образа жизни и богобоязненным, также, что он должен вести по доброму пути свой народ, состоящий из четырех элементов; также он должен быть послушен, милосерд, милостив к добру и не гневен, как лилия среди цветов. На короне есть крест в знак того, что он должен помнить, что он коронован для царствования над людьми, которых искупил Сын Божий на кресте. Вторая из инсигний – знамя с орлом, которое имеет крест на его груди в знак того, что он должен нести крест перед всеми христианами для защиты всех и готов умереть за Православную Церковь, для которой он – щит. Поэтому Патриарх, помазывая его миром на плечах, читает молитву Богу: «Господи Иисусе Христе, Сын Бога Живаго, освяти его – Твоего слугу, чтобы он был непобедимо огражден щитом против всех врагов видимых и невидимых, как Ты Сам через Твою драгоценную кровь освятил нас и избавил нас от власти врага. Третья инсигния – знамя желтое с пурпуровым или багряным краем. Пурпур означает искреннюю любовь, которую царь должен иметь к Богу и к добрым людям. Желтый цвет означает те благодеяния, которые царь должен показывать людям; он говорит о смерти, которою он должен наказывать дурных людей по закону, ибо желтый цвет означает смерть, как говорят медики. Четвертая инсигния –

золотое яблоко или шар, который открывается и закрывается; он наполняется землей, которая означает смерть царя, несмотря на его величие и достоинство. Пятая – золотой скипетр, т. е. золотая милость, которая имеет на конце двойную лилию, т. е. два цветка...., этот знак благоволения означает царскую любовь. По обычаю Епископ должен давать его царю в том же смысле, в каком сам Епископ получает пастырский посох от царя, т. е. ради союзной дружбы, означая этим постоянное должное подчинение царя Епископу, передающему ему, как отец сыну, знак повиновения» (I, 256, 257).

Смысл ухода Никона в Воскресенский монастырь в 1658 г.

Смысл того подчинения, которое испрашивал Никон для Церкви от царя при вступлении на Патриаршество, заключается в том, чтобы царь через подчинение церковным канонам был царем православным. И уход Никона в Воскресенский монастырь был протестом против того, что царь перестал быть православным, нарушив свой обет и допустив бояр до захвата церковного управления. Это была крайняя мера пастырского воздействия. И в этом акте, как в фокусе, выражается все миросозерцание Никона. Если бы он не ушел, то он явился бы потаковником, соучастником в том положении, с которым он не мог бороться в виду утраты царской поддержки при окружающей его вражде; оставаясь, Никон встал бы в противоречие с собственным понятием о самостоятельности церковной власти и дал бы санкцию ее захвату. Именно в тех местах, где Никон говорит о своем уходе, и вскрываются его понятия о царе православном и об обязанности Патриарха блюсти с одной стороны неприкосновенность прав Церкви, а с другой заботиться, чтобы царь в выполнении своих царских функций выполнял неразрывно связанные с ними обязанности охранять Церковь. Так, Никон пишет в письме к Константинопольскому Патриарху Дионисию: «Сначала благочестивый царь был чрезвычайно благ и милостив и во

всех Божественных законах повиновался во всем, что мы ему говорили, настолько, насколько это и подобает в отношении к нам, и по милости Божией и с нашего благословения успешно воевал с Литвой. Затем он начал постепенно возноситься и пренебрегать тем, что мы говорили от заповедей Божиих, и захватывать дела, подлежащие Епископам, изданием указов и осуществлением юрисдикции, связанной с Божественной благодатью; сам ли собой он решил так действовать или был склонен к тому дурными людьми, подобно Равоаму, царю Израильскому, отвергшему совет старейшин» (III, 384). Никон говорит в «Раззорении»: «Я не просто свидетельствовал о моем уходе в Св. Церкви перед Богом и Св. Ангелами, как я свидетельствовал и при принятии мною избрания на Патриаршество, происшедшего не по моим льстивым домогательствам, а по мольбе царя и всего Священного Собора. Но как говорится в псалмах: И свидетельствовал я перед царями и не постыдихся, так и мы говорили, не стыдясь в Святой Божией Церкви, свидетельствуя перед Богом, что, если бы великий государь царь не обещал перед Богом и Св. Матерью Божией соблюдать ненарушимо заповеди Св. Евангелия и Св. Апостолов и Св. Отцев, то я не помыслил бы вступить на такую должность. Богу известно, как клялся великий государь... И пока он, великий государь, по возможности (Уложение в статьях, касающихся Церкви, не было отменено, а только отсрочено) держал свое обещание повиноваться Церкви, – мы терпели. Но когда царь перестал соблюдать свое обещание и неправильно вознегодовал против нас, то, помня и наше собственное обещание соблюдать заповеди Божии, сделанное собственноручно при нашем поставлении, мы, принимая во внимание беспричинный гнев царя и Божию заповедь (Мф. 10, 23), ушли. Выйдя из города, мы выполнили заповедь об отряхании праха с ног своих, жили, оставаясь в пустыне» (I, 21). Никон говорит о тяжести греха клятвопреступления, совершенного царем и подлежащего наказанию церковному, и снова говорит об обещании царя, несколько в иных выражениях иллюстрируя свою мысль.

«Государь и бояре все обещали слушать внимательно заповеди Христа и каноны и ничего не замышлять иначе, какой-либо уловкой, что-либо по преданиям человеческим (цезарепапизм) и по стихиям мира сего. И сначала царь был благочестив и мягок и послушен, и Никон был Патриарх; но, когда царь переменился к худшему в своих отношениях к Св. Церкви и начал пренебрегать св. Божиими заповедями и канонами Св. Апостолов и Св. Отцев и начал не только не слушать Патриарха, но даже говорить ему резкие неподобающие слова (намек на «блядин мужик» в споре о том, как надо совершать обряд водоосвящения по случаю праздника Крещения Господня, как свидетельствует Павел Алеппский, Пальмер II, Предисловие, 57 стр.); тогда Никон засвидетельствовал в той же Церкви перед Господом нашим Иисусом Христом и послал царю собственноручное письмо с объяснением, почему он, Никон, хочет уйти, т. е. чтобы дать место гневу царя. И читал ли он-царь письмо, не знаю, но отослал его Никону обратно. Никон, спустя несколько дней, ушел с подворья Воскресенского монастыря в этот монастырь. И с того времени до сего дня государь упорствует в своем гневе против Патриарха Никона, за что, я не знаю, и верит всяким ложным обвинениям и сослал из-за него множество людей, священников, диаконов и светских, вопреки Божественным заповедям, и взял на себя функции епископского сана и церковной власти вопреки Божественным канонам и в нарушение своей клятвы, данной им трижды, что он не будет иначе мыслить, чем подобает православному царю» (I, 583, 584). «И Никон утверждает, что он всегда говорит на основании Писания и канонов и говорит Лигариду, что «говорящий, подобно ему – Лигариду, от себя говорит ложь, и Господь рассеет кости человекоугодников» (I, 549). Какие же средства существуют для того, чтобы царь оставался православным, и не только лично был бы праведен, но и не совершал бы неправедных актов, как царь?

Патриарх – нравственная сдержка для царя.

На него нет суда человеческого, но есть величайшая нравственная сдержка в лице Патриарха, нераздельно ему сопутствующая везде; он – высший предстоятель Церкви, напоминающий ему, когда нужно, о высших целях человеческого существования и о высшей правде, которой выразителем призван быть царь. В этом отношении учению Никона противостояло другое воззрение, нашедшее себе выражение в Уложении в гл. X, 83, 84, стеснившее духовенство в проповеди. Никон по этому поводу писал: Ты, князь Никита, написал это по совету учителя твоего Антихриста. Разве это не диавольская затея, чтобы никто не осмеливался из страха перед тяжкими наказаниями проповедовать кому-нибудь о Слове Божием? Ибо упрек нечестивому человеку есть зерно в его ногах; хотя оно не велико, а больно. Так и не принимающим Слово Божие оскорбительно, если кто говорит о праведности; они видят в этом упрек себе. Для этого дела Господь установил порядок, сначала образумить наедине, потом при свидетелях, а потом поведать Церкви, т. е. главному пастырю Церкви, и он будет увещевать подчиниться заповеди Божией. Если он не послушает этого увещания, тогда не заслуживает порицания тот, кто назовет его Богоотступником и предтечей Антихриста, и врагом Божиим, и хуже, чем язычником и мытарем; того царя ожидают большие мучения, чем людей Содома и Гоморры; они больше чем грешники, на которых упала Силоамская башня. Так сказал Павел волхву Элиме (Д. 13, 9, 10). От дома таких по заповеди Божией мы уходим и отряхаем прах по свидетельству против них, как рассказывает Деяние о Павле (13, 50, 51 и 18, 6): кровь ваша на головах ваших. И если кто теперь, сделавшись глухим к слушанию, отказывается слушать Слово Божие, то его рассматривают, как оскорбителя за такое бесчестие (порицание), сделанное такому непослушному и беззаконному человеку; они по этому беззаконному кодексу назначают штраф в серебре или в золоте или угрожают строгостями; но пусть такой (справедливо обличающий)

радуется и веселится, ибо велика его награда на небесах. Так говорит Спаситель, они преследовали пророков, бывших до вас. Но ни один волос не погибнет на голове вашей. В вашем терпении стяжете души ваши» (I, 487-489). Никон придавал огромное значение воспитательной задаче духовенства вообще и негодовал на ее стеснение.

Никон, по показанию приезжавшего к нему в Воскресенский монастырь в апреле 1659 года думного дворянина Прокофия Елеазарова, говорил: «В прежние времена даже отшельники писали благочестивым греческим царям об исправлении духовных дел, а я член Кафолической и Апостольской Церкви, не отсечен от нее ни за какое преступление; по своей лишь воле я оставил свое стадо, но я не оставлял думать об истине. И в будущем, если я что услышу о каком-либо духовном деле, требующем исправления, я не обещаю молчать» (IV, 169). Стояние за правду и за истину Никон почитал обязанностью всякого духовного лица: на Патриархе же эта обязанность, как на Первопредстоятеле Церкви, лежала лишь в особо повышенной степени, но не считалась им исключительной его прерогативой. Царь и Патриарх – благочестивая Двоица, воплощающая в высших степенях два дара, которыми Бог наделил человечество: царство и священство: Лигарид и ополчился на то проявление Патриаршей власти в отношении к царю, в котором может сказываться нравственное воздействие на царя со стороны Патриарха, это право Патриарха на обличение царя.

Лигарид и Никон о праве обличения царя.

Мы видели, как со ссылкой на псалом Никон писал: «Я говорил царю истину не стыдяся.» Напротив, Лигарид всякое действие, из которого можно вывести порицание действию царя, готов признать за опозорение царя. В 27 вопросе Стрешнев спрашивает: «Некто осмеливается называть вельможнейшего царя нашего несправедливым, обидчиком и проч., что тому следует учинить по св. правилам?» Лигарид дает ответ: «84 апостольское правило говорит: если кто из

духовного чина опозорит царя, то будет низложен, а если мирянин, – да будет проклят» (Гиббенет т. I). Паисий приводил рассуждение Матфея Властаря (XIV в.), в котором, между прочим, сказано: «Если кто найдет позорное письмо, писанное о царе, и не сожжет его, а станет его другим читать, тот по правилам достоин смертной казни, равно как и тот, кто писал позорное письмо на царя.» Никон возражает: «Как выше солгал, так и здесь лжешь. Тот по правде, яко же ты, казни достоин, претворяя пишешь апостольские правила и казни смертные вносишь, в них же таковые злобы не именовалися. Послушай толкование на вышеозначенное 84 апостольское правило и на Матфея неведомого: Моисеев закон говорит: князю людей твоих да не речеши зла, также верховный Апостол Петр повелевает царя почитать, и великий Апостол Павел поучает молиться за царя и за вся, яже во власти суть (1 Тим. 2, 2). Досаждать царю или князю возбраняется всем; обличать же по достоянию не возбраняется. Без правды досаждать правило не допускает, кто же по правде обличает царя или князя, не подлежит наказанию. В царских законах сказано (Василики 3 титул XVI книга глава 13): «Если кто скажет зло на царя, – подлежит наказанию; если же сказавший окажется скудоумец или сказал от неистовствования, таковой де помилован будет (Выдержки из подлинника, приведенного Гиббенетом). Никон отрицает наличность какой-либо обиды от него царю и пишет: «Какую обиду понес от нас царь? Покажи, если можешь, только не лги, а мы покажем. Государь говорит, что я не уважал его трона. Но как мы тогда свидетельствовали перед Богом касательно его действий и его несправедливого и неосновательного гнева против нас в Св. Церкви (10 июля 1658), так он никогда не переставал преследовать нас. Ему кажется легкое дело разрешать всякому до крайности злоупотребить злобой и коварством против нас, и от этих никчемных людей мы подвергались бы опасности для жизни, если бы Бог не помог нам в скорбях за Его Святое Имя, согласно Писанию (Лук. 6, 22, 23) (I, 115).

А о молитве Никона за царя, среди многих свидетельств есть, между прочим, одно от 1666 года, когда уже Никон принял много гонений, но еще не был лишен сана. Это его письмо к царю: «Богомолец твой государев, смиренный Никон Патриарх, о вашем государеве душевном спасении и телесном здравии Господа Бога молю со всей братией, и да приложит Господь Бог святому вашему царствию дни на дни и лета ваши для рода и рода» (Из Гиббенета). Затем, Никон прибавляет: «Св. Отцы возбраняют всем обличать, а не Архиереям. Как же ты толкуешь осуждать смертью всех обличающих царя в неправде. Мног уж лик собран у Господа зло пострадавших за обличения неподобных дел царских» (Гиббенет). Вот, эти слова Никона в точном переводе с английского (I, 607): «Приведя вышеназванное толкование, Никон пишет: «Видишь ли составитель лжи, как толкуется канон (Глосса на 84 ап. пр.): «поносить царя запрещено вовсе, но Епископу в нужных случаях обличать царя не запрещено, хотя бы обличение, если оно очень резко, могло бы быть принято обличаемым, как обида. Обличать без справедливости не позволено каноном, как видно, без всякого различия дел, но кто по справедливости обличает царя, не заслуживает наказания.» Но как ты толкуешь канон? Будто всякий, упрекающий царя за его несправедливость, заслуживает наказания. Мног уже лик собрался у Господа зло пострадавших за обличение неподобных дел царских. И они возопиют: доколе, Владыка Святый и Истинный, не осудишь и не воздашь живущим на земле за кровь нашу (Апок. 6, 10)? Смотри, они вопиют не против мертвых, но против живущих на земле. Но каков же Божественный ответ им? Сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут, как и они убиты, пополнят их число» (Ап. 6, 11). И в другом месте написано (Ап. 16, 4-9): «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь, и, услышал я Ангела вод, который говорит: праведен Ты, Господи, Который еси и был и Свят, потому что тако осудил. За то, что они пролили кровь Святых и Пророков, Ты дал им пить кровь: они достойны

того. И услышал я другого от жертвенника говорящего: Ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои. Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной; и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами; и не вразумились, чтобы воздать Ему хвалу.» И все эти вещи исполнились, ибо от солнца, вследствие зараженного состояния воздухов, люди умирали от свирепой жары; которая принесла чуму, и никто их не мог вылечить человеческими средствами медицины, и они умирали, и оставшиеся не воздавали хвалы Богу, но хулили имя Господне, и таковым прибавятся новые бичи. Но души умерших за свидетельствование Христа и Слово Божие будут царствовать со Христом. Над ними вторая смерть не имеет власти, но они будут священнослужителями Богу и Христу, которых Ты, Боже, удостаиваешь нас быть подражателями. Но что касается нечестия царя, то не грех всякому упрекать его. Написано: «И я говорил о твоих свидетельствах даже перед царями и не постыдился. И Бог говорит (Лук. 21, 12-15): «Прежде же всего того (знамений Антихриста) возложат на вас руки, и будут гнать, предавая вас в синагоги и темницы, и поведут перед царей и правителей за имя Мое. Будет же это вам для свидетельства. Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать. Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противостоять, ни противоречить все, противящиеся вам.» И в другом месте: «Всякий, исповедующий меня пред людьми, будет признан и Сыном Человеческим.» Какая же это обида царю, если кто проповедует ему справедливость; но царь из гордости не слушает и налагает мучения на свидетелей свидетельствующих правду. Этим царь унижает не обличителя, а отвергает Самого Бога. Ибо сказано: «Слушающий вас Меня слушает, а отвергающий вас отвергает Меня. Он бесчестит не только свидетельствующего Слово, но и Того, Кто дал заповеди (I, 608). И Никон говорит о полном бесстрашии того, кто защищает дело Божие, приводя письмо Златоуста к Епископу Кирьяку: «Не

печалься, брат Кирьяк, когда я, будучи преследуем, убежал из Константинополя, я не заботился вовсе об этом, но сказал себе: если императрица желает меня прогнать, пусть, ибо земля и все концы ее – Божии. Если она желает меня распилить на части, пусть пилит. Мы имеем Исаию примером. Если она хочет бросить меня в пучину, я вспомню Иону; если она бросит в яму, я вспомню Даниила, брошенного в пасть льва. Если она хочет побить меня камнями, я вспомню Стефана, первомученика, который так пострадал. Если она желает взять мою собственность, пусть берет: голый я явился из чрева матери, голый и уйду. Я утешен Апостолом, говорящим: Бог не знает лицеприятия; поэтому, если бы я угождал людям, я не был бы слугой Христа. И Давид вооружает меня, говоря: я говорю о твоих свидетельствах перед царями и не постыдился. Многие восстали на меня, но все от зависти.» Видишь ли, вопрошатель, крепость наших Святых и приснопамятных Отцов; как они не только не подчинились юрисдикции царей, но скорей исправляли и отвергали нечестивые суды царей, хотя бы им угрожали за то мукой и смертью? Но этим не могли устрашить их. Они готовы были ради правды скорее умереть, чем принять нечестивый суд. И если заповеди Божии и каноны Св. Апостолов недостаточны для прекращения вашего незаконного суда (Монастырский приказ), то мы прибавим к этому свидетельства от царей» (I, 321, 322).

Здесь Никон ссылается на историческую Византийскую традицию и давность столетий на самой Руси до Уложения, отвергающую суд светских людей над духовенством. Если в цитированных выдержках Никон признает обязанностью всех не исполнять приказов, противоречащих священным правилам Церкви, то обязанность обличать лежит на Епископе и особенно на начальном отце Патриархе. Никон обращает внимание, что 84 Апостольское правило, налагающее наказание за несправедливый упрек царю, говорит о клирике и о мирянине, а об Епископе вообще ничего не говорит. «Иная слава солнцу, иная луне, иная

звездам, говорит Апостол, и снова он говорит: Бог поставил в Церкви сначала Апостолов, потом Пророков и учителей. И снова: в теле много членов и члены не имеют одной и той же функции» (I, 605); канон прибавляет: «если обличение делается несправедливо,» как и в Евангелии говорится: всякий гневающийся на брата без причины, находится в опасности суда, и в каноне говорится о двух лицах: о светском и о клирике. Так, с точки зрения Никона 84 Апостольское Правило, ставя ограничение клирикам и мирянам, в праве делать упрек за несправедливость, отвергает, чтобы этот канон ставил ограничение Епископам, по отношению к которым Господь в лице Апостолов дал заповедь: Слушающий вас Меня слушает. Эта заповедь Никоном распространялась лишь на вопросы, подведомственные Церкви, и нигде решительно нельзя найти ни одного намека на то, чтобы он простирал ее на вопросы, Церкви чуждые. Но, правда, самый объем вопросов, подлежащих Церкви, он понимал в смысле своего века: юрисдикцию по гражданским делам духовенства он вносил в сферу Церкви, но тогда и все считали ее сферой Церкви, ибо распределение подсудности дел по существу самих дел, а не по лицам, есть достижение следующего века.

Об обязанности царя к Церкви и Ее предстоятелям.

«Ты, лицемер, говоришь, вопреки Божественным заповедям, что чтить или не чтить предоставляется выбору царя? Где это написано? Это – своевольное нововведение, а не от заповеди Божией. Бог Сам почтил Епископов наравне с Собой, говоря: слушающий вас Меня слушает и отвергающий вас отвергает Меня. Ты говоришь, что получающим честь от царя необходимо принимать ее со страхом и осторожностью и заботиться ее не потерять. Это правило для светских людей, а не для нас. По отношению же к нам даже носящий диадему находится в обязанности приносить дары и оказывать во всех духовных делах послушание, как сказал Господь: «Слушающий вас Меня слушает... «Но ты, безумный человек, хулишь благодать

Божию, данную нам Духом Святым, и хотел бы нас низвести до послушания царям, даже Навуходоносору и его золотому изображению» (1, 238). «Что касается лично его, Никона, то Никон потому только и пошел на Патриаршество что получил обещание от царя и бояр слушаться его во всем и ничего не замышлять иначе каким-либо пустым мудрованием по преданиям, человеческим и стихиям мира сего» (цезарепапизм) (I, 583). Никон не допускал и мысли о том, чтобы, в благодарность за дары Церкви от царя, поступаться ее правами, которые она имеет в силу Божественного права. Никон призывал царя к праведному царствованию, т. е. не только к личной праведности, но и к царствованию по правде и к такому отношению к Церкви, которое обеспечивало бы соблюдение прав Церкви, как принадлежащих ей по Божественному праву, так и усвоенных ей прежним гражданским законодательством в течение столетий со времен Св. Владимира. Что Никон различал личные добродетели царя от общественных, вытекает из того, как он относился к прошению испрашиваемому у него царем; он различал прощение царю от прощения, данного человеку. Так известно, что царь Алексей просил у Никона прощение за содеянное с ним неоднократно, между прочим, в последний раз в завещании, перед смертью составленном. Но и раньше в письме 7-го сентября 1667 года Никон писал царю, что «к нему приходил пристав Степан Наумов от царя молить по государеву указу с великим прошением и просить о умирении, и я тебя, великого государя, и все твое семейство царское прощаю. А когда я богомолец ваш, ваши государевы очи увижу и тогда вам, государям, со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, как Святое Евангелие наказует о Господе нашем Иисус е Христе и Деяние Св. Апостолов всюду с возложением рук прощения и цельбы творили. Смиренный Никон, милостью Божией Патриарх засвидетельствую страхом Божиим и подписанием своей руки. « (Письмо приведено у Николаевского). Никон никогда не признавал юридически действительным свое низложение, подписывался

Патриархом и заявлял, что действительное и полное прощение царю может быть только тогда, когда он искупит свой общественный грех перед Церковью и вернет невинно заточенного Патриарха. Прощая его, как человек, за все тягости и скорби, безвинно им от царя претерпленные, Никон не прощал его, как Патриарх. Вновь присланный к нему в Ферапонтов монастырь в феврале 1676 г. Феодор Лопухин сообщил ему грамоту царя, которая читалась при погребении царя Алексея Михайловича, где было сказано: «От отца моего духовного великого господина, Святейшего Никона Иерарха и Блаженного Патриарха, аще и не есть ныне на престоле, прощения прошу и разрешения.» Однако, Никон отказал в письменном прощении и сказал, расплакавшись: «Да будет воля Господня. Хоть царь на земле не получил прощения с нами, но мы будем судиться с ним в страшное пришествие Господне (Из «Странника» 1899 г. VI глава, статья О Никоне в заточении).

Значение отказа Никона в прощении царю Алексию Михайловичу как царю.

Никон не мог простить царя, ибо царь, нарушив клятву послушания в церковных делах, захватил церковное управление противоканонически в свои руки, удалив через подкупленных Греческих Иерархов Патриарха Никона и до самой смерти своей раскаяния в этом деле не обнаружил и допустил величайшее унижение ее высшего предстоятеля. Отказ Никона в прощении остался на веки протестом против унижения Церкви светской властью. Защищая самостоятельность и каноничность церковного управления собственной жизнью и участью, Никон одновременно заботился о благе государства и писал о судьбе государств, отвергающих Божественные заповеди, и о благополучии тех, которые блюдут Божественные заповеди. Не грозил Никон царю низложением, не грозил ему прекращением присяги верности подданных, не грозил никогда человеческими наказаниями; «не мстите, Мне отмщение, Аз воздам,» приводил Никон известные слова (I, 105). Но Никон говорил

о церковных наказаниях, которым подлежал царь, как и всякий христианин. «Царь не сдержал обета перед Богом, вследствие чего он недостоин даже входить в Церковь, а должен проводить всю жизнь в покаянии и лишь в час смерти может быть допущен к причастию. Ведь Златоуст запретил человеку, нарушившему клятву, переступать порог Церкви, а ты говоришь, что царь может входить в алтарь причащаться» (I, 580). Как древний пророк, он грозил наказаниями Божиими, за то, что бояре и царь вторгаются в церковное управление и разрушают церковный строй. Он говорил в 1663 году, когда его ложно обвиняли в проклятии царя на молебне, князю Одоевскому и церковным властям, приехавшим в Воскресенский монастырь для следствия: «Я ничего христианского в вас не нахожу и ничего не вижу, кроме правонарушения и тирании; ваши дела тому свидетельствуют, и Господь свидетельствовал, говоря евреям: если бы Я не делал дел, которых никто другой не делает, то вы бы не восстали на Меня. Так и вы: Я не сделал вам никакого зла, но вы готовы сорвать с меня мои одежды и даже изгнать меня и запереть незаконно в келье, когда я не знаю, какой вред нанес я вам» (I, 601).

Никон обвиняет царя Алексея Михайловича в том, что он перестал поступать, как подобает православному царю.

Никон писал, что «мало христианства в царе. Если бы в нем было настоящее христианство, он послушал бы слов, написанных в Святом Евангелии: «Слушающий вас, Меня слушает» (Лук. X, 16 и Мф. X, 14, 15). А кто восстает против того, кто послан от Бога свидетельствовать Божий суд, тот навлекает на себя суд, горший, чем Содом и Гоморра (I, 144). «Бог не пощадил ангелов, восставших против Бога, создавшего их. Так не пощадит и того, кто поднимается безумно против Бога, и действует не по благодати, данной ему, как царь, возносящийся над Епископами достоинством и издавая приказы» (в церковных делах) (I, 241). О том, что мало христианства в царе, Никон писал так: «Если бы не рука Господня, меня убили бы: Родион Стрешнев и Иосиф

Лопухин говорили мне в моей келье, угрожая смертью: если де скажешь еще такое слово, я не стерплю, но я сказал только, что мало христианства в царе» (I, 144). На вопрос, почему ты отрицаешь в царе христианство, Никон сказал: «Хочешь, я покажу тебе написанное мною» (I, 595). Никон разумел написанное им «Раззорение», объясняющее правонарушения царя. Гиббенет доказал ошибочность мнения Соловьева о том, будто Никон говорил: только бы ему дождаться Собора, и он отречет царя от Христианства, у меня де и грамота заготовлена. На самом деле Никон только говорил, что в его письме (Раззорении) доказано, как мало христианства в царе (Здесь, действительно, есть перечисление вин царя (I, 195).

О времени Божьего наказания за нечестье.

«Пусть никто не удивляется долготерпению Божию, что Он не дает возмездия нечестивцу за его нечестие. Бог взыщет за все в день судный. Слово, которое Я сказал, будет судить вас в день судный. Не удивляйтесь, если нарушитель закона проклинается, и ничего с ним не случается. Господь проклял также Вифсаиду, Хоразин и Капернаум и осудил их на ад, и, однако, огонь не снизошел на них, как на Содом и Гоморру. Также он проклял те города, домы, которые не примут Святых Апостолов, и осудил их даже более Содома и Гоморры, говоря: Я говорю вам, что более сносно будет жителям Содома и Гоморры (Лук. X, 13). Слово его непреложно.» Никон напоминает притчу о виноградаре (Мф. 21, 33-41). «Понимаете ли вы притчу? Кто это некий хозяин – Сам Бог? Кто виноградари? Израильтяне? Кто слуги? Пророки, посланные к ним, из коих они бьют одного, как Иеремию, и убивают другого и побивают камнями. Что сделал с ними Господь? Он разрушил этих нечестивых людей (евреев), и где теперь их царство? Но все исполнилось, как пророчествовали пророки этому злому поколению, о котором говорил Исаия (Ис. 5, 1, 2, 5, 6). Он послал и других слуг, Святых Апостолов и учителей, которых рабочие не послушали, но поступили с ними также. Ирод отсек голову Иоанн у Крестителю, а Нерон казнил Апостолов Петра и

Павла; другие тираны предавали смерти других. Что сделал Господь с домами их? Он разрушил их и отдал виноградник другим. Также, после них греческие императоры и многие государи других царств, которые жили по заповедям Божиим и блюли каноны Святых Апостолов и Святых Отцев, умерли в мире и сделались наследниками небесного царства. А те, которые их нечестиво нарушали, погибали в нечестии и их царства опустошены? Разве не исполнилось все это с нами»?

Никон указывает на современные несчастья, как на Божия наказания и предостережения.

И Никон, как великое предостережение, приводит страшную чуму, гибель правителя Москвы, князя Пронского, мор, страшное поражение князя Алексея Трубецкого, Василия Шереметева и Хованского. «Разве это не день Господень полный ярости и гнева?... Разве ад не расширил свои жертвы и не открыл свою пасть?» (I, 387, 388).

Уход Никона как мера протеста.

У Никона поразительное сходства дела со словом. Все, что он проповедовал, он и воплощал. Когда царь изменил на деле своему клятвенному обету, Никон не подчинился создавшемуся положению, при котором он оставался бы только титулярным Патриархом при засилии монастырского приказа, а ушел и ждал перемены в настроении царя, но, когда он убедился, что царь настолько разгневан, что нарушает устав, церковный непосещением служб, в которых он по священному обычаю принимает участие, и присылает бояр, враждебных Никону, выговаривать ему, не дает удовлетворения обиженному царским боярином Патриаршему слуге, когда Никон убеждается в том, что, при таковом отношении к нему царя, он не в состоянии защитить Церкви, то он всенародно заявляет о царском гневе, признавая свое архипастырское бессилие, и свидетельствует своим удалением совершающуюся неправду (засилие над Церковью). Его уход был высшей мерой протеста, увековеченного историей, как борьба Патриарха с царем, как

борьба Церкви с духом века сего, как борьба Нового Иерусалима с Вавилоном и Антихристом, как борьба терпения и любви против насилия и несправедливости.

Источник Никоновской теории соотношения властей: Св. Отцы.

В учении Никона о церковно-государственных отношениях мы видим сочетание святоотеческого учения о симфонии властей с центральной идеей христианства-смирением. От Златоуста он проникся пониманием сущности духовной власти и сознанием полного ее отличия от власти светской и ее духовного превосходства. Когда мы читаем Никоновские слова об этом, то перед нами вырастает их первоисточник – слово Златоуста о священстве: «священство настолько превосходит царство, насколько дух превосходит тело. Царь управляет телом, а священник первым, поэтому царь преклоняет главу перед Десницею священника. Когда нужно умолить небо о помощи, то царь обращается к священнику, а не священник к царю. Следовательно, власть священника выше царской.»

В том же смысле учил другой учитель Церкви Св. Григорий Богослов в своем 17-м слове. «Закон Христов подчинил вас (владык земных) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также владычествуем, и наша власть даже выше вашей. В самом деле, разве дух должен преклоняться перед материей, небесное перед земным?» Когда Никон учил о том, что каждый должен оставаться в своем чину и действовать по той благодати, которую имеет, то перед нами предносится учение Св. Феодора Студита и Иоанна Дамаскина. Последний писал: «Не свойственно благочестивым царям ниспровергать церковные постановления. Не императорам Христос дал власть связывать и разрешать, но Апостолам, преемникам-пастырям и учителям. Не дело императоров устанавливать законы для Церкви. Что говорит Божественный Апостол? И овых убо положил Бог в Церкви первее Апостолов, второе Пророков, третье пастырей и учителей для устроения Церкви (1 Кор. 12, 28). Не сказал:

императоров.» И опять: Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр. XIII, 17), и опять: «Поминайте наставники ваши, иже глаголаше вам слово» (Евр. 13, 7). Не императоры глаголаша нам слово, но Апостолы, Пророки, пастыри и учители ...Бог, заповедав Давиду построить Ему дом, говорит ему: «не созиждиши Мне дому, зане человек крови еси ты» (1 Парал. 28, 3). Воздадите всем должное, воскликнул Апостол Павел; ему же честь – честь, ему же страх – страх (Рим. 13, 7). Дело императоров – государственное благоустройство; церковное же устройство – дело пастырей и учителей.» Когда Никон восставал против права царя писать законы для Церкви и одновременно писал, что в мирских делах высшая власть принадлежит царю, то перед нами предносятся слова того же Иоанна Дамаскина. Господь сказал: «Воздайте Кесарево Кесарю и Божие – Богу.» Мы повинуемся тебе, император, в житейских делах: податях, пошлинах – в чем тебе вверены наши дела; в церковной же области имеем пастырей, глаголавших нам слово и установивших церковное законоположение. Я не признаю императора, тиранически восхищающего священство; я убежден, что не императорскими законами устрояется Церковь, а отеческими преданиями.» Никона никто не удалял от Патриаршества, но он ушел, не желая санкционировать захвата боярами церковного управления подобно тому, как Афанасий Великий предпочитал изгнание уступкам несправедливым требованиям арианствующих императоров. Когда Никон писал о гордости царя, возносящегося над Церковью назначением в ней Архипастырей, то нам припоминается Св. Амвросий, отвергавший зародыш цезарепапизма и отвечавший императору, когда он приказал отобрать у него храм: «Ни мне непозволительно отдавать его, ни тебе, император, принимать; ты не имеешь никакого права вторгаться в частный дом; думаешь ли, что можно отнять дом Божий? Говорят: императору все позволительно, все ему принадлежит; отвечаю: не превозносись, не думай, что имеешь какое-либо право на то, что – Божье. Не надмевайся,

но, если хочешь дольше царствовать, будь покорен Богу.» И когда под послушанием Богу Никон разумел послушание Его заповедям и правилам Его Церкви, которая заключается не в стенах и кирпичах, а в законах, перед нами предстает слово Златоуста: «Церковью я называю не только место, но и нравы, не стены церковные , но законы Церкви; Церковь не стена и не кровля, но вера и жизнь» (Слова на раз. сл. II, 530). Все учение Никона о церковном законе основано на Златоусте: «Закон для руководства Церковью дан Самим Божественным Основателем» (Бес. на Посл. к Римл.). Все законы, по которым должна управляться Церковь, Златоуст называет Божественными, ниспосланными от Бога, ибо законодатель их – Сам Бог. Апостолы не законодатели в собственном смысле, а вестники воли Божией, устанавливающие лишь то, что повелено Богом. Пастыри Церкви – преемники Апостолов, и разъясняют и развивают в подробностях лишь то, что получили от Апостолов. Эти законы – Божественные в том смысле, что составлены под руководством Св. Духа. Все учение Никона о превосходстве власти священства над властью царской целиком от Златоуста; от него и учение об соотношении властей, от него и учение о границах повиновения царской власти. «Когда ты слышишь: воздайте Кесарево Кесарю и Божье Богу, то разумей под сим только то, что ни мало не вредит благочестию, ибо все противное благочестию не есть уже дань Кесарю, но дань и оброк дьяволу (Беседа на Матфея. III, 204).

Царь у Златоуста, также, подчинен Церкви и может быть ею наказан. «Носящий диадему – не лучше последнего раба, когда он должен быть обличен и наказан» (Слова на разн. сл. 1, 164). Оттуда же и учение о симфонии властей. «Христос ввел свои законы не для ниспровержения общего государственного устройства, а для исправления и улучшения его. Христианин повинуется государственной власти, ибо она – Божий слуга. Разве начальник страшен для ревнующего о добродетели?» (Бес. на Рим. 556-7). Ведь, гражданская власть облегчает подвиги добродетели. И у

Златоуста представители гражданской власти, как члены Церкви, призываются совершенно добровольно оказывать содействие Церкви теми средствами, которые у них в руках. В некоторых чертах своей деятельности обе власти соприкасаются. «Светский начальник – наш сотрудник и помощник; на то он и послан Богом. В двояком отношении он достоин нашего уважения – и как Богом посланный, и как поставленный к одному с нами делу. Божий бо слуга есть, отмститель во гневе злое творящему... Начальник исполняет Божий закон. Какая тебе нужда, если он и сам того не знает. Довольно того, что так учредил Господь. Итак, начальник, наказывает ли он или награждает, Божий есть слуга, ибо защищает добродетель и гонит порок. А кто и страхом и почестями предрасполагает средствами людей, чтобы они способнее были принять Слово Учения, тот справедливо называется Божиим Слугой» (Беседа на Рим. 557-8).

Предшественники Никона (в России) в учении о превосходстве священства.

Если таков источник учения Никона, то нет ничего удивительного, что и до него Архипастыри Русской Церкви, начитанные в святоотеческих творениях, учили тому же, и что Никон имел своих предшественников. Мысли о превосходстве священства высказывал у нас и Митрополит Фотий в 15 веке, а в 16 веке Максим Грек («Убо больше есть священство царства земного, кроме бо всякого прекословия меньше от большого благословляется, глаголет Божественный Апостол. Тем же аще изгнашася Божиим судом мирскии царствуют, но духовне царствуяй не отриновен есть руки Божии благодати»). Митрополит Киприан проводил мысль о независимости Епископов от воли великого князя, который не должен ни судить, ни низлагать их. Учение о добровольном повиновении власти церковной есть условие спасения души и требования христианского смирения, которое заключается для православного царя не только в личной добродетели, но и в обязанности дать Церкви возможность проявлять в его

царстве свою деятельность. Так как это подчинение не касается дел земного благоустройства, а только сферы церковной, то в этом добровольном подчинении власти церковной нельзя видеть папизма, в котором напрасно упрекает Никона Паисий Лигарид и, пошедшие за ним в своих исследованиях о Никоне, С. М. Соловьев и Каптерев. То подчинение, которого требовал перед вступлением на Патриаршество Никон, было требованием устранения неканонического в его глазах законодательства Уложения о церковных делах и было требованием, которое было включено снова в Послание двух Патриархов к вновь поставленному в феврале 1667 г. Патриарху Иоасафу II после низложения Никона, как было оно и до Никона. Так, грамота 1354 г. о поставлении Митрополита Алексея говорит, что благороднейший великий князь и прочие благородные князья и весь клир и весь христианский народ обязан оказывать ему «всяческое благопокорение и честь во всем, что он будет говорить и внушать на пользу их душам и утверждению благочестивых и православных догматов Церкви Божией, ибо оказываемое ему уважение, почтение и послушание относятся к Самому Богу» (Р. И. Б. VI Прил. № 9 ст. 48).

Так соборная грамота русских Епископов от 1459 года (Р. И. Б. т. VI, № 83) говорит: «Обещание же перед Богом дали перед Святыми Ангелы на своем поставлении своему господину и отцу Ионе, Митрополиту всея Руси, что нам от святые соборные Московские Св. Богородицы церкви быти неотступным и от нашего господина отца Ионы, Митрополита всея Руси, также быти неотступными и повиноваться ему во всем, и кто по его отшествии к Богу иный Митрополит поставлен будет, по избранию Св. Духа и по св. правилам Св. Апостол и Св. Отец и по повелению господина нашего великого князя Василия Василиевича, русского самодержца, к той соборной церкви Св. Богородицы на Москве и от того Митрополита также неотступным быти и споследовати и повиноватися ему во всем во всех духовных делах и церковных и о всяком

благочестии быти с ним заедино.» А в грамоте Патриархов к Иоасафу II, между прочим, есть такие слова: «Патриарх есть живой образ Христа, словом и делом показующий истину. Он должен учить всех одинаково, и высоких и низких, будучи кротким в своих поучениях, не как господствующий над духовенством, но как пример своему стаду. Но что касается непокорных, он должен быть способен порицать и обличать их во время и не во время. И ради истины, благочестия и справедливости он должен говорить истину перед царями, не стыдяся, и быть готовым, как добрый пастырь, даже душу свою положить за свое стадо. И вы, сыновья наши во Христе, просвещенные яркими лучами спасительного Православия, досточтимейшие Епископы, бояре и князья, почтенные архимандриты и игумены и весь священный чин и все православные люди воздавайте нашему брату и сослужителю и вашему отцу, великому господину святому Иоасафу, Патриарху Московскому, и т. д. честь, как вашему господину и отцу, и Архипастырю, как вы это воздавали прежним Патриархам, зная, что честь воздаваемая Епископу, воздается Самому Христу, ибо почитание Епископа переходит к Христу.» Приводя далее Мф. 10, 40, 42, она продолжает: «Повинуйтесь ему, будьте послушны, согласно Божественному Апостолу, говорящему в Евр. 13, 7. Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно. Ибо он имеет власть, данную от Христа Его Святым Апостолам вязать и решать... Поэтому, повинуйтесь ему во всем, как бы Самому Христу, согласно евангельскому поучению в словах, сказанных Им ученикам:. «Слушающий вас Меня слушает, а также отвергающий Меня и не слушающий Моих слов имеет того, кто будет судить его: слово, сказанное Мной, будет судить его в последний день» (Пальмер III, 473 стр.). Palmer замечает: «So said Nicon. But after the tsar had set all an example of disobeying him, to inculcate obedience in these terms, to a successor, substituted by the tsar and the boyars only that, unlike Nicon, he might obey them, in

hipocrisy or rather absolute nonsense»[8] (P. III. 473 стр. Note 36). (P III. 473 стр. Note 36). Palmer пишет: «So Nicon used to tell them; but after his condemnation it should be rather «he that honours the bishops honours the tsar himself» (III, 473, Note 34).[9].

Во всех сочинениях Никона мы не видели требования другого послушания Патриарха, как послушания в делах, принадлежащих Церкви, и, притом послушания, требуемого в соответствии с канонами, как он говорил в речи, предшествующей его согласию на Патриаршество, послушания, конечно, не ограничивающегося личным послушанием царя, но простирающегося и на его общественное поведение в отношении к Церкви. С почитанием Церкви Никон связывает благоденствие царства, и это видно из его письма к боярину Зюзину от 3 февраля 1660 г. из Крестного монастыря (IV, 182, 183). Соловьев, цитируя это письмо, привел его, как указал Гюббенет в кратком извлечении. По Соловьеву (XI, 271), там написано: «Когда вера евангельская начала сиять, тогда и Архиерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и Архиерейская честь изменилась.» Но Никон говорит там больше о царствах: «Безвинно Иова Патриарха отставили, а неблагозаконного Ермогена возвели еще ему живу сущу.» Никон указывает на исторические события Греции, России и других государств и говорит: «Так и здесь прежде было по великом князе Владимире, но столько зла потерпели князья в разное время, что нельзя на сей малой хартии исчислить; однако, одного довольно к показанию: безвинно Иова Патриарха отставили, и еще при жизни его неблагозаконного Гермогена возвели, – то сколько зла

[8] «Так сказал и Никон. Но после того, как царь показал пример неповиновения ему, возлагать послушание в этих выражениях в отношении его преемника, поставленного только царем и боярами, чтобы не в пример Никону, он слушался их, — есть лицемерие или попросту абсолютная бессмыслица.» Нельзя с этим не согласиться.

[9] «Так обычно говорил им Никон; но после его осуждения скорее надо бы сказать: тот, кто почитает Епископов, почитает самого царя.»

соделалось. Всему же истинный свидетель Христос; ибо царство на царство падая, не станет то царство, и дом, разделившийся в самом себе не устоит.»

Юридическая природа участия Никона в государственных делах.

Когда Никон говорит о послушании Церкви, он разумеет только собственную сферу Церкви и никогда не мыслит о правах Патриарха в делах светских. Все то, что он говорит о правах Патриарха в делах светских, сводится к праву печалования. Он писал Константинопольскому Патриарху Дионисию:. «Ниже величания мы восхотехом, ниже великим государем похвалимся собой, ниже в царские дела вступахом, токмо аще о просьбе какой глаголахом, или от беды кого избавихом, и сего ради мы Архиереи бываем» (Каптерев II, 142). Все остальное, что он делал в делах государственных, он делал по службе царю, как оставленный им на время отсутствия государя государственный регент по поручению царя, как мы видели из его собственных слов, когда он говорит о тех дарах, которые он получал от государя за спасение его семьи от мора, за борьбу с чумой, за мужественное подавление Новгородского бунта в бытность Новгородским Митрополитом, за управление государством в его отсутствие и т. д.

Право печалования.

В осуществлении права печалования Патриарх соприкасается наиболее близко с царем, ибо в этом праве он является уже не только защитником собственных прав самой Церкви, но и проводником высших нравственных начал в государственной жизни, наиболее непосредственным путем. Рассмотрение этого права печалования и послужит нам переходом к рассмотрению взгляда Никона на Патриаршество. Мы видели значение печалования в Византийском праве, где оно призвано было облегчать задачу государя по добротворению и было путем к проведению высшей справедливости в жизнь государства.

Печалование нисколько не стесняло государственную власть при исполнении ею своих обязанностей и государственный закон при преследовании им преступлений. Действие церковной власти при печаловании за опальных соответствовало ее назначению – насаждать в мире истинную правду. Ходатайство перед правительством за угнетенных и опальных было известно еще языческому миру в силу закона; там было развито ходатайство ученых перед государями покровителями науки: от обиды и наказаний спасал голос риторов и софистов. Но печалование пастырей – новый высший и неизвестный языческому миру род ходатайства. Не во имя закона гражданского и личных выгод или привязанностей, как адвокаты в римском процессе, не во имя науки и дружбы, как ученые, но во имя Евангелия, во имя закона истины и любви, во имя Самого Бога выступали пастыри Церкви ходатаями за целые города и области, а не только за частных лиц. Только там, где обыкновенное человеческое ходатайство не могло уже иметь места, когда страх земной власти приводил уже в безмолвное отчаяние, и ни откуда не мог возвыситься голос сострадания, тогда выступали пастыри Церкви. Церковь проводила мысль о беспрекословном повиновении государственной власти, признаваемой ею Божиим слугой, никогда не придавала праву печалования характера насильственного и не делала из защиты осужденных ущерба для справедливости. «Признаю равным грехом, писал Василий Великий, и согрешающих оставить без наказания и в наказании преступать меру.» Недостойные печалования не могли иметь защиту пастырей. Василий Великий писал, что он не может избавить от суда человека, не раз уже оскорбившего одну женщину и наказанного за это отмщением от Церкви. Тогда, когда наказание опального превышало меру преступления, выступали на защиту Святители Церкви. При этом виновные в преступлениях, касавшихся вещественных выгод, должны были давать вещественное удовлетворение по закону, так что пастыри Церкви нисколько не нарушали ни выгод общественной жизни, ни законов гражданских. Также, в

Русской Церкви духовенство никогда не усвояло себе права под видом печалования, самопроизвольно вмешиваться в дела гражданской власти по отношению к подданным. Печалование особенно было развито в Русской Церкви, по исследованию Янковского, в 16 веке, когда сильно развита была опала при борьбе старых и новых политических порядков. Печаловниками выступали не только отдельные Митрополиты, среди коих прославились в этом отношении Митрополиты Симеон, Варлаам, Даниил, Иоасаф, Макарий, Афанасий, Св. Филипп II, и целые Соборы. Те Святители, которые не прибегали к праву печалования, не пользовались за то уважением и получали прозвище потаковников, когда не выступали на защиту Церкви или попранных интересов слабых. Впрочем, печалование вызывалось иногда и просто особыми обстоятельствами. Так, обвиненного в 1554 г. в государственной измене князя Никиту Семеновича Лобанова Ростовского, в виду общепризнанной его глупости, о которой писал литовскому правительству сам московский правитель («Пожаловал де его царь боярством для отечества, а сам он недороден и на службу не годится, по малоумству говорит, непригожие слова»), Митрополит Макарий отпросил от смертной казни в ссылку на Белоозеро (Ч. И. О. И. и Д. Р. 1876 г. 180 стр., Янковский «О печаловании»).

Никон обосновывал это право печалования на 8 Сардикском правиле, гласящем: «Ради сирот, вдов или других беззащитных людей, терпящих притеснения, пусть Епископ идет к царю и умоляет его всем своим искусством об их защите» (I, 139). Осуществлению этого права печалования служил много и Никон, когда в чине Новоспасского архимандрита (1646-1649) каждую пятницу ходил к государю с представлениями об обиженных. Это же право печалования он осуществил и в бытие свое Новгородским Митрополитом, когда беззаветной храбростью усмирил мятеж и просил затем царя помиловать тех мятежников, которые не были инициаторами мятежа. Это печалование оценил сам царь, написавший ему об этом в таких выражениях: «Избранному и крепкостоятельному пастырю милостивому, кроткому,

благоусердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесных овец. О, крепкий и страдальче Царя Небесного, о возлюбленный мой любимый, святый Владыка. Пишу тебе светлосияющему в Архиереях, аки солнцу, сияющу по всей вселенной, так и тебе, сияющему по всему нашему государству благими нравы и делы добрыми...» Это стремление к правде и милости, столь возлюбленное русским народом, было особенно живо в Никоне.

Чисто русское восприятие христианства Никоном

Если он говорил про себя, что по крови он русский, а душою грек, то в этом правдой было только то, что его учителями были греки-вселенские учители Церкви, но весь характер его деятельности показывает, что он в свое дело пастырства вкладывал чисто русский порыв и неутомимость, отразившую основную черту русского восприятия Христианства, не как отвлеченную систему догматов, а как религиозно-нравственное правило жизни, а понимание христианской жизни, как жизнедеятельности человека, нравственно возрожденного Христианством. Отсюда и заявление Никона перед вступлением на Патриаршество о том, что мы называемся христианами, а в действительности не христиане, ибо не исполняем правил церковных.»

Отсюда и подход его к понятию Церкви именно со стороны практической, понимание ее, как системы законов церковных; отсюда и неутомимость в осуществлении права печалования; отсюда и защита нарушенных прав Церкви и протест против их нарушений уходом в Воскресенский монастырь. Рассматривая воззрения Никона на Патриаршество, мы можем расчленить его учение на три отдела: отношение Московского Патриарха 1) к царю, 2) к Архиереям ему подвластным и 3) к Восточным Патриархам. О первом мы уже говорили по неразрывной связи этого вопроса с учением о царской власти.

Мнение Каптерева о Никоне в отношении учения о царской власти.

Но прежде остановимся на том недоумении, которое постигает нас, когда, с легкой руки Паисия Лигарида, вновь повторяется его отношение к Никону в лице ученых нашего времени, например, профессора Каптерева. С его точки зрения Никон сначала практически хотел унизить царскую власть, а потом и теоретически. Мы видели, что Никон только защищал права Церкви, различая между ними благодатные права, от Бога полученные , от прав земных, от государства получаемых. Каптерев, как и Лигарид, исходя из неограниченности царской власти, естественно видит в охране Никоном прав Церкви стремление захватить у царя принадлежащее ему-царю. Поэтому, в этом смысле Каптерев подлежит той же критике, которую развил против Лигарида, а в наше время Бердников и Заозерский против Суворова. Но помимо этого, у Каптерева есть просто неверное понимание Никоновской точки зрения, исходящее из того, что он или не полно цитирует Никона по вопросам, по которым Никон определенно высказался, а иное приписывает Никону просто от себя, не возлагая чрез это на самого Никона никакой ответственности, или же цитирует Никоновых врагов[10]: Неронова (стр. 145), Александра Епископа Вятского (стр. 151-153), Диакона Феодора (II, 146-159), или Паисия Лигарида (стр. 146) или Стрешнева, боярина Семена Лукъяновича (стр. 148), или те неблагоприятные Никону показания Павла Алеппского, которые им, как доказал Пальмер сделаны в своем прежнем, составленном в первый приезд дневнике, во второй приезд в Москву во время суда над Никоном под влиянием слухов и людей при дворе, враждебных Никону (Пальмер II, пред. 55); поддьяка Феодора Трофимова расколоучителя (стр. 210 у Каптерева II), боярина Одоевского и Стрешнева, дьяка Алмаза Иванова, как представителя

[10] В своем соглашении: «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», т. II.

враждебной Никону боярской партии, специально занимавшейся обвинением Никона (стр. 143).

В глазах Каптерева Никон стремился сам завладеть фактическим управлением государства, рассматривая это как право, присущее Патриарху, в силу превосходства власти Патриарха над властью царской. Таковые стремления Каптерев приписывал Никону в силу будто бы его теоретических воззрений на царскую власть. Но каковы же теоретические воззрения Никона по Каптереву? Каптерев неоднократно цитирует слова Никона, что «священство более есть царства: священство от Бога есть, от священства же царства помазание,» что «от священства царство произыде и ныне есть» (2, 183). Между тем, он никогда не цитирует другого места из Никоновского «Раззорения» как мы видели, Никон весьма подробно излагает, что царство, как таковое, приобретается независимо совершенно от священства, существует по промыслу Божию, а от священства получает лишь освящение власти, а Епископ – источник освящения власти, а не самой власти. Каптерев пишет на стр. 185: «По представлению Никона, все Христианство, вся Христова Церковь заключается собственно в высокочтимом и всеми, особенно царством, ублажаемом Архиерействе, и по преимуществу в Патриархе: отце и начальнике всех Архиереев, так как Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа. Само собой понятно, что так высоко Самим Богом поставленное священство, а тем более глава священства – Патриарх – никак не может быть подчинено царству, а только Богу и Божественным законам.» Но эти слова – выводы Каптерева, а сам Никон, как мы видели, определенно пишет, что «Патриарх подчинен царю в земных делах;» относительно же Церкви Никон пишет в четырех, по крайней мере местах, что Церковь заключается в законах Церковных, решительно не пишет, что она заключается в Архиереях. Почитание архиерейского сана у Никона – лишь одно из проявлений должного почитания к Церкви. Однако Архиереи – преемники Апостолов и служители Божии, а потому честь, воздаваемая им, воздается Самому Богу,»

причем сам Никон предостерегает от обожествления и говорит, что здесь нет субстанционального уподобления.

Каптерев неоднократно говорит, что Никон считает Патриарха обязательным контролером всей государственной жизни» (I, 185, 202), между тем, из всех прочитанных произведений Никона, тщательно отыскивая такое суждение Никона, мы нашли только, что Никон отстаивал некоторые права Церкви (инициативу в поставлении духовных властей, суд над духовенством в духовных делах), как божественное право Церкви, а некоторые права Церкви (как суд над духовенством в гражданских делах) он, хотя и пытается отстоять указанием на существенность этих прав для Церкви, но, отстаивает их ссылкой уже не на божественное право, а указанием на историческую традицию со времен Юстиниановского законодательства и цитатами из уставов князя Владимира и Ярослава, Судебники Ивана III и Ивана IV и Стоглавого Собора; когда Никон отстаивает неприкосновенность церковной собственности, то ссылается на обязанность православных царей обеспечивать Церковь в ее существовании и исполнении ею своих задач на земле, на то, что собственность Церкви есть собственность нищих. Верно то, что Никон отстаивал право Патриарха говорить истину перед лицом Царя не стыдяся, но ни откуда не видно, чтобы он понимал это право шире, чем право отстаивать вообще права Церкви, как исторические, так и божественные , и ее древнее право печалования, причем отводил это право не только Патриарху, а и простому иноку, как заявил он в 1663 году Комиссии, приехавшей к нему на следствие в Воскресенский монастырь и готовой не почитать его более, как Патриарха. Именно он сказал, что он не отрекался от Патриаршества, но и независимо от этого оставляет за собой всегда говорить истину, не стыдяся перед лицом царя и терпеть за нее все до смерти включительно. Никон вообще говорил о подчинении законам церковным, а не власти архиерейской, как таковой, безотносительно к тому, что представитель ее говорит. На целом ряде страниц Каптерев (II, 129-148) описывает постепенное возвышение Никона

сперва через право печалования, потом через прямое участие в государственных делах вплоть до затенения самого государя, которого он затмевал не только фактически, но и юридически присвоением титула великого государя. Но Каптерев нигде не цитирует, что Никон удивлялся тому различию, которое делают между великим господином и великим государем. Митрополит Макарий в VIII т. истории говорит, что Архиепископы и Епископы часто называли Московского Первосвятителя, когда он был еще митрополитом, государем. Титул правителя страны дается на востоке, также греками, Епископам даже в печатной литургии (Пальм. IV, 152 прим. 46). И когда Никон 25 июля 1658 года, через две недели после ухода, писал царю упрек относительно обыска в его палатах, он говорил, что это сделали бояре, чтобы у него не осталось собственноручных писем царя, где он титуловал так Никона. «Я не знаю, откуда это началось титулование, но думаю, что ты сам, великий государь, положил этому начало. Ты сам так писал во время войны в твоих царских (официальных письмах), и так писали тебе в докладах от армии и во всех публичных актах. И это нельзя было исправить. Да будет он уничтожен мой злосчастный и гордый проклятый титул, хотя и не по моей воле он введен. Я верю, что нигде не найдешь признака моего желания и приказа для его употребления, разве что неким подлогом, за который я страдал и еще пострадаю Господа ради от руки лжебратьев... Что мы говорили со смирением, то выдается за сказанное с гордостью; что мы говорили ради похвалы, то выдается за сказанное с унижением и бранью. Лживыми словами таких людей твой гнев взращен против меня, будучи направлен, думаю я, не против чего-либо иного так сильно, как против этого великого, возвеличившего меня среди рангов и титулов твоего двора, титулованием меня великим государем (значит, сам Никон почитал Патриарха сановником государства, а не над государством возвышающимся главой). Но я никогда не желал и не желаю этого титула, хотя за него подвергаюсь упрекам и унижениям перед всеми людьми без причины. Я

думаю, ты сам, великий государь, не забыл, что за литургией они провозглашали меня по моему приказу после пресвятого не великим государем, а великим господином» (IV, 151). Пусть этот последний титул оттенял сановное положение Патриарха Никона в государстве, но он и по закону и по обычаю был первым сановником государства, заменяя, по положению Патриарха в государстве, государя в его отсутствие, при его малолетстве (Митрополит Алексей, Митрополит Даниил), в безгосударственное время (Патриарх Гермоген), занимая всегда первое после государя место в боярской Думе и пользуясь равной с государем охраной чести по Уложению, будучи его духовной половиной. Бытовой титул обращения ничего не прибавлял, кроме почета, а отнятие его ничего не отнимал у Патриарха в его правах, а знаменовало лишь гнев царя. Хотя Никон с горечью возвращается неоднократно к обидам, причиненным Церкви от царя, перечисляя их в подробностях, однако, нигде не чувствуется, чтобы он скорбел по поводу отнятия у него титула «Великого Государя.» Каптерев умалчивает, что всю свою государственную деятельность Никон почитал особо возложенной на него царем службой царю ему в помощь, а об этом говорится не только в «Раззорении», но и в предложениях Никона 14 января 1665 года царю, относительно условия оставления им Московской Патриаршей кафедры (Пальмер IV, 593, 594). На странице 129 Каптерев цитирует Никона, что «в вещах духовных, надлежащих всех, Архиерей великий выше царя, и киждо человек православный Архиерееви послушанием повинен, понеже он есть отец наш в вере Православной, ему же вверена Православная Церковь;» но далее Никон говорит, что «в делах мирских выше царь,» а Каптерев этих последних слов не приводит. А если помнить эти слова Никона, тогда странно читать у Каптерева (II, 130, 131), что «Никон имел заветную цель сделать в церковной сфере власть Патриарха совершенно независимой от власти светской, поставить Патриарха рядом с царем, как равную, если только не большую, чем царь, величину.» Но Никон нигде не говорит о

превосходстве Патриарха над царем в общественном отношении, а считает власть духовную в церковных делах выше светской, духовно расценивая ее по содержанию качественно выше. Равно Каптерев не цитирует приведенного нами места Никона, где он говорит о юридическом равенстве обеих властей в смысле том, что каждая из них распоряжается одинаково самостоятельно в своей сфере. Странно читать о стремлении Никона унизить царство и на его счет возвысить священство, когда Никон признавал полное верховенство царя в мирских делах, и предъявлял требование только на относительную независимость Церкви. Еще более странно читать на странице 181, что «Никон решил подвести после оставления им кафедры теоретически правовую основу под свое великое государствование,» ибо всякое государствование может касаться прав или чести в государстве, а все «Раззорение» посвящено исключительно подведению теоретической правовой основы под права Церкви, как таковой, причем о Патриархе говорится сравнительно немного и отводится в Церкви ему положение, ограничиваемое и Архиерейскими Соборами, и другими Патриархами. На странице 206 и 207 Каптерев пишет, что «конечное осуждение Никона сделалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно к церковной реформаторской деятельности Никона, к тем симпатиям и антипатиям, какие питали к нему те или другие лица. Если ранее в необыкновенно высоком и властном положении Никона Патриарха не только относительно дел церковных, но и гражданских, могли видеть явление чисто временное и случайное, зависящее единственно от особого расположения государя к Патриарху, причем положение Никона приравнивалось к положению обычного и заурядного временщика, то после появления его ответов на сочинение Паисия Лигарида, дело получало совсем иной вид. Никон употребил в своих ответах все усилия доказать, что то необыкновенно высокое и независимое положение, какое он, будучи Патриархом,

занимал относительно светской власти, вовсе не было случайным, зависящим от такого или иного расположения к нему царя, но что оно принадлежало ему, как главе Церкви, по праву, так как священство по самому своему существу, по самой своей природе выше царства, и притом выше настолько, насколько небо выше земли, что всякая попытка со стороны светской власти подчинить себе духовную власть и поставить ее в зависимость от себя, есть явление незаконное и даже преступное, за которое светская власть должна подвергнуться тяжелой ответственности. Таким образом, с возвращением или невозвращением Никона на Патриарший престол тесно связан был принципиальный вопрос об отношении царской власти к Патриаршей.» Каптерев говорит далее, что «возвращенный Никон заявил бы притязания контролировать все действия и распоряжения светского великого государя, и, при случае, налагать на них свое вето, если бы нашел в них что-нибудь несогласное с существующими церковными правилами и учреждениями и с гражданскими законами благочестивых греческих царей.» Однако, как мы видели, «Раззорение» представляет из себя только критику цезарепапизма, как теории, отводящей царю неподобающее значение в Церкви, и дает доказательства самостоятельности Церкви в церковных делах; мы видели, что, определяя права Патриарха, Никон вовсе не говорит об его неподчинении светской власти в мирских делах. Он ставит выше власть духовную царской с духовной точки зрения и не в делах мирских; проблема, выдвинутая Никоном, скорее может быть названа определением понятия православного царя, каковое определяется отношением царя к самой Церкви по ее закону; о Патриархе Никон говорит больше в связи с положением Патриарха в Церкви относительно Архиереев и других Патриархов, т. е. об его положении в самой Церкви, а не в государстве. Сам Никон сказал 19 июля 1663 г. Одоевскому, что «у него уже написано, как мало христианства у царя,» разумея свое «Раззорение». Добавим к этому, что, желая восстановления симфонии отношении двух властей, Никон выяснил эту систему

отношений с правильной точки зрения. Система параллелизма властей светской и духовной отражается и в Синодике Патриарха Никона – рукописи в бархатном переплете с золотым обрезом и виньетками: там различные степени духовной и светской власти приведены в соответствие между собой. На первом месте идут Патриархи, затем цари, Митрополиты и великие князья; Архиепископы и Епископы, затем князья и т. д. При перечислении прославляемых Русской Церковью Святых, Никон не упоминает Иосифа Волоколамского, с которым Никон был в идейном антагонизме по вопросу о вмешательстве государя в дела Церкви (Др. и Нов. Россия 1880, III, 370).

В конце концов, «Раззорение» Никона не увидело света, его никто не читал из лиц враждебных Никону до суда над ним, и потому оно не могло служить побуждением к его устранению с Патриаршего престола. Никон взял его с собой в сани (Пальмер, т. V, стр. 669), когда вечером 30 ноября 1666 года в последний раз выехал из Воскресенского монастыря в Москву на суд Патриархов. Однако, прочитав все протоколы суда, мы видим, что это сочинение не фигурировало на суде, на него не ссылался ни разу и Никон вследствие, может, хаотичности, непоследовательности и бессистемности обвинений, неоставлявших места обвиняемому для обстоятельных возражений, и предрешенности осуждения. Мало того, что сочинение до сих пор не издано на русском языке и осталось до сих пор в рукописи в Воскресенском монастыре до сего дня и издано лишь Пальмером в 1871 г. на английском языке – оно или не прочитано полностью Каптеревым, или цитировано им с преднамеренной целью представить Никона в свете стремлений будто бы создать национально русский папизм чуть не с соответствующей папской областью. Если читать Никоновские выдержки только по Каптереву и заранее принять совершенно бездоказательно приписанное Каптеревым Никону намерение вознестись до положения высшего в государстве, чем царь (не в духовном смысле), то, пожалуй, и получится нечто аналогичное

западноевропейскому папизму с светской властью, но это все очень далеко от действительного Никона. Каптерев рисует дело, как будто все то положение, которое постепенно приобретал Никон в государстве, было плодом заранее им намеченного захвата власти; он не хочет видеть в этом естественного развития влияния Никона, при его одаренности и самоотверженном трудолюбии, как делал это наблюдательный и беспристрастный Павел Алеппский; но, исходя из ошибочного мнения Лигарида о Никоне, как о человеке властном и гордом, он всю его деятельность рассматривает, как сознательный захват. Откуда, как не из Лигарида, эти априорные суждения (Каптерев II, 131) о его гордой, крайне властной деспотичной натуре, его громадном самолюбии и честолюбии, его всегдашней жестокости? Этому суждению можно противопоставить гораздо более верное психологически суждение проф. Стенли по поводу требования Никоном клятвы 22 июля 1652 г.: «В самом требовании мы узнаем тот же открытый, решительный и непреклонный характер. Властолюбие, ищущее неограниченного господства, никогда не предложит таких требований и притом в минуту своего возвышения. Оно постепенно, незаметно посягает на права других. Такое требование может сделать только человек, глубоко сознающий важность предстоящих ему обязанностей и всю силу препятствий на пути к их выполнению... Каким вступил он на кафедру – строгим, решительным и непреклонным, таким через шесть лет он оставил ее» (Приб. к твор. Св. Отцов 1862 г.). Теоретические мнения, приписанные Никону Каптеревым, лучше всего опровергаются самим Никоном, а его действительное отношение к светским делам охарактеризовано самим царем в 1657 г., несмотря на то, что тогда уже наступило охлаждение в отношениях к нему царя, – как полное невмешательство. Именно царь сказал диакону, просившему у царя снять запрещение, наложенное на него Никоном: «Боюсь Патриарха Никона, а ну как отдаст мне посох и скажет: возьми его и паси сам монахов и священников. Я не вмешиваюсь в твое начальствование над

генералами и войсками; зачем же ты вмешиваешься в мое начальствование над монахами и священниками» (Palm. II, 529).

Никон в делах смешанного характера, т. е. касающихся Церкви и государства.

Что касается тех смешанных дел, которые требуют участия и государства и Церкви, то Никон нисколько не избегал решать их совместно с царем. Когда Стрешнев в 15 вопросе обвинил Никона, будто он ограбил Коломенскую кафедру, взяв ее монастыри себе, то Никон объяснил, что, вследствие близости Коломенской епархии к Москве, она была закрыта и присоединена к Патриаршей области и перенесена в Вятку и великую Пермь. Епископ Вятский Александр был переведен из Коломны в Вятку и Пермь с согласия царя в 1657 году (Пал. II, 429 на основании Актов исторической комиссии V, 483), где открыта была епархия по ее отдаленности и живучести там язычества, причем это сделано с согласия царя. Из Патриаршей области для новой епархии было выделено столько же доходов, сколько доходов имела Коломенская епархия; ровно, сколько крестьянских дворов имела Коломенская епархия, столько и было указом царя отнесено к епархии Вятской и Великопермской, а крестьянские дворы Коломенской епархии были взяты на государя; после государь при освящении церкви в Воскресенском монастыре пожаловал их в Воскресенский монастырь. Сам Никон приводил VI Вселенского Собора 38 правило, устанавливающее, что при постройке новых городов порядок церковных дел следует гражданскому порядку. «Если меня поносят за то, что будто я делал это один, так документы Посольского Приказа свидетельствуют, что я сделал это с согласия царя и с советом Епископов» (I, 90, 91). Никон говорит, что он налагал и наказания совместно с царем. Он приводит 9 правило I-II Собора Св. Апостолов: «Долг Епископов исправлять нарушаемый порядок учением, обличением и церковными наказаниями, не битием и ранами; но если им оказывают сопротивление, то таковые должны быть переданы гражданской власти для наказания.»

Видишь ли, ответотворче, указание Св. Отцов. Так делали и мы. По соглашению с царем мы имели своих приставов, которые и налагали наказания, в зависимости от требования случая» (I, 177, 178). То требование самостоятельности и независимости Церкви, о котором взывал Никон, вовсе не носило желания совершенно устранить светскую власть от участия, как мы увидим это не только на примере смешанных дел, где государство равно заинтересовано, но и на примере дел чисто церковных. Следовательно, его протест относился лишь к стремлениям светской власти односторонне решать или оказывать давление на дела, которые Церковь имела право рассматривать или как смешанные дела, в которых и она равно заинтересована, или как дела, хотя и затрагивающие интерес государства, но по существу прежде всего по природе своей принадлежащие Церкви (Назначение духовных властей – дело по преимуществу церковное, как связанное с преданием благодатных архиерейских даров, но и государственное, поскольку Архиерей втянут своим землевладением и государственными правами – административными, судебными и финансовыми, связанными с землевладением, в государственный строй). Теория симфонии Никоном напечатана в предисловии к Служебнику 1655 году, где написано: «Бог даровал России два великие дара – царя и Патриарха, которыми все строится, как в Церкви, так и в государстве. Должно убо всем, повсюду обитающим, православным народам восхваляти же и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людем своим сию премудрую двоицу: Великого государя царя Алексея Михайловича и Великого государя Святейшого Никона Патриарха, иже праведно и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен… хранящe, всем всюду сущим под ними тоже творити повелеша... Тем же благословен Бог, в Троице Святей славимый, таковых великих государей в начальство людей своих избравый. Да даст же им государем, по пророку, желание сердец их. Яко да под единым их государским повелением вси, повсюду православнии народи живуще, утешительными песнями славити имут воздвигшего

их истинного Бога нашего» (Каптерев II, 127). Симфонией предполагается достижение согласия между представителями власти духовной и светской во всех вопросах, но она не устраняет обязанностей для представителя каждой власти подчиняться другой в сфере этой другой власти.

Никон прибегает к содействию царя и в чисто церковных делах.

Мы можем указать и чисто церковные дела, к которым Никон привлекал и царя. Так, 25 апреля 1556 г. Никон собирает с согласия царя Архиерейский Собор в Москве (Pal. II, 423); наконец всю церковно-обрядовую реформу книг и обрядов Никон проводит не только с согласия царя, но и как видно, по исследованию проф. Каптерева, по его преимущественно инициативе, вдохновленной царским духовником протопопом Стефаном Вонифатьевым. Свой уход в Воскресенский монастырь Никон совершил с ведома царя, послав ему из Успенского собора письмо с объявлением причин ухода 10 июля 1558 г., которое было возвращено Никону, но где было сказано, что Никон уходит из за неправедного гнева царя. Также, что касается столь инкриминируемой Никону ссылки Епископа Павла Коломенского, будто бы совершенной одной его властью без участия царя, то Пальмер указывает (III, 421, примечание 82), что, ведь, был запрошен Паисий, Константинопольский Патриарх, в 1654 г. о том, что делать с Епископом Павлом, и он ответил царю и Никону: «Если он упорствует, то низложите его, и вы будете иметь с собой нас и весь Синод с собой.» Сын Патриарха Макария архидиакон Павел, уже после низложения Никона (когда он сделал в дневнике все поправки, направленные против Никона, под влиянием озлобления против Никона при дворе в 1667 г.) повторил, что строгость против Епископа Павла, совершенная царем и Патриархом, была достойна похвал, и что его вечная ссылка была заслужена. И он рассказывает, как сам Патриарх Макарий с каноническим числом 12 Епископов, авторитетом Бога и султана низложил в 1659 г. Эмесского Митрополита.

Теория симфонии властей (духовной и светской). Никон обеим властям отводит доминирующее значение каждой в своей сфере. Нарушение симфоний в 1658 и 1660 г.

Означенные примеры показывают, что Никон, в соответствии с теорией симфонии, требовал единства действий обеих властей, но, естественно, каждой власти в ее сфере действий отводил определяющее значение. Так, когда Никон ушел в Воскресенский монастырь 10 июля 1658 г. и поручил Митрополиту Питириму его замещать, то одностороннее поручение последнему со стороны царя без согласия Никона управлять Церковью самостоятельно, не упоминая Никона в молитвах и не испрашивая его согласия на церковные акты, а равно и созыв Собора в 1660 г. по инициативе одного царя, было нарушением симфонии и проявлением цезарепапизма, ибо с церковной точки зрения сама Церковная Власть в лице Собора, ею самой созванного, должна была решать дальнейшую судьбу в замещении Московской Патриаршей кафедры; самостоятельного управления Патриархатом царь не имел права никому вручать, равно и превращать представителя Патриарха Никона в самостоятельного Местоблюстителя Патриаршего престола, тем более, что юридическая природа ухода Никона не была еще ни исследована, ни установлена в то время; это не удалось сделать даже Собору Русских Архиереев в 1660 году, и соборное постановление о низвержении Никона с кафедры и из сана и о замещении кафедры не могло быть приведено в исполнение в виду заявленных сомнений в канонической действительности суда над Патриархом без участия других Патриархов и в отсутствие обвиняемого, не приглашенного на суд.

О причинах ухода Никона. Мнение Соловьева, Пальмера, Горчакова, Беляева, Hermann'a.

Откладывая пока до дальнейшего центральный факт в жизни Никона, его уход из Москвы 10 июля 1658 г., мы не можем теперь же не обратить внимания на то, какие обстоятельства побудили к этому Никона. В свое время

С. М. Соловьев указал на психологические причины этого в виду возмужалости царя, проведшего больше 2-х лет на войне и привыкшего к большей самостоятельности. Основываясь далее на характеристике Никона, изображенного Лигаридом человеком гордым и властолюбивым, он представил этот уход, как протест Никона против лишения его прежнего значения в государстве, оставив без внимания вопрос, каких именно дел касался протест Никона, были ли это дела государственные, входящие по существу своему в сферу государственной власти, или дела церковные, входящие по существу своему в сферу власти церковной, или дела смешанного характера, подлежащие и той и другой власти. Так как С. М. Соловьев не выяснил различия природы этих дел, а исходил из Лигаридовского воззрения о неограниченности царской власти, то самый протест Никона ему мог представиться, как покушение на чужую сферу власти и как стремление восхитить недолжное, а уход Никона средством давления на царя, который вынужден был бы удовлетворить честолюбие гордого Патриарха. Что касается характеристики Никона, то она взята Соловьевым у Лигарида на веру, а не является плодом самостоятельного исследования его жизни, а, что касается дел, послуживших причиной протеста Патриарха Никона (их надо отличать от ближайших поводов к нему), то все это были дела чисто церковные или такие , которые по понятиям того времени считались таковыми, как показывают исследования других ученых и показания самого Никона в «Раззорении». Никон неоднократно упоминает там и об этих церковных делах, захваченных царем, именно о захвате государством через монастырский приказ всех дел о духовенстве, включающих суд по всяким делам, и о назначения духовных лиц, и о конфискации посадских слобод, принадлежавших Церкви, по понятиям того времени, не подлежавших отчуждению, как имущество, «Богу данное». Сам Никон говорит об этом захвате церковного управления в общих чертах, обосновывая его самостоятельность или на праве Божественном (назначения),

или на праве историческом (пожертвовании имущества, которое великими князьями и царями сопровождалось заклятиями их неприкосновенности). То же мы узнаем о них из других источников. Так, Hermann указывает: («Die Geschichte des Russischen Staates», III т., 672 стр.) на случай отнятия монастырским приказом ставропигиального монастыря, установленного в этом свойстве Никоном, в пользу Епархиального Епископа, и на общий захват этим приказом означенных дел, после наступившего охлаждения царя к Патриарху Никону. Так он пишет: «Die Grossen begegneten ihn ungeschenkt mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Streschneff gab seinem Hund den Nam en Nikon. Schon wurden Anordnungen die der Patriarch sonst allein zu treflen pflegte, allmählich wieder vor die Entscheidung des Bojahrenraths gezogen. Nikon hatte das Polozkische Kioster zum Erscheinung Gottes (Богоявление) für exemt erklärt; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben[11]; впрочем, передача Богоявленского монастыря в ведение Епархиального Епископа произошла по указу царя, приведенному у Пальмера от 21 февраля 1659 г., т. е. уже после ухода Никона в Воскресенский монастырь (IV, 162, 163). Auch die Klosterkammer fing wieder an geistliche Personen und ihre Güter vor ihr Geridit zu ziehen, und der Bojarenrat erliess gestützt auf die Uloshenie nach eigenem Ermessen Entsheidungen über die wieder die Verordnungen Iwan IV von der Kirche gemachten Erwerbungen»[12]. И в другом месте он прибавляет: Wir sehen Nikon diesen Schritt (удаление в Воскресенский

---

[11] Вельможи относились к нему, не боясь, с величайшим пренебрежением. Один из них Стрешнев дал имя Никона своей собаке. Постепенно дела, обычно решавшиеся одним Патриархом, снова поставили в зависимость от решения бояр. Никон объявил Полоцкий Богоявленский монастырь ставропигиальным, а его вдруг подчинили посвященному на тамошнюю епархию Епископу Каллисту.

[12] Точно также, Монастырский приказ снова начал привлекать к своему суду духовных лиц и их имущества, а Боярская Дума, опираясь на Уложение, по собственному усмотрению постановляла решения о приобретениях Церкви, сделанных ею вопреки указов Ивана IV.

монастырь) nicht aus widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit sondern wegen der ihn wiederfahrenden mit seinem geistlichen Amt und seiner Würde unverträglichen Ehrenkränkung»[13].

Было еще одно серьезное разногласие между царем и Никоном, начавшееся в половине 1657 г.; оно было связано с вопросом о назначении на Киевскую кафедру Митрополита после смерти Киевского Митрополита Сильвестра Коссова, последовавшей в 1657 г. летом. Никон считал неканоническим назначать его, ибо Киевская Митрополия была подведомственна Константинопольскому Патриарху; царь добился этого назначения лишь в 1661 г. через послушного ему Митрополита Питирима. Никон в 1662 г. публично осудил этот акт для того, чтобы отклонить всякое подозрение на него в участии его в нем, через благословение, которое он дал сначала Питириму на управление Патриархатом на время своего отсутствия из Москвы на положении его викария. Пальмер описывает это дело в IV, 326 стр.: It was an old matter of difference and cause of anger for the tsar against Nicon, dating from the death of the metropolitan of Kieff Silvester Kossoff, in the summer of 1657, that Nicon has resisted the wish of the tsar – urged upon him importunately both verbally and in writing – that he should assume or rather that he should accept from the tsar the right of consecrating a new metropolitan to the chair of Kieff: and he not only declined to do this, but also pointed out how uncanonical and irreligious such an act would be, the see of Kieff being then, with all its suffragan bishops of Little Russia under the Patriarch of C. P. Then it was the tsar who began perhaps for the first time to use unseemly of foul words, and to call Nicon «мужик блядин» или «мужик блядин сын» having also for his minister and adviser in that

[13] Мы видели, что Никон предпринимает уход в Воскресенский монастырь не из нелояльности к светской власти, но вследствие оскорбления чести, несовместимого с его духовным саном и достоинствами.

matter his maternal uncle the boyar Simeon Lucian Streshneff who held the Prikaz for Lithuania.[14].

Не только царь сам настаивал на актах неканонических и, потому отвергнутых Никоном, но со времени прекращения им поддержки Никона бояре ввели в действие Уложение, до того времени лишь приостановленное в действии, и на сцену выступил монастырский приказ, как проводник беззастенчивого цезарепапизма. Монастырский приказ был призван осуществить мысль о подсудности духовенства и подвластных ему лиц в гражданских делах государственной судебной власти, а также ответить на стремление государства привлечь возможно больше земли к службе государству. На деле он оказался не только судебным, но и финансовым и административным учреждением и полицейским по отношению к чисто церковным вопросам. Проф. Горчаков еще указал на то, что Монастырский Приказ при неопределенности Уложения в отношении состава учреждения, судопроизводства и в отношении круга деятельности дошел до вмешательства в чисто церковные дела, но критика в лице проф. Беляева (в XV т. присуждений премии графа Уварова), указала, что упрек Горчакова в неопределенности круга действий напрасен, ибо монастырский приказ имел совершенно одинаковый характер всех приказов того времени. Все они были одновременно и судебными и административными и

[14] Это было старое разногласие и причина царского гнева на Никона со времени смерти Киевского Митрополита Сильвестра Косова летом 1657 г. Именно Никон сопротивлялся желанию царя, неотступно требовавшего и устно и письменно, чтобы он взял на себя или, лучше, принял от царя право посвящения нового Митрополита на Киевскую кафедру. Он не только отклонил это, но указывал, как неканоничен и безрелигиозен был бы такой акт в виду того, что Киевская кафедра со всеми ее Епископами Малой России находилась под Константинопольским Патриархом. Именно царь начал, впервые, быть может, употреблять неподобные безумные слова и ругать Никона «блядин мужик», имея своим слугой и советником в этом деле своего дядю по матери Симеона Лукьяновича Стрешнева, заведывавшего Литовским приказом.

финансовыми и даже политическими учреждениями относительно лиц и учреждений им подведомственных; такой же характер мы находим в приказах стрелецком, пушкарском, иноземном, аптекарском и других. Все они были казенным управлением тем или другим ведомством во всех делах. Монастырский приказ был казенным управлением над духовенством и лицами, с ним связанными, ту была полная определенность, только не по разрядам дел, а по лицам и учреждениям, подведомственным приказу. Как раньше Церковь и по суду и по администрации, в финансах и в полиции ведалась и управлялась сама собою, так с учреждением монастырского приказа все, относящееся до Церкви, должно было перейти в его ведение. Монастырский приказ был закрыт в 1667 году уже после осуждения Никона на основании идей, высказанных Никоном: «Божественные законы не повелевают мирским людям, возложенными Господеви обладати движимыми и недвижимыми вещами, ниже судити.» Известно, что и раньше и в архиерейской и патриаршей области управляли светские чиновники, но они были помощниками Архиереев и Патриархов и без утверждения последних ничего не могли решать. В учреждении монастырского приказа был изменен самый принцип суда; на место суда церковного по духовным и гражданским делам выступил государственный суд и по гражданским и по духовным делам. При отсутствии различения дел по их предметам и при различении их только по лицам, Никон мог принять только первое положение дилеммы, именно: церковный суд по духовным и гражданским делам; но если первые он основывал, как мы видели, исключительно на Божественном праве, то для вторых он приводил основания исторически традиционные в виде ссылок на Византийское законодательство, на Устав Св. Владимира, Ярослава и на Стоглав (Очевидно, сам Никон чувствовал неправильность ссылки здесь на Божественное право). Мы привели достаточно доказательств тому, что протест Никона имел в виду отстоять за Церковью именно те права, которые она имела или по праву Божественному, или

во всяком случае по праву многовековой исторической давности в силу того положения, которое Церковь занимала в Русском Государстве по основным актам, определявшим ее общественное положение до Уложения, именно Уставы Св. Владимира и Ярослава. Эта многовековая давность сливала в общественном сознании иные прикладные права Церкви (например, право гражд. суда над духовенством) с правами Церкви, принадлежащими ей в силу ее природы (установление состава ее иерархии и суд по духовным делам).

О поводе к уходу Никона в Воскресенский монастырь.

Если таковы причины ухода Никона, то повод к ним определился в июле месяце 1658 г., когда царь явно показал Никону, что он больше не может рассчитывать на его поддержку, и показал это явным и публичным нарушением того положения, которое обычай отводил Патриарху. В силу интимной близости к царю по сану, Патриарх приглашался всегда на прием у царя именитых гостей, а Патриарх Никон не был приглашен на обед, дававшийся царем в честь, грузинского царевича Теймураза; царь не дал удовлетворения Патриарху в побитии его чиновника, пришедшего 4 июля во дворец, по поручению Патриарха, царским боярином Хитрово, что было порухою чести для самого Патриарха. Этот чиновник (Пальмер IV, 118) назначался царем и Патриархом совместно для свободного доступа к гражданским властям и судьям для получения от них для Церкви и ее клиентов справедливости во всяких делах, в которых они могли бы оказаться обиженными; наконец, царь ни 8 июля, ни 10 июля не участвовал в народных богослужениях, что было совершенно недопустимо по понятию того времени и придворным обычаям. Никон увидел в этом отсутствии особое проявление гнева царя, который почитал неправедным, и решил дать ему простор. Он пишет (I, 104) о том, что, когда пред заутреней 10 июля к нему пришли посланные царем стольники князь Юрий Иванович Ромодановский и

Афанасий Иванович Матюшин, то он им уже сказал о намерении уйти из Москвы в виду царского гнева; из-за этого гнева царь воздерживается от посещения церкви (от исполнения обязательного для царя ритуала). «Известно всему государству, что вследствие этого гнева на меня царь не ходит в Святую Соборную Церковь, и я уйду из Москвы; надеюсь, что царю будет свободнее без меня» (IV, 120). Затем, Никон перечисляет обиды Церкви, а не личные ему обиды; его упреки в этом и вызывали в царе неправедный гнев; Никон прибавляет, что обо всем этом, уходя из Москве, он свидетельствовал публично в соборе пред небом и землей, и всем народом, и ушел таким образом с ведома царя.»

В дополнение ко всему пришедший от царя к Никону утром 10 июля 1658 года пред утреней князь Юрий Ромодановский сказал Никону, чтобы он не назывался более великим государем и, что царь его более почитать не будет. Все это было свидетельством того, что Никон утрачивал то положение в государстве, которое он занимал в силу своего сана, и не мог более рассчитывать на поддержку царя в отстаивании той церковной самостоятельности, которую царь и бояре клятвенно обещали не подрывать 22 июля 1652 г. (а теперь введено в действие Уложение). Когда царь послал после обедни князя Трубецкого просить Никона остаться, то это было, правда, просьба остаться, но, довольствуясь положением, которое давали ему царь и бояре, и управлять Церковью под их властью (Пальмер IV, 136, примечание 24). Никон ушел, и при рассмотрении обстоятельств его ухода видно будет, что он не отрекался от Патриаршества, но ушел от непокорной паствы, поручив 12 июля, при отъезде из Воскресенского подворья в монастырь, управлять после своего ухода в Воскресенский монастырь на правах викария Крутицкому Митрополиту Питириму, обращаясь к нему лишь по важнейшим делам (Пальмер IV, 138 прим. 31).

Царь после ухода Никона, однако, запретил Питириму и поминать Никона, и обращаться к нему.

Никон о своем уходе в Воскресенский монастырь.

Послам царским 12 июля 1658 г. Никон сказал: «Я ушел не совсем. Если царское величество преклонится, будет милостивее, отложит свой гнев в сторону, я вернусь в Москву.» Свой уход Никон рассматривал, как исполнение заповеди Спасителя и Апостолов: «Если гонят вас в одном городе, отходите в другой, отряхая прах от ног своих», и оправдывал свое право вернуться в Москву на Патриарший престол, ссылаясь на 17 Сардикское правило (I, 142), гласившее: «Если который Епископ, претерпев насилие, неправедно извержен будет или за свои познания или за исповедание Кафолической Церкви или за то, что защищал истину и избегая опасности, будучи невинен и обвинению подвержен, приидет во иный град: то заблагорассуждено, да не возбраняется ему пребывати тамо, доколе не возвратится, или возможет обрести избавление от нанесенные ему обиды. Ибо жестоко и весьма тяжко было бы не приимати нам претерпевшего неправедное изгнание: напротив того с особенным благорасположением и дружелюбием должно приимати таковаго.»

Протест Никона в виде ухода против того положения, в котором была поставлена Церковь, вопреки клятве царя и бояр, есть не проявление его гордости, о которой повторяют со слов Паисия Лигарида, а признак стойкости его убеждений, которые он не принес в жертву полной возможности для него остаться Патриархом, подчиненным во всем царю и боярам. «Что хуже всего, это, что, вопреки всякой справедливости, синклит царского величества, бояре и всякого рода люди причиняют великие обиды церковному строю, и царская власть не делает расследования, не дает удовлетворения, но когда мы жалуемся на такие вещи, только гневается на нас» (III, 386). «Спустя время сам царь начал не оказывать уважение Божественным заповедям Христа, Святых Апостолов и Святых Отцов, которые он обязан соблюдать при нашем назначении на Патриаршество, и не дал мне управлять в соответствии с канонами» (I, 13) и (IV, 132). Если бы Никон не ушел, то, вероятно, имя его не

возбуждало бы теперь интереса, и он был бы в глазах истории одним из многочисленных святителей потаковников, а не путеводной звездой Православия, напомнившей идеи и непоколебимость Святого Иоанна Златоуста и Святого Феодора Студита. Мы еще вернемся после к характеристике обстоятельств его ухода, а теперь рассмотрим учение об отношении Патриарха к царской власти в государстве.

Царь и право Патриарха на обличение.

Никон писал, что он служил государю, в царское ни во что не вмешивался, а если вступался за вдов и сирот, то говорил: «мы, Архиереи на то и поставлены», т. е. свое участие в государственных делах он объяснял своим регенством, а право печалования считал всегда присущим своему сану. Миссия священства по Никону была в том, чтобы быть «светом миру, солью земли, оком слепым, врачом больным, обращающим заблуждающихся и утверждающим стоящих.» Таким по преимуществу должен быть Патриарх. Он – покровитель бедных и неимущих; его обязанность бороться против всякой неправды и злоупотреблений властью. «А что о правде говорили, пишет он Патриарху Дионисию, и бедных от беды избавляли, то мы, Архиереи, на сие и поставлены. Патриарх может правду говорить и обличать за неправду самого царя. Досаждати царю или князю всем возбранено, а не Архиереям, обличати же по достоянию несть возбранено, аще и обличения словеса люта зело... по правде кто обличает несть муки достоин.» Даже больше – глаголать о свиденьях Божиих перед царем не стыдяся – прямая обязанность Патриарха, как это выставил и сам Никон перед вступлением на Патриаршество: «Егда позволит Бог Никону Митрополиту быть на Патриаршестве и Никон Митрополит усмотрит во царе и великом князе порок, который противен Евангельским св. заповедям, или противно что Св. Апостолам и Отеческим правилам и ему, Никону, по писанному во псалмех, не стесняяся говорить о заповедях, церквах Божиих... перед царем и перед бояры, а

ему, государю, и его государевым боярам слушати во всем.» Царь обязан рассматривать эту деятельность Патриарха, как его долг по сохранению Православия, и не гневаться. Имея право нравственного обличения царя, Патриарх, как таковой, не подлежит суду царя, а лишь суду других Патриархов, и таким образом нравственно всегда свободен от давления светской власти.

Сравнение обличений Св. Филиппа и Никона.

Если мы сравним обличение Никона и обличения Св. Филиппа, то увидим, что обличения Св. Филиппа гораздо глубже врезались в государственную жизнь в смысле сферы воздействия. Ведь Св. Филипп обличал несправедливость и жестокость опричнины – учреждения государственного ради ее безнравственных деяний; т. е. он захватывал своей критикой явление, хотя и подлежавшее суду Церкви с нравственной точки зрения, однако, входившее в сферу государства; Никон же, отстаивая права Церкви иметь определяющее значение на состав Иерархии и право суда Церкви над духовенством в духовных делах, защищал лишь право самой Церкви в ее forum internum, а поскольку он защищал права Церкви на суд в гражданских делах духовенства, он отстаивал историческую традицию от захвата государством всего суда и управления Церковью, в виду отсутствия в то время разделения компетенции по роду дел, а не по лицам. Никон больше всего посвятил внимания в своем «Раззорении» понятию православного царя. Он не ставит его над Церковью главой, а вводил его в Церковь ее членом и обязывал к соблюдению заповедей и правил, как в личной, так и в общественной жизни, а также обязывал к сохранению строя церковного, противостоящего царю, как нечто неприкосновенное, с своими законами, управлением и судом, где царь может иметь влияние, поскольку оно принимается самой Церковью, но где он не может выступать единственно определяющим фактором, как то было во времена языческие и как претендовали иные арианствующие и иконоборствующие императоры, а в новое время бояре,

предводительствуемые князем Одоевским, этим, по словам Никона, новым Лютером, бояре, руководимые Лигаридом, дававшим им доводы цезарепапизма из языческих писателей и практики злоупотреблений Византийского двора, этим лицемером, человекоугодником, искавшим лишь наживы, как называл его Никон и как подтвердила историческая критика нашего времени в лице Пирлинга и Пальмера. Отстаивая самостоятельность Церкви, как особого союза от безграничной власти государства, Никон отстаивал и права Патриарха лишь постольку, поскольку захват этот затрагивал и права Патриарха. Цезарепапизм, в лице Лигарида, хотел поразить и право печалования, для которого Никон находил ограждение и основу в 8 и 9 Сард. правиле (I, 140); Лигарид видел в этом обиду для царского сана, а Никон со своей энергией отстаивал это право, со времени лучших эпох Византии бывшее показателем, что перед царем стояла высшая обязанность – усовершенствование справедливости и правды в своем управлении, и что глашатаем правды должен быть тот, кто призван стать выше жизни и быть живым образом Христа, словом и делом изображающим истину.

Нарушение симфонии в строе Московского государства введением Уложения и расцерковления государства.

Строй Московского государства уже воплощал в значительной мере симфонию властей в своих учреждениях; ему лишь наносились первые удары со стороны секуляризационного духа века, выразившиеся в цезарепапистских устремлениях Уложения. Введением монастырского приказа покушались на принцип церковной самостоятельности, и это было тем началом, которое давало толчок расцерковлению государства, признававшего себя вновь высшим принципом, и дало толчок новому потоку идей, которые, секуляризируя государство, уничтожали и право печалования (– последний случай печалования был при Петре в 1698 году), и религиозные обряды. Прекратился обряд страшного суда перед великим постом, с прекращением церковного настроения в правящих сферах.

Обряд пещного действия, иллюстрировавший ту истину, что над государственной властью стоят высшие законы Божии, прекратился когда восхваление принципа перестало соответствовать действительности (IV, 514, прим. 7); была нарушена неприкосновенность церковной собственности, перешедшей сначала в управление государства, а потом и в его собственность. Обряд в неделю Ваий был оставлен в 1676 году для одного Патриарха и вовсе прекратился после смерти матери царя Наталии Кириловны, последовавшей в 1694 году (Скворцов, Патриарх Адриан. Правосл. собесед. 1912, I); Петр нарушил и огромную культурную работу Церкви по благотворению и образованию, дав последнему слишком светский характер и посягнув даже на самый характер религиозного воспитания через издание неправославных книжек через зависимое от светской власти духовенство. Уложение еще не захватывало лично Патриарха, но, конфискуя его посады, оно вступило на путь уменьшения церковного имущества и обессиления общественного значения Патриарха; преступив каноны подчинением Церкви государственному принципу, оно расчищало в принципе путь дальнейшему нарушению канонов, в конце которого стояло уже не только устранение лучшего Патриарха через послушных и подкупных Иерархов, вмешательство государства в управление церковной собственности и в составление церковной Иерархии, но и уничтожение самим государством канонического церковного строя через уничтожение Патриаршества. Попутно с превращением церковного управления в государственное, завершившимся созданием Синода из назначенных правительством духовных лиц на известное время, самостоятельно им выбираемых и присягающих в верности крайнему своему судье в лице государя, шло и вытравление церковного элемента из управления государственного, устранение его из высших государственных учреждений. Прекращается участие духовных лиц в Боярской Думе, которая заменяется Сенатом из одних светских лиц. Рядом с самим царем стоявший и

интимно по сану с ним связанный Патриарх уже не находится при лице царя, а заменившая его духовная коллегия, как и всякое другое подчиненное государственное учреждение, сносится с царем уже не непосредственно, а через приставленное око государево в лице обер-прокурора Св. Синода, в которые ставится «храбрый и смелый офицер.» На место высшей идеи постепенного оцерковления государства, возвышения его через симфонию властей явилась идея подчинения самой Церкви и ее положения в обществе тем философским идеям, которыми в данное время увлекаются представители государственной власти. Это было уже расцерковлением государства и ввержением его в пучину стихий мира сего.

Смысл борьбы Никона в свете последующих мер против Церкви.

Это было то, против чего предостерегал Никон перед вступлением на Патриаршество, когда он оберегал управление церковное от подчинения его светской власти и через то оберегал для Церкви возможность оставаться самостоятельным светочем миру, нерастворимым в стихиях мира сего; через это Никон оберегал не меньше и самую светскую власть, ибо в Церкви она находила непререкаемый смысл своей деятельности, связывающей ее с вечностью, и союзную охранительницу от учений, могущих подтачивать существование самого государства. Выясняя понятия православного царя и значение Патриарха при нем, подчеркивая неоднократно значение Премудрой Божественной Двоицы, Никон, как бы заранее протестовал против низведения Церкви на степень подчиненного государственного учреждения и ее идеалов на степень обычных человеческих мнений, которым государственная власть может следовать, но может и не следовать без опасности для самой себя. Церковь в глазах Никона – не государственное и не национальное учреждение, а кафолическое, вмещающее в себе всю истину, и призванное вести человечество через град земной к граду небесному

средствами особыми, Ей одной свойственными, в которых Она самостоятельна от человеческих стихий, в том числе и от государства. И люди, поглощенные этими стихиями, его не понимали. Эту борьбу с засилием плоти над духом мы видим постоянно в деятельности Никона. Не забудем, что только около 40 лет прошло от времени воцарения Михаила Феодоровича до вступления Никона на Патриаршество, что войны внешние, междуусобные и иностранные оккупации с потоком чужеродных идей ослабили церковную жизнь, а Никон с этой практической жизненной стороны и подходил к Церкви. Он многократно, мы видели, писал, что «Церковь не стены и храм, а церковные законы и жизнь по вере.» Об этом он говорил и перед вступлением на Патриаршество: «Мы называемся христианами, но христиане мы только на словах.» И в июле 1663 года Одоевскому он говорил, что в царе мало христианского,» ибо царь допускает, чтобы церковное управление устраивалось через неканоническое вмешательство его власти в дела, подлежащие ведению носителей иных даров благодати.

Различные способы Никона к поддержанию церковного направления в правительстве и обществе.

Ту же борьбу мы видим у Никона и в целом ряде других его проявлений, но эта борьба истолковывалась его врагами всегда иначе. Так, Никон сделал прибавление к Кормчей в виде дарения Константинова. Там приведено сказание об исцелении, совершенном Папой Сильвестром с Константином Великим, и о принесении последним за это в благодарность Папе западных стран и о предоставлении разных привилегий духовенству в государстве. Это было со стороны Никона выставлением нравственного примера, необходимого в виду падения общественного значения духовенства, загнанного, через подчинение на местах государственным чиновникам, в зависимость от людей еще более низкого уровня, а на верхах поставленного в зависимость от своеволия бояр. Это было со стороны Никона напоминанием о должном положении Церкви. Но из этого

помещения «Дарения» в Кормчей бояре, во время отсутствия Патриарха Никона, делали средство остановить примирительные попытки царя с Патриархом запугиванием, что будто бы, если Никон вернется, то царю ничего не останется, как оставить Никону Москву, как Константин Великий оставил Рим Папе Сильвестру (IV, 60 прим. 36). Так Никон посоветовал царю привезти мощи Св. Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву, и в этом усмотрели унижение царя, тогда как Никон в действительности не унижать царя хотел, а искупить общественный грех, который лежал на царстве за неправедное гонение Св. Филиппа предшественником царем, и за который надо было испросить прощение. В соответствии с этим была редактирована Никоном и речь царя перед гробом Св. Филиппа, которую Никон читал в Соловецком монастыре перед взятием оттуда мощей Святого. Там говорилось прежде всего о желании царя, чтобы «Св. Филипп, находясь в Москве, присоединил свои молитвы, чтобы вера Христова пребывала неподвижной и стадо паствы оставалось ненаветным от гибельных волков; и мы крепки не своей силой и многооружным воинством, но святыми вашими молитвами.» Из этих слов Никона можно видеть желание его найти духовную опору против все того же секуляризационного стремления века. Далее грамота продолжает: «Второе молю тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего царя и вел. кн. Иоанна, совершенное против тебя нерассудно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и не повинен в досаждении тебе, но гроб прадеда постоянно убеждает меня, приводит в жалость и мучит мою совесть, что от изгнания тебя до настоящего времени ты вдали от своей святительской паствы. Потому преклоняю сан свой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение своим к нам пришествием, да уничтожится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание; пусть все уверятся, что ты примирился с ним. Умоляю тебя и честь моего царства преклоняю пред честными твоими мощами,

повергаю к молению всю мою власть, приди и прости оскорбившего тебя напрасно; он раскаялся тогда в содеянном грехе, и за его покаяние и за наше прошение приди к нам. Оправдались на тебе Евангельские слова, за которые ты пострадал, что «всякое царство разделившееся на ся не станет;» теперь и у нас нет прекословящих тебе; нет ныне в твоей пастве никакого разделения, но все единомысленно просим и молим тебя приди с миром восвояси, и свои тебя примут с любовию.» В этом послании поистине свидетельствуется христианское смирение, а не унижение царской власти, стремление поднять ее на ту нравственную высоту, которая не боится самообличения, а в раскаянии видит средство очищения. Но как прегрешение было публичное, так и очищение должно было быть публичное, и как за общественные грехи наказание поражает общество, так и публичным покаянием можно было, по Никону, освободить себя от общественных последствий общественного греха. Известно, что в то время (это был март 1652 г., еще до Никонова Патриаршества) царь был благочестиво настроен и сам еще стремился бороться с тем антицерковным духом, который проник, после смутного времени и засилия иностранцев, в Москву в боярскую среду и выражал свое пренебрежение к уставам церковным и благочинию церковного строя. Столкновение этих двух настроений произошло и во время путешествия Никона в Соловецкий монастырь за мощами Св. Филиппа. Непрерывные богослужения, келейные правила, строгие посты, благотворительность, как показал исследователь этого путешествия профессор Николаевский, были неизменными спутниками Никона. В его свите некоторые бояре этим тяготились, и вот двое из них Отяев и Лобанов Ростовский жаловались на строгость Никона царю. Инцидент этот запечатлен и в истории Митрополита Макария, и у профессора Николаевского. Царь писал Никону: «Ведомо нам учинилось, что многие дворяне и всякие служилые люди, которые посланы с вами, в Великий пост не постились и не с благочинием едут. И тебе бы, богомольцу нашему,

заставить их в Петров и Господний пост говеть, а которые учнут ослушаться, тебе по правилам Св. Отцов запрещать и разрешать, зане от Бога на тебе та власть положена, и на всякое благочиние приводить.» А князю Хованскому царь писал: «А тебе боярину нашему от всякого дурна их унимать и велеть ехать с благочинием, а не смехом; зане же и к нам, земному царю, едут со страхом и трепетом, а то кольми паче подобает ехать к такому великому святителю со страхом и трепетом» (Еще у Сол. X, 180). А бояре жаловались, что никогда такого позора не было, царь де выдал их Митрополиту.

Идея оцерковления государства и борьба с начинавшимся его расцерковлением – были основными стимулами деятельности Никона в вопросе о церковно-государственных отношениях. Это было стремление к восстановлению в жизни теории симфонии, которой был нанесен вскоре после него решительный удар, чисто светским построениям этих отношений при Петре I, в духе протестантском или неоязыческом, когда и государство фактически явилось единственным судьей не только внешне церковных, но и внутренне церковных отношений. Интересно сопоставить учение Никона о соотношении царской власти с церковной, с учениями католических и протестантских писателей, чтобы почувствовать эту разницу. Ссылка Никона на теорию двух мечей ничего не говорит, ибо как говорит Janet: le passage equivoque pouvait être interprété dans l'un et l'autre sens, comme la plupart des textes cités dans cette question» (Histoire de la science politique I, 338).[15]

Сравнение учения Никона с католическими писателями о соотношении властей.

Как был далек Никон от учений, выраженных у католических писателей, о соотношении властей духовной и

---

[15] Двусмысленная фраза могла толковаться и в том, и в другом смысле, как и большая часть текстов, которые приводились в этом деле.

светской, могут показать отдельные примеры. Никон признавал, что светская власть управляется независимо от духовной и последнею лишь освящается, а католический писатель XII века Hugue de Saint Victor школы Св. Бернарда, не пошедший за святоотеческим направлением Св. Бернарда, признавал право за духовной властью устанавливать и смещать светскую власть. Из превосходства духовной жизни над светской и души над телом Никон не выводил светской власти Церкви и тем меньше приписывал последней установление самой светской власти, а Hugue de Saint Victor писал: «Autant la vie spirituelle est superiéure à la vie terrestre et l'esprit au corps, autant la puissance spirituelle l'emporte sur la temporelle en force et en dignité. Car la puissance spirituelle est chargée d'instituer la puissance temporelle afin: qu'elle puisse exister: ut sit, et de la juger, si elle n'est pas bonne (Paul Janet ib. 338)[16].

Никон никогда не усматривал в акте коронования акт суверенитета, а лишь акт благословения и освящения, как он сам говорит, тогда как Hugue de Saint Victor признавал и то и другое, говоря: «Et sanctificans per benedictionem et formans per institutionem»[17].

Точно также, Никон не покушался на принцип неприкосновенности царской власти, как это делал Фома Бекет (Фома Кентерберийский). Никон уходил от нарушения церковных законов, но не прибегал к демагогическим приемам, которые слышатся в письме Фомы Бекета к Папе Александру III, основателю Ломбардской Лиги и противнику Фридриха I, с упреками за его умеренность и медлительность в действиях против врагов. «Prends courage, o pére, et sois fort, nous sommes plus nombreux qu'eux. Le Seigneur a écrasé le marteau des impies, Fréderic; et il écrasera de

---

[16] «Насколько духовная жизнь выше земной и дух тела, настолько власть духовная выше светской по силе и достоинству. Ибо духовная власть призвана учреждать светскую, чтобы та могла существовать и судить ее, если она не отвечает своему назначению.»

[17] «И освящающий через благословение и учреждающий через установление.»

meme tous ceux qui ne viendront point a résipiscence et ne feront pas la paix avec l'Eglise de Dieu. Enfin nous attendons votre jugement ou plutôt le jugement de celui qui ôte la vie aux princes et délivre le pauvre du puissant» (Ib. 1, 341)[18]

В католической литературе соединение идей теократических с демократическими доходило до разрешения тираноубийства, теории, оставленной после Цицерона, с одной стороны, и до прославления первосвященнического деспотизма в светской сфере с другой стороны в лице Иоанна Саллюсберийского (XII век); позже оно встречается у писателей, защищавших политику Лиги в XVI веке [Boucher (De justa abdicatione)]. У Иоанна Саллюсберийского светская власть сведена на роль послушного палача; она держит меч, но получает его из рук Церкви, держит для нее и осуществляет от ее имени функцию, которой она сама не хочет пачкаться. Иоанн Саллюсберийский пишет: «Le prince recoit le glaive temporel des mainss de l'Eglise; car elle meme ne peut tenir le glaive du sang. Cependant elle le possede et elle s'en sert par les mains du prince à qui elle a accordé la puissance de punir le corps se réservant l'autopité dans les choses spirituelles. Le prince est done le ministre du prêtre, exerant à sa place une des fonctions de la sainte autorité mais qui parait indigne des mains du prêtre»[19].

Что общего между идеей государства, послушного палача Церкви, и идеей государства, добровольно признающего перед Церковью обязательства, как перед союзом,

---

[18] «Мужайся, отец, и крепись; мы многочисленнее, чем они; Господь разрушил меч нечестивцев, Фридрих, и Он разрушит точно также всех тех, которые не покаются и не примирятся в Церковью Бога. Наконец мы ждем Вашего суда или скорее Суда Того, Кто отнимает жизнь у государей и освобождает бедняка от могущественного.»

[19] «Государь принимает светский меч из рук Церкви: она сама не может держать меча крови. Однако, он в ее власти, и она им пользуется через государя, которому она дала власть наказывать тело, оставляя себе авторитет в делах духовных. Государь поэтому — слуга священника, осуществляющий вместо него одну из функций священной власти, которая кажется недостойной рук священника.»

преследующим высшие цели, и идей государства, призванного к оцерковлению. Насколько в одном случае государственная власть унижена, настолько во втором она приобщается к высшему назначению.

То же различие в пользовании Никоном и католическими писателями «Дарением Константина», внесенным в декрет Грациана – знаменитый труд канонического права XII века, в глоссы которого проникли теократические доктрины. Если Никон в Дарении Константина видит назидание царю, как надо относиться к Церкви, ее собственности и суду, то католические комментаторы и здесь стараются приписать Дарению особое понимание власти церковной, которое вовсе не вытекает из текста, но которое приводит к слиянию двух властей и светской и духовной в лице Папы, как викария Христа (Ib. I, 349). Как это происходит и у Фомы Аквинского в лице Папы, qui occupe à la fois le sommet des deux puissances. Ce dernier trait semble ramasser dans la pesonne de souverain pontife la totalité du pouvoir spirituel et temporel (I, 389) (I, 389)[20].

У других глоссаторов из идеи Дарения Папе империи выводилось право Папы ею располагать и, отняв у греков, передать германцам, сначала Карлу Великому, а потом Оттону Великому, но через это сама империя представлялась продуктом папской власти (Ib. I, 350).

Точно так же Никон даже не ставил вопроса о возможности аннулировать присягу царю, как делал это Папа Иннокентий III, ставивший через это Папу судьей действительности присяги, т. е. юридически выше императора (I, 351). У него всякая власть исходит от Папы. Католическая литература в XI-XII в. для господства Церкви и понижения ценности земной власти подчеркивала то человеческое, что было у светской власти: насилия, страсти, несправедливость, узурпацию, которые были при

---

[20] «Который является одновременно вершиной обеих властей. Это последняя черта, кажется, соединяет в лице верховного первосвященника совокупность духовной и светской власти.»

зарождении власти государственной. Она выступала покровительницей народов против царей и сводила светское право к согласию народа под надзором Церкви; в католических монастырях в средние века и зародилась теория народного суверенитета и право сопротивления злоупотреблениям гражданской власти. Она оспаривала Божественное право королей на их светскую власть и приписывала себе право устанавливать и низлагать их. Несколько смягченно выражена эта теория у Фомы Аквинского, как следствие отлучения от Церкви: как только король отступал от веры, подвергался отлучению, его подданные ipso facto освобождаются от повиновения и присяге верности (Ib. I, 389); выдвигаемый здесь принцип народного суверенитета ограничивается властью Церкви; это – демократия, увенчиваемая теократией.

Также далек был Никон и от учения кардинала Беллармина XVII века о косвенной власти Папы. Беллармин, не допуская непосредственной действительной власти Папы над подданными христианских королей, давал право косвенного вмешательства в светские дела, когда этого требует духовный интерес. Папа у него не имеет того права над королями, которое имеет над Епископами: он не может их низлагать по своей воле. Но если это необходимо для спасения душ, то Папа может отнять королевство у одного короля и передать его другому. Папа не издает законов в разных государствах, но, если какой закон необходим для спасения душ, то он может его издать, как может и отменить тот, который противен Церкви. Папа не имеет прямой юрисдикции над подданными христианских правителей, но, если требует интерес спасения душ, то может их судить в последней инстанции. Это и было то, чего хотели Григорий VII и Иннокентий III.

Мы видели, что Никон отстаивал право Церкви только на суд в церковных делах, а в гражданских только для духовенства; отстаивая существенные права Церкви и установленную веками юрисдикцию Церкви, Никон в остальном полагался на нравственное ее влияние и никогда

не требовал для нее политического господства в смысле смещения непокорного Церкви царя (Теория Беллармина опровергалась и в католической среде: между прочим Шотландский Епископ Бёркли утверждает, что Папа, не имея прямой власти, не имеет и косвенной) (Janet. II, 80-82). Насколько противоположно католическому пониманию всегдашнее почитание царской власти, как таковой, у Никона во время самых тяжких преследований! Он не только признавал Божественное происхождение и неприкосновенность царской власти, но последней мерой сопротивления считал неповиновение светскому закону, нарушающему церковный закон, удаление и предупреждение царю, что, разрушая Церковь, он разрушает государство. В нашу задачу не входит перечисление всех учений католических писателей на протяжении веков относительно тех способов рассуждения, которыми принижается светская власть в отношении к духовной, но важно было показать, что всем этим способам совершенно чуждо учение Никона уже в силу одного того, что он, ставя выше власть духовную светской по ее назначению, цели и средствам действия в духовном отношении, одинаково считает и светскую власть непосредственно от Бога исходящей в порядке Его Промысла, и обе власти считает равными в юридическом смысле, каждую в своей сфере. Если искать на западе сходных учений с учением Никона, то надо искать их в среде писателей, оставшихся верными святоотеческой традиции, из которых последним Janet считает Св. Бернарда с его великим словом протеста против омирщения духовенства: «Lequel vurt le mieux, писал Св. Бернард, et vous paraît plus digne, de remettre les péchés, ou de diviser les heritages? Ces soins infimes et matériels ont pour juges les rois et les princes de la terre. Pourquoi envahir le territoire d'autrui? Pourquoi étendre vos faux dans la moisson du voisin?» (Janet 1, 336)[21]. Не напоминают ли последние слова

[21] «Что лучше и по вашему более достойно, отпускать грехи или делить наследства? Эти низшие и материальные заботы имеют судьями

свидетельство царя Алексея Михайловича о Никоне в 1657 году диакону, просившему у царя снять с него запрещение, наложенное Никоном: «А ну как Патриарх Никон скажет мне: я не вмешиваюсь в светские дела, зачем же ты вмешиваешься в духовные, отдаст мне посох и скажет: возьми и паси священников и монахов.»

Требуя независимости для власти церковной, Никон допускал, как орудие, отлучение, но, вопреки католическим писателям, ничего не говорил о возможности низложения и с отлучением не связывал юридических последствий в сфере государства. Первый акт является актом духовным, второй актом светской власти и поэтому не вытекает из первого. Никон остался на святоотеческой точке зрения – повиноваться Богу более, нежели людям, точке зрения, не позволявшей прибегать к светскому орудию. Но ультрамонтанские писатели перешагнули границу, отделяющую духовную власть от светской, хотя и они не считали, что отлучение ipso facto влечет за собой низложение, но считали, что за отлучением должен следовать акт: освобождение подданных от присяги на верность, как и делали Папы в средние века. Этот последний акт был уже вмешательством в светские дела, которого ни Никон, ни Православная Восточная Церковь вообще не считают актом допустимым для представителя власти духовной, по крайней мер в отношении к власти, являющейся Божиим слугой (Римл. XIII, 4, 5).

Одним словом, Никон не давал Церкви власти политической; ее власть он признавал только в строе церковных отношений. Никон признавал за царем власть самостоятельную, по происхождению и назначению, не отрицал, что и государство имеет касательство с управлением душ, как вооруженная защита справедливости, ибо ниоткуда не видно, чтобы он видел в нем только грубую силу – палача. Однако, Церковь касается этого управления

королей и земных государей. Зачем врываться в чужую сферу? Зачем захватывать серпом чужую жатву?»

душами со специальной точки зрения: их спасения, и Никон призывает государство приобщиться к этой цели и никогда не забывать ни в своем законодательстве, ни в своем управлении, что эта высшая цель жизни не может быть игнорирована православно христианским государством. Никон строго различал два порядка: светский и духовный, как они и различаются в теории симфонии, и в этом отношении он совершенно далек не только от католической доктрины, в лице ультрамонтанских писателей, смешивающей обе власти в личности Папы, но и от писателей протестантских.

Сравнение учения Никона с протестантскими писателями.

Писатели протестантские не только отстаивают светскую власть от захвата духовной, но дают ей часть и этой духовной власти. Лютер определенно считал различие духовной и светской власти чисто искусственным. Вот, как он выражал эту мысль (P. Janet II, 9):[22] «Tous les chrétiens sont de l'ordre spintuel et ne différent que par la diversité des fonctions: les fonctions du ponvoir civil sont de punir les méchants et de récompense, les boné. Il doit done exercer ses fonctions dans toute la chrétienté sans en excepter le pape, les éveques, les prêtres ect. S'il suffisait pour arrêter le pouvioir et l'empêcher d'exercer ses fonctions de lui epposer qu'il est au-dessous de celui de confesseurs et en général de l'ordre écclésiastique, il faudrait empêcher également les cordonniers, les tailleurs, les charpentiers, les paysans ect de fournir des habits, des souliers,

---

[22] «Все христиане священники и различаются только по функциям: функции гражданской власти наказывать злых и вознаграждать добрых... Она должна поэтому осуществлять свои функции во всем христианстве, не исключая пи Папы, ни Епископов, ни священников и т. д. Если бы было достаточно для воспрепятствования власти осуществлять ее функции возражения, что она ниже власти исповедников и вообще духовного чина, то надо бы также воспрепятствовать сапожникам, портным, плотникам, крестьянам и т. д. доставлять одежды, башмаки или даже пить и есть и наконец платить аренду духовным лицам.»

ou meme à boire et à manger et enfin de payer fermage aux écclesiastiques.» Поэтому Лютер считал, что если Папа компрометирует Христианство, имеющий власть обязан, в качестве верного члена тела, позаботиться, чтобы собрался Собор, ибо светская власть должна осуществлять свою власть, данную ей от Бога всюду, где она сочтет это полезным и необходимым. Такое мнение Лютера было последствием отвержения им духовной Иерархии, функции которой переносятся им на власть светскую. Точно также, Меланхтон в сферу светской власти вводит все внешние акты, к какому бы порядку они ни относились (Ib. 11, 15). «La foi, dit on, n'est pas en notre pouvoir. Mais ce n'est pas la foi, mais l'hérésie, c'est à dire la profession d'un dogme déterminé qui est en notre pouvoir comme tous les actes extérieurs. On dit que la puissance civile ne domine que sur les corps et non sur l'ame. Mais cette puissance est la gardienne de toute la loi, quant aux actes extérieurs, par conséquemment quant à ceux qui ont rapport au culte de Dien. C'est une erreur de croire qu'il a'appartient pas au prince de savoir ce que chacun professe sur na réligion» (lb. 11, 15, 16) (Ib. 11, 15, 16)[23].

То же смешение духовного и светского в смысле, обратном католической средневековой теории, и у Кальвина; здесь то же предоставление государству светского и духовного, как и у других представителей протестантизма. У него правитель не только покровитель человеческой справедливости, но и защитник и отмститель за Бога по своему собственному разумению. Читая эти учения, невольно припоминаешь церковную реформу Петра с подразумеваемым ею учением о всемогуществе государственной власти в сфере церковного правопорядка.

[23] «Вера, говорят, не в нашей власти. Но это не вера, а ересь, то есть исповедание определенной догмы, которая в нашей власти, как все внешние акты. Говорят, что светская власть господствует над телами, а не над душой. Но эта власть — страж великого закона в том, что относится к внешним действиям, следовательно, и к действиям, относящимся к культу Бога. Ошибка думать, что государю не подлежит ведать то, что каждый исповедует в деле религии.»

Напротив, Никон знал церковный правопорядок, отличный от государства, основанный, как на последнем своем фундаменте, на Святом Писании и Святом Предании, правопорядок, который поддерживался и развивался в истории на этой незыблемой базе Соборами Вселенскими и Поместными, действующими в силу соответствующей благодати Святого Духа учения, священнодействия и управления, данной в лице Апостолов им и их преемникам-Епископам.

Учение Никона о субъекте церковного управления перед судом русской канонической науки.

Если мы зададим вопрос, как современная каноническая наука разрешает вопрос о субъекте церковного управления и признает ли она правым Никона в его утверждении, что царь не является правителем Церкви, что управление Церковью принадлежит Епископам, то ответ будет в пользу Никона, как это мы видели в I томе частью уже при сопоставлении учения проф. Суворова и другими русскими канонистами. В правоте Никона убеждает нас не только анализ церковных полномочий и факт трехвекового существования самостоятельной организации Церкви до признания ее государством, но и дальнейшее правосознание независимо от исторических злоупотреблений, находящих свое объяснение, но не колеблющих основной идеи о наличии в Церкви самостоятельных субъектов правообразования, управления и суда.

Основной принцип церковного устройства с объявлением христианства государственной религией не поколебался. Константин Великий не посягнул на независимость церковной власти и назвал себя Епископом внешних дел не в том смысле, что он поднялся над всеми Епископами, а указал лишь на свои государственные полномочия, в силу которых он, как император, считал себя обязанным содействовать зависящими от него средствами к достижению ее целей.

Указанным изречением, говорит Курганов, Константин хотел показать, что Епископам принадлежит право и они

обязаны решать вопросы вероучения, таинств, обрядов, Иерархии и принципов управления Церковью, вообще всего того, что вытекает из начала христианской религии, определяется словом Божиим, понимаемым по разуму Церкви, и имеет внутреннее отношение к вере, а император в противоположность этому обязан принимать определение от Церкви, как данное, и заботиться о лучшем приложении его к жизни между подданными. Такой смысл давал изречениям Константина его жизнеописатель Евсевий, и так понимаемые они будут гармонировать со всей его деятельностью по делам Церкви. Константин Великий и не думал затрагивать права Епископов по внутреннему управлению; таково было понимание дела и у преемников Константина на престоле, без законодательного определения; Юстиниан же признал в самом законе две равноправные власти Церковную и светскую и необходимость их совместного действия. И эти принципы приняты и Эпанагогой в IX веке, и отдельными императорами (Константином Дукой в XI веке, Иоанном Комненом в XII веке и в Синтагме Властаря XIV века, бывшей практическим руководством к познанию церковных правил и гражданских законов по церковным делам). Но Византийские императоры стремились фактически расширить свою власть в церковном управлении, особенно в позднейшее время империи в деле избрания Патриархов и их низложении и возведения епископий на степень архиепископий и митрополий; однако, стремления эти сдерживались представителями церковной власти. Были случаи, что некоторые императоры не проводили различия между Богом и царем, вроде Исаака Ангела и Михаила Палеолога. Но всегда оставался в законе принцип существования двух властей, обладающих особыми полномочиями, каждая в своей сфере, и признание, что управление Церкви должно находиться в руках церковной власти.

Факты этого вмешательства имеют свои психологические и исторические причины в пережитках языческой древности,

когда во времена Августа император был одновременно верховным первосвященником Pontifex maximus. Бердников говорит о нем (Госуд. положение религии 313-333): «Языческий император имел верховный надзор над всей религией и обрядами, был представителем всего национального предания; он заботился о восстановлении запущенных храмов, принимал меры к поддержанию культа, к сохранению его в чистоте, к пресечению уклонений от него, запрещая грубые культы в провинциях, делая распоряжения об умилостивлении богов, изрекая судебные приговоры, делал перемены в уставе отправления богослужений, учреждал новые праздники, вводил чествование новых богов с назначением особых жрецов для них, отменял культы прежних бывших богов, освобождал частных лиц от религиозных обязательств перед богами, был цензором по изданию книг религиозного содержания.» Император стоял выше всех законов и человеческих и божеских; он был обожествлен; в его лице римляне обоготворяли всемогущее государство. Такие традиции при многих деспотических наклонностях и приводили к вмешательству в церковные дела.

Курганов объясняет эти вмешательства таким же образом. Он пишет в «Устройстве Управления Церкви Королевства Греческого» (15 стр.): «Когда христианство при Константине Великом одержало победу над язычеством и было признано государством, естественно, идеи языческого римского понтифекса должны были столкнуться с идеями христианской свободы, возвещенной Апостолами и уже достаточно укоренившейся в Церкви в первые три века ее существования. Христианские императоры формально удерживали титул Pontifex Maximus до Грациана. Он первый отказался от этого звания и от поднесенной ему Сенатом одежды, соединенной с этим званием. Но, отказавшись от языческого титула, императоры, как бывшие прежде Грациана, так и после него, редко отказывались от самой власти Великого Первосвященника; их неуместные

вмешательства, которыми так богата история Церкви, основывались на этой власти.»

Такие вмешательства не могут почитаться законными de jure уже потому, что тогда будет непонятным, как же величайшие императоры Константин, Юстиниан и Комнены не понимали своих прав, что определенно признавали самостоятельность церковной власти? Даже Исаак Ангел, не ставивший границ своей власти, проводил в законах мысль о равноправности двух властей после изучения 48 пр. Трулльского Собора. Епископы своими протестами также свидетельствовали, что по их сознанию государственная власть, если и могла вмешиваться в церковные дела, то в строго определенных границах, без нарушения прав другой самостоятельной власти – церковной. Симеон Солунский считал, что только льстецы могут оправдывать явное нарушение правил со стороны некоторых императоров. Догмой же действовавшего законодательства все таки была идея симфонии между церковными правилами и императорскими постановлениями. Профессор Остроумов высказывается в том же смысле: «Теория великого первосвященника была только теорией, придуманной для оправдания незаконных неканонических вторжений светской власти в церковную сферу.» Курганов пишет: «В Византийском законодательстве приняты и развиты, с Константина Великого и кончая последними императорами из дома Палеологов, следующие главные положения, определяющие отношения государства к Церкви: 1) признание двух властей церковной и светской и их равноправное положение в государстве и 2) их взаимное согласие в области действования на подданных.» В другом месте (Ib. 92 стр.) он говорит: «Историю составляют не нарушения закона, как исключение из общего правила, а идея и дух, проникающие общество и управляющие его действиями.» Лебедев пишет в «Очерках по Истории Византийской Церкви XI-XV веков» на стр. 209-210: «Отношения, в какие ставились Византийские императоры к Церкви, обыкновенно называются цезарепапизмом на языке

западных писателей. Это значит, что указанные писатели находят в положении Византийской Восточной Церкви самые ненормальные отношения между государством и Церковью, при которых императоры выражают себя, как полновластные главы и владыки Церкви, при которых, иначе сказать, они являются царями и первосвященниками. Представления эти о Византийском отношении государства и Церкви частью несправедливы, частью справедливы. Они несправедливы, когда хотят видеть в подобных отношениях какую то систему, будто бы принятую и утвердившуюся, как закон, в Византийской империи, но они справедливы, если с этими представлениями соединяется лишь мысль о том, что в. Византии нормальное весьма часто переходило в ненормальное, что императоры в религиозных делах брали на себя больше, чем сколько требовало благо Церкви и польза ее, и что забывалось истинное понятие об императоре, как члене Церкви, подчиненном голосу пастырей в вопросах религиозных.»

Никон боролся против государственного всемогущества и также ссылался против него на каноны; он отвергал историческое решение вопроса о правах царя на основании фактических злоупотреблений, каковыми он почитал и вторгшийся в русскую жизнь еще в XVI веке обычай смещения и назначения правителей Церкви. Он ссылался на Св. Отцов Церкви, особенно на слова Иоанна Дамаскина и Феодора Студита: «Одних поставили в Церкви Апостолами, других Пророками...», а сказано ли о царях, чтобы им были даны благодатные дары для управления в Церкви? Нет – только о благодатных дарах на управление государством.» В русской литературе Никон был предшественником цитированных канонистов и протестовал против идеи государственного всемогущества, выявлявшегося в теории обожествления императора в языческом Риме. Поскольку новое государство является с такой же теорией неограниченного всемогущества, будет ли это у Гоббса, у Руссо, или у современных социалистов, протест Никона обращен и к ним.

Учение Никона о субъекте церковного законодательства перед судом русской канонической науки.

Совершенно также Никон протестовал против права царя законодательствовать в церковных делах, созывать своею властью Соборы, активно участвовать в их постановлениях и утверждать для Церкви их постановления. Его суждения о Соборе 1660 г. и об Уложении достаточно ясно устанавливают его точку зрения, и надо согласиться, что современные русские канонисты, все, кроме Суворова, разъясняют его точку зрения, основанную на том, что Церковь есть учреждение особого рода, в котором законодательствует Дух Святой через апостольских преемников. Совершенно особняком стоит приведенная нами в главе о симфонии властей теория проф. Суворова, утверждающая за монархом значение правообразующего фактора в церковных делах, как источника права. Суворов, как мы видели, основывает свою точку зрения на том, что 1) императоры созывали Соборы, 2) санкционировали решения их и 3) сами издавали законы по церковным делам. Точка зрения Суворова опровергнута по всем трем пунктам. Мы уже говорили об этом в третьей главе I части в отделе о симфонии, здесь только несколько дополним приведенную аргументацию против Суворовской теории.

Н. А. Заозерский писал (в сочинении «Об источниках Церковного права в III-V веке по Р. Х.»). Положение: «Императоры созывали Епископов на Вселенский Собор», может иметь двоякий смысл: или тот, что только императорам принадлежит власть созывать Вселенские Соборы, так что без императора Церковь не имеет внутренней возможности к составлению Вселенского Собора, или же тот, что, покровительствуя Церкви и внимая просьбам высших и ревностнейших ее Иерархов, императоры своим государственным авторитетом, оказывали очень важную помощь и содействие в столь важном церковном деле, как созвание Вселенского Собора. Разность весьма значительная. Ибо в последнем случае

государственный авторитет является лишь привходящим элементом, в логическом отношении случайным или несущественным признаком в понятии Вселенского Собора.» Еще Никон указывал в своем «Раззорении», что, созывая Соборы, императоры действовали по просьбе представителей Церкви, а не по своему усмотрению, и таким образом созыв вытекал из потребностей Церкви, признаваемых ее представителями, так что, не было бы содействия государственной власти, потребность была бы удовлетворена иным способом по внешности.

Еп. Иоанн Смоленский подробно развил это положение и указал на эти различные способы выявления церковного сознания, различая в созыве Собора два разных момента. «К самому созванию Собора относится духовное, всегда неизменно действующее право Церкви – право самостоятельно действовать общим и соединенным голосом своих пастырей во всех делах, в целом ее касающихся, особенно в деле веры (Мф. XVIII, 17-20; Деян. XV, 25-28; III, 1; IV, 19; VII, 6). Это право действовало и до Вселенских Соборов: 1) во взаимных сношениях Церквей и пастырей их по вопросам, требовавшим общего их голоса, 2) в общем и согласном решении этих вопросов, особенно со стороны важнейших Церквей Востока и Запада, которым следовали и прочие Православные Церкви; 3) в обращении общего голоса Церкви через ее представителей к православным царям, как блюстителям блага Церкви, с изъяснением ее потребностей и с прошением о содействии ей. Действительное созвание Вселенского Собора было уже только следствием этого общего голоса Церкви и только выражением ее сознания и намерений. Поэтому то, хотя бы Вселенский Собор по обстоятельствам на самом деле и не состоялся, Вселенский голос Церкви должным и законным порядком выраженный всегда мог самостоятельно действовать и действовал постоянно.» Прокошев, основываясь на этом, развивает мысль и говорит, что факт созыва Собора императором не превращает его из церковного учреждения в императорское, ибо он – лишь акт содействия со стороны императора

Вселенской Церкви. Призывные грамоты императоров на имя Митрополитов имеют тон приглашения, а не требования, и угроза за неявку, иногда встречающаяся, есть лишь угроза судом Божиим нерадивому пастырю, и история не знает случая, чтобы император наказывал Епископа за неявку. Самое участие императоров на Соборах и их уполномоченных ограничивалось наблюдением за соблюдением порядка соборных рассуждений. Проф. Курганов, признавая роль императоров на Вселенских Соборах вспомогательной, и их право понимал, как право делать предложения Собору, но не право властного предписания по существу (Устройство Управления Церкви в Церкви Королевства Греческого 1871 г., 21 стр.).

Также Барсов (О Всел. Соборах. Хр. Чт. 1869 г. II, 807) говорит: «Общие отношения власти государственной к авторитету Церкви на Соборах были те же самые , какие обыкновенно бывают между лицом, предлагающим свое мнение на утверждение, и лицом, узаконяющим это мнение своими правами и согласием.» То же по существу говорит и Заозерский: «Если для более ясного и наглядного отношения христианских императоров к Вселенским Соборам может послужить какая-либо аналогия, то наиболее близкой может быть указано покровительственное отношение правительства к наукам и искусствам. Правитель – меценат, и культурное правительство доставляет защиту, гарантию и покровительство учебным и художественным учреждениям с целью предоставления им возможности спокойно и с наибольшими успехами развивать свою деятельность. Так и верные императоры на Вселенских Соборах действовали всеми силами государственной власти для того, чтобы Церковь, представленная на Вселенских Соборах Епископами, могла вполне свободно, спокойно, без препятствий и безопасно решать свои религиозные задачи, для разрешения которых классическое государство со времен Константина Великого сознавало себя не компетентным.»

II. Второе основание теории проф. Суворова в том, что императоры санкционировали соборные постановления, но

в действительности все определения Соборов и по вопросам веры и по вопросам церковной дисциплины были обязательны для христиан вне зависимости, от того, будут ли они утверждены императором или нет, и притом имели обязательную силу для самих императоров. Эта мысль выражена в ряде новелл императора Юстиниана: «Мы почитаем церковные правила, как государственные законы (VI Нов.); церковные каноны почитались столь же священными, как догматы веры (VI Нов. с. 1 § 8), а вероопределения Вселенских Соборов почитались, как само слово Божие. Это почтение к постановлениям Собора Бердников объясняет рядом обстоятельств: 1) как христиане, императоры считали долгом служить делу веры и Церкви, средствами, какие они имели в своем распоряжении. Они считали, что изданием благоприятных для Церкви законов по предметам веры и Церковной дисциплины, они приносят богу жертву в той форме, какая вытекает из их общественного положения. 2) Лучшим залогом успеха в государственных делах считалось благоволение Божие, которое надо было снискать; 3) сами Отцы Соборов, просили об утверждении, чтобы их постановления, получив от императора утверждение, силу государственного закона, были обеспечены от всякого нарушения и протеста. Обязанность внутренняя, нравственная, существующая и без императорского утверждения, через последнее становилась и внешней, материальной; соборные определения через это становились обязательными в сфере государственной, их постановления обязывали уже не только верующих, но и государственных чиновников, и всех членов государства. Нарушение постановления, утвержденного императором, каралось также и уголовным законом, а не только Церковью. Это утверждение придавало церковному закону силу в государственном союзе, но не делало императора главным фактором церковного правообразования, как говорит Суворов.

III. Третьим основанием для Суворовской теории является факт издания императором законов по церковным делам,

причем, по Суворову, для церковного законодательства императоров не было границ в смысле изъятий известных предметов или вопросов из их законодательной компетенции (Курс I, 234); против этого мнения самым решительным образом восстал профессор Бердников. Церковь Христова ограничила императора в делах веры и благочестия (Государ. положение религии в Рим. Виз. империи 493-497). Принцип Quod principi placuit legis habet vigorem ограничивается; он не имеет значения для Богооткровенной религии. Право государства по отношению к Церкви не идет дальше определения внешних отношений; государственные законы могут определять государственное положение Церкви, ее материальные средства и положение клира в государстве, как государственного сословия, но не вмешиваться во внутренние дела Церкви. Сам Юстиниан, кодифицировавший юридическую мудрость Римского народа за прошлые века, создавший, по словам Суворова, в области Церкви неисчерпаемое законодательство (I, 234), который является завершителем и выразителем идей своих предшественников и примером для преемников, разъясняет, что императоры, издавая законы по вопросам веры, придавали церковным вероопределениям силу и значение государственных законов. Курганов говорит, что император вовсе не выступал законодателем в Церкви: «Правильнее сказать, что он государство старался подчинить законам церковным или иначе церковное законоположение, как уже данное, ввести в законоположение государственное, сделать его обязательным для всех членов государства путем законодательным.» Что касается внутренней церковной дисциплины, то она сделалась предметом законодательства императоров только со времени новелл Юстиниана из соображений, вышеуказанных нами в цитате Бердникова, именно для снискания благоволения Божия в Церкви ради их забот о Церкви и выполнения своей обязанности попечения о всех подданных и их потребностях, прежде всего религиозных. Но императоры, стоявшие на законной почве, отклоняли от себя возможность видоизменять каноны

и вообще порядок церковный, установленный Апостолами, Соборами и Святыми Отцами. Издать закон по делам церковным не согласный с церковным учением и правилами, по их понятиям, значило оскорбить Самого Бога.

Относясь к церковным правилам, как к святыне, они считали своей задачей исполнять и в государственной сфере то, что законодательствует Церковь в своей области. И в сборниках государственных законов по церковным делам проводилась мысль, что государственные законы должны быть согласны с церковными правилами. Так «Collectio 87 cspitularum» озаглавлена: «Различные постановления Юстиниана из сборника новелл, изданных после Кодекса, которые прежде всего согласны с Божественными и священными канонами»; последним сообщалось государственное значение и сила IV Вселенский Собор постановил, что все императорские законы, противоречащие канонам, не имеют силы (Деян. Всел. Соб. IV, 83, 84 стр.): «Против канонов никакой устав не будет иметь силы; пусть каноны Отцов преобладают.» Если бы государственная власть потребовала исполнения законов, противоречащего церковным правилам, то в этом случае представители церковной власти должны поступать, как в первые три века. Они должны все переносить за приверженность к церковным уставам, спокойно дожидаясь лучшего времени, когда светское правительство будет способно внимать голосу Церкви, и относиться с почтением к ее уставам. Действительно, история, отмечая факты издания императорами законов, несогласных с церковными правилами, указывает и на ту борьбу, которую вели представители Церкви, защищая церковные правила, как неприкосновенную святыню. Каждый закон, каждое требование государственной власти, несогласное с церковными правилами, встречало протесты Епископов и готовность перетерпеть даже смерть за защиту канонов. Законы государственные, не согласные с церковными правилами, ими отвергались в сфере церковной. Так поступал Епископ Епианд, говоривший императору

Анастасию: «Оставь Церковь, которую Христос искупил Своею Кровью... Довольствуйся своим собственным достоинством, тем, что ты император и не наказывай предстоятелей Церкви» (Курганов ib. 262 стр.).

Феодор Студит говорит иконоборцу Льву Исавру: «Император, внемли тому, что Апостол Павел говорит тебе о церковном благочинии, и узнав, что царю не следует ставить себя самого судьей и решителем в этих делах, последуй и сам апостольским правилам. Апостол говорит: положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе Пророков, третье учителей (1 Кор. XII, 28); вот те, которые устраивают и исследуют дела веры по воле Божией, а не цари; ибо Св. Апостол не упомянул, что царь распоряжается делами Церкви» и еще: «Тебе, государь, вверено общество гражданское и военное, о нем ты и заботься, а Церковь предоставь пастырям и учителям; если же ты не сделаешь того, то знай, что своей цели никогда не достигнешь, потому что, если бы и сам ангел с неба стал вещать нам учение, противное православной вере, то мы и ему не вняли бы – тем более мы не будем слушать тебя.» То же говорил Никон царю в «Раззорении» относительно издания Уложением противоканонических законов. Епископы и ревностные в вере монахи провозглашали обязательность канонов и для императоров в их личной жизни. Феодор Студит обличал императора Константина Копронима за незаконный развод с его женой, Патриарх Николай Мистик обличал императора Льва VI за четвертый брак. Патриарх Феодосий воспротивился Андронику Комнену, желавшему бракосочетания двух лиц, находившихся в близком родстве, и историк Никита Хониат говорит: «Патриарха не поколебало ни величие Андроника, ни угрозы с его стороны. Он был непоколебим, как скала, около которой вечно вздымаются огромные волны, и бушует море, разбивая волны в пену и пренебрегая ревом шумящего моря.» Он же говорит: «Только смиренные из Патриархов, недалекие по уму и необразованные, уступали желанию императоров, как законным постановлениям; будучи невеждами в Слове, они

неспособны на смелое слово и преклоняются пред императорскими распоряжениями.» Нередко последующие императоры уничтожали противоканонические постановления предшественников, сознавая верховенство канона. Курганов утверждает, что Византийские императоры никогда не оспаривали, что церковные каноны имеют преимущества перед государственными канонами. Этого не отвергали даже такие изменники Православия, как Михаил VIII Палеолог. Так, вопреки Суворову, разъяснение фактов самой истории показывает, что император никогда не признавался верховным субъектом церковного правообразования, ибо этим субъектом была церковная власть, получившая на то полномочия от Божественного Основателя Церкви. Это то, что постоянно утверждал в «Раззорении» Никон. В отношении к царской власти он на словах и на деле следовал Феодору Студиту, борясь, подобно ему, с духом иконоборческим, который выражался и в легком отношении к канонам, и в преувеличении прав гражданской власти в церковной сфере, с тем духом, которого представителем в русском законодательстве о Церкви явился Петр I, но который начался ранее, вскоре после смутного времени, после общей разрухи и иноземного влияния той эпохи. Это и был тот дух, который Никон именовал антихристовым. Он вел к расцерковлению государства и к искажению симфонии властей. Уже не Церковь является при его господстве высшим руководящим мерилом для государства, а иные учения, которые устраняют Церковь от ее верховного в духовном отношении руководительства жизни и приводят к возрождению языческого государства, находящего опору в самом себе. Выиграло ли от этого государство, показывает история первой четверти XX века с его кризисом государственной власти. Цезарепапистские построения лишали само государство того высшего оправдания и смысла, которое оно находило в симфонии с Церковью, и, подавляя Церковь в ее жизненных проявлениях, разрушали этим самую прочную основу самого государства. Провозглашая идею царя православного,

лишенного полномочий Pontifex maximus, Никон работал над упрочением царской власти, а не над ее разрушением. Напоминая о Церкви, как о самодовлеющем организме, нарушать жизнь коего невозможно без вреда для самого нарушителя, Никон в ее законах ставил преграды государственному всемогуществу и сохранил то реальное понятие о Поместной Церкви, как особом союзе-учреждении с собственными органами законодательства и управления, которое в XVIII веке постепенно утрачивалось.

В недавнее время (1908 г.) явилась попытка обосновать права императора Православной Церкви через особую теорию рецепции, заимствованной из протестантской науки (Зом). В некоторых главах своей книги (Восточные Патриархи в период Вселенских Соборов) проф. Гидулянов пишет о власти рецепции, которая принадлежала в Церкви миру, сначала в лице общинного собрания народа, затем верующими большей общины, где происходили Соборы (II и III века) и затем в лице императора и благородного Сената, «свидетельствовавших на Вселенских Соборах своим согласием, что решение Епископов есть действительно воля Божия, которой надо беспрекословно повиноваться, или, что одно и то же, сообщали соборному определению церковную рецепцию» (Стр. 715). Также в другом месте он пишет (Ib. 432): «Мысль о принадлежности церковной власти во всей полноте только священникам чужда востоку. Центр тяжести церковной власти здесь всегда лежал в мире, в общине, которой принадлежала рецепция. Отсюда уже, с обращением Константина Великого в христианство, к императору, как представителю мира всей Церкви переходит высшая церковноправительственная власть.» Также на стр. 444 говорится: «Вера императора – это правило для Церкви. Император был представителем мира Церкви, от которого зависела рецепция.» Если присоединить к этому, что под внутренними делами Церкви проф. Гидулянов (Ib. 463) разумеет только священнодействия (potestas ordinis), которые только и принадлежат исключительно Епископам, а внешние дела – юрисдикция – дела управления в широком

смысле, то действительно император по этой теории окажется всемогущим управителем Церкви. Так и пишет проф. Гидулянов. «С обращением императоров в христианство к ним, как представителям мира Церкви, переходит власть в отношении рецепции, власть судить о законности действий, таким образом высшая церковная власть. Отсюда император делается как бы главой Церкви» (Ib. стр. 463).

Против этого надо вспомнить все святоотеческие возражения цезарепапистам. В своем учении Гидулянов совершенно игнорирует природу Церкви Православной, которая имеет свою организацию под невидимым главенством Христа и управляется пастырями в силу полномочий, данных Христом Апостолам и их преемникам, – это сфера ее действий определяется по полномочиям, вверенным им Христом, в виде учения, священнодействий и управления. Лишь протестантизм, утративший понятие о церковной Иерархии, нуждается для управления Церковью в привлечении органа государственного союза и во вручении ему всех прав управления Церковью, суживая понятия внутренних дел Церкви до священнодействия: впрочем и там это направление, забывающее внутреннюю природу Церкви, не получило общепризнанного авторитета, и искра самобытной духовной жизни, тлеющая после реформационного разрушения, дает жизнь понятиям о самобытности Евангелической Церкви, в известной мере независимой от государства, в учениях Рихтера и Каля (См. Берников: Основ. полож. церк. пр. прав. Церкви, стр. 51-61). Протестантские церковные общества не знают такой части церковного правопорядка, которую бы они получили от Бога, как необходимую, и у них поэтому всякое правообразование является деятельностью чисто человеческой. Церковное право у них выявляется в тех же формах, как и право государственное, и сама церковная власть стала отраслью государственной власти, а Церковь превратилась в государственное учреждение. Учение об отсутствии правительственных полномочий у церковной

власти из протестантизма перешло и в православную каноническую науку, но самый источник ее изобличает неправильность этого перенесения. Церковь Православная остается особым нравственным жизнепорядком, имеющим призвание создавать свои нормы по своему собственному духу, через свои органы, получающие на то соответствующие дары. Мирской элемент в ней никогда не имел решающего значения; его значение не шло далее совещательного, как это подробно было иллюстрировано огромным большинством членов Предсоборного Присутствия 1906 года (См. протоколы), составив communis opinio patrnmet doctorum. Миряне могли содействовать проведению в жизнь церковных постановлений, но не юридически их создавать. Утверждение императорами постановлений Вселенских Соборов придавало им юридическую силу не в Церкви, а в империи

Глава II. Учение Никона о Патриаршестве.
(Его учение по его сочинениям и по его жизни)

Источник понятий Никона о Патриаршестве и наших представлений о Никоновском понятии. – О каноническом положении Московского Патриарха среди других Патриархов. – Никон о правах Константинопольского Патриарха. – Патриархи связаны канонами в суде своем. – Об особых привилегиях Константинопольского Патриарха и об Эпанагоге – их источнике. – Неправильность Никоновского толкования IV, 9 и 17. – Мечты Никона о будущем положении Московского Патриарха. – Арсений Суханов о Патриаршестве. – Антагонизм русских и греков в деле учреждения Патриаршества в Москве. – Сравнение воззрений Никона и Арсения Суханова. – Церковнообрядовая реформа Никона. – Источник неправильных обвинений Никона в стремлении незаконно изменить свое место среди Патриархов. – Никон и идея III Рима. – Отношение Никона к Римскому папизму. – Католическая идея папства и святоотеческое учение о самостоятельности Церкви. – Пальмер об идее самостоятельности Церкви и о порабощении Церкви в России. – Присяга Епископов Патриарху. – О двойной хиротонии Московских Патриархов. – Централизация Церковного управления в Московском государстве. – Учреждение Патриаршества в Москве, как завершение централизации церковной власти. – Поучение Патриарха Епископу при поставлении. – Причины централизации церковного управления и отсутствие для Патриарха самостоятельной опоры. – Никон оспаривает приписываемое ему Лигаридом самопревозношение над Епископами. – О подчиненности Архиерея Патриарху (отзыв Собора 1665). – Ответы Никона на разные упреки ему. – О пожизненности Патриаршего сана. – Никон о своем уходе в Воскресенский монастырь. О клятве Епископов в повиновении Патриарху и о клятвопреступлении русских Епископов. – Анафема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю Патриаршего Престола. – Анафема 1662 г. отрицающим особую природу духовной власти. – Отношение Никона к Церковным Соборам. – О суде над Патриархом. – Никон склоняется к теории пентархии. – Об уходе Никона в Воскресенский монастырь. – Никон возвышает власть Патриарха над отдельными Архиереями, но не над Собором. – О Соборах. – О Соборе 1666 года. – Правила церковные о созыве Соборов и нарушение их в 1660 г. – Никон о Соборе 1660 г. и о признании его

Патриархом после ухода. – Никон об отсутствии своего отречения от кафедры. – Церковные правила о созыве Соборов. – Никон о деятельности Собора 1660 г. – Никон о неправильном понимании Собором 1660 г. природы его ухода, и о неправильном применении канонов к нему. – Никон о природе своего ухода. – Причины непризнания Никоном канонической силы за Собором 1660 г. – Архиерейская теория отношений Патриарха и Архиереев. – Докладная записка царю Вятского Епископа Александра, как представителя этой Архиерейской теории. – Никон не сторонник Патриаршего единовластия в Церковных делах. – Никон о каноническом и неканоническом объединении Епископов. – Голубинский о Соборах, созванных Никоном. – Никон о составе Патриарших прав в Церкви. – Никон о совершении шествия в неделю Ваий Патриархом и другими Архиереями. – Никон о своем каноническом положении после ухода в Воскресенский монастырь. – Никон не допускает поставления нового Патриарха без своего участия. – Разногласия на Соборе 1660 г. о Никоне, и мнение Епифания Славинецкого. – Мнение Иерусалимского Патриарха Нектария об уходе Никона. – Уход Никона правительством сознательно истолковывается иначе, чем это было в действительности. – Протест Епифания Славинецкого против лишения Никона Епископского сана. – Постановление Собора 14 Августа 1660 г. и мнение архимандрита Игнатия. – Никон не отрекался ни от священства, ни от кафедры. – Смысл ухода Никона. – Приезд Никона в Москву в 1662 году и показания старца Аарона. – Приезд Никона в 1664 году. – Отстранение в январе 1665 г. от местоблюстительства Митрополита Ионы за принятие благословения от Никона. – Переговоры Никона с Собором об условиях отречения от кафедры в январе 1665 года. – Проект контрпредложений Никону на Соборе 1666 г. в феврале. Противоречие их с Архиерейскими взглядами на положение Никона в декабре 1666 года. – Контрпредложение Собора Никону весной 1666 г. есть признание, что Никон не отрекался от кафедры. – Насилие, совершенное судом 1666 г. над Патриархом Никоном, подрывает значение самого Патриаршества. Компетенцию по изменению церковного устройства имеет только власть церковная. Сознание этого в 1589 году. – Развитие церковной Иерархии по Никону. – Теория Феофана Прокоповича о царе – носителе церковной власти. Противоположность Никону. – Пр. Апостолид о правах Государственной власти в

Церкви. Утрата канонического сознания государственной властью при Петре I и восстановление его на Соборе 1917 года.

Источник понятий Никона о патриаршестве и наших представлений о Никоновском понятии.

Если вопрос о царской власти Никон исследовал целиком в том «Раззорении», которое имело в виду опровергать цезарепапистское учение Лигарида, выявленное последним в «Вопросах-ответах», то его учение о Патриаршестве приходится исследовать не только по этому «Раззорению», но и по его собственной деятельности, ибо Никон сам был Патриархом и являл собой человека, у которого слово с делом не расходились между собой. К нему всецело могут быть отнесены слова, поставленные эпиграфом одним русским ученым к своим сочинениям о Франциске Ассизском: «Plus exemplo quam verbo.» Те слова, которые Никон сказал перед согласием на вступление на Патриаршество, что «все мы именуемся христианами, а христианского в нас мало, ибо не блюдем заповедей Божиих. Я буду для вас Патриархом, если вы обещаетесь их соблюдать,» – основание его программы, которую он, как Патриарх, осуществлял прямолинейно без компромиссов. В них объяснение его отношений к царской власти, к Уложению, к Церковному Суду, к Церковной собственности, в них же и объяснение той строгости к духовенству, которой известен был Никон. Его реформа Церковных обрядов и книг – выполнение тех заветов о руководстве Вселенской Церковью, которые он вычитал в грамоте Восточных Патриархов об учреждении Патриаршества в России. Самый уход его с Патриаршей кафедры в Воскресенский монастырь, столь искаженный показаниями на суде 1660 года, и запечатленный в таковом виде исторической литературой (Лигаридом и далее Соловьевым и Каптеревым) есть деяние, обнаруживающее его понятия о действительном архипастырстве в свете тех объяснений, которые мы читаем в его «Раззорении», и тех попыток вернуться на кафедру, которые он предпринял не только в 1664 г., но, как доказал

Гюббенет, и в декабре 1662 года. Его переговоры в начале 1665 года с Собором Архиереев об условиях отречения его от кафедры Патриаршего престола проливают дальнейший свет на его понятия о Патриаршестве. Но в «Раззорении» мы почерпаем указание на основной источник Никоновых понятий о Патриаршестве: там он цитирует определение понятия Патриарха по Эпанагоге. Там же он высказывается о том каноническом положении, которое занимает Московский Патриарх среди других Патриархов; там же он объясняет положение Патриарха в отношении Архиереев, входящих в состав его Патриархата; там выясняются, как мы видели, и права его в отношении к царю, как обязанность говорить и стоять за истину и содействовать осуществлению правды в жизни в форме печалования. Вся деятельность Никона служит подтверждением на деле и иллюстрацией высказанных им в разное время взглядов на Патриаршество и являет собой живой, нерукотворный памятник воплощения определенной идеи в жизни отдельного человека. О том, что такое Патриарх, Никон пишет в своем «Раззорении» (I п. Эпанагоги): «Патриарх есть живой образ Христа (1, 64): Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делами и словами в себе самом наглядно выражающий истину (2 п. Эпанагоги). Задачей Патриарха должно быть: сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога (т. е. верных Церкви), а затем по силе своей и всех еретиков обращение в Православие и единение Церковное; кроме того, изумляя светлым блестящим и чудным деланием, Патриарх должен стремиться сделать и самих неверных подражателями вере и их, видящих дела его, насколько от него зависит, воспитать служителями Всесвятой и Единосущной Троицы (3 п. Эпанагоги). Конечная цель Патриарха – спасение вверенных ему душ, жизнь во Христе и для мира быть распятым (4 п. Эпанагоги). Свойство Патриарха быть учительным, без всякого стеснения держать себя одинаково и с высокопоставленными и с бедными; быть кротким ко всем, внимающим его учению, быть обличительным к неубеждающимся; за истину в защиту

догматов, за соблюдение правды и благочестия говорить, не стесняясь, перед царями (8 п.) Так как гражданское общежитие составляется подобно человеческому организму из разных частей и членов, то важнейшие его части – император и Патриарх; посему единомыслие и согласие во всем власти императорской и архиерейской есть мир и благополучие подданных в духовном и материальном отношениях.» Эти статьи морального, а не юридического характера начертывают идеал нравственной личности Патриарха, его задачи, которые должны проникать его деятельность. Перед автором прежде всего завет Христа Апостолам и их преемникам: «Образ дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите» (Иоан. 13, 15). Если обязанность каждого Епископа в отношении паствы – подражать Христу, то тем более это должен Патриарх первый между ними и больший по своим административным правам. Свое высокое призвание Патриарх призван осуществлять не какими-либо особыми духовными полномочиями, каких не имел бы и всякий другой Епископ, но именно обычным для каждого Епископа служением: подвигом учительства, кротостью, твердостью и мужеством в исполнении веры и стоянии за правду и истину. Одна обязанность, хотя и не составляет исключительной привилегии Патриарха, но к нему относится по преимуществу, это – обязанность говорить истину перед царями. Эта преимущественность Патриарха обусловливается не только его высоким положением в Церкви, но и той непосредственной близостью к императору, которая существовала и Византии и в Московском государственном строе.

О каноническом положении Московского Патриарха среди других Патриархов.

Вопрос о положении Московского Патриарха среди других Никон разрешал в строгом соответствии с канонами, установившими принципы Церковного устройства. Говоря о Константинопольском Патриархе, он напоминает 6 Вселенский Собор 36 пр. «Епископ Константинопольский да

будет иметь привилегии после Епископа Римского, а за ним Епископы Александрийский и Антиохийский и затем Епископ Иерусалимский». Далее Никон приводит то толкование этого канона, по которому союз «после», разумеется в порядке не чести, но времени. Это известное Аристиновское толкование, по которому Константинопольский Патриарх получает равные права с Римским Патриархом в силу того, что он – Епископ города, почтенного присутствием царя и синклита, но получает их лишь позже (I, 20). Также в современном греческом Пидалионе есть заметка, что это «после» означает только указание на время, но не указывает на низший ранг, как ошибочно де думал Зонара, ибо иначе мы имели бы пять различных степеней подчинения для пяти Патриархов (Pal. I, 52 стр. Прим.). Напомнив историю учреждения Патриаршества в России, об известном споре между Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом с Константинопольским Патриархом Иеремией об утверждении Патриаршества в России, и спор о ранге Московского Патриарха среди других Патриархов, который происходил между московским правительством и Восточными Патриархами и разрешился окончательно на Константинопольском Соборе 1593 года в пользу предоставления Московскому Патриарху пятого места, Никон обращается к Лигариду: «Ты говоришь: слава и честь Рима перешли на Москву. Откуда ты это взял? Покажи мне. Ты видел, что говорят Деяния Отцов Константинопольского Собора (1593). Что там сказано об этом? Патриарх Московский будучи сравнен в чести с Иерусалимским, должен поминаться в диптихах после Иерусалимского. И мы счастливы оставаться при таком правиле и утверждении и не преступать меры и правила Св. Отцов, т. е. Святейших Вселенских Патриархов» (I, 54 стр.). Также в другом месте (I, 77): «Смотри, ответотворче, в Хризовуле Св. Вселенских Патриархов, подписанном руками и засвидетельствованном печатями 82 лиц, о чести Московских Патриархов, о месте их кафедры и их равенстве чести.» Никон выше авторитета

Московского Патриарха ставит общий авторитет всех Патриархов, которыми учреждена и власть самого Московского престола. Приведя текст присяги, даваемой каждым Епископом в повиновении Патриарху, послушании обязательном, при каком бы то ни было давлении со стороны царя или бояр, или множества народа, как то говорит самый текст присяги, Никон говорит: «Видишь, Епископы приняли это обязательство перед Богом и Его Святыми Апостолами и Его Святыми Ангелами в присутствии царя и всего его синклита и при множестве народа. А что они сделали во исполнение этого? Ничего. Во всем они преступили клятву. Они обещали следовать Вселенским Патриархам. Вселенские Патриархи учредили в Москве Патриарший престол согласно (34) Апостольскому правилу и правилам Св. Отцов и постановили, чтобы все Епископы почитали Патриарха своим главой и без его согласия ничего не творили» (I, 138). Так источник учреждения Патриаршества для Никона не в царской власти, не в постановлении Поместного Собора Епископов, а в решении Восточных Патриархов.

Никон о правах Константинопольского Патриарха.

Среди них он признает Константинопольского не только первым по рангу, но и с правами, несколько высшими в сравнении с другими Патриархами. Так ему одному он усваивает право судить Епископов другого Патриаршего диэцеза; он в этих целях приводит 9-ое правило IV Вселенского Собора и толкование к нему, которое оканчивается так: «Если Епископ или клирик имеет какое дело против Митрополита, его дело должно быть судимо или перед Экзархом диэцеза, т. е. Патриархом, которому подведомственны Митрополиты этих провинций, или Патриархом Константинопольским.» Эта власть судить Митрополита, подчиненного другому Патриарху, не дана никому из других Патриархов ни канонами, ни гражданскими законами, кроме одного Патриарха Константинопольского. Нигде там также нельзя найти о том, чтобы Патриарх мог быть судим своими Епископами, разве

только в твоих нечестивых устах» (I, 61). Никон никогда не считал положение Московского Патриарха первым среди других Патриархов, но правда то, что другие Патриархи, когда Никон был в силе и славе, говорили такие слова, которые возвеличивали его положение среди других Патриархов. Так сын Антиохийского Патриарха Макария в своем дневнике, относящемся к 1655-1656 годам, записывает, что его отец приблизился раз к царскому величеству (II, 272) и сказал: «We are four oecumenical patriarchs and the dress of us all is alike. By our consent and permission, this our brother has been made patriarch of Moscow in the place of the Pope of Rome; and one mark of the Pope is, that he is distinguished from us by his whole dress. If it please Your Majesty, I should wish your Patriarch to wear like us this cap[24] (Титул Вселенского был принят Константинопольским Патриархом около 600 года при Патриархе Маврикии, но Папа Григорий I протестовал против такой гордыни и назвал себя тогда servus servorum Dei).

Отводя Московскому Патриарху установленное ему на Константинопольском Соборе 1593 г. пятое место, Никон среди предстоятелей независимых Церквей выделяет вообще только пять Патриархов, несмотря на то, что в его время были три Церкви, не подчиненные ни одному из Патриархов, т. е. автокефальные . Это были, по словам Лигарида (III, 33), – Первоиерархи Охридский, Кипрский и Грузинский. В этом отношении Никон сходился с своими противниками. Так Лигарид пишет в своей «Истории Суда»: «Since the Roman patriarch – I know not how – had been cut off from the rest, there was need of some other patriarch to be created in his stead, to fill up the mystical number of those (five prophetical cities or) five heads which were to be found speaking the language of Cannaan. So here there was appropriately intro-

---

[24] Мы все четыре Патриарха имеем одинаковое одеяние. Мы согласны и даем свое изволение, чтобы сей брат наш Московский Патриарх был на место Великого Папы. Знак Папы — его отличие в одежде от нас. Если угодно вашему величеству, прошу, чтобы ваш Патриарх, подобно нам, носил этот головной убор.»

duced the patriarch of Russia, preserving unchanged the order of the rest: and the five patriarchal Churches may be compared to the five senses or to the five mental energies…»[25]

Судя по тому, что Никон во всех своих сочинениях ни разу не ссылается на представителей других непатриарших Церквей, а всегда приводит только Восточных Патриархов; судя по тому, что он и в своем Воскресенском храме в чаянии будущих Соборов в России построил только пять мест для Патриархов, можно думать, что голосам Патриарших Церквей он придавал авторитет преимущественный в делах, затрагивающих всю Церковь. Это – отголосок старой теории пентархии, которая известна еще во времена Феодора Студита, но она у Никона, однако, рельефно нигде не формулирована. Представитель автокефальной Церкви, принимая сан Патриарха, как бы призывался не ограничиваться делами своей Церкви, а выступать в делах общецерковных с голосом особо авторитетным, где его голос имел преимущественное значение. На это значение Патриарха несколько позже указывал и Иерусалимский Патриарх Досифей [Каптерев. Сношения Иерусалимского Патриарха Досифея с Русским правительством (Чт. О. Л. Д. пр. 1891, III, 55 стр.)]. Патриарх Досифей Иерусалимский писал Московскому Патриарху Адриану в 1700 г. о положении дел в святых местах и просил его ходатайствовать перед царем. Он пишет ему: «Патриархи, как преемники Святых Апостолов, должны иметь особое попечение о всех Церквах. Они имеют попечение не только о своих Церквах, но и о других, где в том представляется надобность. Сие же яко братская твоя любовь несть уже Митрополит Московский, да объемлются во единой епархии твоей попечения твоя и труды твоя, но еси благодатью Христовой

---

[25] «С тех пор, как Римский Патриарх, я не знаю как, отделился от остальных, надо было создать на его место какого-либо другого Патриарха, чтобы заполнить мистическое число тех пяти глав, о которых говорит язык Ханаанский. Так был учрежден в соответствии с этим Русский Патриархат с сохранением порядка остальных, и пять Патриарших Церквей можно сравнить с пятью чувствами или с пятью умственными энергиями..

Патриарх сый и сопричисленный и спочитаемый со прочими Святейшими Патриархи, и имевши свойственно сиречь попечение всех Святых Церквей и наипаче Святыя всех Церквей матере в ней же явился Бог плотью, и от оные яко источника присно текущего напоил весь мир и тамо имать быти общий суд ко оправданию избранных, ко осуждению погибших и также, яже нерадети несть лепо, ниже праведно. Яко аще о чести и исправлении матере Церкви нерадиши Божественнейший, како хощеши показати ревность и свойственная Патриаршеству твоему достоинству?»

Ставя себя на каноническое пятое место в ряду Патриархов, Никон особое значение придавал Патриарху Константинопольскому. Мы приводили его цитаты из толкования на 9 пр. IV Всел. Соб.; мы можем указать и на дела жизни, подтверждающие такое отношение Никона к Константинопольскому Патриарху. Так, до начала Церковно обрядовой реформы Никон не только созвал Собор Русских Архиереев в 1654 году, чтобы решить вопрос о необходимости исправления книг и обрядов, но запрашивает мнение Константинопольского Патриарха по этому вопросу и, получив от него подробное разъяснение об обрядах, усваивает его точку зрения, столь расходившуюся с точкой зрения раскольников. В то время, когда Аввакум заявлял о готовности умереть за одну букву в русских Богослужебных книгах, что и оправдал в последствии, Никон принимает поучение от Константинопольского Патриарха и получает от него более просвещенный взгляд на обряды. Вот что писал Патриарх Паисий Константинопольский: «Ты жалуешься сильно на несогласия в кое каких порядках, существующих в поместных Церквах, ты думаешь, не вредят ли эти различные порядки нашей вере. В ответ на это мы хвалим мысль; поелику кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих; но исправляем опасение... Если случится, что какая-нибудь Церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками не важными и не существенными для веры, а незначительными, каково,

например, время совершения литургии, или вопрос о том, какими перстами должен благословлять священник, то это не должно производить никакого разделения, если только сохранится одна и та же вера. Это потому, что Церковь наша не с самого начала получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало по малу, как говорит Св. Епифаний Кипрский. Не следует нам и теперь думать, будто извращается наша вера, если кто имеет чинопоследование, несколько отличающееся от другого в вещах не существенных: лишь бы соглашался в важных и главных с Кафолической Церковью. А для того, чтобы знали, какие это важные и существенные члены нашей веры, о которых мы говорим, наш Синод составил одну книгу под заглавием: «Православное исповедание веры Кафолической и Апостольской Церкви Восточной.» Скрепивши эту книгу, подписали все Архиереи сего округа и все клирики вместе с тогдашним Первопрестольником Синода, блаженной памяти Кир Парфением старшим. Равным образом и остальные три Патриарха, приезжая по временам в Константинополь и здесь читая, тоже скрепили ее своими подписями., и, если вы нуждаетесь в этой книге, и она действительно нужна вам для того, чтобы все пять Патриархий были единомысленны, пришлем вам одну копию с нее.» Вот источник, где Никон научился тому отношению к обряду, которое он обнаружил в 1657 г. в ответе на вопрос Ивана Неронова, по каким служебникам служить, по старым или новым. «По каким хочешь, по таким и служи: обои хороши», – сказал Никон, когда Неронов примирился с Церковью и оставил свой протест против нововведений Никона, узнав, что их одобряют Вселенские Патриархи. Особое почитание Константинопольского Патриарха выразилось со стороны Никона в том, что он запрашивал его, несмотря на то, что за несколько лет перед этим Иерусалимский Патриарх Паисий был уже в Москве и именно он побудил к реформе обрядов царя Алексея и его духовника Стефана Вонифатьева, к которым присоединился и Никон. Позже, когда Никона звали на суд приехавших Патриархов Александрийского и

Антиохийского, он заявил, что пойдет на суд лишь в том случае, если они имеют полномочия от Константинопольского Патриарха; о том же он заявлял на суде: «Не будет де он отвечать, пока не представят Патриархи этих полномочий.» А Александрийскому Патриарху во время суда он сказал: «Широк де ты здесь, а каков будешь, когда придется отвечать перед Константинопольским Патриархом.»

Патриархи связаны канонами в суде своем.

К нему же опять обращается Никон в декабре 1665 года с особым посланием, где ему по братски объясняет историю своего вступления на Патриаршество, причины ухода с престола, гонения на него со стороны царя и просит разобрать это дело в соответствии с канонами Церкви. Последнее обстоятельство согласования решения с канонами Церкви Никон почитает обязательным и для всех Патриархов вместе взятых. Они – хотя и верховные судьи в Церкви, однако, связаны канонами, стоящими выше их. Так он заканчивает письмо Патриарху Дионисию такими словами: «Что же касается суда, то есть способа, каким должен быть допрашиваем и судим Патриарх, сколькими Патриархами, Митрополитами и Епископами, то Ваше Высокопреосвященство знает само. Даже Митрополит законно не может быть судим по канонам без Патриарха: насколько же менее законно судить Патриарха без Собора Вселенских Патриархов? Касательно этого дела мы просим Ваше Священство судить нас и царское величество по справедливости, как должно быть, как и вы сами будете судимы во второе пришествие Господне Бога и Спаса Иисуса Христа. Судите обо всем по правде. Мы сами не стремимся быть снова Патриархом Москвы, но только, чтобы мы не навлекли опасности на себя за действия против воли Божией. Но если в этом деле последует какое-либо несправедливое решение с Вашей стороны, наш Господь Иисус Христос взыщет за это с вас в день судный по правде.» Никон признает, что нет суда высшего над судом Патриархов, но и

этот суд связан нормами церковного закона. Нет ничего удивительного, что Никон выделял среди Патриархов по авторитету Патриарха Константинопольского. Ведь, источником его суждения была Эпанагога, проникнутая возвеличением власти Константинопольского Патриарха и возвышающая его над прочими Патриархами.

Об особых привилегиях Константинопольского Патриарха и об Эпанагоге – их источнике.

Никон сам цитирует (I, 64) 9 п. Эпанагоги по М. Властарю: «Константинопольский престол, императорской властью украшенный, провозглашен первым в соборных определениях, последуя коим Божественные (т. е. императорские) законы повелевают возносить на его рассмотрение и суд судебные дела, возникающие в прочих (Патриарших) престолах.» Далее Никон указывает на особую привилегию Константинопольского престола учреждать Ставропигии в других Патриархатах, где до сих пор не было храмов (10 п. Эпанагоги по М. В.), «О всех Митрополиях и Епископиях, монастырях и церквах промышление и попечение, а также и суд, осуждение и оправдание подлежат собственному их Патриарху. А первоседальнику Константинопольскому позволительно давать ставропигии и в местностях иных престолов, именно в которых не устроено храмов, и не это только, но и наблюдать за возникающими там несогласиями и исправлять их и полагать конец судебным делам. Также точно и относительно покаяния и разрешения от грехов и ересей один только он поставлен посредником и судьей в силу 11 п. Эпаногоги.» Цитаты эти сделаны Никоном по Эпанагоге, в редакции ее, вошедшей в Синтагму Матвея Властыря. Проф. Заозерский (Б. В. 1905, 10-12), исследовавший параллельно текст Эпанагоги и ее редакцию в Синтагме, показал этим сличением, что у Матвея Властыря опущены 5, 6 и 7 статьи Эпанагоги и иначе редактирована 11-я. В статье 5 и 6 Эпанагога усвояла только одному Патриарху право интерпретировать церковные каноны и соборные Деяния. Между тем Патриарх вовсе не

являлся никогда единоличным органом, даже и при Патриаршей системе управления; Патриарх выступал как исполнительный правительственный орган по отношению к Соборам и сам в своей текущей правительственной деятельности был и в Византии связан постоянным Синодом. Между тем, Эпанагога об этих органах ничего не говорила в отношении права толкований канонов. Статья 5 гласила: «Канонизованное древними и Святыми Отцами определенное и Святыми Соборами изложенное должен толковать только Патриарх.» Статья 6: «Что древними Отцами на Соборах или в епархиях поставлено и благоустроено частно или вообще – о том должен судить и определять Патриарх.» Опущение этих статей Матвеем Властырем, а затем и Никоном имеет существенное значение, умаляя власть Патриарха перед Собором, на которого естественно и возлагается такое право толкования, как на высший орган. Статья 11 Эпанагоги в редакции Матвея Властыря усвояет одному Патриарху право решать вопросы покаянной дисциплины, связывать и разрешать от грехов и ересей. В подлиннике же указывается лишь, что Патриарх пастырствует в своей епархии, как всякий Епископ. Там говорилось: «Патриарху надлежит попечение о всех духовных делах, но он может возлагать оное и на других, кому заблагорассудится поручить, так что и относительно покаяния и разрешения от грехов и ересей сам и один поставлен быть определителем и судьей, а также и тот, кого он определит (на это).» Так редакция Матвея Властыря централизовала карательную власть Патриарха. Но Никон считал, ссылаясь на Евхологий, что эту potestas clavium имеет каждый Епископ, но он может предоставить ее и священникам (I, 301). Русская практика, по которой каждый священник является eo ipso у себя в приходе и духовником прихожан, с точки зрения Эпанагоги – нарушение канона, и Никон усвоил и в этом точку зрения Евхология, определенно заявляя в одном месте «Раззорения», что такая практика есть злоупотребление, ибо potestas clavium принадлежит Епископу, а священнику только по поручению Епископа. В

этом отношении Никон, хотя и цитировал 11 статью Эпанагоги по Матвею Властырю, однако усваивал по Евхологию эту potestas clavium не одному Патриарху, а и Епископам. Но Никон восприял 9 и 10 ст. Эпанагоги, выделяющую Константинопольского Патриарха среди других Патриархов.[26]

---

[26] Нельзя не отметить, что идеи перенесения прав Константинопольского Патриарха на Московского, у Никона вовсе не было. Самая идея перенесения прав с Римского Папы на Константинопольского Патриарха применена была в свое время впервые Патриархом Фотием в половине IX века в послании императора Михаила к Римскому Папе (Суворов. Византийский Папа. 133 стр.), когда старый Рим выделился из Восточно-Римской империи и явилась другая империя — Западная и когда готовился и церковный разрыв Запада с Востоком. До тех пор существовала идея равных преимуществ Константинопольского Патриарха — Нового Рима с преимуществами Епископа Древнего Рима, выраженная в II, 3 и IV, 28. Связывая с этим перенесением прав, утраченных Патриархом Старого Рима, то обстоятельство, что переноситься могли не только духовно-иерархические права над другими Патриархами, но и политическое положение Папы относительно императора, выводимое из Дарения Константина Великого, — легко «понять, что и Эпанагога сопоставляла царя не с священством в собирательном смысле, как это было раньше, а с одним Константинопольским Патриархом, и что она говорила о том, что Патриарх ведает души, а император тела, и таким образом она, хотя и глухо, намекала на превосходства первого. Интересно, что Никон в отношении к вопросу о месте Московского Патриарха среди Патриархов других, оставляет ему пятое место и в отношении его к царской власти из сопоставления их с душой и телом не делает тех выводов, которые делали в средние века в Византии, где иногда под западным влиянием подчиняли царя Патриарху; так Патриарх Михаил Керулларий считал Патриарха в праве ставить императора через коронование и низлагать с престола, вторгаться в неподлежащую ему область, и ставить власть императора в зависимое от Патриарха положение (Суворов Ib. 125 стр.). Характерно то различие, которое существовало в отношении к Дарению Константина в Константинополе после того, как явилась теория (в половине IX века) перенесения прав с Римского Папы на Константинопольского Патриарха, и у Никона. Вальсамон (Суворов «Виз. Папа», 129 стр.) говорит по поводу IV, 28: «Некоторые, видя, что Константинопольский Патриарх не чествуется ни одним из преимуществ Римского Папы (ибо и голову не украшает царским покровом-лором и ходит без царского скипетра, знаков и знамен, не украшает себя знаками царского достоинства, не возлагает на

Неправильность Никоновского толкования IV, 9 и 17.

Между тем усвоение Эпанагогой Константинопольскому Патриарху права ставропигии в других Патриархатах и верховной судебной власти в них возводит в закон лишь фактическое положение дел, сложившееся вопреки канонам под влиянием исторических обстоятельств. Сам Вальсамон, ревностный защитник привилегий Константинопольского Патриарха, говорит, что никому из Патриархов не дозволяется посылать свои ставропигии в области другого Патриарха, и допускает их для Патриарха только в пределах его области. Каждое административное или судебное вторжение одного Патриарха в область другого есть

себя пурпурного одеяния и не садится на коня, как то предоставляется в царском постановлении, данном Св. Константином Великим Папе Сильвестру и его преемникам), говорят, что содержащееся в сих правилах утратило силу. Сам Вальсамон считает этот закон действующим и желает отличия этого рода и для Патриарха и особых отличий для хартофилакса, ранее его времени, в XI веке, существовавших. Некоторые из Патриархов, как Керулларий и другие, пытались украсить себя этими преимуществами, по сообщению того же Вальсамона (Суворов, Ib. 114 стр.). Напротив, Никон никогда этой претензии не заявлял и, приводя целиком в своем Раззорении грамоту Константина Великого, пересыпает ее своими замечаниями, останавливая внимание, однако, не на тех местах, где говорится о передаче Папе от императора императорских прав, а только на тех, где подчеркивается духовная сила священного сана (чудо Папы Сильвестра) и выражение ему уважения через предоставление собственности и юрисдикции. Нельзя не отметить и того, что Никон цитирует «Дарение», не как документ, единственный в своем роде, устанавливающий какое то особое положение для Патриарха, а среди других: им приводятся (Пальмер I, 207-211) Устав Св. Владимира, Законы Юстиниана, Акт коронования для поддержания своего тезиса о необходимости почитать священство и его права. Того значения перенесения прав с одного Патриарха на другого, вместе с переданными ему императорскими правами, какое этому документу давали в Византии в IX и X веках и в эпоху Керуллария, Никон с ним не связывал. Те части Дарения, которые трактуют о передаче Папе Константином Великим императорских регалий и прав на Рим, на Италию и проч., Никон обходит молчанием, как ненужный ему исторический материал, не прерывая рассказ своими замечаниями, и выставляя его только, как контраст унижению Русской Церкви в его время.

нарушение одного из принципов церковного устройства, а именно того, что «дела каждой области должен благоучреждать Собор той области» (II Вселенский Собор 2). В предупреждение этих вторжений II Вселенский Собор и ввел разделение на диэцезы с предупреждением, чтобы Епископы одного диэцеза не переходили в другой. Это подтверждено на III Вселенском Соборе 8 правилом и на IV Вселенском Соборе 28 правилом. На этих канонах основана самостоятельность поместных Церквей. На вторжение Иерарха такой Церкви в другую правила смотрят, как на надмение власти мирские.» Никакой Собор не предоставлял Константинопольскому престолу похищать эту свободу. Эту же идею самостоятельности каждой поместной Церкви высказал и Карфагенский Собор Папе Целестину по поводу его вторжения в судебные дела Карфагенской Церкви: «Разумно и праведно признал Никейский Собор, что, какие бы ни возникли дела, они должны оканчиваться на своих местах... Разве есть кто-либо, кто поверит, будто Бог единому токмо некоему вдохнул правоту суда, а бесчисленным архиереям, сошедшимся на Собор, откажет в оном.»

Правило 9 IV Вселенского Собора, предоставляющее клирику обращаться с жалобой на Митрополита или к своему Патриарху или к Константинопольскому, современные историки и канонисты (Лебедев, Павлов) толкуют в смысле права этих клириков обращаться к Константинопольскому Патриарху, но не в смысле права самого Константинопольского Патриарха привлекать к своему суду любое дело из чужого Патриархата. Гидулянов пишет («Восточные Патриархи», 469): «Дело решенное, например, Митрополитом Антиохийского Патриархата, направлялось или к Патриарху Антиохийскому или к Константинопольскому, но приговор, как того, так и другого был окончательным и безапелляционным. Таким образом Константинопольский Патриарх не был призван переделывать решения других Патриархов.» Канонист же Зонара пишет в своем толковании (На IV, 17): «Царьградский Патриарх поставляется судьей не над всеми Митрополитами,

а только над теми, которые ему подчинены, ибо он не может потребовать на свой суд Митрополитов Сирии или Палестины, и Финикии или Египта против их воли; но Митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского Патриарха, Палестинские – суду Патриарха Иерусалимского, а Египетские должны судиться перед Патриархом Александрийским, от которых они получают хиротонию и которым именно они и подчинены.» Равным образом 9 пр. IV Вселенского Собора говорит: «Аще же на Митрополита области (Греческой епархии) Епископ или клирик имеет неудовольствие, да обращаются к экзарху великой области (по-гречески стоит «диэцеза») или к престолу царствующего Константинополя и перед ним да судятся.» Профессор Троицкий (Ц. В. 1924, № 23, 24, стр. 9) обращает внимание на то, что Восточные паписты понимали «экзарха диэцеза» в смысле не только Митрополита, но и Патриарха, так что у них оказывалось, что Царьградский Патриарх может судить и Митрополитов других патриархатов. Однако, слово «диэцез» имело определенное значение высшей административной единицы империи. А так как церковное деление сообразовалось с государственным, то и Церковь не знала единиц высших, чем диэцезы, как о том свидетельствует и 2 пр. II Вселенского Собора. Эти диэцезы были сначала автокефальными, и суд диэцезальных Митрополитов или Экзархов был судом последней инстанции. Позднее из ряда диэцезов выделилось пять Патриархатов, вследствие чего остальные диэцезы стали постепенно терять свои автокефальные права и превращаться в простые митрополии (Понт, Азия и Фракия) 9 пр. IV Вселенского Собора лишь фиксировало один из переходных моментов этого исторического процесса. Ибо Митрополиты диэцеза не лишаются прав высшей судебной инстанции, но делается шаг к такой отмене через разрешение подчиненным им клирикам непосредственно обращаться к Патриархам. Такой же шаг к умалению прав диэцезальных Митрополитов и в 28 правиле IV Вселенского Собора, ибо теперь Митрополиты Понта, Азии и Фракии

впредь должны поставляться уже не своими Епископами, а Константинопольским Патриархом.» Таким образом, заключает профессор Троицкий, во всех этих правилах 9, 17 и 28 IV Вселенского Собора говорится не о правах Патриарха одной Церкви над Епископами другой автокефальной Церкви, что было бы contradictio in adjecta, а о правах Патриархов в отношении подчиненных им епископов их же Патриархатов.» В том же смысле проф. Гидулянов (Восточные Патриархи, стр. 742): «Канон 28 признал фактически существовавшее со времен Златоуста полновластное распоряжение Константинопольских Епископов в Фракии, Понте и Азии.» На стр. 728 он пишет: «Константинопольский Патриарх, как видно из XVI заседания Халкидонского Собора не только ставил там Митрополитов, но и был высшей судебной и апелляционной инстанцией для всех дел, превышающих компетенцию Митрополитов и их Соборов.»[27] В статье 9 и 10 Эпанагоги

[27] Также пр. Павлов говорит, что Собор там приравнивает (17 пр. IV Всел. Соб.) Константинопольского Патриарха, по правам судебной власти, к Экзархам диэцезов, а не ставит его кафедру высшим трибуналом на всем Востоке... «Быть таким судьей он мог только по праву предваренья (ex jure praeventiones), т. е. в случаях, когда стороны соглашались принести свое дело на окончательное решение не к местному Экзарху, а к «престолу царствующего града. « Само собой понятно, что такие дела поступили на рассмотрение Константинопольского Епископа всего чаще из ближайших к его кафедре трех диэцезов, которые фактически уже находились под его властью еще задолго до Халкидонского союза.» Далее указав, что 28 пр. IV Собора формально подчинило Константинопольскому Архиепископу три диэцеза, он говорит, что тем самым его право суда превратилось в обыкновенное право Экзарха, и тем отменена привилегия его, как таковая, и «ближайшие из временного Собора источники церковного права не оставляют никаких сомнений в том, что 9 и 17 правила Халкидонские получили теперь такой смысл: право окончательного решения церковных дел в каждом диэцезе принадлежит исключительно местному Патриарху (Павлов. Теория восточного папизма. Правосл. Обозрение. 1879, декабрь, стр. 739-740). Также Вальсамон в своих комментариях Халкид. 9, Ант. 12), высказывает мысль, что каждый Патриарх есть крайний судья в своем диэцезе, и их решения не подлежат обжалованию (746 стр.). Также официальный схолиаст Константинопольского Пидалиона решительно

сказался, говорит проф. Заозерский не столько точный канонист, сколько политический деятель Византии, хотевший создать крепкую православную монархию. Его уму предпосылалась не столько Церковь Христова, как чисто нравственный союз верующих во Христа, вмещающий в себя членов всех наций, сословий, званий, проникающий народы и государства и преследующий свою исключительную цель – возрождения нравственной личности по Евангелию; нет ему предносилась крепкая православная греческая монархия. Его идеал – мир и благополучие подданных, духовное и телесное, а не нравственное царство Христа. В этой монархии главные органы – император и Патриарх. Однако этот идеал политический не затемнил духовно-нравственного характера патриаршего сана: ведь, все полномочия Патриарха или чисто духовного свойства или не выходят за сферу церковную; у него нет никаких атрибутов светского свойства, нет и права принуждения материального. Но автор в распределении иерархических прав между пятью Патриархами принес в жертву четырех из них Константинопольскому, который оказался, благодаря близости к императору, в привилегированном перед своими братьями положении. 9 статья Эпанагоги ставила на I место Константинопольского Патриарха, что было канонической неправильностью, ибо еще Константинопольский Собор в Св. Софии, под председательством Фотия ясно признавал первое место за Римским престолом, как это было установлено еще в 131 новелле Юстиниана, гласившей: «Постановляем согласно с определением Св. Соборов, чтобы Св. Папа древнего Рима был первым из всех Иереев, имел преимущество чести перед всеми прочими.» Фотий следовал Аристину и толковал первенство Константинопольского престола после Римского, в вышеупомянутом 36 пр. VI Вселенского Собора, выраженное через союз «после», в смысле времени, а не чести (в смысле порядка чести толковал

отвергает право своего Патриарха принимать апелляцию из других патриарших округов (747 стр.).

его Зонара, т. е. в смысле придания меньшей чести). Подобно Аристину толковал его и Никон, как мы видели. Права Константинопольского Патриарха, усвояемые ему в статье 10 Эпанагоги, дают ему права ставропигий во всех Патриархатах, право надзора в них и исправление и окончательного суда. Это делало Константинопольского Патриарха, по крайней мере, в церковном отношении, равным Папе для всей Византии. Никон подверг канонической критике эти положения процитированной им Эпанагоги с точки зрения согласованности ее определений с постановлениями Вселенских Соборов. Надо думать, что он не видел или не заметил этой несогласованности, ибо в противном случае он указал бы на нее; ведь, он неоднократно заявлял, что высшим авторитетом для него является постановление семи Вселенских Соборов и поставленных в один ряд с ними на VI Вселенском Соборе (пр. 2) Поместных Соборов. Выслушав суждения Никона о Константинопольском Патриархе, мы должны признать, что de lege lata он признавал не только первенство Константинопольского Патриарха в порядке Патриарших кафедр, но и признавал некоторые особенные права этого Патриарха, являвшиеся историческим наслоением к каноническому его положению в результате централизирующего положения его кафедры в столице империи. Другое дело – de lege ferenda.

Мечты Никона о будущем положении Московского Патриархата.

Вполне возможно допустить, что неутомимой деятельностью в сане Патриарха, стремлением очистить Русскую Церковь в ее обрядах и книгах в свете современных Никону воззрений неутомимостью своего личного примера, стремлением внести образование и строгую дисциплину в духовенстве, своим желанием сделать из Москвы столицу Православия, где собраны были бы достижения всех наук, была бы библиотека не только церковных, но и светских книг, училища и типографии для всего востока, своей

постройкой красивейших храмов (в монастыре Воскресенском и Иверском), устроением ученых братств, – быть может всем этим он, стремясь возвысить общецерковное значение Русской Церкви до того высокого уровня, на котором уже находился ее предстоятель при единственном тогда православном царе, он хотел приготовить ей в будущем то положение, которое давало бы основание пересмотреть формально и общецерковное положение ее первосвятителя. Принцип согласования церковного устройства с гражданским, который проводился в Восточной Церкви в ее жизни и формально был установлен в 17 пр. IV Всел. Соб.[28] мог напоминать Никону о возможности возвысить ранг Московского Патриарха и, быть может, он лелеял мечту, что каноническое положение Московского Патриарха в будущем будет пересмотрено Высшей Церковной властью, что первое место в будущем среди пяти патриарших тронов в Воскресенском храме будет принадлежать Московскому Патриарху, но ни откуда, ни из одного его заявления не видно, что он усваивал это место для Московского Патриарха его времени. Надежды его могли иметь почву уже в той мотивировке канонов II и IV Всел. Соб., которые выдвигали Константинопольского Патриарха, именно, как Епископа Нового Рима; следовательно с утратой политического положения своих городов, Патриархи могли в будущем утратить и свое первенство чести. Авторитет соборных канонов, определивших место Московскому Патриарху, был для Никона до такого пересмотра непоколебим. В этом отношении он совершенно расходился с консервативной церковной партией, представители коей создали раскол. Интересно сопоставить с суждением Никона о каноническом положении Московского Патриарха суждения человека, хотя и непримкнувшего к расколу, но

---

[28] В 17 пр. IV Вселенского) Собора говорится; «Если же кто будет обижен своим Митрополитом, пусть судится перед Экзархом диэцеза или перед Константинопольским Престолом. Если же царской властью вновь устроен или впредь будет устроен какой-либо город, то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку.»

верно выражавшего мнение консервативной церковной партии, сложившееся в Москве после Флорентийской Унии, именно современника Никона Арсения Суханова.

Арсений Суханов о Патриаршестве.

Последний трижды ездил на восток, первый раз в 1646 году по поручению царя для изучения на месте обрядов Восточной Церкви, второй раз по поручению Никона в 1654 году для собирания книг по восточным монастырям и третий раз в 1657 году по его же поручению для получения модели с храма при Гробе Господнем в Иерусалиме. В первую же поездку он вел прения о вере с греками и в них излил свои суждения о русском и греческом благочестии и о каноническом положении Патриархов. Для Суханова важны не соборные постановления, а факты, что там в России православный царь, который устроил у себя вместо Папы Патриарха и может обойтись без установленных Соборами 4-х Патриархов. Арсений изложил взгляд свой на значение для Русской Церкви голоса 4 современных Патриархов по делам церковным. «Могут на Москве и 4-х Патриархов откинуть, якоже и Папу, если они неправославными будут... То, ведь, вам, грекам не мочно ничего делать без 4-х Патриархов своих, потому что в Цариграде был царь благочестивый един под солнцем, и он учинил 4-х Патриархов, де Папу в первых, и те Патриархи были в одном царствии под единым царем, и на Собор собирались Патриархи по его царскому изволению. А ныне вместо того царя на Москве Государь царь Благочестивый, во всей подсолнечной един царь благочестивый и царство христианское у нас Бог прославил, и государь царь устроил у себя вместо Папы Патриарха на царствующем граде Москве, а вместо ваших 4-х Патриархов – 4-х Митрополитов и ему мощно без 4-х Патриархов ваших править Закон Божий.» В заключение прений Арсений заявил грекам: «Что у вас де было доброго, то все в Москву перешло, – все ваше начало к нам перешло». Когда греки попросили Арсения точно определить, что именно от них перешло к русским, Арсений заявил: «Был у вас царь

благочестивый, а теперь нет, и в то место воздвиг Господь Бог на Москве царя благочестивого. На II Вселенском Соборе постановлено иметь Константинопольскому Патриарху честь равную с Римским, но нет у вас как и чем величаться Патриарху, якоже и Римскому Бискупу; Константинопольские Патриархи теперь не могут проявить даже самых обыкновенных патриарших действий, устроить по городу крестный ход, на голове крест носить, на церквах иметь кресты, звонить в колокола, ездить на осляти, так что честью они не могут теперь сравняться не только с Римским, но невозможно им и против Епископа Московского «величаться». Поэтому у нас на Москве Патриарх вместо Константинопольского не токмо якож вторым по Римскому величаться, но якоже и первый Епископ Римский; – сиречь якоже древний Папа благочестивый, церковной утварью украшенный, занеже и клобук белый первого Папы Сильвестра на себе носитъ.., У вас было монастырей много и иноков без числа, а ныне токмо след знать – и церкви ваша многие басурманы завладели и починили на мечети, и христиане многие побасурманились. И мощей святых у вас было много, и вы их разносили по землям, и ныне у вас нет, а у нас стало много, да на нашей земли многих Бог прославил родников своих, мощи их нетленны лежат, и чудеса творят, и Риза Спасителя нашего Бога Христа у нас же.

Эта же точка зрения господствует и в сказании о введении в России Патриаршества, составленном Патриархом Филаретом, где говорится о Восточных Патриархах: «Вся попрана бысть руками злочестивых турок, и якоже ничтоже от сих во благое зрится, но вся безчествуема и поношаема, Богу тако изволиша, в наказание наше дотолика, яко тамо сущим Патриархам и прочим святителем наречением святительства токмо именоватися, власти же едва на всяко лишенем; наша же страна, якоже зрите, благодатью Божией в многорасширение приходит, наипаче же благочестива наша вера, яже на основании Апостол и пророк утверждена, возрастает и множится; и сего ради хощу, аще Богу угодно будет и писания Божественная не прорекают, яко да в

царствующем граде Москве устроится превысочайший престол Патриарший.» Это сказание показывает, что на Русь было перенесено из Византии не только царское достоинство, но и Патриаршее. По мнению русских, на Востоке Патриархи существуют только более по имени, нежели по действительной власти и чести, которыми владеют турки, так что настоящим действительным Патриархом в полном смысле этого слова, может быть назван только Московский, который и сделался Патриархом именно потому, что без него другого настоящего действительного Патриарха более бы не было. Эти воззрения русских на своего Патриарха, как на единственного действительного Патриарха, обладающего всей полнотой власти и чести патриаршей, и на Патриархов Восточных, как только на титулярных, и высказал Арсений Суханов, торжественно заявив об этом перед лицом Иерусалимского Патриарха и других Греческих Иерархов. В своем прении о вере с греками Суханов прямо и открыто заявлял и доказывал грекам, что Московский Патриарх единственный действительный Патриарх, ибо имеет под собой Митрополитов, Архиепископов, Епископов, а Александрийский, говорит Суханов, над кем будет Патриарх? Только всего у него две церкви во всей епархии, а не имеет под собой ни единого Митрополита и Архиепископа и Епископа – над кем же он будет Патриарх? Да и Константинопольский Патриарх, живя под игом неверных, не может пользоваться всей полнотой своей власти, не может во всей полноте и беспрепятственно исполнять все свои патриаршие обязанности.»

Антагонизм в деле учреждения Патриаршества.

Уже в деле учреждения Патриаршества, – пишет Каптерев («Характер отношении России к православному Востоку», стр. 58): ясно обрисовывается характер отношений между Греческой и Русской Церковью. Эти отношения не искренни и не сердечны. Каждая из сторон имеет о себе самое высокое представление и пренебрежительно смотрит на другую, каждая желает господствовать, главенствовать,

преобладать. Русские в своих притязаниях опираются на современное процветание своей Церкви и могущество своего Патриарха; греки на традиции, на свое историческое право, на соборные постановления. У тех и у других видную роль играет самолюбие и самомнение, которое у них выражает чрезмерную притязательность, желание возвысить себя на счет унижения другой; у других – враждебное отношение к сопернику, нежелание поступиться в пользу его чем бы то ни было из своего прежнего привилегированного и господствующего положения. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам, русские успевают сделать из учреждения у себя Патриаршества уже совершившийся факт и, как таковой, предъявляют его Собору Восточных Иерархов, чтобы придать ему необходимую каноническую санкцию. Греки напротив смотрят на учреждение Московского Патриаршества, как на унижение Греческой Церкви, как на дело русской хитрости и насилия над их Патриархом, но вынуждены обстоятельствами помириться с совершившимся фактом, и, скрепя сердце, признать и торжественно утвердить его законность. Но признав законность учреждения на Руси Патриарха, они на двух Соборах назначают Московскому Патриарху последнее место в ряду других четырех Патриархов греков, несмотря на усиленные хлопоты, старания, подарки с целью поставить своего Патриарха по крайней мере выше Иерусалимского и Антиохийского. Официально русское правительство должно было примириться с назначением Московскому Патриарху последнего места, но в существе дела такое решение оно считало несправедливым, несогласным с истинным достоинством и честью Русской Церкви, даже обидным для нее и унизительным. Поэтому, несмотря на соборное определение, оно продолжало считать своего Патриарха не только высшим других, но единственным действительным Патриархом, обладающим всей полнотой власти и чести Патриарха, противоположно Патриархам Восточным, Патриархам более по имени, чем по действительным правам и чести. Глухой антагонизм, скрытая борьба между греками

и русскими из за преобладания и главенства в православном мире невольно чувствуется во всем деле учреждения Московского Патриаршества.»

Сравнение воззрений Никона и Арсения Суханова.

Разница между Арсением Сухановым и Никоном во взглядах на значение Патриаршества слишком ощутительна. 1) Для Никона каноническое положение Патриарха определяется соборными правилами, а для Арсения Суханова только высотой благочестия, субъективно им определяемой, 2) для Никона органом, определяющим это положение, является только церковная власть, а для Арсения Суханова – царь, 3) для Арсения Суханова Московский Патриарх есть единственный действительный Патриарх, ибо имеет под собой Митрополитов, Епископов, а для Никона это первенство Московского Патриарха в лучшем случае – desiderata, которые надо еще заслужить перед вселенской соборной властью, 4) с одной стороны национальное самомнение, разрушающее вселенскость Церкви поставлением своего царя на положение этого вселенского судьи, а с другой – смирение перед универсальностью Церкви, не замыкающейся в Церковь национальную. Нельзя впрочем забывать и того, что Арсений Суханов мог выступать, как свободный литератор, а Патриарх Никон был ответственный деятель; поэтому для него каноны и соборные правила ставили преграду, которой первый не имел в такой степени. Арсений Суханов явился выразителем того недовольства в русском обществе, которое возникло еще во время споров с Греческой Церковью об иерархической степени Московского Патриарха, непосредственно вслед за учреждением Патриаршества, и в основании своем имело то презрительное отношение, недоверие к грекам, которое развилось на Руси особенно с половины XV века после того, как Греческий Патриарх и Греческий император приняли в политических видах на Флорентийском Соборе в 1439 году унию с Западной Церковью. Политическая гибель Византии и нравственные качества духовных греческих лиц,

наезжавших в Россию за милостыней в XVI и XVII веках, а также необыкновенная продажность при поставлении Митрополитов в Константинополе – в конец дискредитировали и религиозный, и политический, и нравственный авторитет греков в глазах русских. На место этого церковного авторитета постепенно явилось преклонение перед достижениями Руси, где теперь – единственный православный царь, где будто бы находится и высшее церковное достижение и критерий правды и истины в делах самой веры. Ради питания этой мысли появилось сказание о белом клобуке и выдвигалось сказание о пребывании в Киеве Апостола Андрея Первозванного. И непосредственное апостольское происхождение русского христианства и законность преемства белого головного украшения на первосвятителе, якобы переданного самим Римским Папой в знак передачи первенства в Церкви, призваны были питать русскую мысль и усыплять ее в сознании достигнутого. Иначе смотрел на это Никон. Нигде он не приводит этих сказаний, критическим умом он исследует, что доброго есть на востоке, и учится там у Константинопольского Патриарха пониманию обрядов, в Афонских монастырях берет древние богослужебные книги для проверки своих, а в Иерусалиме – заказывает модель с знаменитого храма при Гробе Господнем, чтобы построить такой и в своем Воскресенском монастыре. Никон не любуется достигнутым, не преклоняется перед ним, не канонизирует порядков только за то, что они русские, как делает Аввакум и его сподвижники, а учится и переделывает. Если он ошибается, он сознается в своих ошибках и сам говорит о том, что он непрерывно учится. Он учится у Иерусалимского Патриарха Паисия, когда тот в 1649 г. приезжает в Москву и указывает на различие обрядов у русских и греков, учится у Антиохийского Патриарха Макария, которого , по словам Павла Алеппского просить указывать во время Богослужения все недостатки в его богослужении и сообщать ему о греческих богослужениях обычаях, когда тот пребывал в Москве почти целых два года

(1654 по май 1656), сам работает в патриаршем архиве и находит грамоту об учреждении Патриаршества в России и, прочитав в ней завет о единении с Греческой Церковью, получает в этом новый импульс и обоснование церковных обрядов и реформ. Там в греческих богослужебных книгах он ищет образца (таков был официальный мотив реформ) для реформы русских богослужебных книг, как в святоотеческих учениях он искал реформы церковно-государственных отношений, тоже утративших свой нормальный с церковной точки зрения вид, начиная с половины XV века под влиянием исторических событий (Флорентийской Унии и падения Византии), как утратили свое согласие с греческими книгами русские богослужебные книги. Высшим критерием для реформы ему служили всегда не факты действительности, не установившиеся события, а каноны Церкви. Если он и не поместил 7 пункт цитированной Эпанагоги в свое «Раззорение», где говорилось о хранении древних канонов и установлялся основной принцип православного церковного правоверности преданию и канонам древней Церкви, то это делалось только потому, что он знал Эпанагогу в редакции Матвея Властыря. Этот пункт гласил: «Древнейшие каноны сохраняют свою силу и при позднейших точно также, как и прежние Деяния и распоряжения распространяются и на позднейшие и удерживают свою силу при подобных, само собой разумеется, лицах и предметах.» В этом же смысле Никон проверял каноническую ценность каждого церковно-юридического Института, шло ли дело о правах царя в церковных делах или о границах этого права, или о правах Церкви на самостоятельное управление, или о принципе церковного устройства, или о правах священника на исповедь прихожан. Это был принцип обратный тому, который усвоили себе представители раскольнической партии, исходившей из канонизации русских церковных порядков и обычаев, как они сложились к половине XVII века. Как в деле церковных обрядов и книг, они канонизировали состояние русских обрядов и книг, как оно

составилось в половине XVII века, так в области церковно-государственных отношений они канонизировали порядок отношений, составившийся с половины XV и в XVI веке, когда государство взяло верх над Церковью, когда все высшие церковные чины оказались подданными великого князя и царя и, будучи ставлены уже не в Царьграде, а в Москве, попали в зависимость от государственной власти. Этот перевес государова был следствием выдающейся роли представителей государственной власти в охране отечественного Православия и нашел литературное выражение в трудах Иосифа Волоколамского, применившего начала библейского теократизма на русской почве, Митрополита Даниила и Митрополита Макария, усвоявшего ведению царской власти всю полноту проявления человеческой жизни: дела Божеские и человеческие. Задачи государственной власти слились с задачами Церкви, государственная власть, по словам Грозного, имела главной задачей воспитание подданных. Государство стремилось поглотить и то, что принадлежало Церкви. Это было нарушением симфонии и захватом государственной властью церковной компетенции. Усваивая себе в ту эпоху церковные задачи, как их понимала Церковь, государство, однако, уже возносилось над ней. Ведь, если первые поставления Митрополитов совершены были над избранниками Собора, подсказанными великим князем, но Митрополит Зосима и поставлен и избран был великим князем, Митрополит Варлаам (1511 г.), Даниил (1522 г.) и Митрополит Филипп (1566 г.) даже просто были назначены великим князем без всякого избрания Архиереями. Такое положение принципиально было недопустимо с канонической точки зрения, хотя фактически могло не ощущаться болезненно, пока носители государственной власти определяли свое отношение к Церкви по существу дела в духе церковном. Однако, уже после суда над Никоном два русских Архиерея спохватились, что принципиальное допущение верховенства государства над Церковью опасно, если будущий русский государь будет настроен не церковно, и поняли, что дело,

предпринятое Никоном в ограждение от захвата государством церковной компетенции, имеет коренное значение для судьбы Русской Церкви. Никон понял это раньше их, еще до вступления на кафедру Патриарха. Никон научился этому не у современных ему греков, а у Святых Отцов Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита. Современные ему греки из своекорыстных расчетов напротив поддерживали идею верховенства царя в церковных делах ради своих выгод, подделываясь под взгляды русской государственной власти.

Церковно-обрядовая реформа Никона.

В нашу задачу не входит изучение церковно-обрядовой реформы Никона, но смысл ее необходимо нам понимать для выяснения с одной стороны изменения взгляда Никона на отношение к греческому элементу вообще, а с другой стороны для оценки силы его волевого и умственного подвига в его деятельности. Дело в том, что ко времени Никона образовалось между нашими предками и греками различие в обрядах и обычаях церковных, а также и в книгах. «Различия эти, говорит проф. Голубинский («К нашей полемике со старообрядцами» Б. В. 1892), не представляли ничего существенного и важного, что бы касалось веры или составляло нарушение положительных установлений Вселенской Церкви (За одним исключением, прибавка в 8 главе Символа Веры, которая представляла не прибавку в собственном смысле, а соединение в одно место двух разных переводов одного слова Кüрioç). Существование разностей в обрядах и Богослужении у частных Поместных Церквей допускалось в соответствии с преданием, выраженным Святым Папой Григорием Двоесловом в словах: «in una fide nihil officit Ecclesiae consuetudo diversa» (при единстве веры Церкви не вредит различный обычай). Константинопольский Патриарх Паисий писал Никону: «Ако случится и некоей Церкви разнствовати от другия в неких чинах не нужных и существенных веры, но малых, яко же есть время литургии (о чем спрашивал Никон) и

подобных, сие ни единое разлучение творит, токмо егда сохранится такожде вера непреложно, ибо не взят Церковь наша изначала образ сей последования, еже держит ныне, но по малу» и затем, указав на разности богослужения в древнее время и на производившияся разделения, заключает: «не подобает убо ниже непщевати яко развращается вера наша Православная, аще един творит последование свое мало различное от другого в вещех, еже не суть существительные сиречь составы веры, токмо да согласят в нужных и свойственных с соборной Церковью.» Но в России укоренился твердо другой взгляд на обряд, приравнивавший его по значению к догмату, с допущением лишь одной формы выражения, поэтому разность с греками возбуждала вопрос, которая сторона православная. При правильном взгляде на обряд исправление не было безусловно необходимым. Рознь с греками в обряде в действительности не мешала быть обеим сторонам православными, но при Московском взгляде на обряд, изменение обряда было ересью, удаление которой было обязанностью Архипастыря. Рознь эта произошла оттого, что, с введением книгопечатания, у греков было введено одно единообразие в книгах, которого до этого не было при рукописном способе записей обрядов и служб, а у нас другое. Получилось это оттого, что у нас составилось по невежеству ошибочное мнение в XV веке об отступлении современных греков от Православия древних греков, и потому о ненужности следовать за ними, несмотря на то, что на Руси было всегдашнее желание быть в согласии с греками, не только относительно веры, но и относительно обрядов и Богослужения. Пожелание это не оспаривалось и старообрядцами, только они считали истинно православными одних древних греков, а позднейших считали отступниками. Заподозрив Православие греков не на основании каких-либо данных действительности, а чисто априорно, предки наши перестали считаться с новыми греческими книгами и обычаями. На Стоглавом Соборе греков не считали обязательным примером, их совершенно

игнорировали. Максим Грек вызвал на себя опалу за то именно, что он открыл важные погрешности против греческих книг и через то как бы посягал на веру русских, что они – хранители неповрежденной чистоты Православия древних греков. Когда у нас введено было книгопечатание, то справщики (они же и редакторы) встретили затруднения в приготовлении подлинников для печати, ибо в рукописях было разнообразие. Они, однако, не обратились к печатным греческим книгам, ибо не верили греческим новым книгам. Переписывая книги с одних списков, они дополняли и поправляли копии свои по другим спискам; они не привносили от себя, а брали из тех же греческих книг по своему усмотрению, и при этой выборке получалось разрознение с греческими печатными книгами, ибо с последними вовсе не считались. Таким образом различие в обрядах являлось вследствие нашего нежелания следовать за изменениями греков, якобы потому, что они уже не православны. Последнее мнение имело причиной наше собственное невежество относительно Православия греков. Русские ссылались на Флорентийскую Унию, которая однако не была принята греческим народом, ссылались на власть султана, который, как мусульманин, не мог иметь никакого влияния на вероучение греков. Никон приступил к реформе потому, что изменил свой взгляд на позднейших греков. Он стал проводить наши обряды в соответствии с ними, когда убедился, что Православие у них не нарушено.» Профессор Голубинский говорит, что предисловие к Служебнику 1655 г., где говорится об исправлении книг по древним рукописям греческим и славянским нельзя понимать буквально, а в особом смысле, именно, что рукописи эти свидетельствуют, что древность осталась в печатных греческих книгах, а у нас погрешительные новшества. Он доказывает это и дальнейшим пояснением Предисловия к Служебнику, что исправление сделано через избрание истинного от греческих и славянских рукописей. Собор 1666 года определенно говорит, что это исправление было по печатным греческим книгам. Исправление же по рукописям было абсолютно

невозможно. По замечанию Белокурова, справщики при Никоне и не могли исправлять по древним рукописям, ибо из 498 рукописей, привезенных Арсением Сухановым только 7 (3 Евхологии, 3 устава и 1 часослов) были Богослужебного содержания (делопроизводство о Сильвестре Медведеве. «Хр. Чтение», 1885, № 11-12). Все разнообразие обычаев, бывшее до книгопечатания у греков, перешло из греческих книг в славянские; древние рукописи не были согласны между собой, трудно было найти две одинаковые; причина Никоновской реформы в том, что была признана ошибочность мнения об отступничестве греков от Православия. В этой перемене отношения Никона, разделявшего сначала общерусское отношение к грекам, выработанное с XV века, проявилась огромная критическая способность и сила ума для признания основательности доводов и смелость, не смущающаяся перед необходимостью бороться с общим предубеждением. Переубедил Никона и пример Петра Могилы, совершившего исправление в Малороссии по греческим книгам, – также Патриарх Паисий Иерусалимский, приезжавший в Москву (27. 1. 1649 – 10. VI. 1649); в особенности большое значение в перемене воззрений на греков сыграл Епифаний Славинецкий, который приехал в Москву 12 июля 1649 года. Думать, что греки заражены латинством, было странно, когда Константинопольские ученые в своей борьбе с Унией ссылались на чистоту Греческого Православия. Однако, идти против мнения, установившегося в течение 2 веков, было актом мужества. Никон не один убедился в ошибочности прежнего русского мнения о поврежденности Греческого Православия: с ним вместе и царь, и царский духовник Стефан Вонифатьев, тот самый Вонифатьев, который собрал вокруг себя круг ревнителей благочестия еще при предшественнике Никона, Патриархе Иосифе, стремившихся к порядку в службе, к введению единогласия, к улучшению нравов духовенства; стремились они к этому наперекор Патриарху Иосифу, вступили с ним, опираясь на царя, из за этого во вражду, так что Патриарх Иосиф думал, что его хотят сменить и

собирался сам уйти. Среди членов этого кружка был и Никон и разделял их грекофобские мнения в отношении Православия. Стремление к церковнообрядовой реформе явилось, однако, прежде всего не у Никона, а у царя и Вонифатьева; проф. Голубинский подчеркивает то обстоятельство, что Епифаний Славинецкий, наиболее содействовавший перемене о греках и утвердивший это мнение, приехал в Москву 12 июля 1649 г., когда Никон был в Новгороде и в Москву приехал не раньше зимы 1649-1650 года. Первый, окончательно расположенный в пользу греков был Стефан Вонифатьев. А Вонифатьев, о перемене взглядов которого в пользу греков члены кружка не знали, был кандидатом их в патриархи, но тот решительно отказался и выдвинул Никона. Никон вступил на Патриаршество уже с измененным взглядом на греков и именно, может быть в виду этого, и был выдвинут Вонифатьевым. Епифаний доказал, что новшества у нас, а не у греков, но говорить об этом явно не допускало Московское самолюбие, и в Предисловии к Служебнику дело представлено так, будто Никон сам увидел в деяниях Собора 1593 г. указания на необходимость согласования с обрядами и чинами Греческой Церкви. Во всяком случае, хотя инициатива реформы исходила не от Никона, он взялся ее проводить; это стоило ему разрыва с членами кружка, его выдвинувшего, но оставшегося при прежнем мнении о греках. Это положение еще осложнило реформу Никона, ибо члены кружка – протоиереи были люди влиятельные, и к идейному разногласию теперь прибавились личные обиды, вызванные тем, что Никон перестал с ними считаться и советываться. Это идейное разногласие, происшедшее от различия во взглядах на современных греков, не сразу перешло в открытый раскол, т. е. в формальное отделение от Церкви целого общества, но сразу ухудшило отношения к Никону среди членов кружка, ставших его открытыми врагами. Это обстоятельство особенно оттеняет силу воли Никона, делавшего дело чрезвычайного значения при московских взглядах на церковный обряд. Подобно этой

церковно-обрядовой реформе, первая инициатива которой исходила не от Никона, и которая его не занимала с 1657 г. настолько, что он, может быть, изменил и самый взгляд на обряд и допустил различия форм обряда в самом Успенском соборе, лишь бы выражаемая ими мысль была православна (разрыв с Нероновым и разрешение служить по обоим служебникам) – Никон подверг критике сложившиеся церковно-государственные отношения в свете святоотеческого учения и, кто знает, не сумел ли бы он провести и этой реформы, если бы не лишился поддержки царя, повернувшегося в сторону боярской партии, враждебной Никону. Если бы царь понял, что Никон, как Патриарх, был лучшей его поддержкой против бояр, то вместе с сим он явил бы силу Грозного царя, озаренную первосвятительской благодатью при сочетании необычайной силы воли с критическим умом, лишенным предрассудков, и патриотизма, не языческого, а просвещенного Церковью.

Никон не вступил в коллизию с греками из за места Московского Патриарха среди других Патриархов и не противодействовал греческой традиции рассматривать Московского Патриарха на последнем месте среди Патриархов. Эта традиция греческая установилась еще со времен введения Патриаршества на Руси, когда по этому делу был большой спор между греками и русским правительствами. Русское правительство в переговорах с Восточными Патриархами добивалось третьего места, но Собор в Константинополе в 1593 г., руководимый Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом, не охотно утвердил даже самое установление в России Патриаршества и категорически отказался признать третье место за Московским Патриархом в ряду других Патриархов. Основная мысль, положенная русскими в дело установления Патриаршества, не нашла себе полного осуществления при его введении. Московское правительство хотело возвышением сана русского Первосвятителя украсить и возвысить русское царство и придать ему значение древнего

грекоримского христианского царства. Для полноты учреждения царства необходим был при царе и Патриарх. Русскому первосвятителю недоставало титула, равняющего его с другими первосвятителями Восточных Церквей, тогда как по реальному значению в церковном управлении он уже успел развить свою власть: выбор Епископов зависел от него, его голос имел преимущественное значение на Московских Соборах, и он считался Главой Русской Церкви. С введением Патриаршества предполагалось также дать твердый оплот в русском царстве для поддержки Православия на Востоке: сюда в Россию обращались за милостыней Восточные Первосвятители, сюда же обращались они с мольбой об освобождении своих Церквей от рук неверных. Несоответствие титула реальному значению русского Первосвятителя в своей Церкви и среди представителей Восточных Церквей, носивших высший титул, но имевших меньшее значение в жизни Церкви – было достаточным и церковным основанием для возвышения Московского Первосвятителя в сане, если даже не останавливаться на том соображении, что этот Первосвятитель должен был восполнить полноту русского царства, единственного православного царства во Вселенной. Но греки относились ревниво к положению своего Первосвятителя, и это сказалось с самого начала введения Патриаршества, когда сопровождавший Константинопольского Патриарха Иеремию в Москву в 1589 году Монемвасийский Митрополит Иерофей (Шпаков. Учреждение Патриаршества в России, стр. 288-290) всячески его отговаривал от этого дела; сказалось это и в протесте Мелетия Пигаса против единоличного устройства этого дела и в нежелании дать Патриарху третье место; сказалось это и в готовности Патриархов осудить Никона без настоящего изучения его дела по указанию Паисия Лигарида, заведомо известного им по своей преступности и лживости, ибо они осуждали в его лице действительную силу, могущую возвысить Русскую Церковь. Патриархи, осудившие Никона в своем письме к Константинопольскому Патриарху, докладывая об его деле,

высказывали откровенно надежды на получение прежней свободы с унижением Московского Патриарха и на получение богатой милостыни от Московского правительства за совершение угодного ему дела.

Источник обвинений Никона в стремлении незаконно изменить свое место среди Патриархов.

Приставленный к восточным двум Патриархам, приехавшим в Москву в ноябре 1666 г., Митрополит Паисий Лигарид знал, чем возбудить в них ненависть к Никону, и в своей записке, составленной им для освещения этого дела, писал совершенно лживо: «Он (Никон) дерзнул поставить свой трон выше других, стал поражать благодетелей своих и терзать, подобно ехидне, родную мать свою – Церковь. Но Тот, Кто смиряет надменных, развеял, как паутину, его замысл именоваться Патриархом и Папой (?), нарушая должное почтение к истинному Папе и Патриарху Александрийскому, которому принадлежит это титло искони и поныне канонически... И Иерусалимского Патриарха оскорбил он, наименовав себя Патриархом Нового Иерусалима, ибо он бесстыдно и невежественно назвал Новую обитель свою Новым Иерусалимом, забывая, что Софроний разделяет Иерусалим на древний христоубийственный и Новый – порождающий благочестие. Никон хотел подчинить себе и Антиохийский престол (?), где впервые послышалось название христиан, старался обманчивой подписью (?) быть третьепрестольным. Он обидел Вселенский трон захватом престола Киевского сего первопрестольного града, желая, чтобы его поминали так: Божией милостью Никон, Архиепископ Московский и вся Великие и Малые России Патриарх. Он придумал, что, так как Александрия вследствие обстоятельств опустела и не служит более жилищем Патриарху, и Антиохия тоже распалась, то Патриархи Александрийский и Антиохийский незаконно именуются Патриархами. Таким образом, он по-иудейски прикрепил власть к месту, но благодать Святого Духа не ограничивается местом, но всюду свободно

расширяется.» Все это – такой вздор, который и не фигурировал даже среди обвинений, представленных самому Никону на суде и очевидно был предназначен представить Никона Патриархам, как их личного врага, для возбуждения их против него: все это делалось Паисием, который по просьбе самих Патриархов был представлен Патриархам для осведомления о Никоновском деле, тайно наедине; и Лигаридом самим это описано в 12 главе 2-ой части его сочинения, напечатанного полностью Пальмером в III, 158.

Мы видели в «Раззорении» действительное суждение Никона о степени Московского Патриарха, и, сколько бы он ни делал для возвышения ее своими трудами, он никогда не сходил со строго канонической точки зрения, что это дело подлежит решению Вселенской церковной власти всех Патриархов Востока, а потому не может быть перерешено властью царя, как то мечтал Арсений Суханов в своем гипертрофированном понимании царской власти, унаследованном от XVI века, когда совокупность исторических обстоятельств оживила и перенесла на Русь Византийское цезарепапистское представление о царской власти, стоящей над Церковью, представлении особенно сильном не в Византии золотого века Вселенских Соборов, а в Византии эпохи упадка и империи, и святоотеческой мысли. Здесь, в вопросе о степени Московского Патриарха, Никон стал на той же точке зрения независимого от светской власти общецерковного законодательства, которая красной нитью проходит через все его суждения.

Никон и идея III Рима.

Никон восприял мысль о Москве – III Риме, понимая это как задание для осуществления, а не как уже нечто исполненное. И он пометил в Кормчей известие об учреждении Патриаршества в России, составленное при Патриархе Филарете, где мысль о III Риме выражена совершенно явственно в устах Константинопольского Патриарха Иеремии, говорящего царю Феодору

Иоанновичу: «По истине в тебе, благочестивый царь, пребывает Дух Святый и от Бога такая мысль будет приведена в дело... Ибо древний Рим пал Аполлинариевой ересью, а II Рим, Константинополь, находится в обладании внуков Агарянских, безбожных турок; твое же великое Российское царство, III Рим, превзошло всех благочестием, и все благочестивые царства собрались в твое единое, и ты один под небесами именуешься христианским царем во всей Вселенной у всех христиан и по Божественному Промыслу, по милости Пречистые Богородицы и по молитвам новых чудотворцев Российского царства, Алексия и Ионы, и по твоему царскому прошению у Бога, твоим царским советом сие превеликое дело исполнится.

Профессор Николаевский говорит, что в тех случаях, когда приходилось касаться истории учреждения Патриаршества в России, определения его прав Восточными Патриархами, русские всегда стремились обставить это определение такими объяснениями, которые должны были примирить его с решимостью Московского правительства удержать III степень для Русского Патриарха и не умалить его перец Патриархами Востока. Именно он указывает на Патриарха Иова, который в своем житии царя Феодора Иоанновича говорит, что Иеремия нарек его IV Патриархом в церковной Иерархии, но при этом косвенно дается понять, что четвертая степень, за отпадением Римского Папы, есть собственно третья степень, в летописях Патриаршество русское прямо выставляется, как замена Папы древнего Рима, 3) в историческом известии об учреждении Патриаршества в России, хотя и говорится о предоставлении Московскому Патриарху места после Иерусалимского, однако прибавляется, что сие сделано «не Российского ради патриаршего престолоумаления яко новопоставлену, но почесть воздающе Иерусалимскому Патриарху ради страстей Христовых.»

Особенно распространено было в хрониках XVII века такое толкование места русского Патриарха в общей пятерице патриарших прав: «Восточные Патриархи

грамотами своими укрепиша и вси согласно утвердиша, да будет Московский Патриарх вместо Ветхоримского пятый Патриарх и да имеет достоинство и честь с прочими православными Патриархи на вся веки. Се же по смотрению Божию бысть, да по Христе Главе Церкви изображается аки пять чувства содержимые наипаче во главе пять Патриархов, им же проображает древнейшего языка греческое слово, знаменующее главу «kapai» внемже К сказует Константинопольского, А – Александрийского, Р – Российского, вместо Римского, А – Антиохийского и И – Иерусалимского» (Из статьи проф. Николаевского об иерархической степени Московского Патриарха»). Мы видели, что к тому же циклу относится и освященное авторитетом Никона, через помещение им в Кормчую, известие об утверждении Патриаршества в России, где проповедуется мысль о Москве – III Риме. Мы видели, однако, что Никон в своем «Раззорении» ставит Московского Патриарха на 5 место и восстает против идеи заместительства древнего Рима. Это кажущееся противоречие мы готовы примирить именно тем, что Никон разумел под III Римом задание, поставленное Москве, быть хранительницей и средоточием истинного Православия, а не Православия, преломленного исторической средой и условиями XVI века, где русский обряд церковный занял равное место с догматом веры с утратой того различия между вещами главными и второстепенными, о которых напоминал Никону Патриарх Константинопольский Паисий в своей грамоте 1655 года. Как высшую инстанцию законодательной власти в Церкви Никон знает Вселенский Собор, затем Поместный Собор, а для суда над Патриархом суд всех Патриархов. Все эти органы выше каждого отдельного Патриарха, и потому говорить о стремлении Никона к созданию какой то единоличной теократии, в которой единолично Патриарх будто бы должен быть верховной властью и стоять выше царя, уже по тому одному неуместно, что Патриарх нигде у него не мыслится стоящим над Собором, напротив, сам имеет над собой разные виды

органов высшей церковной власти. Мы не говорим уже о том, что Никон, ограждая самостоятельность церковной власти в церковных делах, никогда не ставит ее над властью светской в делах мирских.

Отношение Никона к Римскому Папе.

В порядке изложения взглядов Никона на отношение Московского Патриарха к другим Патриархам, остается сказать несколько слов об отношении Никона к папской власти. Казалось бы, излишне об этом и говорить. Никон в 1653 году присоединил к Кормчей статью «О Римском отпадении». Эта статья свидетельствовала о выходе Римского Папы из состава пятерицы Патриархов и оставляла место для Московского Патриарха в этой пятерице. Никон в 1656 году разбивал иконы латинского письма, предупреждал в 1663 году царя о том, что Лигарид католик, в 1666 году считал всю Русскую Церковь приразенной к католичеству за молитвенное общение и принятие рукоположений от Лигарида-католика. Но около его имени, по недоразумению, сложилась молва о будто бы внесении им идей папизма в строй Русской Церкви. Что же могло послужить поводом для этого? И что говорит об этом сам Никон? Когда 28 июля 1663 года у Никона в Воскресенском монастыре были Паисий Лигарид и князь Одоевский по делу о доносе, будто Никон проклял на молебне самого царя, то Лигарид во время допроса сказал Никону: «Ты мне присылал выдержки из канонов (речь идет о 3, 4, 5 правилах Сардикского Собора, дающих право Римскому Епископу пересматривать решения других Епископов. Эти правила касаются отношений Епископов к Папе Римскому, как Патриарху Запада), а в них есть упоминание о папской юрисдикции. Такое упоминание есть в канонах потому, что Папы были тогда православные, а после они отпали. И ты не прибавил, что в последствии их юрисдикция перешла к Вселенским Патриархам?» – «Что же, сказал Никон, я папину суду не принадлежу, но почему Папу не почитать за то, что у него доброго? Там мощи Свв. Апостолов Петра и Павла, и он служит у их гробниц». – «Но

ты знаешь, что мы проклинаем Папу на Соборах?», возразил Паисий. «Знаю, сказал Никон, что Папа сделал много худого, а какая правда, что на меня клеветнические письма принимают, а моего оправдания не слушают (Гиббенет II гл. XIV). Самое большее, Никон мог высказывать в этих словах простое желание обратиться к Собору высшему, чем простой поместный, видя неправедное на себя гонение, и в основание своего права приводил 3-5 прав. Сардикского Собора, имея в виду не самого Римского Папу, а лишь свое право на обращение к высшему суду. Лигарид в своем сочинении (Р. III, 70, 71) вступает в полемику с Никоном, как будто тот действительно признавал верховенство Папы и предполагал апеллировать к Папе. Он поучает Никона, что тот должен исследовать деяния Карфаг. Собора, в течение 12 лет выяснявших этот вопрос в сношениях с Римским Папой Целестином, и указывает, что Собор Сардикский был поместный, что привилегии исследовать решения других должно отнести mutatis mutandis к Патриарху Константинопольскому, что наконец Сардикский Собор, будучи поместным только, нарушил правило первого Собора Вселенского, который каждому диэцезу предоставляет заботиться о ненарушении своих прав и свободы. Он далее указывает, что напрасно Никон выставляет везде Папскую Церковь, когда русские крещены от Византийских Патриархов, что сам Рим почтен не ради Апостолов Петра и Павла, а ради столичного своего положения, иначе надобно еще больше почитать Ефес ради любимого ученика Иисуса Христа Иоанна и самый Иерусалим, откуда, как из корня своего, вышел Епископат.» Однако, вся тирада Лигарида рассчитана, как и все его сочинение (оно составлено непосредственно после низвержения Никона из сана) не на беспристрастное изложение хода дел, а чтобы утвердить Московское правительство и прежде всего царя Алексея в сознании своей правоты, которого царь Алексей не имел до гроба. Насколько нелепо приписывать было Никону тенденцию обращения к Папе, видно из того, что не только таких обвинений ему не

предъявляли на суде, но даже сам то Никон судился между прочим за то, что на суде обвинял и царя и всю русскую Церковь приразившейся к латинству за принятие в свою среду католика Паисия Лигарида. Palmer пишет по поводу этого обвинения в католицизме Никона Лигаридом (I, стр. 21): «Paisius of Gaza had already in 1663 spread a report that Nicon had appealed to the Pope, Nicon having really said ironically that so far as Paisius was concerned, one might appeal to his old master the Pope who could tell something about his antecedents»[29].

Также бояре внушали царю, когда Никон был Патриархом, что ему ничего не остается, как или низвергнуть Никона, или уступить ему Москву, как уступил Константин Великий Рим Папе Сильвестру. Бояре использовали тот факт, что Никон поместил «Дарение Константина Великого» в Кормчую (которое в глазах Никона являлось нравственным примером для царя для определения отношений его к Церкви), как средство убедить царя, что Никон хочет захватить царскую власть в государстве, подобно тому, как на Западе Папа присвоил себе светскую власть. Нелепые сведения о католичестве или о папизме Никона опровергаются не только его сочинениями, но и всей его деятельностью. Пальмер говорит, что «это равносильно утверждению, что Сократ не грек, а еврей.» Не надо забывать, что в католическом учении Папа не является только первым Патриархом, а единственным преемником князя апостольского и его особых полномочий, в силу чего он является самым основанием Церкви, как говорит Phillips («Du droit ecclésiastique» II, 225) «Ce n'est I'Eglise qui confére l'infallibilité au Pape; c'est elle qui la reçoit de lui, car l'Eglise

[29] Паисий Газский уже в 1663 г. распространил сообщение свое, что будто Никон апеллировал к Папе, в то время, как Никон иронически действительно говорил, что, поскольку дело касается Лигарида, можно бы апеллировать к его старому начальству — Папе, который мог бы сказать что-либо и о прежних его деяниях.

repose sur le Pape comme sur son fondement et non le Pape sur l'Eglise».[30]

Вот, основная грань между Православием и Католичеством, но к ней даже не приближался Никон. Однако, ложная версия о симпатиях Никона к Католицизму имела некоторый успех при жизни Никона. Так польские посланники в 1667 году писали в своем докладе правительству своему, что Патриархи приезжали в Москву для суда над Никоном, и что они осудили его за благоприятное отношение к Римской Церкви. Иезуиты также распространяли известие, что он примирился с Римской Церковью и умер католиком. Слух этот поддерживался еще существовавшим проектом Симеона Полоцкого при царе Феодоре извлечь Никона из ссылки на далеком севере и поставить его Папой над 4 русскими Патриархами. Все это, по проекту Полоцкого, должен был сделать царь Феодор, у которого он был воспитателем, но Никон ничего об этом проекте не знал и, когда жил в Кирилловском монастыре, то не имел ни чернила, ни бумаги, ни общения с внешним миром, как показано в исследовании профессора Николаевского, специально исследовавшего жизнь Никона в заключении в Ферапонтовом и Кирилловском монастырях с 1666 года до 1681 года. Этот проект обусловливался враждой Полоцкого к Патриарху Иоакиму. Никон совершенно непричастен к этим приписываниям ему католических идей, и его иронические слова Лигариду всего меньше дают основания приписывать их ему. Самая ссылка на 4 Сардикское правило не означает приемлемости суда Папы; по отпадении Папы его применяли для мотивировки юрисдикции следующего за ним по рангу Патриарха, т. е. Константинопольского. Таковая ссылка на 3, 4, 5 Сардикские правила, дозволявшая Епископам апеллировать на местный Собор Папе, была в

---

[30] Это не Церковь дает непогрешительность Папе, а она сама получает ее от него, ибо Церковь покоится на Папе, как на своем основании, а не Папа на Церкви.

выписке Никона, посланной им Лигариду 22 июля 1663 года, когда тот приезжал на следствие; Никону Лигарид ставил упрек, что он в выписе не написал, что после отпадения Папы суд перешел к Константинопольскому Патриарху. Митрополит Макарий рассказывает со слов Лигаридовой «Истории Собора», что об этом было обсуждение на Соборе с царем, что Лигарид докладывал о том, что русские приняли христианство из Византии, «и для всех стало очевидным, что Никон не может обращаться к суду Папы.» Лигарид вообще говорил об этом инциденте так, как будто русские не знали о своем крещении от греков, а Никон действительно хотел обращаться к суду Папы. Но Гюббенет правильно замечает, что «если бы это было так, то не было бы оставлено без внимания на суде; соборная Дума собирала сведения о всех винах Никона, и в таком случае решимость его идти под суд Папы была бы поставлена виной, но этого нигде в документах не видно, да и вообще не вероятно, чтобы Никон изменил своему благочестию, отдаваясь на суд Папы.» Гюббенет говорит: почему сказал Никон «отдаюсь на суд Папы» не знаем, этого документа нет. Возможно, что он указывал, что будет апеллировать к Константинопольскому Патриарху, относя правила Сардикского Собора, говорящие о Папе, к нему. Между тем этот слух, пущенный Лигаридом, о приверженности Никона к Папе в католической среде, с которой Лигарид имел общение в Москве, и запечатленный Лигаридом в своем собственном сочинении, положил начало тому искаженному понятию о Никоне, которое перешло в русскую науку. Сочинение Лигарида было одним из первоначальных источников, исходившим от современника и участника дела Никона. Но сначала не была исследована нравственная физиономия составителя этого сочинения, о котором Пальмер, после исследования дела по другим источникам, предупреждает, что ему решительно ни в чем верить нельзя, ни о словах, ни о фактах, не проверив этого из других источников (III, 172 прим. 27). А проверка эта заставила Пальмера испещрить все сочинение Лигарида, переведенное им с греческого языка на английский,

заметками о разных фактических несообразностях. Укажем для характеристики сочинения Лигарида, что там умолчано о подложности его полномочий, что все речи, влагаемые им в уста царя и бояр, испещрены ссылками на греческих и римских классиков, с которыми ни царь, ни бояре не были знакомы, там умолчано и о всех тех мерах, которые Московское правительство принимало для достижения нужного ему исхода дела Никона. Лигарид ничего не пишет об арестах свидетелей, благоприятствовавших Никону, о способах освещения дела перед приехавшими Патриархами, о пресечении им возможности в пути от Астрахани до Москвы иметь встречи с кем-либо из лиц, не имеющих полномочий от правительства, ничего не писал Лигарид о мнении Иерусалимского Патриарха Нектария в пользу Никона, ничего не писал и о всей той искусственности, с которой было обставлено получение ответов Патриархов на вопросы Московского правительства по его же наущению и под его руководством, как будто все дело имело свое естественное течение без вторжения злой воли, преднамеренности и явной тенденциозности. Сочинение это интересно, как панегирик цезарепапизму, основанный не только на исторических фактах злоупотреблений Византийских императоров, но и на учении языческих римских и греческих писателей, и тем ясно вскрывающий и оголяющий истинный источник этого учения. Однако, католическое освещение, приданное облику Никона, перешло в потомство, и отпрыском его является и то общее суждение, которое высказал С. М. Соловьев в XI т. Истории России: «Ничего так не сердило Никона, как утверждение Стрешнева, что царь поручил ему надзор над церковными делами и дал ему много привилегий. В ответ на это он высказал свой взгляд на отношение царской и патриаршей власти, взгляд, который не соответствует традициям Восточной Церкви, как они утвердились в русской истории.» В это суждение надо внести поправку, что взгляд Никона не соответствует не традициям Восточной Церкви, а тем отступлениям, которые ввел в святоотеческое церковное

учение о соотношении властей цезарепапизм, проявлявший себя время от времени в Византийской Церкви и проявившийся себя и в Русской Церкви от половины XV века до половины XVII. Никон не принимал утверждения Страшнева, ибо источник церковного закона он не мог видеть в царской власти, а видел его в благодати Святого Духа, сказывающегося на церковных Соборах, как тому учила Церковь в лице своих Соборов и Святых Отцов. Упрек в папизме, в смысле ли одобрения папизма на Западе, или в смысле насаждения его в России, не может относиться к Никону.

Католическая идея папства и святоотеческое учение о самостоятельности Церкви.

Папизм в католичестве явление сложное и включает в себе целый ряд элементов. Сюда входит и учение верховенства Папы над Собором, как оно установлено на Ватиканском Соборе, вопреки определению Констанцкого Собора XV века, и учение о косвенной власти Папы в мирских делах, как оно утверждено в Силлабусе (§ 24) под угрозой анафемы (Среди заблуждений Силлабус в § 24 упоминает следующее: L'Eglise n'a pas le droit d'employer la force; elle n'a aucun pouvoir temporel ou indirect» (Debidour, Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat de France, стр. 729).[31] Сюда входит и учение о светской власти Папы в пределах бывшего папского государства; и учение об его непогрешимости в делах веры и нравов ex cathedra, как предпосылка правильного церковного устройства, является учение о независимости от светской власти высшей церковной власти в церковных делах, но об этой независимости от светской власти в церковных делах учила впервые не Римско-Католическая Церковь после своего разрыва с другими Поместными Церквами, а Святые Отцы и Соборы, издававшие свои постановления по указанию Духа

---

[31] Церковь не имеет права употреблять силы; она не имеет ни прямой, ни косвенной власти.

Святого по принципу: «Изволися Духу Святому и нам.» Этой независимости учили Апостолы, говорившие, что надо повиноваться Богу более нежели людям, и Тот, Кто сказал: «Аз созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют ю.» Вот, единственно этот элемент принципиальной независимости церковной власти от светской в чисто церковных делах, отстоявший себя на Западе лучше, чем в Московской Руси XVII века до Никона, и мог только привлекать Никона и выразиться в его словах: «а Папу за доброе отчего не почитать?» Но это почитание Папы было не за специфически католическое, привнесенное историческими условиями развития Западной Церкви со времен Папы Льва Великого, а за сохранение той христианской истины, что Церковь есть организм самодовлеющий с особыми целями и средствами, с своим законодательством, управлением и судом, не могущий быть подчиненным союзу чисто земному, каковым является государство. Но это учение не специфически католическое, а учение и восточных и западных Отцов Церкви – и Иоанна Златоуста, и Иоанна Дамаскина, Блаженного Августина и Амвросия Медиоланского, и Папы Святого Григория Двоеслова.

Пальмер об идее самостоятельности Церкви и о порабощении Церкви в России.

Относительно Католичества Никона Пальмер пишет (I, 23 стр.): «Когда либерализм сбросит существующие преграды и получит религиозную свободу, когда Русская Церковь будет предоставлена собственным ресурсам, подвергнется нападению католиков и раскольников, тогда в поисках прежде всего самозащиты и в особенности против католиков, она сможет открыть, что истинный борец за нее и представитель ее был Никон. Таким образом, восстанавливая канонический примат (Патриаршество) и возвращаясь к почтенному соблюдению канонов в духе Никона, она сможет восстановить его в полноте его мечтаний и вместе с ним продолжать сооружение того великого здания, над постройкой которого он по его свидетельству и с его

терпением бессознательно работал; дом с центральной залой, такой просторной и блестящей, что Никон, смотря на нее, не знал, что это было, был поражен удивлением и изумлением. [Это намек на сон, который видел Никон в ссылке. Никон действительно рассказывал в один из дней поста своей братии: Представилось мне, будто я нахожусь в каком то обширном великолепно устроенном здании. Сюда приходит ко мне протопоп большого Московского Успенского Собора Михаил и просит у меня благословения на освящение одной церкви. Я вздумал провести его по всем комнатам этого здания. Вот мы прошли с ним две-три комнаты, из которых одна другой лучше и прекрасней, наконец вступили в самую лучшую и остановились изумленные и пораженные ее великолепием. Когда мы удивлялись ее великолепию, вдруг явился перед нами светлый и благообразный юноша и спрашивает: чему удивляетесь? – Как не удивляться такому великолепию, отвечал я. Так знаешь ли, что это за здание? – говорил Никон, – это здание сооружено и украшено твоим терпением, и прибавил: но постарайся скончать свое течение, а ныне говорю тебе, что ты вкусишь своего хлеба.» После этого юноша стал невидим»]. Возможно представить такие перемены в мире, которые могут повернуть политику даже русского правительства к вере и благочестию». Под нечестием Пальмер разумеет то порабощение Церкви государством, которое введено Петром и привело православную Россию к тому, что она в управлении церковном следует немецкому образцу. «Православная религия привязана к немецкому принципу светского верховенства, как хвост к хребту собаки» (Пальмер IV Введ. 63). Обратим внимание на то обстоятельство, что связанность одного Патриарха с другим и через то их реальное участие в делах Вселенской Церкви, которого хотел Никон, само по себе уже дает опору для самостоятельности в церковных делах. Эта самостоятельность на Западе должна была достигаться устройством независимого папского государства и в действительности не достигалась благодаря вовлечению Папы, как светского государя, в общую политику; эта

самостоятельность на Руси до XV века достигалась тем, что ее первосвятитель не был подданным великого князя Московского и зависел от Константинопольского Патриарха, в свою очередь тоже никак не подчиненного Московскому государю. Своим напоминанием о высшей общецерковной власти в виде Вселенских Соборов и общих решений всех Патриархов, Никон указывал на тот оплот, который реально мог быть противопоставлен решениям власти светской, как орган иного порядка, и служить выявлению воли не человеческой, а Божественной.

Об этом источнике забывали те, которые выставляли Московского Патриарха, как единственно действительного Патриарха при православном царе, и реально всю полноту власти и государственной и церковной вмещали в одного царя, через то воскрешая древнюю дохристианскую идею Верховного понтифекса. Неприкосновенно и Московское Патриаршество, ибо оно установлено Вселенскими Патриархами в соответствии с 34 апостольским правилом, неприкосновенно и их постановление о том, чтобы, в соответствии с этим правилом, Патриарха все Епископы считали своим главой (1, 138). Гарантией неприкосновенности Никон почитал сознание высшим органом государственной власти обязанности почитать каноны Церкви. За их нарушение государство подвергается от Бога несчастьям. В письме к Зюзину, писанном Никоном из Крестного монастыря в феврале 1660 г. он изложил свою точку зрения на последствие непочитания архиерейского чина государями иллюстрацией исторических событий в России: «Добро Архиерейство во всезаконии и чести своей, однако надобно попечаловаться о всенародном последнем событии от первых времен поразумев: когда вера Евангельская начала святися и Архиерейство честию по царствам благочестивым любопочитатися, тогда и тии паче неблагочестивых почтошася; когда же злоба гордости распространилась и архиерейская честь изменилась. Увы! Тогда и начало царств ниспадеся.» Никон, указывая на исторические события Греции, России и других государств,

пишет: «Так и здесь прежде было по Великом Князе Владимире; но сколько зла потерпели князья в разное время, что нельзя на сей малой хартии исчислить; однако, одного довольно к показанию: безвинно Иова Патриарха отставили и еще при жизни его, неблагозаконно Ермогена возвели, – то сколько зла сделалось; всему же истинный свидетель Христос; ибо царство на царство падая, не станет то царство, и дом разделившийся в самом себе не устоит.»

Каноны Церкви не гарантированы в своем исполнении никакой материальной силой, но они – выражение воли Божественного Духа, а «Бог есть Бог отмщения и впасть в руки Бога живого есть самая ужасная из всех вещей» (1, 161). Это отмщение за неуважение Божественного строя Церкви может ощутить ряд поколений, ибо сказал Бог народу своему в Ветхом Завете: «Господь Бог твой – ревнивый Бог, посещающий за нечестие отцов детей даже до третьего и четвертого поколения» (V, 853).

Патриарх и Архиереи.

Как рассматривал Никон отношения Патриарха к Архиереям, и соответствовало ли его мнение тому status, который он застал? В чем заключались права Патриарха по отношению к Архиереям и их обязанности в отношении к нему? Как Никон относился к соборному управлению в Церкви? Кто в праве, по его мнению, судить Архиереев и кто Патриарха? Вот ряд вопросов, которые возникают, когда мы хотим выяснить общий вопрос о том, что такое был Патриарх в отношении к Архиереям. Никона больно затрагивали эти вопросы, ибо в своей борьбе за восстановление иного положения Церкви в Московском государстве, он не был поддержан никем из них, несмотря на то, что к идеям его Архиереи не остались безучастны, и два его личных врага, Митрополит Илларион Рязанский и Митрополит Павел Крутицкий, которым была поручена подготовка его дела к соборному суду над Никоном, в январе 1667 г., опирались на его идеи, когда возбудился пересмотр,

ради более точного определения, вопроса о соотношении властей царской и патриаршей, вопроса, по их мнению, невыясненного в патриарших свитках, привезенных другом Лигарида, архидиаконом Мелетием и греком Стефаном из Константинополя в мае 1664 года.

Присяга епископов Патриарху.

Архиереи все приняли сторону бояр в конфликте с Никоном и заслужили горький упрек Никона в человекоугодничестве и нарушении присяги, данной Патриарху при своем посвящении. Он пишет в своем «Раззорении»: «Митрополиты и архиепископы обещали во всем повиноваться Вселенским Патриархам, а затем и нам, своему отцу и тем Святейшим Патриархам, которые будут после нас; обещались ничего не делать по принуждению царя и великого князя или синклита бояр и князей и всенародного множества людей, хотя бы угрожали мне смертью, или приказывали мне служить или совершать какой-либо епископский акт в другой митрополичьей провинции, кроме моей собственной, или к какой-либо другой епархии, кроме той, которая дана мне моим духовным отцом. А если я удалюсь в другую епархию, в какую бы то ни было область, я не буду действовать церковно без приказа моего отца (местного Патриарха, Митрополита). Далее обещаюсь в том, что, когда буду позван моим отцом и Священным Собором, я приду на Собор без малейшего противоречия. Далее обещаюсь и в том, что, хотя бы князья или бояре, или множество народа искали принудить меня, я буду в послушании моему отцу и всего Священного Собора и Патриархов, которые могут быть после. Далее обещаюсь также, что не приму какого-либо другого Патриарха, кроме Патриарха Святой Восточной Церкви греческого закона согласно Божественных и Св. Апостольских правил и 7 Вселенских Соборов. Если же я что-либо сделаю из вышеупомянутого, без приказа и без письма моего отца и нарушу в каком-либо пункте что-либо из

вышеизложенного, то да буду низвергнут с своей должности ipso facto тотчас.

Приведя эту епископскую присягу, Никон говорит, что несмотря на то, что Патриархи, в соответствии с Апостольским правилом, постановили быть в Москве Патриарху, которого все Епископы должны почитать, как главу, и не делать ничего, выходящего за пределы епархии без его согласия, они преступили свою клятву. Они собрались (1660 г.) вместе, не исследовав дела о нашем уходе, и составили Собор во исполнение царского приглашения, вопреки канонам Св. Апостолов, Св. Отец 7 Вселенских Соборов, как о том свидетельствует их нечестивое деяние, ибо там ничего не приведено из канонов Св. Апостолов и Св. Отцов, но скомпилировано из других источников вопреки VII Вселенского Собора 1 пр. И потому все они повинны перед канонами Св. Апостолов, Св. Отцов, перед установлением Св. Патриархов и перед своим обязательством. Нигде в канонах нельзя найти постановления, чтобы Митрополиты могли судить даже Митрополита, а могут судить только Епископа, и тогда их должно быть не менее 12 Епископов. Но они совершили своим собранием новый род беззаконий и составили приговор против своего Патриарха. А в их обязательствах еще написано, что они ничего не должны совершать епископского или служить вне своей епархии, хотя бы их принуждали царь, бояре, и множество народа. Все это хорошо известно самому царю, всем князьям и боярам, ибо это обязательство обычно в присутствии царя и всего синклита. Сам царь, соблюдая приличия, не мог посылать им такой грамоты. 11 Антиохийское правило говорит: «Если Епископ, священник и диакон сам собою без разрешения Митрополита провинции пойдет к Патриарху, то он будет отлучен и нивергнут.» А 12 Антиохийское правило: «Клирику, недовольному решением Собора, разрешается просить о созыв большого Собора, но лишает его всякого снисхождения и права апелляции, если он будет беспокоить царя своей жалобой.» Из этой длинной цитаты видно, что

Никон не допускал вмешательства светской власти в отношения Епископов к Патриарху и видел в последнем для них отца-главу, по отношению к которому они связаны обязанностью послушания. От него они получают свое рукоположение, перед ним принимают обязательство являться по его вызову на Собор; он для них необходимый посредник для обращения к государю, без него они не могут делать ничего, выходящего за пределы своей епархии. Но и сам Патриарх связан по отношению к Епископам: без их согласия он тоже не может ничего предпринять, выходящего за пределы своей епархии. Он не может и судить их: для этого надо иметь в составе суда 12 епископов; он не совершает и епископских действий в чужой епархии; но он отец отцов, необходимый посредник при передаче им благодати Св. Духа и имеет право надзора за ними. Он имеет право учительных посланий не только к пастве своей Патриаршей епархии (один образец этих посланий мы видели в одной из библиотек в Европе: это обращение Патриарха Иосифа в качестве верховного учителя), но и ко всему народу. Одним словом, помимо обычной своей епархии, наравне со всеми Архиереями, Патриарх имеет особые задачи в круге, возвышающемся над всеми другими Архиереями (как бы в другом этаже), где на нем лежит по отношению к Архиереям общее руководство, а по отношению к царю особая обязанность и право по достижению согласования церковной и государственной деятельности в вопросах их соприкосновения, как то мы видели из Эпанагоги, цитированной Никоном.

О двойной хиротонии Московских Патриархов.

Над Патриархом в то время совершалась при вступлении на престол не только интронизация – хиротесия, которая не знаменует собой предоставления особой иерархической степени, а дает лишь особое благословение для прохождения служения, но и вторичная хиротония, как бы в знак сугубой благодати, призываемой на него. Все русские Патриархи того времени получали двойную епископскую хиротонию,

иногда даже тройную, как, например Патриарх Иов, который вторую получил при вступлении на должность Московского Митрополита, а третью при поставлении в Патриархи. Положение Патриарха возвышалось над Архиереями не только потому, что его архипастырство распространялось на всю Поместную Церковь, но и из того обстоятельства, что инициатива всех церковных дел исходила от него, от него получала направление, и все они были лучше известны ему, как постоянному участнику всех коллегиальных решений, тогда как Архиереи вызывались на Собор лишь на известный промежуток времени, в известной очереди или просто без очереди, если по делам оказывались в Москве. Особенно возвышалось положение Патриарха потому, что он был при царе. Ему лучше было известно, на какое содействие может рассчитывать Церковь со стороны гражданского правительства; он был представителем интересов Церкви перед царем, а перед Архиереями являлся не только в качестве их отца, руководителя, но и высшего государственного сановника-участника Боярской Думы и при известных обстоятельствах опекуном царских детей, а иногда и регентом государства.

Централизация Церковного управления в Московском государстве.

Необходимо обратить внимание на то, что апостольские правила, устанавливая обязанность подчинения одному из Архиереев всех остальных, не стесняли дальнейшего развития этих отношений ни в отношении границ Поместной Церкви, ни в отношении подробностей централизации церковной власти. То и другое устанавливалось уже Отцами Церкви, на Соборах в зависимости от исторических условий. Как известно, в некоторых Поместных Церквах историческое развитие привело к созданию Патриархов над Митрополичьими провинциями, состоявшими из нескольких епархий, а в некоторых Поместных Церквах, как например в Александрийской, таких промежуточных инстанций между

Епископом и Патриархом не образовалось. В частности относительно России надо сказать, что у нас образовалась сильная централизация с самого начала введения Христианства, и она пережила и Никона. Проф. Николаевский, один из лучших исследователей высшего церковного управления XVII века в России, объясняет это явление из целого комплекса причин. Эта система была принята из Византии, где она выражалась в строгом подчинении низших степеней Иерархии высшим, Епископов – Митрополитам, Митрополитов Патриархам и в возвышении Константинопольского Патриарха над другими Патриархами. Другой чертой Византийского устройства было согласование церковного устройства с гражданским и действование подле власти светской. Те же черты повторились в России, причем самое развитие иерархического строя шло сверху. Митрополиты селились подле великих князей и отправляли Епископов туда же, куда отправляли князей на уделы великие князья. С возвышением соответствующих княжеств росло и значение Митрополитов и Епископов. Иерархи подерживали власть князей и сами опирались на нее. Вместе с централизацией светской власти росла и централизация духовная. Пример централизации подавали и Константинопольские Патриархи. Они в управлении Русской Церковью не стеснялись даже канонами, изложенными в Номоканоне, ставили Митрополитов в России не только без согласия русского духовенства и князей, но и вопреки им; подобно им Митрополиты на Руси ставили Епископов, не спрашивая духовенства и князей. Киевский Митрополит на первых порах выступал единоличным судьей Епископов и удалял их с кафедр без суда, что было совершенно противоканонично. Соборы на древней Руси почти не собирались. Киевские Митрополиты весьма не дружелюбно смотрели на установившиеся в Ростове и Новгороде обычаи избрания на епископские кафедры лиц при участии местного веча. Но в XVI веке были уже сломлены такие порядки, и централизация Церковной Власти закончилась и вылилась

окончательно в определенные формы, начало которым положено было много раньше. Митрополит получает все более сильное влияние на выбор Епископов; его лицо все более возвышается над Епископами уже через самую близость к великому князю, и через его высокое общественное положение, которое выросло вместе с ростом великокняжеской власти. Уже Митрополит Алексий заявлял себя Митрополитом всея Руси, что «он всем христианам обретающимся на Русской земле пастух и учитель, что владыки всей русской земли находятся под его властью и в его воле». В это время Епископы все чаще начинают назначаться из Москвы и поставляться по избранию и благословению Митрополита по совету освященного Собора и по повелению великого князя.

В половине XV века даже в демократическом Новгороде окончательно утверждается порядок замещения Епископских кафедр с устранением от участия в епископском избрании местного клира и мирян: все дело решает авторитетный Собор при Митрополите, его воля и влияние великого князя. В своих исповеданиях Епископ принимает обязательство во всем повиноваться Митрополиту, наблюдать его пошлины в своей епархии, являться к нему на соборы и для суда по первому зову. Епископы величают Митрополита отцом, а он их сыновьями. Когда полоцкий Епископ назвал Митрополита Иону своим братом, тот ему написал: «Посуди сам, пристало ли бы нам, Митрополиту, писаться братом Св. Патриарху? Да не будет. Но он волен, хотя и не обязан, писать так нам, своим сынам, когда пожелает. Равно и мы можем писать к вам так, но не вы, наши дети, к нам, разве только увлечетесь гордостью и будете без ума». На Соборе 1564 года Иоанн Грозный стремился возвысить сан Московского Митрополита в виду возвышения собственного сана. Царь заявляет, что Митрополит глава всем Архиепископам и Епископам, что его высокопрестольной степени перед Архиепископами и Епископами почести еще нет». Собор определил новые высшие отличия Митрополита: белый клобук с привесками и

херувимом и употребление печати красного воска с изображением Божией Матери и Предвечного Младенца. Митрополит считался «высшим духовным отцом, пастырем и учителем, главой Епископов, под властью и в воле которого «всея Русские Земли владыки суть»; он с половины XV века независим фактически от Константинопольского Патриарха.

Учреждение патриаршества, как завершение централизации церковной власти.

Патриаршество явилось естественным завершением этого внутреннего роста значения Митрополита, находящегося при великом князе, ставшем ныне царем, подобно тому, как оно отразило и повышение значения Русской Церкви среди других поместных Церквей. После падения Константинополя восточные Патриархи уже теряют свой начальственный взгляд на Русскую Церковь и шлют сюда не приказы, а просьбы о милостыни. Русского царя они называют вторым Константином, единым православным царем, самодержцем христианского мира, своим государем, просят его быть ктитором Церкви Иерусалимской и Александрийской. Митрополитов русских титулуют всесвященнейшими, а реальное значение последних было выше значения восточных Патриархов в покоренных турками землях. Все это – и рост внутренней централизации Первосвятителя, и рост значения возглавляемой им Церкви среди других Церквей, и отношения светской власти к Иерархии – привело к возвышению Всероссийского Митрополита в сан Всероссийского Патриарха.

Поучение Патриарха Епископу при поставлении.

Естественно, отношения его к Архиереям не могли упроститься, а напротив расстояние между ними скорее еще увеличилось. Епископ не брат, а сын Патриарху. И это запечатлевается в той молитве поучения, которую читает Патриарх над новопоставленным Епископом (оно приведено в Актах Историч. IV т. на 12 стр. и относится ко времени царя Алексея Михайловича).. Благоволением Бога Отца

Вседержителя и споспешением Единородного Сына Его Господа Бога нашего Спаса Иисуса Христа и содействием ПреСвятого и Животворящего Духа и по совету и по повелению благородного, Богом венчанного, благочестивого и христолюбивого Государя нашего и Великого Князя, всея Руси самодержца и по данной нам благодати от ПреСвятого и Животворящего Духа, и о Святом Духе сыновом нашего смирения Российского государства, и по избрании Преосвященных Митрополитов и Архиепископов и Епископов и всего освященного Собора, по Святым Божественным правилам избрали есмы тебе... и благословили и поставили на Престол во Святую Соборную Апостольскую Церковь. И ты бы о Святом Духе сыну и сослужебник нашего смирения... молю Господа Бога. и великих Чудотворцев Петра, Алексея, Ион и всех Святых: о вселенском устроении, о мире и тишине и о многолетнем здравии Государя. и блюди убо о Святом Духе и о Христе, возлюбленный сыну нашего смирения, в каковый и коликий подвиг вшел еси. Се тебе великий Корабль Христос Бог поручил есть люди наставляти и правити и ко спасению привести и неверных в православную христианскую веру обращати: да не обленишися никогда же, да не уныеши, да не впадеши в гордостные стремнины, да не возносишися и да не отягтишися великим попечением величествия... буди же сыну учеников истинный Спасов и подражатель Св. Апостолам».

Причины централизации церковного управления и отсутствие для Патриарха самостоятельной опоры.

При наличии канонического подчинения другие условия способствовали централизации. Вследствие огромных размеров епархии невозможно было собирать требуемых канонами ежегодных соборов. И установился обычай, чтобы Епископ давал письменное согласие на все то, что Митрополит может сделать с советом ближайших Епископов, лишь бы это не было противно вере и канонам. Это делало правительство более монархическим, чем оно должно было

быть по духу канонов. Эти же условия устраняли возможность взаимных бесед и общих действий, и Митрополит Московский, потеряв опору против светской власти в Константинопольском Патриархе, не получал ее и в своих Епископах. Близость и непрерывное сотрудничество с царем возносила Патриарха над Епископами, но и ставила одновременно в зависимость от царя. Пока он в согласии с царем, он был всемогущ; когда он терял эту опору, он уже нигде ее получать не мог. Получилось, однако, неправильное с канонической точки зрения положение, что Первоиерарх Церкви оказался силен не той силой, которую он имеет, как предстоятель союза особого, с самодовлеющими целями и средствами, а поддержкой силы представителя власти союза иного – государственного . Права Церкви подвергались опасности в том отношении, что защита ее прав, при недостатке общности совета и действий Епископов с Патриархом, возлагалась самой жизнью только на него одного. Пока был на патриаршем престоле предшественник Никона, слабый Иоасаф или Иосиф, царь мог делать что угодно в церковном управлении под прикрытием канонического примата, и тот дуализм властей, который верно отвечает различию самой природы власти государственной и церковной, настолько стушевывался, что, не вникая в эту природу, можно было считать царя единственным источником обеих властей. И выбор Епископов, архимандритов, игуменов, и создание новой епархии и повышение ранга епархии, и основание нового монастыря – все сделать мог фактически царь один, ибо Патриарх не мог отстаивать своей точки зрения, не имея своей собственной опоры. Так при слабом Патриархе Иосифе царь или, вернее, боярство, при его молодости, сумело провести Уложение через Земский Собор, где в числе прочих чинов государства был и чин духовный во главе с Патриархом. Уложение внесло коренную ломку в строй церковно-государственных отношений, подчиняя все духовенство светскому суду и отнимая часть церковной собственности. Централизация настолько проникла уже

церковное управление, что при согласии Патриарха на реформу никто из духовных не мог ей противиться, и даже архимандрит Никон, будущий Патриарх, подписался, как он говорил потом на суде, «поневоле». Эта централизация напоминает Александрийскую централизацию, при которой Епископы Александрийские отказывались высказаться на Вселенском Соборе, пока не приедет Патриарх и не скажет своего мнения. Эта централизация власти привела к тому, что Никон, не желая принимать патриаршества при противоканонических действиях светской власти, думал создать эту опору в клятве царя и бояр 22-го июля 1652 года. Дух века, который однако, и при сохранении внешних форм религиозности, давал себя знать в стремлении понизить общественное положение Церкви через секуляризацию церковной собственности и через политическое подчинение всего духовенства государственной власти, не мог быть остановлен этой клятвой.

Пальмер пишет (IV, 32 стр. Введ.) «Если бы Никон имел поддержку добродетельного и просвещенного епископата, он был бы непобедим, но поздно было создавать соответствующий епископат, когда борьбу нельзя было отсрочивать: Уложение уже действовало. Он мог вести борьбу с боярством, пока царь держался обетов своих, но не тогда, когда он уступил своеволию и страстям бояр. Церковь управлялась царем и Патриархом совместно, а исторические условия отняли у Патриарха возможность иметь свою собственную опору, соответствующую природе его канонического положения».

Никон оспаривает приписываемое ему Лигаридом самопревозношение над епископами.

Никон горько жаловался на отсутствие опоры в Епископах; но его нельзя упрекать за будто бы неканоническое превозношение себя, как Патриарха, над ними, как это сделал Лигарид в вопросах-ответах. Никон сам защищал себя от этих наветов (1, 61-63): «Ты говоришь, вопрошатель, что я никогда не называл Епископов братьями,

но считаю-де их много ниже себя, ибо они мною посвящены. Но ты, лицемер, говоришь ложно, что я их не называл вообще братьями. Доказательство тому литургия, в которой после приношения в жертву Святых Даров, Епископ говорит сослужителям: «Помяните меня, мои братья и сослужители». И если в самых существенных актах я признавал их братьями, то как же ты говоришь, что я их считал значительно ниже себя? В другом месте я покажу тебе, что голова должна почитаться выше членов. Ты говоришь «ибо они посвящены мною. Это верно, что они мною посвящены, но теперь нет на них благодати, ибо 13, 14 и 15 правила I—II Собора в Церкви Св. Апостолов низвергают клирика за отвержение своего канонического начальства. Никон здесь разумеет то обстоятельство, что Митрополит Питирим, оставленный Никоном местоблюстителем престола за себя, по приказу царя, вскоре после ухода Никона в Воскресенский монастырь прекратил возношение имени Патриарха Никона без всякого канонического права на то и прекратил, разумеется, это возношение всюду, тогда как Никон находился в Воскресенском монастыре, куда он ушел от злых людей, от царского гнева, но не перестал быть канонически Патриархом; он в это время даже еще не был предан и первому суду над ним, который был в феврале 1660 года.

Далее Никон обращается к Лигариду: и ты говоришь: «Иисус, будучи Богочеловеком, сказал святым женщинам: не бойтесь, идите и скажите братьям Моим. Если те, кого Никон посвятил в Епископы, ему не братья, то что же? Сыновья? Этого не может быть, ибо миряне – сыновья, а он – отец над всеми». Но, ведь, всякий Епископ одинаково их отец, согласно Слову Бога, Который сказал, как ты говоришь: идите и скажите Моим братьям. Но таким образом одинаково можно доказать, что по Божьему Слову и заповеди никому нельзя называться учителем. «Но вы не называйтесь учителями сказал Он, ибо Один у вас Учитель – Христос, а вы – братья». Господь сказал: «Не называйте никого отцом на земле, ибо Один у вас Отец, иже на небесех». Почему же ты

говоришь, что я не отец моим детям, а Епископы – отцы своим сыновьям, когда Бог запрещает называть кого-либо отцом на земле и приказывает называть Отцом мне Отца Небесного? Ты говоришь: Епископы – отцы для всех мирян. Но почему же главный Епископ называется Патриарх, если не потому, что этот сан – начало для всех отцов и великих и малых? А имя Епископа по своей этимологии, что иное значит, как не надзиратель, а не отец и не начало отцов?» Никон указывает, что пр. 13, 14 и 15 I—II Соб. для каждого из рангов иерархии делают особый канон – 13-й для Епископа, 14-й для митрополита и 15-й для Патриархов, согласно их чести и степени... И какое право ты имеешь влагать в учение Евангелия, Апостольских канонов и Св. Отцов правило о неуважении к старшинству, вещь до сих пор неслыханную? Послушай слова Апостола Павла Тимофею (1 Тим. V, 1): «Старца не укоряй, но увещевай как отца; младших как братьев». Почему же Апостол делал различие между старым и юным?

О подчиненности Архиерея Патриарху (отзыв собора 1665 г.)

Вся искусственность обвинений Лигарида видна из того, что такое отношение к Патриарху было не измышлением Никона, а правосознанием всех Иерархов. Это видно уже из того, что, когда в декабре 1664 г. и в январе 1665 г. происходили переговоры между Никоном и Архиерейским Собором об условии оставления им Московского Патриаршего престола (IV, 626), то это признание подчиненности отдельного Архиерея по отношению к Патриарху было выражено в 5 пункте постановлений самим Собором. Никон писал в 5 пункте своих условий, что, когда он будет приходить в Москву, он ничего не будет делать противного Божественным канонам и без указа великого Государя, без согласия своего брата и сослужителя Св. Патриарха Московского и Всея России. Св. Синод ответил, что Св. Патриарх Никон, экс-Патриарх Московский, не должен будет называть правящего Св. Патриарха

Московского и всей России своим сослужителем, но должен считать его и именовать своим Архипастырем, первосвятителем и главой и подчиняться ему во всем; без его воли и благословения ни в Москве, ни в другом месте где-либо он ничего не должен делать что-либо противное Божественным канонам, ничего не делать и по ним без его согласия и приказа; но должен делать все по указу великого государя и с благословения Св. Патриарха Московского и всея России, как и другие Епископы делают также с его благословения.

Никона обвиняли в том, что он унижал Епископов в личном обхождении с ними. На это Никон говорил, «что они – все братья, но есть и некоторое различие», приводил при этом слова Апостола: «Иная слава солнцу, иная – луне, иная – звездам, ибо и звезда от звезды разнствует во славе». Поэтому он в обиходе патриарший сан не сводил до полного равенства с Епископами (IV, 189). Епископы, привыкшие к такому равенству при слабых предшественниках Никона, ждали того же от Никона и, обманувшись в ожиданиях, стали доказывать, что он не почитал их братьями. Можно думать, что, признавая Епископов братьями во Христе Патриарху, как он и называл их за литургией, Никон различал, однако, в Патриархе еще церковный сан и государственного сановника; в государственном строе Патриарх еще более выделялся перед Епископами своей близостью к царю, как главе государства, и как первый государственный сановник, превыше всех бояр – первое лицо в государстве после царя (Уголовный закон охранял его честь наравне с царем).

Стрешнев и Лигарид сделали еще Никону упрек в том, что он при возведении на Патриаршество был рукоположен во второй раз и потому подлежит низвержению в силу 68 Ап. правила, которое низвергает вместе с посвящающим и посвящаемого за второе посвящение, если только в первый раз возложенная рука не была еретической.

Ответы Никона на разные упреки ему.

Никон добавляет, что глосса поясняет, что Епископ или клирик в данном случае низвергается, если он презрел свое первое посвящение, а он своего посвящения в Патриархи вовсе не искал и не желал, а что действительно при переводе Епископа на высшую кафедру не следует переосвящать наложением рук. Однако, это сделано не по презрению к первому посвящению и не его в том вина, но таков был обычай, засвидетельствованный Вселенскими Патриархами. Патриарх Иеремия Константинопольский посвящал Митрополита Иова в Патриархи в третий раз, ибо тот первый раз был посвящен в Епископы Коломенские, а второй в Митрополиты Московские, Патриарх Гермоген был сначала посвящен в Митрополиты Рязанские, а потом во второй раз в Патриархи, также Митрополит Ростовский, по свидетельству Патриарха Феофана Иерусалимского, получивший второе возложение рук при посвящении в Патриархи. Так это свидетельствуется и в Кормчей. Также Псковский Архиепископ Иоасаф, так же сделали со мной не по моему желанию, а по желанию возложивших на меня рук, следовательно, надо низложить прежде всего Патриарха Иеремию Константинопольского за введение правила, а также и Патриарха Феофана, а потом всех тех, кого они посвятили и окрестили. Такие обвинения против Никона очень характерны: все они производят такое впечатление, что их искусственно отыскивают, а при внимательном рассмотрении Никон оказывался не при чем. Относительно канонических обвинений дело стоит так же, как уже оно стоит относительно его личных обвинений, сыпавшихся с старообрядческой стороны и опровергнутых с большой подробностью Н. И. Субботиным в статье в «Прибавлениях к Творениям Св. Отцов (Т. XIX за 1860 г.).

О пожизненности Патриаршего сана.

До какого же срока связаны Архиереи послушанием своему Патриарху? Никон разбирает этот вопрос (I, 136) и утверждает, что Константинопольский Собор, утвердивший

патриаршество в России, разрешает возводить в Патриархи другого лишь после смерти первого, а 16 правило I—II Собора в Церкви Св. Апостолов никому ни под каким предлогом не позволяет посвящаться на кафедру, Епископ которой жив. Отвергая наличность самого факта своего отречения от Патриаршего престола 10 июля 1658 г., не признавая канонической силы заочного суда подчиненных ему Епископов, Никон никогда не признавал, чтобы поставленный им заместитель на время его ухода мог прекращать поминовение его имени и управлять патриархатом без всякого сношения с ним и действовать, как настоящий Патриарх, и чтобы вообще какой-либо новый Патриарх был поставлен без всякого его участия. «Я жив, говорит он, и благодать Св. Духа со мной. Как могут поставить Патриарха без меня?» Он, как Первосвятитель, ставил Епископов и поставленных без него после его ухода он не признавал каноническими Епископами. Это право ставить Епископов, в силу соборного акта об учреждении патриаршества, принадлежало только Патриарху: Епископам принадлежало лишь участие в избрании Епископов.

Никон о своем уходе в Воскресенский монастырь.

Уйдя от царского гнева, вернее, от вмешательства в церковное управление и обид бояр и нарушений клятвы царем и боярами, Никон оправдывал свой уход Евангельскими заповедями Христа Апостолам: «Если будут гнать вас в одном городе, отряхайте прах от ног своих и идите в другой». Он считал себя в праве вернуться на кафедру, когда найдет возможным, ссылаясь на 17 Сардик. правило гласящее: «Если Епископ низложен без основания, насилием или вопреки разуму, как если бы за исповедание Православной веры, или за отстаивание справедливости и принужден терпеть несправедливость, то он, как верный и безупречный пастырь, может жить в другом городе, сколько окажется необходимым, пока он не будет в состоянии вернуться и получить удовлетворение за нанесенную ему

обиду» (IV, 336). Но я не уходил в другую Епархию, к другому стаду, как мы могли уйти, не подвергаясь за это порицанию, согласно этому канону в течение всего этого времени, но я жил среди своего стада в своей Московской епархии». Никон обвиняет Епископов в клятвопреступлении и в особенности Митрополита Питирима, своего заместителя, викария царя и орудие светского господства, как он его называет (IV, 340). Никон приводит присягу, даваемую каждым Епископом при своем поставлении, и говорит: «В каждом пункте они ее нарушили. a) Они обещали, говорит он, следовать Вселенским Патриархам. Вселенские Патриархи постановили, чтобы быть в Москве патриаршеству согласно канонам Св. Апостолов и Св. Отцов (34 Ап., 9 Ант.), и они установили, чтобы Епископы почитали Московского Патриарха, как своего главу, и без его согласия ничего не делали (разумеется чего-либо чрезвычайного, выходящего из обычного круга епархиальных дел). Но они презрели это учреждение, не расспросив нас о причинах нашего ухода, собрались и составили Собор во исполнение приглашения, исходившего только от одного царя, вопреки канонам, как свидетельствуют их нечестивые деяния. И потому они повинны перед канонами Вселенских Патриархов и своей клятвой. b) Они обещали повиноваться канонам, но нигде в канонах не написано, чтобы Епископы могли судить Митрополита, а тем более Патриарха. Митрополит может быть судим только своим Патриархом или Константинопольским, а они вынесли приговор против своего Патриарха (Соб. 1660). c) В обязательстве написано, что они ничего не будут делать по принуждению царя, бояр или князей и множества народа, хотя бы им угрожали смертью, не будут служить, ни епископски действовать в чужой епархии. Все это известно царю и боярам, ибо эта присяга произносится при царе и его синклите. И сам царь не мог, соблюдая приличия, созывать их грамотами на Собор без Патриарха. По 11, 12 Ант. пр., 8, 9 Сард., 104 и 106 Карф. клирик или Епископ, идущий к царю, помимо своего Митрополита, подлежит низвержению. Также и тот из них,

кто ищет царского суда, отклоняя суд церковный. Царь же, хотя он должен был стыдиться этого, разослал Епископам призывные грамоты не только без содействия их Патриарха, но даже сделал это в целях сделать из них орудие для своего светского суда в своем собственном деле, против их духовного отца, и они, вопреки своему обету и канонам, пошли на послушание царю (без Патриарха) и стали орудиями его воли. d) В то время как запрещено 16 пр. I—II Соб. и другими канонами кому бы то ни было захватывать кафедру Епископа, который жив, царь при моей жизни приказал моему викарному Епископу – Крутицкому Митрополиту управлять Патриархией, как своему церковному викарию, как если бы она была вакантна, без всякого доклада Патриарху, без возношения его имени (вопреки 13, 14 и 15 пр. I—II Соб.); получая приказ от самого царя, как если бы царь был верховный епископ и источник церковной юрисдикции, – этот Собор дважды и трижды нарушал каноны и свою собственную епископскую клятву оправданием и утверждением такого порядка, и все это по приказу царя. e) Не довольствуются подчинением царскому указу, изданному без участия Патриарха, приказывавшему Митрополиту Крутицкому управлять Патриархией по указу царя, они следуют за боярами, которые просят и побуждают царя положить конец и установить порядок созданием нового Патриарха; они изъявили готовность быть орудиями для выполнения этого, – в то время как всякое избрание Епископа, совершенное светской властью, ничтожно (по 30 Ап. пр., 13 Лаод. и VII, 13) и всякий, получающий в Церкви власть или кафедру через светскую власть, низвергается. f) Русские Епископы в силу благословения великих Патриархов и своего церковного установления, создавшего патриаршество Московское, имеют власть только после смерти своего Патриарха ставить нового. И 16 пр. I—II Собора говорит о всех Епископах: «Ни под каким предлогом никто не может захватывать кафедры, Епископ которой еще жив». А я, как видите, жив. Тот человек погиб для вечной жизни, благодаря которому я вынужден был уйти.

Повинуясь царю и боярам, они повинны перед канонами и своей торжественной клятвой. И на них исполнилось Писание, говорящее: «Он не возлюбил благословения, и благословение ушло от него» (108 Псал. или 109). Они не возлюбили апостольского благословения духовного начальника, но предпочли следовать инициативе и приказам светской власти. Они навлекли на себя все анафемы Соборов и отцов и их собственные заклятия против них самих за их собственное клятвопреступление; они окутались в проклятие, как человек окутывается плащом, и оно вольется подобно воде в их внутренности и в их кости подобно маслу. И если даже князь Апостолов Петр говорил не из протеста, но только по недостатку веры: Пощади Себя, Господи, да будет далеко от тебя такое унижение и страдание, – то Божественный ответ был: Отойди от Меня, сатана, ибо ты восхотел не Божеского, а человеческого. Так будет сказано о тех Епископах, которые ныне покинули нас и предали, которые восхотели не Божеских вещей, а человеческих, которые боялись, где не было места для страха, и побежали туда», куда привел их гнойный запах этого мира: грех душ их Бог взыщет с царя... А что касается Митрополита Крутицкого, которого царь и бояре и лжесобор ныне сделали викарием, орудием и представителем их узурпированного верховенства в Церкви, то он подлежит низвержению и анафеме в виду II Вс. Соб. 2 пр. и VII Вс. Соб. 1 пр. А по 10, 11, 12, Ап. пр. молящийся с отлученным или низложенным сам отлучается и низлагается, и по II Вс. Соб. 2 Прав. все священники и диаконы посвященные такими, почитаются непосвященными и крещенные таковыми – некрещенными (14, 15 и 16 Ап. пр.), и их нельзя называть христианами. Равно все Митрополиты, Архиепископы и Епископы и миряне, кто бы они ни были, за общение с ним по св. канонам, низвергаются и отлучаются. И если он посвящает кого-либо по приказу царя в Епископы, Архимандриты или игумены, то таковые и не избраны и не посвящены от Бога. Таким образом, не один, но многие Соборы Св. Апостолов и Св. Отцов низвергают и предают анафеме этого проклятого

человека – Митрополита Крутицкого, который по истине для Русской Церкви – мерзость запустения. И мы, следуя им, говорим: Есть и пусть будет так, как постановили Св. Отцы Вселенских Соборов; кого они анафематствуют, того и мы также анафематствуем; и, кого они низвергли, того и мы низвергаем, и кого они отлучают, того и мы отлучаем, и кого они подвергают наказанию, того и мы. Это не только против нас и Св. Церкви возстает этот беззаконный человек, но против Самого Бога и всего множества Святых. И пусть никто не удивляется долготерпению Божьему, что Он еще не восстал на него Своим возмездием за его нечестие. Бог воздаст за всякую обиду в день судный. Это слово непреложно и, хотя возможно, что в этом мире не придет быстро вслед за проклятием воздаяние, однако тогда оно исполнится в более страшном и вечном наказании. Таким образом, если я теперь отвергаю беззаконного нарушителя Заповедей Божиих, и он не послушает меня, то не останется безнаказанным. За одно вторжение священника или диакона или за совершение одного церковного акта в чужой епархии каноны абсолютно низвергают нарушителя и вместе с ним тех, кого он посвятил. Но насколько же больше подлежит наказанию тот, кто совершил много актов этого рода? Ибо о таких Бог сказал: «Если твоя рука или твоя нога соблазняют тебя, то отсеки ее и брось, ибо лучше для тебя с одной рукой или одной ногой войти в вечную жизнь, чем, имея две руки и две ноги, быть сброшенным в тьму, где червь не умирает и огонь не угасает. И если такой член не отсечь, то необходимо все тело будет брошено в мрак» (IV, 337-342).

Анафема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю патриаршего престола.

У Никона не осталось слово неисполненным, и 16 февраля 1662 г. в храм Воскресенского монастыря среди многочисленных вечных памятей и анафем одна из последних гласила: «Питириму, который, без благословения своего духовного отца, олицетворял в вербное воскресение в течение последних трех лет Патриарха всея России и даже

Самого Христа и совершал таким образом духовное прелюбодеяние, который, будучи викарным Епископом, отделился от своего Патриарха и неканонически исключил его имя из молитв, который захватил власть над Церквами чужой епархии по приказу лишь светской власти и посвятил клирика не своей епархии в епископы по титулу местности чужой епархии и не лежащей в пределах Московского патриархата, и сделал это без Собора по приказу лишь светской власти и синклита, который тем же актом захватил провинцию Вселенского Константинопольского престола, от которого ныне зависит митрополичья Киевская кафедра, и это также по приказу одной светской власти, и после того, как его духовный отец, Патриарх Московский, несколько раз отказывался нарушать каноны, совершением этого или подобного акта, и послал по приказу светской власти Епископа с именем местоблюстителя Киевской кафедры, Митрополит который был еще жив, и местоблюстителем не во имя Патриарха, которому она подчинена, а во имя той же светской власти, благодаря которой он сам действует – (IV, 366, 367) – АНАФЕМА».

Одновременно среди многих анафем последовало и несколько других, связанных с рассматриваемой нами. Одна из них гласила:

Анафема отрицающим особую природу духовной власти.

«Тем, которые отрицают, что христианскому священству дана от Бога отдельная и независимая власть учить и управлять Церковью, и которые говорят, что ее власть дана вполне властью светской или, по крайней мере, должна осуществляться только по указаниям светской власти и гражданских законов, а не по священным канонам и правилам Св. Отцов, подтвержденных даже светским законодательством прежних благочестивых и православных греческих царей и русских великих князей, – как говорящим против Святого Духа и ищущим подчинить Духа Божия духу этого мира – АНАФЕМА».

«Тем, которые прежде, чем Епископ или Митрополит, или Патриарх был обвинен перед компетентным судом за какое-либо преступление, канонически испытан и найден виновным и низвергнут, отверглись от него или опустили его имя из обычных церковных молитв – АНАФЕМА. «

«Тому, кто захватывает управление какой-либо Церковью через светскую власть или совершает какой-либо церковный акт неканонический из страха или под влиянием светских правителей, или посвящает Епископа сам собой, или по приказу светских правителей, или захватывает какую-либо кафедру или митрополичью провинцию или патриархат, непринадлежащий ему или сам собой, или по приказу светских властей, или совершает какой-либо акт неканонический для чужой епархии (IV, 366) АНАФЕМА.»

Во всех этих анафемах клеймится цезарепапизм, как вмешательство светских правителей, в чисто церковную сферу, нарушение канонического строя управления, и охраняется та сфера действия, которая и по существу своему по принципу принадлежит именно Церкви, та сфера, в которой она, если и входит в обсуждение с государством, то во всяком случае решающий голос оставляет за собой. Здесь охраняется учение о независимом источнике церковной власти, охраняется строй иерархического порядка подчинения, принцип уважения сферы действия других Церквей, принцип независимости власти церковной от власти светской, все – такие начала, которые были провозглашены Соборами и Святыми Отцами.

Отношение Никона к церковным Соборам.

Мы видели, что историческая действительность привела в России к сильной централизации церковного управления, к возвышению Патриарха над Епископами, но эта централизация не доходила до упразднения соборного принципа. Никон не только не подавил соборного принципа, но дал ему расцвести. Мы видели, что он, в строгом соответствии с ним, учил, что Епископа могут судить не меньше 12 Епископов, а для церковно-обрядовой

реформы он сначала созвал Собор 1654 г. для разрешения вопроса о том, нужно ли исправление книг и обрядов, в 1665 году он собрал Собор для рассмотрения произведенных исправлений, а в 1656 г. вновь собрал Собор, на котором вновь подтверждались различные постановления и утверждались исправления.

О суде над Патриархом.

Его отказ признать каноническим суд Епископов над своим Патриархом имеет свое основание в том, что, хотя Патриарх и равен Епископу по благодати священства, однако, он занимает в Церкви Вселенской высшее положение: он высший предстоятель Поместной Церкви, и притом предстоятель, имеющий преимущественное право голоса во Вселенской Церкви. Недаром создалась даже теория пентархии, которая помещала высшую власть в сонм пяти Патриархов. О пятиглавой власти в Церкви писал и Феодор Студит по поводу компетенции императоров в церковных делах: «Ныне царствующий император говорит, что он не будет судьей в споре. Ни мы, ни достославные наши Архиереи не допустим этого, как незаконного и чуждого. Это и справедливо... Ибо здесь речь не о мирских и плотских делах, судить о которых имеет власть император и местный суд, но о Божественных и небесных догматах, что вверено не иному кому-либо, а тем, кому сказал Сам Бог Слово: «Еже аще свяжете на земли, будет связано на небеси, а еже аще разрешите на земли будет разрешено на небеси». Кто же те, кому это вверено? Апостолы и их преемники. Кто же эти преемники? Римский ныне Первопрестольный, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Это пятиглавая власть Церкви. Им принадлежит суд о Божественных догматах. Феодор Студит пишет: если Патриарх считает Патриарха Никифора уклонившимся от истины, то пусть обе стороны пошлют в Рим (как требуют судьи), ибо таково правило: «Если уклоняется один из Патриархов, то должно принять исправление от равных ему, как говорит Божественный

Дионисий». А принцип суда равных по положению с подсудимым – древний принцип римского права, нашедший принятие и в Церкви: Ne quis non senatore de Romano senatore judicaret. Св. Амвросий писал императору Валентиниану II: «Блаженной памяти отец твой не только устно высказал, но и законом утвердил, что в делах веры должен судить тот, кто должностью равен и правами не отличается от подсудимого». Так дело обстоит о суде над Патриархом по взглядам Никона, и надо сказать, что эта точка зрения усвоена и действующей русской церковной Конституцией, ибо ст. 10 определения Св. Собора от 8 Декабря 1917 г. гласит: «Самое предание суду Патриарха и суд над ним совершаются Всероссийским Собором Епископов с приглашением по возможности других Патриархов и представителей Автокефальных Церквей». Здесь, хотя уже нет отголоска теории пентархии и привлечены главы Автокефальных Церквей, не носящие патриаршего титула, однако, приглашение всех их подчеркивает уже не поместное, а вселенское значение патриаршего сана.

Никон пишет: «Патриарх во образ Христа, городские Епископы во образ 12 Апостолов, а сельские Епископы во образ 70 Апостолов;» однако, это обстоятельство не вносит различия по существу между Патриархом и Епископами, ибо Епископ для своей Епархии также действует во образе Христа, и лишь, поскольку Епископы являются перед лицом Патриарха, постольку там они уже перестают быть во образ Христа. Это сравнение употребил и Лигарид (III, 7): «Епископ во образе Христа, когда он в своей епархии, но не тогда, когда они собираются вокруг своего главы Патриарха, которому они подчинены. И Митрополит, посвященный Патриархом, есть как бы сын посвятившему его». Так сам Лигарид, упрекавший Никона в том, что он обращается с Епископами скорее как с сыновьями, определил эти отношения по образу сыновства, а не братства.

Никон склоняется к теории пентархии.

У Никона строй Церковный в разных иерархических степенях представляет такое же благочиние и порядок, которое существует между различными органами тела.

«Человеческое изображение Творец и Владыко всего создавый главу яко порядку и всех уд преизящнейшую на высоком и благообразном месте тела водрузи и 5 чувствами украси: зрением всех лучшим, слышанием, обонянием, вкусом и осязанием; меньшие же уды – руки, нижае причины и по сих вся уды даже до ног «устрои». Правителя же сих, ум, души совершение, постави правити и устрояти телесное смешение. От него же сведущии и мудрии вину приемше, положиша и в общем человеческого естества состоянии чины различные вельможных начальников, князей и прочих достольных достоинств, да благочинно человеческая деются, а не неправильно. Идеже бо начало ту и благочиние, а безначалие есть вина несогласия и разрушения. Томужде всячески и благочинием и красотой подобаше, убо быти и в церковном благолепии, яко сущем и мирского причту лучшем и наипаче подобает имети благочинное и краснейшее управление». Если все в церковном порядке должно быть стройно и согласно, то и иерархическая лестница разных степеней должна завершаться в одной личности – Патриархе, на которого, как на главу, возлагаются прерогативы чести и власти, «якоже в единем телеси уди мнози, уди же не вси тожде имут делати; но глава и очи честнейшие есть».

Мы видим, что у Никона Патриарх является верховным начальным Епископом, избираемым Епископами и пожизненно несменяемым; лишь смерть или суд могут лишить его кафедры, как и всякого Епископа. «Нелепо прежде смерти иному быть Архиерею на живое место». Он возвышается над ними, ибо он входит в число Патриархов, которым принадлежит пятиглавая власть в Церкви.

На это указывает и помещение в начале Кормчей статьи о Римском отпадении, в которой говорится, что Святые Отцы преемники Апостолов пожелали, чтобы в Риме вместо двух

князей Апостолов Петра и Павла был Папа Римский и за ним четыре Восточных Патриарха в образ четырех Евангелистов (I, 653). Выше Патриархов только полный, Вселенский Собор, который является лишь чрезвычайным органом власти. Все права, которые принадлежат Епископу, принадлежат не в меньшей мере и Патриарху. Если Епископ несменяем, то несменяем и Патриарх, иначе как по суду. Патриарх может отречься от осуществления своих прав по патриаршеству, но не может быть устранен никем без канонического суда всех Патриархов. «Если Патриархи имеют полномочия от Константинопольского и Иерусалимского, то я буду отвечать», – сказал Никон на первом же заседании суда 1 декабря 1666 г., а, когда усумнился в их наличии, отказался отвечать.

Об уходе Никона в Воскресенский монастырь.

Но как примирить учение Никона о несменяемости Патриарха с его уходом с кафедры, продолжавшемся 8 ½ лет? Ведь, есть каноническое правило, запрещающее Епископу отсутствовать в своей Епархии более 6 месяцев, и как квалифицировать канонически этот уход? Как понять его? Мы совершенно не согласны с обычным суждением об этом уходе, как проявлении гордости Никона вследствие частной обиды его царем (неудовлетворение за побитие царским окольничьим посланного Никоном) и проявлении его самовластия в государстве. Мы рассматриваем его уход, как средство архипастырского воздействия на царя, с целью понудить его прекратить противоканоническое отношение к церковному строю, созданному церковными законами, укрепленными всеми его предшественниками. Этот уход по своей природе понят большинством исследователей, как отречение от патриаршего престола, чуть ли даже не от епископского сана. Между тем, новые данные, на которые обратили внимание Гюббенет, проф. Николаевский и Пальмер заставляют признать, что природа этого ухода была совершенно иная. Еще Гюббенет установил, что Никон пытался вернуться на Патриарший престол не только в

декабре 1664 года, но еще и другой раз, раньше в декабре 1662 года; о том, что происходило 10 июня 1658 года в Успенском соборе после литургии, до сих пор судили по сведениям и показаниям, данным на суде 1660 г., а исследования Николаевского и Пальмера показали, что этим свидетельским показаниям, нарочито подобранным, верить нельзя, как вражеским и тенденциозным; открыты и переговоры Никона с Собором Русских Архиереев в январе 1665 г., из которых видно, что сам Собор не считал Никона отрекшимся, ибо входил с ним в обсуждение об условиях предстоящего отречения. Все эти события и высказанные Никоном суждения проливают новый свет на взгляд Никона на патриаршество и на средства борьбы за осуществление канонической правды. Уход Никона является центральным фактом его патриаршества и требует особого рассмотрения. Эта борьба ставит Никона по силе характера наравне с великими Папами Григорием VII, Иннокентием III, но только по силе характера, а идеалы и средства борьбы совершенно различные. Никон никогда не стремился господствовать в государстве, никогда не смешивал государственных функций, возлагаемых на Патриарха царем, с его церковными функциями; во всех его словах и сочинениях ни разу не встречается ни малейшего не только желания, но и намека на желание осуществить господство в светской сфере. Он только ограждал ту церковную компетенцию, которую считал присущей Церкви в силу ее существа, от властного вмешательства государственных органов и в этом идеи его могут сравниться с идеями Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Григория Богослова, Амвросия Медиоланского и других Св. Отцов Церкви. Когда Никон говорил, что, хотя он русский, а по вере грек, то в отношению к его учению о патриаршестве это положение требует поправки, что он в учении следовал не современным ему грекам – цезарепапистам, а греческим Святым Отцам золотой эпохи. В отношении к патриаршей должности Никон хотел создать именно ту устойчивость, которой грекам не удавалось создать в Византии, и которая

была ею совершенно утрачена у них во времена турецкого владычества[32]. Никон усвоил себе идеал Патриарха, который прежде всего Божий слуга, имеющий свои права в Церкви не от царя, а от закона церковного и полагающий назначение свое в осуществлении той истины и правды, которая исходили от того высшего царя, которого знает Патриарх, Царя Небесного. Но Патриарх – не царь, и светских полномочий, как таковой, не имеет; например, государственное регентство дается и отбирается царем. Церковные же полномочия Патриарх имеет от Вселенских законов Церкви.

Никон и охранял только те полномочия, основы для которых он находил во вселенских канонах, а равно и те, которые подтверждены царями в духе этих канонов из усердия к их выполнению (I, 299). «И мы не наносим обиды

---

[32] Вот, например, список Константинопольских Патриархов в половине XVII века. Парфений I, 1639-1642.

Парфений II 1644-1645.

Иоанн II 1646-1648.

Парфений II (3 раз) 1648-51.

Иоанн II (2 раз) 1651-1652.

Кирилл III 1652.

Афанасий III (2 раз) 1652.

Паисий I 1652-1653.

Иоанникий II (3 раз) 1653-54.

Паисий I (2 раз) 1654-1655.

Иоаникий II (4 раз) 1655-56.

Парфений II 1656-1657.

Гавриил II 1657.

Парфений IV 1657-1662.

Дионисий III 1662-1665.

Парфений IV (2 раз) 1665-1667.

Клим 1667.

Мефодий III 1668-1671.

Парфений IV (3 раз) 1671.

Дионисий IV 1671-1673.

Герасим II 1673-1675.

Парфений IV (4 раз) 1675-1676.

Он же был в пятый раз в 1684 г.

Стр. 303, I, История Греко-Восточной Церкви Лебедева.

царю и не называемся царями. Как я есмь, что есмь, так и царь есть то, что есть, хотя иные подражают евреям, ибо как они, отвергая Христа, нашего Спасителя, кричали: «мы имеем только одного царя – Цезаря»; так и они кричат: «митрополит Крутицкий делает также хорошо». Когда царь делает земельные пожертвования на церковь и монастыри, Никон не склоняется перед этими щедротами (I, 238), ибо «царь получает за это награду от Бога во стократ». И за это Никон не считает нужным особо почитать царя, но он почитает его, как власть, установленную Промыслом Божиим для наказания злых и награждения добрых, т. е. власть выполняющую свое назначение. Неоднократно говорил Никон про титул великого государя: «Мы не сами его приняли и не вмешивались в государственные дела» (из письма к Константинопольскому Патриарху Дионисию). Патриарх выше всякого постороннего влияния: «Мы иного законоположника не знаем кроме Христа, Иже даде Святым Своим ученикам власть вязать и решить. Мы, говорит Никон, не своей властью вяжем, но Божией благодатью, данной нам от Пресвятого и Животворящего Духа. Кто сие глаголет? Сам Небесный Царь. Что есть свидетельство большее? Мы от Бога есмы». Послушание есть выше жертвы, и Никон ставит его в главу Церковного здания, цитируя слова Спасителя: «Иже вас послушает, послушает Меня, а слушающий Меня, слушает Пославшего Меня, а отвергающий вас отвергает Меня, а отвергающий Меня отвергает Пославшего Меня».

Когда Осип Сукин, присланный к Никону, заявил, что, если Никон не будет отвечать по делу, то государь даст решение согласно показаний Боборыкина и Сытина и пришлет стрельцов для его исполнения, то Патриарх Никон сказал, что «не боится угроз царя, ибо Никон имеет своего Царя Господа Иисуса Христа, Который сказал: не бойтесь убивающих тело, но не могущих убить души, но бойтесь того, кто, убивши тело, имеет власть ввергнуть в ад (I, 584). Патриарх – слуга Божий, слуга Св. Церкви; он не имеет и своих имуществ; все слободы, крестьяне – все Божие наследство. Патриархом может быть то один человек, то

другой, но Бог есть и будет всегда; Он неизменяем и Его наследие вечно» (I, 541).

Никон возвышает власть патриарха над отдельными архиереями, но не над Собором. О соборах.

Ставя власть патриарха в чисто церковных делах, законодательство по коим принадлежит церковной власти по благодати Святого Духа, совершенно независимо по источнику от светской власти; поднимая патриарха над архиереями, если и не по степени священства, то, по крайней мере, по степени общих административных полномочий для поместной Церкви, где без него никто не может получить рукоположение, и вознося патриарха через участие в высшей пятиглавой власти Церкви (пяти патриархов), – Никон, однако, не делал патриарха единоличным законодателем и управителем в поместной Церкви. Он признавал принцип соборного решения церковных дел и это показал на деле, когда созывал Соборы 1654, 1655 и 1666 г. для церковнообрядовых реформ. Кроме того, при русских патриархах для обычных дел, превышающих единоличную компетенцию первосвятителя (например, для суда над архиереями) был Собор из прилучившихся в Москве архиереев, которые периодически, хотя и не в систематическом порядке, вплоть до второй половины XVII века, вызывались в Москву. Порядок вызова установлен только во второй половине XVII в.

О Соборе 1660 г.

Эти Соборы бывали и при Никоне, как обычное до него создавшееся явление, и они не вызывают особого какого-либо интереса в смысле изучения отношений Никона к соборной власти. Но это отношение можно выяснить на отношении Никона к чрезвычайному Собору в феврале 1660 г., ибо он был подвергнут Никоном всесторонней критике. В это время Никон был уже полтора года жителем Воскресенского монастыря; мало того, он осенью 1659 года уехал на север в Иверский и Крестный монастыри,

получивши предварительно на то разрешение царя, в бытность свою в Москве в августе 1659 года. Собор этот созван был царем, без соглашения с патриархом, для суда над ним, без его приглашения, после того, как в августе 1659 г. царь лично принимал Никона в присутствии синклита, как патриарха, вместе со всей семьей, принимая от него благословение Никона допросили через стольника Пушкина, посланного к нему в Крестный монастырь во время самого суда, не проверив допрос свидетелей относительно его ухода его собственными личными показаниями. Этот суд, хотя и не приведенный в исполнение, послужил однако основой, от которой исходил окончательный суд Восточных патриархов в декабре 1666 г., ибо этот суд 1660 г. установил факт отречения Никона и составил два мнения, из которых ни одно не было приведено в исполнение в силу неутверждения царем. Одно низвергало Никона из патриаршества, лишало его всякого епископского достоинства, запрещало отныне ему надевать епископские одежды и совершать епископские акты (IV, 244). Другое мнение Епифания Славинецкого гласило, что отказ от кафедры вовсе не влечет низвержения из священства. Хотя он и соглашался, что можно избрать другого патриарха, но лишать Никона епископского сана считал недопустимым и отказался от первого мнения в виду того, что был введен в заблуждение неправильно цитированным 16 пр. Двукратного Собора. Полоцкий архимандрит Игнатий заявил, что осудить патриарха нельзя без Константинопольского и других Восточных патриархов; весь материал суда с допросами свидетелей послужил одним из оснований для решения дела в 1656 г. Уже не было повторено того допроса свидетелей, да многих из них уже не было и в живых. Таким образом, суд 1660 г. хотя для личного status патриарха Никона сам по себе не имел никакого юридического значения, и с Никоном и после, в 1665 г., велись и впоследствии переговоры, как с патриархом, и на суд 1666 года вызывали его, как патриарха, однако зафиксированные на Соборе 1660 г. свидетельства об уходе

патриарха Никона уже не просматривались вновь, хотя сам Никон заявил на суде 3 декабря 1666 года, что показания об его отречении от патриаршества лживы («это на меня затеяли»), а современные исследования порядка допроса свидетелей и способа его, и качеств свидетелей, в смысле их заинтересованности, вполне подтвердили отзывы самого Никона. В этих суждениях Никона можно видеть и его понимание соборного принципа управления вообще, т. е. об условиях канонической действительности Церковных Соборов вообще, и в частности 6 нормах судопроизводства в церковном процессе. Общий экстракт его суждений, приведенных Пальмером в IV томе (226— 336 стр.), мы и представим. Псал. II, 1-3:

«Зачем возмущаются народы и племена, замышляют тщетное? Восстают цари земные, и вельможи совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его: расторгнем узы их и свергнем с себя верви их». Кто же это возмущается и замышляет тщетное? Не те ли князья и бояре, которые с беззаконными Епископами окружают царя и собираются вместе против Бога и против Христа? Т. е. против Евангелия, которое говорит: Истинно говорю вам: кого свяжете на земле, будет связан на небеси, и кого разрешите на земле, будет разрешен на небеси». А также: «Идите и крестите все народы, уча их соблюдать все, что Я приказал вам, и вот, Я с вами во все дни до скончания века». И опять: «Где двое или трое соберутся во Мое, там Аз есмь посреди них». Но они теперь говорят: расторгнем узы и сбросим с себя иго их, т. е. не будем внимать канонам и порицаниям патриарха, и сбросим с себя его наставления. Соберемся неканонически, как раньше, не во имя Христа, а во имя царя. Мы те, которые имеют право сказать: кто наш господин? Против таких псалмов говорит: «Живый на небесах осклабится, Владыка посмеется над ними (Псал. 2, 4). «Как можно говорить, что главная забота царя – управление Церковью? Разве царь – глава Церкви? Нет, глава Церкви – Христос; царь не глава и не может быть главой Церкви, но один из ее членов. Вследствие этого он не может ничего

делать в Церкви, даже относящегося к должности простого чтеца или клирика. А если теперь, вопреки воле Божией, царь действует силой, совершает насилия над церквами, отнимает права и собственность их и судит Епископов, архимандритов и весь священный духовный чин, он будет за это судим словом Христа, которое будет судить в день судный. Где слова Христа, что царь должен иметь власть над Церковью? Христос сказал: Вся власть дана Мне на небеси и на земли». И в другом месте он говорит: «Кого вы свяжете на земли, тот будет связан на небеси». Но кому дана такая власть? «Святым Апостолам и за ними их преемникам Епископам, а не царям. Царю вручены дела мирские, а мне дела небесные , царю вручены тела, а священнику души». Далее следуют цитированные нами определения различия царской и священнической власти... «Пусть всякий живет в своем чине и не нарушает установлений, которые от Бога.

Правила церковные о созыве Соборов и нарушение их в 1660 году.

«Но, не уважая всех этих Божественных предписаний, как он делал раньше, и не уважая прежних установлений царей и великих князей и примера своего отца и гневаясь на нас без причины только за то, что мы твердо стоим за каноны, царь стал сначала против нас гонителем, а потом обвинителем, свидетелем судьей в своем деле, приказал съехаться и собрал лжесобор и провел решение против патриарха через подчиненных ему Епископов. Но ныне нет таких канонов, чтобы цари могли созывать Соборы и в особенности для того, чтобы проводить там свои дела. Если верно, что в древности Соборы созывались благочестивыми царями, то это делалось путем просьбы (к царской власти) и ходатайства, а не властным велением, которое теперь практикуется (Точку зрения Никона разделяет и теперь большинство канонистов: Епископ Иоанн Смоленский, Курганов, Прокошев, Бердников, Лапин, Барсов и др., вопреки Суворову и Каптереву). Никон оспаривал цезарепапистскую точку зрения царя и бояр, вдохновляемую

Паисием Лигаридом. Сам Паисий Лигарид в своей History доказывает свою точку зрения цезарепапизма (III, 135—140): «Императоры де сами созывали Соборы, председательствовали на них и утверждали своей подписью», но Лигарид не вникает в юридическую природу и значение этих актов. Этот вопрос, по его словам, разбирался в Москве после приезда двух патриархов в Москву до суда над Никоном, следовательно, в ноябре 1666 г., где Лигарид и проводил свою теорию.

Никон о соборе 1660 года и о признании его патриархом после ухода.

Исходя из требований канонов, где об участии царя в Соборах нигде не говорится, а участие их там надо понимать в смысле внешнего содействия, а не интегрального участия на равных правах с Епископами, Никон говорит, что, «если кто созывает Епископов неканонически, то такие Соборы не истинные Соборы, но лжесоборы, соборища или синагоги. Ибо Господь сказал: «Где двое или трое соберутся во имя Мое (а не во имя светской власти), там Я – среди них». Это касается собрания, которое недавно было в Москве, которое царь созвал, – ибо мы не хотели быть патриархом под его властью, – чтобы отмстить нам за наше отшествие и решать по его указаниям, то его считаем абсолютно ни во что; это такой же Собор, который был против Василия Великого по приказу правителя, против Григория Богослова, по приказу Валента, против Иоанна Златоуста по приказу царицы Евдокии, и против нашего митрополита Филиппа по приказу царя Ивана. Поистине, из за царского гнева стало невозможно нам жить, разве что подчиниться и стать слугами его воли и воли бояри, вопреки закону Божиему и канонам. Царь говорит: он ушел по своей воле сам собой. Но, ведь, и все святые, уходившие от злобы их врагов и скрывавшиеся, начиная от Самого Христа, уходили по собственной воле. Мы жили после нашего отшествия в нашем Воскресенском монастыре более года, и царь не спрашивал все это время о вакантности патриаршего

престола, ибо хорошо знал о причине нашего ухода. И когда мы снова были в Москве (август 1659 г.) и личную беседу имели с ним, он ни слова об этом не говорил, не сделал даже намека на наше отшествие, но принял нас, как если бы мы продолжали жить в Москве так, как обычно было принимать патриарха, посадил нас на место, соответствующее патриарху; это известно всем присутствовавшим. И царь, и царица, и царевич, и царевна, все приняли от нас благословение, также и все бояре. Никто не упрекал нас за это. Спустя один год и два месяца мы, ради забот о материальном поддержании, отправились из Воскресенского в наш Иверский монастырь и оттуда в Крестный и там жили год. И когда мы там жили, спустя полтора года после нашего отшествия царь поставил единоличным своим приказом созвать духовных сановников и русских и греческих, проживавших в Москве. И он объяснял им наше отшествие по своему, как ему вздумалось, а об обстоятельствах, действительно с ним связанных, он умолчал совершенно. Но он озаботился, чтобы некоторые ложные показания были записаны со слов некоторых людей, живших во дворце, и от некоторых из духовенства и, побуждая одних милостями и щедротами, а других страхом, он вынудил их всех назвать это мое свидетельство добровольным отречением от кафедры.

Никон об отсутствии своего отречения от кафедры.

Ибо с многими угрозами они воздействовали на них и вынудили показывать так, как велел царь. И он отправил в патриаршую Крестовую палату собрание этих показаний, приготовленных по его вкусу. Не написано, кто спрашивал каждого свидетеля, но надо полагать, что сам царь или кто-либо из бояр за него их спрашивал и руководил допросом. Не написано, в исполнение какого канона Святых Апостолов и Святых Отцов так было сделано. Всем Епископам, архимандритам и игуменам он раздавал свои царские подарки, чтобы побудить их подписать против меня собственноручно, чтобы нам не быть более патриархом (т. е.

чтобы считать нас как бы уже низложенным). И они подчинились царской воле, согласно его указу, не проявив никакой заботы допросить противную сторону, и не пригласив меня явиться, и не испросив от меня объяснения ответа, они составили обо мне решение совершенно неправильное. Они все подписались собственноручно против меня, вопреки преданиям Святых Отцов, и в особенности вопреки 16 пр. I—II Соб., которое они и приводили против меня. Все это известно всему царству.

Церковное правило о созыве соборов.

Но, если мы посмотрим в каноны относительно созыва Соборов, то в 37 Ап. пр. постановляется, что Епископы должны время от времени собираться ради церковных дел по вопросам учения и решения сомнительных и трудных дел. Это правило постановляет, чтобы Епископы сами собирались, но не устанавливает, чтобы царь их собирал. Одинаково и Первый Вс. Соб. 5 пр.; 2 (20) Ант.; 39 Лаод.; 30 (18) Карф.; VI, 8 и VII Вс. Соб. 6. Во всех одинаково говорится, что Епископы собираются. И об этих Соборах, которые составляются канонически по правилам 37 Ап. и 16 и 20 Ант., далее сказал, что незаконно никому составлять этот Собор без Епископа, занимающего митрополичью кафедру. И 39 Лаод. правило повелевает Епископам собираться в том месте, которое определит митрополит. И 19 пр. Халк. говорит, что Епископы должны собираться в месте, указанном митрополитом, а не царем. Также и 95 Карфаг. правило: «Когда окажется нужда в собрании общего Собора, все Епископы должны посылать послания тому, кто занимает первую кафедру, и какое бы место он ни избрал для их Собора, они должны собираться там». 6 правило VII Вс. Соб. говорит, что все Епископы, игнорирующие требования своего митрополита, подвергаются церковным наказаниям, и Тит. 8 гл. 8 Новелл Юстиниана: «Митрополиты должны собираться к патриархам, а епископы к их митрополитам». В постановлении Константинопольского Собора 1593 года об учреждении патриаршества в России постановлено, по

предложению Александрийского патриарха Мелетия Пигаса, всем Собором, что кафедра Московская должна отныне почитаться патриаршей кафедрой, ибо город почтен быть столицей государства, что он имеет преимущества перед всеми епископами, митрополитами и епископами всей Православной Кафолической Церкви, и что он должен быть главой этой провинции Московской, всея России и соседних стран, – и быть признана таковой в соответствии с 34 Ап. Правилом.

Никон о деятельности Собора 1660 г.

«А что касается того Собора, который недавно был в Москве, то его можно назвать не только иудейской синагогой, но и диавольской, так как он был созван не по канонам, а по единоличному приказу царя, и затем во все время соборной процедуры Епископы действовали только по приказу царя, делая все по его воле. Это было все там написано в деяниях самого Собора и засвидетельствовано подписями его членов с призыванием во свидетельство Евангелия, как там написано собственными словами». Никон делает далее ссылки на деяния Собора и показывает порядок обсуждения на нем дела, подтверждающий его слова о вмешательстве царя и руководство им всего Собора через боярина Петра Михайловича Салтыкова.

Никон о неправильности понимания Собором 1660 г. природы его ухода и о неправильном применении канонов.

Никон разбирает каноны, которые были собраны на соборе для решения, и показывает неправильное их применение. «Все они имеют в виду уход с кафедры епископа, а не патриарха, а 9 правило IV Вселенского собора не позволяет даже митрополиту судить другого митрополита, но таковой подлежит суду своего патриарха или патриарха Константинопольского» Также устанавливают и 57 и 58 главы кодекса Новелл. Но они в своем приложении выписали каноны и постановления

гражданских законов, относящиеся только к епископу, а никак не к патриарху. Простой епископ по 12 Карф. не может быть судим без вызова на суд; затем необходимо, чтобы обвинение против епископа было доказано компетентными свидетелями, и только после этого он может быть осужден и наказан, как того заслуживает доказанное против него преступление. Так даже простой епископ не может быть судим без троекратного вызова. Епископы подлежат суду патриарха как и все митрополиты. (9 пр. IV Вс. соб.). Но о патриархе нигде не сказано, чтобы он мог судиться своими епископами. Об участии же в этом суде Лигарида Никон говорит особо. В одном месте Никон обращается к нему: «Кто тебя поставил судить на место Бога и осуждать патриарха? И откуда ты? И по какому закону ты становишься над нами судьей и говоришь: так не поступали патриархи с сынами своими. Но как ты можешь, не будучи отцом отцов, ставить законы для отца отцов? Каноны святых отцов не позволяют никому судить решение патриарха, не только они не позволяют всякому пришлому иноземцу, но даже и всем епископам» (I, 520). И как иначе можно назвать такое собрание, как не сборище, когда они наперекор всем канонам, имеющим в виду простого епископа, пытались осудить меня и не спросили меня ни относительно моего отшествия, ни вызвали меня к суду, как епископа, согласно 74 Ап. пр.

Никон о природе своего ухода.

Пр. 16, I—II Соб. гласит: «Если какой-либо епископ оставит свою епархию и живет в некоем другом месте более 6 месяцев, не в силу царского вызова и не в послушание патриарху, и не в силу болезни и невозможности передвижения, то он по общему согласию лишается своего епископского ранга и власти». Но мое отшествие было иного порядка. Как Христос Сам уходил от злобы Ирода и Евреев, тайно укрываясь и открыто уходя от них, как уходили Апостолы – Павел из Дамаска, Петр из тюрьмы, как после них уходили и другие, как Божественный Григорий и

Афанасий Великий уходили от преследования тиранов, так сделали и мы. Скорее те самые епископы, которые так неудачно применяли к нам 16 пр. I—II Соб., чтобы осудить одинаково с нами и Самого Христа и Его Апостолов, в силу того же самого канона, как можно видеть, достойны низвержения, ибо, сойдясь на Собор по единоличному вызову царя, они оставались в Москве вне своих епархий больше шести месяцев, хотя долг их был – не слушаться царя и не собираться на Собор без нашего согласия и позволения. Но они, почти все посвященные мною, могут быть подведены под 13, 14 и 15 пр. того же Собора: «Если священник или епископ или митрополит осмеливаются отделиться от единения с святейшим патриархом и не будут возносить его имени, согласно правилам, в святых таинствах, прежде решения законного Собора и прочтения акта об его осуждении, подлежит и низвержению, и такого собор лишает священнической чести». Они должны были рассмотреть 17 Сард. правило, IV Вс. Соб. 33 пр. А мы не уходили в другую епархию, как могли сделать без всякого порицания, согласно этого канона — в течение всего этого времени, но оставались в своей Московской епархии, среди своей паствы».

Причины непризнания Никоном канонической силы за Собором 1660 г.

Так, сводя все во едино, Никон отвергал действительность соборного суда над ним в силу ряда причин: 1) Собор созван без согласия патриарха, одним царем, 2) он действовал не свободно, а под давлением царя, 3) Никон не был вызван на Собор, 4) свидетели бояре не могли считаться заслуживающими доверия, ибо они подчинены царю, 5) противная сторона (Никон) вовсе не была выслушана, 6) природа ухода Никона намеренно искажена, 7) каноны, говорящие об оставлении епархии епископом, ничего не говорят о патриархе, 8) патриарх не подлежит суду своих епископов, 9) епископы нарушили свою присягу ничего не делать без согласия патриарха, а они собирались по

единоличному приказу царя. Что касается рассмотрения дел на Соборе 1660 г., то, рассматривая его заседания, исследователь его, Каптерев, вполне подтвердил влияние царя на ход дела и даже поставил этот Собор в пример того, какое действительно подавляющее влияние имел на соборах царь (Каптерев: Царь и Московские Церковные Соборы XVI и XVII в. Б. В. 1906, III, 636—656). Царь созвал Собор. До Собора царь назначил комиссию под руководством боярина П. М. Салтыкова для испрошения инструкций; царь призывал к себе архиереев, поучал их и призывал составить выписки из правил церковных а, когда выписка их его не удовлетворила, то он приказал ее дополнить; царь руководил таким образом прениями, выбирал и лиц для ведения протоколов Собора; царь пополнил Состав Собора тремя греческими архиереями, готовыми поддерживать точку зрения царя, как после 1662 г. ее поддерживал Лигарид; Соборные деяния записывались секретарем и утверждались царем, но царь собственноручно туда вносил поправки, а в конце концов царь и вовсе не утвердил и не привел в исполнение постановления Собора, хотя по его распоряжению все архиереи его подписали. Эта критика, написанная современным нам исследователем, недоброжелателем Никона, вполне подтверждает правильность критики этого Собора Никоном.

Царь утверждал протоколы и следующего Собора и выкидывал оттуда то, что ему не нравилось. Так на Соборе 1667 г. выкинуты все прения о власти царской и патриаршей, происходившие 14, 15, 17 янв. 1667 г., ибо там были представлены неопровержимые свидетельства против цезарепапистского понимания безграничности полномочий царской власти. Вопрос то только в том, канонично ли все это, и Никон доказал противоканоничность царского вмешательства в соборную деятельность, как в письме к Зюзину в феврале 1660 года он говорил о противоканоничности другого явления, которым была больна русская Церковь в 16 веке и в начале 17-го, разумеем произвольную смену патриархов. Каптерев сам

иллюстрировал эти факты и указал на ряд смещений патриархов и назначений их светской властью, как прикрытых содействием Собора, так и неприкрытых, явных.

Умер Годунов, и патриарх с Освященным Собором присягнул Феодору. Феодор был убит, и Лжедимитрий провозглашен царем. Толпа, преданная ему, свергла патриарха Иова, вытащив его из собора во время литургии, и Лжедимитрий поставил патриархом греческого епископа Игнатия (чтобы он, действуя по греческим правилам, не перекрещивал Марию Мнишек при переводе в православие). Когда убили Лжедимитрия, Шуйский низложил патриарха Игнатия и поставил Гермогена; когда Шуйского низложили, боярская партия низвергла Гермогена и опять восстановила патриарха Игнатия, а затем, когда Игнатий бежал в Литву, то кафедра оставалась без патриарха до Филарета, ставшего патриархом только в 1619 году; после Филарета, проявившего огромную энергию и в Церкви и в государстве, последующие патриархи Иоасаф и Иосиф были по существу ставленниками царя и личностями совершенно бесцветными (Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, II, 59—61).

Однако упомянутые Каптеревым факты относятся в большинстве своем ко времени революционных насилий, а что касается фактов давления царя, то надо учитывать, что царское участие в избрании патриарха допустимо, в виде назначения в патриархи одного из трех лиц, выбранных Собором, поскольку ради согласования деятельности Церкви и государства важно, чтобы патриарх и царь могли действовать согласно, особенно потому, что патриарх – не только высшее церковное лицо, но и связан с государством рядом отношений, хотя бы по землевладению, дававшему ряд публичных прав в государственной жизни. Однако, давление, идущее до лишения Архиереев возможности свободно избирать кандидатов в Патриархи, уже неправомерно, ибо Церковь должна свободно определять состав своих служителей.

Эти факты Каптерев приводил в доказательство того, что светская власть была органом высшей и государственной, и

церковной власти, что подобно тому, как она проводила государственные законы через Боярскую Думу и Земские Соборы, так проводила и церковные законы через Церковные Соборы. Однако, против него можно сказать то, что факт не есть еще право, а может быть и нарушением права, что установление того, что правомерно, в данном случае надо определить проникновением в природу актов; если это акты, относящиеся к тому, что является по существу церковной компетенцией, как обстоит дело в данном случае, то и совершать эти акты призваны только те органы, которые получили на то преемственную благодать от Апостолов, т. е. Епископы.

Архиерейская теория отношений Патриарха и архиереев.

Как в учении о границах государственной власти Никону пришлось столкнуться с цезарепапистской теорией, проводимой боярами ради своевластия и стремления освободить царя от влияния Никона, теорией, возведенной Лигаридом в сознательную систему, так в другом отношении, именно в понимании положения Патриарха среди Архиереев, Никону пришлось столкнуться с другой теорией, которую можем мы назвать Архиерейской, ибо представители ее были русские Архиереи, тяготившиеся властью над ними Патриарха. Лигарид не придерживался этой теории, ибо тогда он не мог бы рекомендовать Московскому правительству в 1663 году, как выход из тупика, в который попало дело Никона, обращение к суду над Патриархом Никоном Восточных Патриархов; ему незачем тогда бы выделять среди них Константинопольского Патриарха и добиваться через друга своего архидиакона Мелетия полномочий для себя от Константинопольского Патриарха, для выступления в качестве его Экзарха, хотя бы подложных. Он ограничился упреками по отношению к Никону, что будто он не почитает Епископов братьями, упрек, который Никон опроверг в своем «Раззорении». Эту теорию представляли те Архиереи, которые считали, что они

в праве Патриарха Никона судить сами; признавая принцип Римского, а потом и церковного права, что судьи не могут быть ниже рангом подсудимого, они почитали себя не ниже Патриарха; для них он был не член пятиглавой власти Вселенской Церкви, а только один из Архиереев Поместной Церкви, занимающий кафедру столичного города. Зачаток воззрения мы видим еще ранее Никона в лице Митрополита Киприана, о котором рассказывает Каптерев, как о представителе теории свободных Архиереев. «Так Митрополит Новгородский Киприан (1627—1633) (Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, II, 214, 222—223) был представителем тех епархиальных Архиереев, которые тяготились своей зависимостью от Патриарха, желая придать своему епархиальному управлению автономный характер, независящий от вмешательства в епархиальные дела Патриарха, желали провести в церковной жизни тот принцип, что Патриарх не есть глава Архиереев, не высшее и начальственное над ними лицо, а только первый между равными, и что потому каждый епархиальный Архиерей есть такой же самостоятельный и независимый управитель в своей епархии, как и Патриарх в своей области, – высшей инстанцией как для Патриарха, так и для всякого епархиального Архиерея, может быть и есть только Собор».

Эта Архиерейская теория, направленная против подчинения Архиереев Патриарху, в общем противится постановлениям Вселенских Соборов, которыми устанавливается принцип зависимости одних Епископов от других; мы имеем в виду 4 Прав. I Вс. Соб. и 9 пр. Антиохийского. Если способ ограничения власти Епископов – дело истории и подлежит изменениям, то принцип ограничения Епископской власти исходит от учения и практики. Апостолов. Распределение церковного общества по диэцезам, т. е. распределение власти и взаимных отношений Епископов было делом обстоятельств, на самый принцип подчинения установлен практикой самих Апостолов по праву Божественному, ибо Апостолы ставили Епископов (1 Тим.) и определяли полномочия (34 Ап. Пр.), и

взаимоотношения, основываясь на указаниях Божественного Основателя. Об этом свидетельствует и Тертуллиан (Phillips. Le Droit eccles. II, 2): «D'apres le témoignage des apotres eux-mêmes les institutions qu'ils ont données à l'Eglise ils ne les ont point ètables sous l'inspiration de leur volontè personnelle; ils n'ont fait que transmettre fidèlement au peuple la règle de l'organisation qui leur avait été tracée par Jesus Christ» (По свидетельству самих Апостолов, учреждения установленные ими в Церкви, установлены не по их личной воле; они только верно передали народу организационные начала, начертанные Иисусом Христом). Поэтому Апостольское предание явилось связующим звеном между преданием, идущим от Божественного Основателя, и последующим преданием Церкви и настолько связано с первым, что даже Отцы Церкви с трудом отличают, что относится к Божественному преданию и что к Апостольскому Преданию (Phil. III, 399). Что касается предания Церкви, то предписания Церкви имеют всегда, хотя бы посредственную связь с Божественным законом, ибо Церковь руководится Св. Духом; церковное устройство было дело апостольское по регламентации, но в последующем применении на созданной основе – делом исторических обстоятельств. Архиереи неправильно отвергали свое подчинение Патриарху, и этим только выразили то настроение, которое повторялось и позже, и было характеризовано Проф. Троицким на Предсоборном Присутствии 1906 г., как стремление всякого Архиерея делать из себя Папу. Между тем, не должна забываться та истина, что Епископская власть не есть власть индивидуальная, оторванная от власти других Епископов, а напротив, тесно с ней связанная; она существует, как часть власти всего Епископата, как нераздельного целого, по словам Св. Киприана: Unus est Episcopatus cuius a singulis in splidum pars tenetur.

Докладная записка царю Вятского Епископа Александра, как представителя этой Архиерейской теории.

Проведению Архиерейской теории в жизнь способствовало и постоянное властное вмешательство представителя светской власти в церковные дела, которое приучило Архиереев во всем полагаться на светскую власть и видеть в ней опору для своего положения, главного инициатора и руководителя и решителя всех церковных вопросов. Они готовы были видеть в царе то, что до половины XV века был для них Митрополит. Это тем более было легко, что церковное и государственное перемешивалось в жизни до бесконечности, и нелегко было определить иногда, где начинается одно и кончается другое. Это положение создавало возможность для Архиереев прибегать к содействию царской власти против Патриарха, и такое стремление опираться на царя обнаружилось у Архиереев, когда Патриархом оказалась такая сильная личность, как Никон, которого Архиереи считали тираном, невыносимым для них. Вятский Епископ Александр, бывший личным врагом Никона за перевод его из близкой к столице Коломенской Епархии в дальнюю Вятку, от лица всех Архиереев подавал царю докладную записку, где и развивал теорию об отношении Архиереев к Патриарху, сопровождающуюся указаниями якобы на несоответствующее отношение Никона к Архиереям. Он писал, что Никон при поставлении на Патриаршество «обещался церковный мир соблюдати и следовать во всем Святым Апостолам и Святым Вселенским Соборам и обещал им во страхе Божием боголюбивым нравом братии своей о Святом Духе сослужебника всем Преосвященным Митрополитам, Архиепископам и Епископам Патриаршества его Российского царствия, любовь духовную имети и яко братию тех почитати и сице любити, якоже Владыка наш Господь Иисус Христос возлюби Святые Свои ученики и Апостолы... И потолице обещании странно за рабы Святительский чин вмени и толико ругался, – яко

сошедшимся Архиереям к сенным дверям крестовыя палаты, на переднем крыльце часа два или три сидети, и ни единому он даде слово рещи пред собою, ниже мольбы тех послушав о исправлении церковных вещей, но странно поработи тех и люте нападал на братию свою и страдати многих устрои и умиленне плакати». В другой раз опять тот же Епископ Александр обращается от имени Архиереев к государю с просьбой: «Аще обрящем благодать перед тобой великим Государем, не презри мольбы твоих государевых Богомольцев: да возмется нечестивый сей (Никонъ) от среды нашей, да Божий праведный гнев не постигнет и в правду пострабждем, не пекущеся о благих». А, чтобы оградить на будущее время Архиереев от Патриаршего самовластия, он старается внушить царю, что «первый Епископ не начальник Епископам, ни крайний Святитель, но Епископ первого седалища наречется рекше царствующего многонародного града: Святительский бо сан един есть и та же на всех благодать. Не наречется сей убо совершен или несовершен Святитель, вси Епископы и благодать Святого Святого Духа равно приемше». Архиерейская теория, однако, забывала, что, даже при равенстве благодати священства, каждый отдельный Архиерей ниже в административном отношении Патриарха уже потому, что каноны Первосвятителю дают право надзора над Архиереями и созыва Соборов, ставят его посредником при общении со светской властью и, помимо всего этого, и, главное, – это то, что Патриарх, сам ответственный перед Собором за состояние Церкви, им избранный для руководства в управлении всей Церковью, сам по себе через это носит часть Соборного авторитета. Последнее обстоятельство отмечает и современная Русская Церковная Конституция, дающая Патриарху право проводить разные церковные мероприятия, в которых Патриарх связан содействием Синода и Высшего Церковного Управления, вопреки голосованию этих состоящих при нем учреждений, под своей ответственностью перед очередным Собором (Ст. 20 Определения Московского Собора о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете от 7/12

1917 г.). Эта статья весьма усиливает власть Патриарха, ставя авторитет его выше не только авторитета отдельных Архиереев, но и целого ряда их, входящих в Священный Синод и Высший Церковный Совет по избранию от Собора.

В указанных Каптеревым свободных Архиереях можно признавать противников Никона в отношении учения о взаимных отношениях Патриарха и Архиереев, но в отношении учения об отношении властей светской и духовной пути отдельных сторонников Архиерейской теории могли расходиться: Митрополит Киприан мог быть ближе к Никоновскому пониманию этих соотношений, а Епископ Вятский ближе к цезарепапистскому.

Никон не сторонник Патриаршего единовластия в церковных делах.

Отвергая равенство административного положения в Церкви Архиереев с Патриархом, Никон, однако, не был сторонником единовластительства Патриарха в Поместной Церкви. Не говоря о том, что он считал в делах, касающихся всей Церкви, Патриарха связанным другими Патриархами, хорошо он помнил постановление 34 Ап. правила: «Но и первый Архиерей ничего да не предпринимает без согласия с остальными»[33]. 1) Так, между прочим, напрасно обвиняли Никона (а вместе и самого царя) в неканоническом учреждении монастырей без совещания с Собором, ибо для каноничности учреждения монастыря каноны требуют только согласия и благословения Епископа. 2) Что касается упрека в несозыве Никоном Собора для совещания об уходе с кафедры из-за гнева царского, то, ведь, ему созывать Собор просто было невозможно; требовать согласия на это самого царя нелепо, ибо из-за гнева царя как раз и уходил Никон, не желая становиться послушным орудием его новой политики

[33] По этому поводу Пальмер замечает (IV, 610): «Смысл этой оговорки 34 Ап. пр. не тот, что первый не может ничего вообще предпринимать без совета с Епископами, а только ничего чрезвычайного, как это разумеется и в предшествующей оговорке относительно Епископов и как правильно говорится в глоссе: «что-либо в том роде».

относительно Церкви; однако, Никон возвращался в 1662 г. и в 1664 г. в Москву лишь в виду того, что по доходившим до него сведениям царь переменился в отношении к нему. 3) Свое уважение к Соборам он доказал на деле, созывая их для чрезвычайных дел в 1654, 1655 и 1656 годах. 4) Его обвинили в том, что он сослал без суда Епископа Павла Коломенского за противодействие в исправлении книг на Соборе 1654 г., но характерно то, что говорил об этом сам Никон, и что он сделал в действительности. Документов об этом деле до нас не дошло, а потому о нем приходится составить впечатление по косвенным данным. Прежде всего, когда Никона обвиняли в этом на суде, что будто он это сделал единолично, то он это оспаривал и сказал в подтверждение своих слов, что дело это можно видеть на Патриаршем дворе, но никто его не отыскивал, ибо приговор над Никоном был предрешен, и оно никого не интересовало.

Затем 3 июня 1655 года, по рассказу Павла Алеппского (11, 498), Никон посвящал нового Епископа на Коломенскую епархию в то время, как ее Епископ был жив, и Павел не порицает этого акта и не говорит, чтобы Патриарх Макарий разубеждал Никона, хотя Никон, по словам, Павла Алеппского, всегда просил Патриарха Макария указывать все его ошибки. Сам Павел Алеппский указывает на случай происшедшего разногласия между названными Патриархами, именно, когда Патриарх Макарий отговаривал Никона от совершения только единократного водоосвящения в праздник Крещения Господня в январе 1656 г. (Никон воду освящал только накануне). Надо думать, что, если бы была налицо такая большая каноническая неправильность, как единоличный суд над Епископом, то Павел бы об этом сообщил; вероятно, он бы внес это обстоятельство в число обвинений Никона, когда в 1667 году исправлял свой дневник (появившийся на свет не ранее 1670 г., но составленный во время первого пребывания в Москве в 1654—1656 г.), под влиянием атмосферы, враждебной Никону и побудившей его сделать другие видоизменения во вред памяти Никона и в противоречие его

первым непосредственным впечатлениям (II введ. 55, 56 стр.). Тот же Павел Алеппский сообщает, что ссылка Епископа Коломенского была совершена и Патриархом и царем совместно (Ib. 77, 78, 170), а не Патриархом единолично, и что он это вполне заслужил (11, 510). Епископ Павел был сослан после Собора 1654 года за отказ подписать соборное постановление об исправлении книг. Кроме того в 1654 г. Никон писал свои 26 вопросов (11, 522) Константинопольскому Патриарху Паисию, спрашивая его мнение относительно реформы книг, с указанием на сопротивление, которое он встретил, и Патриарх Паисий ему ответил подробно. Письмо его было получено в 1655 году; Собор его подтвердил и подписал и постановил напечатать, что и было сделано в издании в октябре 1656 г. Скрижали (11, 522). В самом письме Патриарха Паисия (II, 410) имеется два ответа относительно Павла, Епископа Коломенского, и протопопа Ивана Неронова по поводу их отказа подписать постановление Собора, бывшего весной 1654 г.: «Об Епископе Коломенском и протопопе Иване Неронове пишете, что они с вами не согласны, но держатся за свои книги, свою литургию и свой знак креста, что они даже унижают наши Патриаршие молитвы и Литургию и хотят навязать свои собственные нововведения и тайно переделанные молитвы, как исправления. На эти обвинения мы ответим, что это признак ересей и расколов, и кто так утверждает или верит этим утверждениям, тот чужд Православию. Или пусть они непритворно согласятся и примут то, чего держится и чему учит Православная Церковь, или в противном случае после первого и второго извещения в случае их упорства и отказа исправиться, пусть они будут низвергнуты, т. е. вы низложите и отлучите их отсечением их от стада Христова, чтобы они не питали отравленной пищей. И делая так, вы будете иметь за одно с собой и нас, и наш Собор». Эти последние слова показывают, что Никон вовсе не действовал единолично, и, если не дошло до нас определенных точных данных о том, что Никон действовал с согласия своих Архиереев, шедших за ним полностью в деле церковных

реформ (кроме Епископа Павла и одно время Епископа Александра Вятского), то остались точные указания, что он имел на то одобрение Собора Константинопольской Церкви и Патриарха, которого Никон почитал особо, и как первого в ряду Патриархов, в других Церквах, и как Предстоятеля Церкви, бывшей раньше для русской Церкви матерью. Никон поступил даже мягче, чем советывал Константинопольский Патриарх, ибо он не отлучил Епископа Павла от Церкви, а самая ссылка могла скорее исходить от царя, а не от Никона, ибо Каптерев доказал, что инициатива церковных реформ исходила вовсе не от Никона, а от царя и Стефана Вонифатьева, его духовника. Никон на суде заявил, что он не помнит, по каким канонам он низложил Епископа Павла, и в этом случае мог действовать в силу худых обычаев времени. Но, говоря, что на Патриаршем дворе есть дело Епископа Павла, Никон мог намекать на участие в этом деле не его одного, а и царя. Патриарх Паисий писал о Епископе Павле и царю, и Никону. Об этом наказании Павла Коломенского обстоятельно писал Павел Алеппский, говоря, что строгость Патриарха и царя заслуживает похвалы, и что вечная ссылка Павлом заслужена. И сам он рассказывает, что и Патриарх Макарий без канонического числа 12 Епископов в 1659 г. низложил и лишил сана Эмесского Митрополита Афанасия властью Бога и султана (III, 420 пр.). На сем Соборе присутствовало только 7 Епископов (II, 383 и 384).

Обратим внимание на другой упрек Никону, рассеиваемый этой грамотой: Патриарх Паисий в своей соборной грамоте Никону величал его Патриархом Московским всея Великие и Малые России (II, 480): стало быть, и этот титул не был самочинно воспринят Никоном без одобрения со стороны Константинопольского Патриарха. Так в случае с Павлом Коломенским нет никаких доказательств неканонического отношения Никона к Архиереям, а в других известных нам случаях он сурово обличал их за их неканонические деяния. 5) Таковой случай был по поводу принятия ими Лигарида без соответствующих

отпускных канонических грамот от его канонического начальства, по поводу слепого послушания царю и непослушания Патриарху, вопреки клятве, данной каждым при поставлении и по поводу принятия ими посвящения и поставления помимо живого Патриарха. 6) В случае с Архиепископом Иосифом Астраханским Никон указал и на внутренний двигатель, побудивший Архиереев не идти за Патриархом. Так он сказал ему, когда тот приехал к нему в Воскресенский монастырь в числе членов следственной комиссии в июле 1663 года: «И ты бедный туда же. А помнишь ли твое обещание? говорил, что и царя слушать не станешь? Что? Видно тебе дали что-нибудь бедному?» Когда Никон заявил посланным, что царь собирает против него подкупной Собор, Патриарху сказали, что он лжесвидетелями именует властей (Архиереев) Московского государства, а Никон сказал: «Кому книжным учением и правила говорить, а они де и грамоте не умеют». Ему сказали: «Один ли он в Московском государстве грамоте умеет?» И Патриарх сказал: «Хотя де и есть немногие, а Питирим Митрополит и того не знает, почему он человек». Об умственном уровне современных ему Архиереев вообще Никон был невысокого мнения. Так в письме к Зюзину про Псковского Епископа писал: «Писание твое дошло к нам, и мы чли и Псковского Епископа чел же, и чудить тому нечего: и стар и глуп».

Никон о каноническом и неканоническом объединении Епископов.

Никон обращается к Лигариду («1, 149): «Ты осмеливаешься учительным тоном писать русским Епископам: почему же вы не озаботитесь об избрании и поставлении Патриарха? Вы пренебрегаете Патриаршим Престолом? Покажи же, списатель лжесловесный, на каких канонах основано это учение, и покажи не от твоего нечестивого измышления... Ты пишешь как учитель, имеющий власть, но покажи, где в канонах написано, что Епископ, оставивший свою епархию, как ты, и перешедший в

другую епархию, мог навязывать закон другим Епископам, не говоря уже о том, если его учение противно канонам. Мы покажем тебе, почему в действительности спустился развернутый свиток, о котором говорит пророк Захария, в V гл. 14. «И опять поднял я глаза мои и увидел: вот развернутый свиток: и сказал мне Ангел: что ты видишь? Я ответил: вижу развернутый свиток; длина его 20 локтей, а ширина его 10 локтей. Тогда он сказал мне: это проклятие, исходящее на лицо всей земли; ибо всякий, кто крадет, будет истреблен, как значится на одной стороне, и всякий клянущийся ложно истреблен будет, как значится на другой стороне. Я навел оное, изрек Господь, и оно придет на дом татя и клянущегося Моим именем ложно и, пребывая в доме его, истребит его и древо его и камня его». Видишь ли ты, на кого спустился этот свиток? Это – проклятие, сказал пророк, которое нисходит на лицо всей земли, ибо всякий, кто крадет, будет наказан им до смерти. Я навел оные, говорит Господь, на дом татя. Но кто этот тать? Не ты ли, лживый человек, пришедший в России украсть ее благочестие, вкравшись через ограду канонов? Сам Господь сказал: Истинно говорю вам: всякий, входящий в стадо не через дверь, то же, что вор и разбойник. Что же иное ты, как не вор? Какой дверью вошел ты в стадо? И что делаешь там?.. (Еще Иоанна X, 7, 9, 10). Вор и разбойник тот, кто обманывает простых людей своими гибельными и безрассудными ответами... А кто тот, кто клянется ложно Именем Божиим? Заметил ли, что выше написано? Как 18 Карфагенское правило постановляет, чтобы каждый Епископ при своем избрании заявил свое исповедание Св. Символа, перечислил все церковные законы перед своим посвящающим и торжественно обязался их все соблюдать? Но ты и все русские Митрополиты и Архиепископы ни во что поставили свою клятву, и потому исполнилось написанное в Псалме 53, 36: «Бог с небес воззрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумевающий, ищущий Бога. Все уклонились; все растлились: нет творящего добро, нег ни одного. Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие передо Мной,

как едят хлеб, не призывающие Бога? Там вострепетали они от страха, где нет страха (т. е. побоялись противоречить царю и боярам), и Бог рассеет кости человекоугодников. Ты посрамишь их, потому что Бог отверг их». В дома таких людей, как эти, которые ложно клянутся именем Божиим, войдет этот свиток серп и останется в домах их, пока не истребит их. Многие из них уже погибли. Ты говоришь: что столь хорошо и любезно, как братьям, пребывать в единстве. Нет ничего иного столь почтенного, как взаимное согласие и единение в братии любви. Но почему же вы, Епископы, не носите тяготы друг друга, не помогаете совместно один другому соборным деянием?» Почему ты не доканчиваешь эту цитату «и так исполните закон Христа?» (Гал. VI, 2) Прибавка эта показывает, что Никон ценил не всякий мир, не всякое объединение, а только во имя Христа. Если бы Архиереи объединились в повиновении канонам, т. е. законодательству, исходящему от Св. Духа, он признал бы это объединение, но объединение во имя послушания царю в церковных делах, вдохновленного цезарепапистскими превратными толкованиями Паисия Лигарида, не имевшего к тому же канонических полномочий от своего Патриарха, и бывшего не православным и просто преступником, как это было известно Никону от поссорившегося с Лигаридом диакона Агафангела, и архимандрита Афонского Феофана, – Никон никогда не признавал и такое сборище называл иудейской синагогой. Не признавал Никон и посвящений, сделанных без его благословения. Когда 19 дек. 1664 г. ночью при возвращении Патриарха Никона из Москвы в Воскресенский монастырь, его догнали посланные от царя вернуть посох Чудотворца Петра, который Никон увез с собой, он не соглашался отдать им этот жезл Митрополиту Павлу Крутицкому, и сказал ему, что признает его за священника, а не за Митрополита, и не знает даже, кто его посвятил. Это было сделано незадолго по приказу царя Паисием Лигаридом (IV, 549). Жезл этот Никон отослал с Воскресенским архимандритом. Также и Митрополита Крутицкого Питирима Никон не признавал Новгородским

Митрополитом, ибо он туда был переведен (IV, 555) Собором Епископов, возглавляемым Лигаридом. Но Никон не игнорировал Соборного принципа, и сам проводил свою реформу с Соборного одобрения и под соборным надзором.

Голубинский о соборах, созванных Никоном.

Собор 1654 г. одобрил предприятие по исправлению книг; Собор 1655 г. рассмотрел и одобрил исправление важнейшей книги – Служебника. Собор 1656 г. продолжал исправление и установил ряд реформ, между прочим запретил перекрещивание католиков. «Недопустимо думать, пишет Голубинский (К нашей полемике со старообрядцами, Бог. Вест., 1892), что Соборы только прикрывали своеволие Никона. На Соборе 1654 г. был и царь, кроме якобы деспотического Никона; если Павлу Коломенскому не мешали высказаться против, то не были заграждены уста и другим; деспотизм Никона на Павле проявил себя только после этого Собора и проявился именно потому, что все были решительно против Павла. Нельзя думать о несогласии Архиереев и потому, что, если бы они были противны реформе, то после удаления Никона (через 4 года после приступа к исправлению книг) они воспользовались бы свободой; однако, только один Вятский Епископ Александр питал временное предубеждение против его исправления. Затем на Соборе 1666 г. единодушный голос Епископов свидетельствовал, что Никоновское исправление было делом всех представителей Русской Церкви, кроме одного, следовательно, это было делом всей Церкви». Одновременно он констатирует что проведение дела исправления книг и обрядов было возможно только для человека с очень сильным характером. «Недостатки его характера не были причиной, произведшей раскол. Но положительной стороне его характера мы обязаны, что им было предпринято дело, возможное только для человека с сильным характером. Возникновение раскола – один из печальнейших исторических случаев, что в массах людей, когда приходится отказываться от заблуждений, находятся отдельные люди,

которые выступают защитниками заблуждений, являя из себя закоренелых поборников старины».

Никон не уклонялся от Соборного рассмотрения и в делах менее серьезных, чем исправление книг и обрядов, именно дело об открытии новых епархий рассматривал на Соборе в октябре 1657 г., на котором участвовали и царь и бояре; предложено было открыть три новых епархии на окраинах: в Белгороде Митрополию, в Смоленске Архиепископскую епархию, в Вятке – Епископскую. Решено было перевести в Белгород Митрополита Крутицкого Питирима, в Смоленск – Суздальского Архиепископа Филарета, в Вятку Епископа Коломенского Александра.

Скажем теперь еще о Никоновских суждениях о Патриаршем сане, которые пришлось ему выявить в связи с своим отшествием, о титулах, прибавленных к титулам Патриарха Московского и всея России во время Патриаршества Никона, и об условиях, которые Никон выставил для избрания нового Патриарха.

Никон о составе Патриарших прав в Церкви.

Никон различал в Патриаршестве власть священнодействий от власти административной, различал также права Патриарха на управление от условий их осуществления; он допускал положение, что Патриарх, облеченный правами, может отказываться при известных условиях от осуществления своих прав, сохраняя за собой не только название Патриарха, но и не теряя права на возобновление осуществления своих прав, допуская также, что Патриарх может отречься и от осуществления своих прав, и от самых прав, но оставляя титул Патриарха за собой и почетное положение в Иерархии. В первом положении Патриарха, не осуществлявшего своих прав по управлению, Никон был в Воскресенском монастыре в период 1658-1666 гг., когда он ушел из Москвы и считал себя в праве вернуться на кафедру при наличии известных обстоятельств. О втором, т. е. о положении Патриарха, отрекшегося от самых прав на управление, он вел переговоры с Русским

Архиерейским Собором в январе 1665 г. и именно к восстановлению этого положения стремился и тогда, когда, находясь в ссылке в Ферапонтовом и Кирилловском монастыре, просил тщетно царя о возвращении в его любимый Воскресенский монастырь.

Никон о совершении шествия в Неделю Ваий Патриархом и другими Архиереями.

Что Никон отличал права священнодействия от административных прав, связанных с Патриаршим саном, видно из того, как он отнесся к совершению Митрополитом Питиримом шествия в Неделю Ваий. Когда Никон узнал о том, что его совершил 27 марта 1659 г. Митрополит Питирим, согласно обычаю для Патриархов; он увидел в этом посягательство на свои права Патриарха, ибо Митрополит Питирим был оставлен им в качестве своего Местоблюстителя, и Патриарха не было на Патриаршей кафедре. Павел Алеппский рассказывает, с каким трепетом сам Никон в 1655 году, в его бытность в Москве, относился к этой церемонии, и как предлагал даже совершить эту церемонию Антиохийскому Патриарху Макарию, как старшему его по рангу, но тот отказался и предпочел быть зрителем (II, 179, 360). В 1659 г. Никон не мог благословить Митрополита Питирима, как не носящего сана Патриарха, совершать эту церемонию. Он по этому поводу отправил 30 марта 1659 г. письмо царю (IV, 165, 166), в котором писал: «Я умоляю Ваше Священное Царство выслушать мое письмо, то что и совесть моя абсолютно вынудила меня написать, и об этом никто не знает. Сегодня дошел до нас слух из многих источников – некоторое время он казался невероятным по несообразности дела; однако я убедился, что, как бы ни было это незаконно и нечестиво, это действительно произошло, что некое лицо осмелилось незаконно и нечестиво запятнать духовным прелюбодеянием Престол Патриарха всея Руси и совершить церемонию в Вербное Воскресение. Мы не знаем, верно ли, что это произошло с согласия твоего благородия. Но, если это было по твоей воле, тогда – даже мудрые могут

забыться. Мы пишем не ради себя, не ища возвращения как пес на свою блевотину (под блевотиной Никон разумел такое Архипастырство, при котором Архипастыря не слушается его паства) к чести и власти, но желая только защитить права Престола, поставленные ни во что... Об этом самочинном деянии мы долго размышляли, как мог быть совершен акт столь смелый и противный Божественным канонам, для которого в Божественных Книгах нельзя найти прецедента. Я не знаю, правильно ли нечто подобное делалось низшими Епископами в некоторых городах, например в Новгороде и Казани. Мы полагали, что это скорее противоречит Св. Писанию, ибо оно не оправдывает, чтобы священник совершал какой-либо акт, принадлежащий Епископу, такой как посвящение... ведь об этом в Евангелии нигде не сказано, чтобы Христос сказал Апостолам: Я дал вам пример. Делайте так. Не подобает, чтобы слуги делали то, что принадлежит их хозяину Владыке. Как можно восхвалять, если раб начинает делать подобающее царю? Не только он недостоин чести, но вместо жизни заслуживает смерть, тот, кто совершил это деяние, не получив на то благословения и не быв уполномочен на то никакой грамотой и не имея никакого обычая в оправдание своего поступка. Если другие Епископы делают это в своих епархиях, я не знаю, правильно ли так делать или, скорее неправильно; пусть это решает тот, кто более нас понимающ и учен. Однако, они не заслуживают порицания и могут быть извинены, даже если они неправы, ибо они следуют старому обычаю. Я удивляюсь, как твое благородие мог позволить так бесчестить Священный Престол Патриарха без всякого акта освященного Собора». Никон выражает сомнение, может ли Митр. Питирим совершать вообще Епископские акты после такого акта духовного прелюбодеяния. Но, прибавляет: «Если это произошло по твоей воле, великий государь, то да простит Бог содеянное. Но на будущее ради Бога воздержись судить и решать в делах, тебе не принадлежащих». Несмотря на это письмо Митрополит Крутицкий Питирим совершал эти церемонии и в 1660 г. 15 апр. и в 1661 г. 7 апр. (IV, 325).

Только в 1662 г. Митрополит Питирим подвергся за это анафеме Никона с указанием и других причин для нее.

Своим протестом против совершения Митрополитом Питиримом процессии в Неделю Ваий Никон показал, что права Местоблюстителя Патриаршего Престола не распространяются на литургические права Патриарха, а только на административные . Он писал, что, когда он сам совершал церемонию в Неделю Ваий, то ему – Патриарху было страшно изображать лицо Христа, а теперь совершал простой Митрополит одной из последних по рангу епархий, без согласия Патриарха. Равно протестовал Никон, когда узнал, что Митрополит Питирим во время богослужения становится на Патриаршее место.

Никон о своем каноническом положении после ухода в Воскресенский монастырь.

Рассмотрим, как понимал сам Никон свое Патриаршее каноническое положение после ухода. В апреле 1659 г. он заявил думному дворянину, приезжавшему к нему в Воскресенский монастырь, что, что касается именований Патриарха, то он никогда не отказывался от этого имени, только не хотел называться больше Московским Патриархом, оставив престол по своей воле, и в этом смысле заявлял великому государю, через боярина князя Алексея Никитича Трубецкого и окольничьего Родиона Матвеевича Стрешнева; Никон говорил, что он – Патриарх, но возвращаться на Патриарший Престол не имеет намерения и готов дать благословение на поставление нового Патриарха (IV, 168). Пальмер указывает, что Никон и до ухода и после ухода часто подписывался «Милостью Божией Патриарх» без всяких прибавлений; после своего ухода он никогда не подписывался «Патриарх Московский и всея России». В июле 1663 г. приезжавшие власти в Воскресенский монастырь по их докладу (19/VII, 1663) имели разговор с Никоном; они упрекали, что Никон противится приказам великого государя и всему освященному Собору и действует по своей воле. А Патриарх сказал: «Какой там у вас Собор, и кто

приказал вам прикладывать руки?» Власти сказали, что Собор составился по приказу царя вследствие безумия Никона: и с ним-де Никон не имеет ничего общего, ибо он оставил свое достоинство и Патриаршество. Никон сказал, что он не оставлял Патриаршего достоинства. Они уличали его собственноручным его письмом к царю после ухода с кафедры, и в письме написано, что «он не хочет возвращаться, как пес на свою блевотину, и подписался «бывший Патриарх». После этого власти сказали, что он не может называться Патриархом, а Никон сказал: «Да, для царя я уже не Патриарх» (IV, 483).

Вопрос о создавшемся каноническом положении вследствие ухода Никона особенно остро встал, когда Собор 1660 г. (постановления его не признаны Никоном и не были осуществлены) установил факт, что Никон добровольно оставил престол; резолюция 27 февраля определяла, что надо избрать нового Патриарха на место Никона. Отправили к Никону в Крестный монастырь стольника Пушкина получить от него согласие на избрание нового Патриарха. Не было, конечно, искреннего желания вести свободные миролюбивые переговоры с Никоном об этом, но хотели лишь получить его согласие на избрание, чтобы быть свободными и в выборе лица; это видно уже из того, что самое решение избрать другого Патриарха состоялось, не ожидая ответа от Никона, подобно тому, как не было искреннего желания, когда просили Никона благословить Митрополита Крутицкого управлять Церковью, ибо тотчас же заставили его управлять независимо от Патриарха в полном подчинении царскому правительству, как если бы престол был совершенно вакантен. Резолюция 27 февраля 1660 г. еще не утверждала, что Никон потерял Епископский сан и даже священный, или что он был абсолютно низвергнут и запрещен в священнослужении.

Никон не допускает поставления нового Патриарха без своего участия.

6 марта стольник Матвей Пушкин сделал доклад на Соборе о своем посещении Никона в Крестном монастыре. Пушкин докладывал, (IV, 235, 236), что он с своей стороны представил Никону, что его звали вернуться на престол неоднократно через боярина Трубецкого (в Церкви 10/VII 1658 и 12/VII, в Воскресенском монастыре), но что Никон отказался вернуться, а дал благословение царю избрать другого Патриарха и что то же Никон говорил после думному дворянину Прокопию Елеазарову и дьяку Алмазу Иванову, посланным к нему. Но Никон сказал, что Трубецкой не звал его обратно на престол в Воскресенском монастыре, а в Москве говорил нечто об этом, т. е. приглашал его просто оставаться, довольствуясь тем положением, которое предоставляют Патриарху царь и бояре, т. е. управлять таким образом Церковью под их верховенством, вопреки тому, что обещано было Никону клятвенно при вступлении его на Патриаршество (т. е. предоставить управлять ему Церковью по канонам). То же Никон передал Пушкину, что он готов дать благословение царю, и при этом благословил двумя руками, ибо невозможно, чтобы верный подданный мог сделать иначе, чем благословить своего царя. Но что касается такого дела, как избрание нового Патриарха без его собственного участия, то на это он не хочет давать своего благословения». Раньше Никон, не желая возвращаться на Патриаршеский престол, говорил, что он дает благословение на избрание нового Патриарха; теперь же, когда дело дошло до более подробных переговоров об условиях этого избрания, Никон естественно развил эти условия более обстоятельно в соответствии с своим пониманием Патриаршего сана (Поэтому обвинения его в непоследовательности и самопротиворечии напрасно, как делают это Соловьев и Каптерев). «Кто же без него может поставить нового Патриарха и возложить на него митру? Ибо митра дана ему Вселенскими Патриархами. Невозможно Митрополиту надевать митру на голову нового Патриарха,

когда он – Патриарх еще жив и имеет на себе благодать Духа Святого. Он де действительно оставил свою кафедру, но не имел никакой мысли оставлять Епископский сан. Что касается этого, то великому государю известно, что он взял с собой, уходя, Патриарший саккос и омофор и употребляет их до сего дня при служении литургии, при приобщении Тела и Крови Господних и при молении за них великих государей... Епископы подписали клятвенное обязательство подчиниться ему и анафематствовали в своем обязательстве Григория Цамвлака за то, что он при жизни Митрополита узурпировал первенствующую кафедру. Те же Епископы клялись не желать другого Патриарха; как же можно без его участия поставить нового Патриарха». Передавая письмо для государя, Никон сказал Пушкину, что иначе он не может поступить, что, если Великому Государю угодно, то он готов придти по приказу царя и поставить нового Патриарха, который будет избран, а для себя Никон просил не отбирать у него основанных им трех монастырей (IV, 2, 3, 6). В письме же царю Никон писал: «Если выяснено, как Патриарх может быть избран правильно и благочестиво, то пусть будет призвано наше смирение дружественным и почтительным образом. Это дело, как дело религиозное, подлежит обсуждению Соборному и благочестивому (т. е. с молитвой); пусть выборы будут сделаны, и кого Божественная благодать изберет в Патриархи, тот пусть получит наше благословение, как требует правило Церкви. Ибо, как мы приняли благодать от Св. Апостолов, передавая ее один другому, и как мы сами были посвящены правильно в тот же ранг и приняли Божественную благодать, так, приняв, мы можем и давать ее. И как от одного светильника зажигается другой, так от имеющих благодать она переходит к избранному через наложение рук и не причиняет никакого уменьшения в передающем, как свеча, от которой зажигаются многие свечи, не терпит ничего в своем свете. И так на вновь избранного Епископа низойдет Божественная благодать и все Епископы будут разрешены от уз клятвы, которую они давали при своем избрании в Епископы в Святой Соборной Церкви

перед благочестивейшим царем и Патриархом и всем освященным Собором и царским синклитом и всем народом, на которой они собственноручно подписались, каждый из них согласно обычаю, установленному Церковью».

Разногласия на Соборе 1660 г. о Никоне и мнение Епифания Славинецкого.

Собор в решении 27/II 1660 г. постановил, что Никон более не Патриарх, что Епископы не должны более целовать его руки и давать титул Патриарха, и что за нарушение этого они подлежат наказанию. Главное же было в том, что было установлено достоверно и окончательно отречение Никона. Разногласие было относительно сохранения Епископского сана: некоторые утверждали, что он должен быть удален с престола с правом служить в сане Епископа, а другие вместе с боярами отвергали это право за Никоном и требовали лишения священнического сана. Греческие Епископы отвергали, чтобы после окончательного отречения от престола Никон оставил за собой Епископский сан, но царь был смущен прецедентом послания III Вс. Соб. к Памфилийцам об Епископе Евстафии, который не был лишен сана за оставление кафедры и получил от Собора прощение и разрешение священствовать, а иные русские Епископы расположены были, низлагая Никона с престола, разрешить Никону служить и даже посвящать клириков, но только в своих монастырях. Руководимый правительством Собор 1660 года не вникал в причины ухода Никона, и самого его не допрашивал об этом, а обсуждал только самый факт оставления кафедры; установив, на основании представленных ему царем свидетельских показаний, решение, что Никон оставил кафедру, окончательно и довольно, Собор перешел к вопросам, что делать Никоном и с кафедрой Патриарха. В виду того, что деяния Собора не были приведены в исполнение, и все дело Никона оказалось в тупике, при отсутствии уверенности в законности Собора судить Патриарха, из тупика его призван был вывести руководимый Лигаридом другой Собор 29 декабря 1662 года,

решивший послать к Константинопольскому Патриарху за решением этого дела.

Среди членов Собора 1660 г. выдавался своей ученостью Епифаний Славинецкий, и ему были предложены вопросы: 1) возможно ли без Соборного низложения Никона ставить нового Патриарха, 2) возможно ли восстановить Никона после его отречения от кафедры, 3) низложить Никона и поставить другого Патриарха при жизни Никона, не совершая неправильности, 4) если Никона низлагать, то низлагать ли его только с Патриаршего престола или и из Епископского сана. Епифаний Славинецкий обратил внимание на большую трудность вопроса, ибо корабль Русской Церкви оказался без управления, когда рулевой есть, и невеста Христова странно овдовела, в то время как жених ее (Патриарх) жив, и мы оставлены сиротами, когда имеем отца. Вещь новая и странная, ибо Св. Никон не смертью, но добровольным уходом поставил нас перед этими трудностями. Его уход неполный, как видно из его поведения, так как он совершает Епископские акты, которых бы он не решился совершать, ибо совесть ему это запретила бы, если бы он действительно оставил престол. Он не отказывался письменно от кафедры, но только устно сказал, что не будет Московским Патриархом. Но время покажет, почему он так поступил, от смирения ли, или хотел пробудить совесть людей и привести их к сознанию своего долга и скорее склонить к смирению тех, которые ему противились и огорчали его, или по какой другой причине. Но теперь надо решить вопрос, должно ли Никона восстановить на его кафедре, или необходимо, оставив его в стороне, избрать другого. Епифаний Славинецкий обещает ответить по совести, не желая никого оскорблять и прося заранее прощения, если кому его ответ неприятен. Он ставит вопросы так: «1) Возможно ли, не низлагая Никона, ставить другого? 2) Возможно ли после его отказа от кафедры звать его на нее опять? 3) Возможно ли низложить Никона и при его жизни, не совершая неправильности, поставить другого на кафедре, 4) если Никона низлагать, должно изучить, надо

ли его удалить только от Патриаршей кафедры или одновременно лишить Епископства». По первому пункту мое суждение таково: если Никон не низложен сначала Соборно, то другого ставить нельзя. Иные скажут: он сам себя низложил и отказался от своей кафедры. На это я скажу, что он отказался только на словах, чтобы неповинующихся ему побудить повиноваться, но не на деле, ибо он не дал письменного отречения и не сделал этого на Соборе. Кроме того, он ушел в Епископской мантии и до сего дня совершает Епископские акты. Но предположите, что он отрекся не только на словах, но и на деле, что не было бы согласно с правилами Церкви. Ибо согласно Св. Кириллу Архиепископу Александрийскому, хотя бы отречение было несомненное, однако, если достоин, должен служить, а, если недостоин, то не позволено отрекаться, но должно исследовать, уличать и низложить. Но без уличения он не может быть лишен кафедры. Поэтому отречение Никона ничтожно, и, если он не имеет канонической вины (недостоинство), то может служить; но, если он имеет каноническую вину, он должен Соборно быть судим и после установления вины быть низложен. Тому нас учит 16 правило Двукратного Собора, говорящее: «Пусть никто ни при каких обстоятельствах не захватывает кафедры, Епископ которой жив, ибо преступление должно быть сначала доказано и затем после низложения может быть поставлен другой». Итак, мне кажется, невозможно избирать другого пока жив Никон. Хотя бы Никон и отрекся, он может быть снова восстановлен, согласно Св. Кириллу, который говорит: если он достоин, пусть служит. Это – ответ и на второй вопрос. Некоторые скажут: он не хотел быть приемлем ни для кого, поэтому его не должно восстанавливать. На это я отвечу: доктор не должен льстить воле своего пациента, но призван делать то, что он знает по правилам своего искусства, чтобы быть полезным. Так и пастырь должен делать то, чтобы мы могли спастись. Для чего-нибудь он имеет пастырский посох! Отец, любящий своих детей, не щадит розог, и послушный в сознании долга сын может

сказать с царственным пророком: «Твой прут и твой посох подкрепили меня». И Павел, сосуд избранный, говорит: «Если вы переносите исправление, тогда вы – сыны». Поэтому я думал, что Св. Никон часто читал, что случилось с Первосвященником Старого Завета за неисправление своих сыновей, заботливо остерегался, чтобы нечто подобное не пришлось испытывать ему самому. И если Никона не всем легко было переносить, то он за это не заслуживает низложения, но скорее с сыновней покорностью и любовию мы должны просить его исправить себя в нашем образе действия. 3) Но, что касается суда над ним, то кто из нас может это делать? И как? Ведь, по IV Вс. Соб. 9 пр., если Епископ имеет что-либо против Митрополита, пусть об этом сообщит Константинопольскому Патриарху, который имеет право судить даже Епископов других Патриархов. Но здесь дело идет о лице высшем, чем какой-либо Митрополит, о Патриархе Всея России, отце отцов, пастыре пастырей. Но какой сын может судить своего отца?

Или какая овца может судить своего пастыря? По моему это совершенно невозможно. Единственно, что можно, так это передать дело Константинопольскому Патриарху. И, таким образом, в этих словах ответ и на третий вопрос, что по канонам мы некомпетентны судить Никона и низлагать его, ни, следовательно, ставить другого на кафедру, когда он жив. Но так как не только каноны Св. Отцов, но и прецеденты, не получившие порицания на Соборах, для нас – зеркало, смотреть в которое мы можем, чтобы определить свое поведение, то мы имеем прецеденты оставления кафедры их Патриархом и избрания и назначения других на кафедру при жизни Епископов, оставивших свои кафедры. Так оставил свою кафедру Св. Григорий Патриарх, и другой был поставлен на его место; Евстафий оставил свой престол, и другой был назначен. Эти поставления новых Епископов не были осуждены Вселенскими Соборами, ни другие подобные случаи. Поэтому, согласно этим прецедентам, в данном случае, после оставления кафедры Св. Никоном в Соборе перед лицом

досточтимых Епископов и почтеннейших архимандритов в присутствии многочисленного духовенства и перед православным народом, возможно, говорю я, при жизни Никона поставить другого на кафедру. Только, как Григорий после оставления кафедры не был лишен Епископского достоинства, и как Евстафию не было запрещено удерживать честь и звание Епископа, так и Никона не должно лишать Епископской чести и звания, хотя бы он был без кафедры, так, думается мне, должно быть угодно Богу, не позоряще для оставившего свою кафедру, для нас без греха и для всех удовлетворительно. Если бы Никон, будучи оставлен в чести, вздумал причинить каким-либо актом смуту, он бы сразу заслужил таким деянием лишения Епископской чести и звания». Записка Епифания Славинецкого кончается испрашиванием прощения, если он в чем ошибся, и вручением всего «высочайшему усмотрению его славнейшего царского величества и Святому Собору Епископов». Этот документ памятен не только своим совпадением со взглядами Никона на высоту Патриаршего сана, носитель которого не может быть судим своими Епископами, но и тем, что Епифаний Славинецкий, современник Никона, указал на неисследованность природы ухода Никона, а равно и на то, что каноны и прецеденты не требуют непременного лишения Епископского звания за отречение от кафедры. Но в воззрениях Епифания то различие с Никоном, что Никон никогда не поверг бы своего мнения в чисто церковном вопросе на высшее усмотрение царского величества.

Мнение Иерусалимского Патриарха Нектария об уходе Никона.

Впоследствии Иерусалимский Патриарх Нектарий в 1664 г. 20 янв. писал царю о необходимости просто пригласить Никона обратно, несмотря на то, что всю информацию о деле Никона он получал только от врагов Никона – от иеродиакона Мелетия, друга Лигарида; указал он также на условия действительного отречения от кафедры

и также не связывал с этим актом необходимости лишать сана. Сообщая о получении грамоты от царя, Патриарх Нектарий писал: «В сей грамоте мы не нашли ни причины удаления Св. Патриарха вашего кир Никона, сослужителя и брата нашего о Христе нашего смирения, ни другой какой вины против него, кроме пятилетнего его отсутствия. Мы слышали от иеродиакона Мелетия который, как говорят, слышал сие из уст Вашего Величества, показывая нам некоторое письмецо, данное ему вместо памятника, заклинающее его Богом, дабы он сказал все, что знает о кир Никоне и его противников. Что касается до тех противников, то, по сказанию его, немногие и недостаточные внимания приводят они причины против Никона». Нектарий считает, что «объявить решительного мнения он не может, ибо по церковным правилам недопустимо произносить приговоры над Патриархом по свидетельству одного человека и притом низшего сана. Самым важным Нектарий почитает отбытие Никона, а не то, что он произнес отречение перед Церковью от Патриаршего престола по причине непокорного народа. «Нам кажется, пишет он, что вы мирным образом можете успокоить это дело и снова однажды или дважды пригласить кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол, показав ему статью положения для достаточного соблюдения. И ежели он окажется сперва преступившим оные , а потом раскается, и даст обещание соблюдать, то достоин прощения, ибо часто случалось весьма много такового и еще важнейшего в Церкви, и все исправлено для мира и тишины. И так, просим мы Святейшее Ваше Величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего к советам мужей завистливых, любящих мятежи и возмущения, а наипаче, если таковые будут из духовного сана... Несогласия и возмущения в Церкви страшнее всякой войны, ибо раздирают нетленную одежду Христову, которую не разделили и жестокосердые воины во время страдания Христова; разодрать же одежду Христову есть явный знак погибели души, за которую умер Христос... Первое достояние есть мир: мир бо, глаголал Снисшедший на всякую смерть, оставляю вам, мир Мой даю

вам. Или не знаете, что самопроизвольно отметающий первое наследие лишается и усыновления и уже не обретает отца во Христе; ибо не имеющий мира как возможет быть чадом Христовым? И так помысли о сем, миролюбивый государь, последуй кротости Давида, восприими ревность по вере Православной и постарайся со тщанием паки возвести Патриарха вашего на престол его, дабы во время священного твоего царствования не было положено злого и гибельного начала сменять православных и правомыслящих о догматах веры Патриархов ваших. Сие есть начало разрушения Церкви нашей в Константинополе; оно послужило и доныне служит источником многих зол и сделало нас посрамленными перед Западной Церковью. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у вас не обратилось в гибельную привычку. Если Никон говорит, что он не отрекался от престола, но от непокорных, то ясно, что он обличает непокорность народа. И так, покажите к нему достодолжное повиновение, как к строителю благодати, повиновение, не обыкновенное в Церквах Божиих, но каковое предписывают Божественные законы. Отречение же его, которое, как говорят, он сделал в Церкви, может быть принято снисходительнее, для соблюдения тишины, тем более, что он Кир Никон, как мы сказали, отрекся от непокорного народа, а не от престола». Очевидно, писавший в 1664 г. Патриарх Нектарий понимал иначе природу ухода Никона, чем Собор 1660 г.; он не усматривал в действии Никона отречения от престола и решения Собора 1660 г. не почитал канонически действительными. Далее он пишет вообще об отречении, и условиях его действительности: «Бывший по взятии Константинополя тамошний блаженной памяти Патриарх Геннадий говорит в одном своем письме к монахам Синайской горы, которого мы и подлинник там видели и копию с оного имеем, что отречение Архиерея недействительно, если не будет принято и утверждено Патриархом. Подобно сему и отречение Митрополита и Патриарха. Во время нашего Патриаршества в св. городе Иерусалиме подведомственный нам Митрополит Дорофей

многократно просил отставления от своей епархии; но как он муж добродетельный, сильный делом и словом в утверждении тамошних христиан, то мы не согласились на его отречение; когда же наконец он после многих прошений поднес нам письменное отречение, на место его возведен уже был Ираклийский Митрополит Неофит; после же сего некоторые из первостепенных Митрополитов, узнавши о том, съехались из своих епархий в Константинополь и, недовольны будучи отречением Кирилла, уничтожили оное и, успокоив Неофита по согласию его церковным содержанием, снова возвели на престол Кирилла и сие сделали не по особенной какой дружбе к нему, и не по вражде к Неофиту, но потому, что Кирилл опытнее в управлении Церквами. Итак, священный венценосец, последуй правилу премудрого Геннадия, который говорит, что неутвержденное отречение недействительно; ибо, ежели мы подробно будем исследовать, то найдем много других древних примеров, согласных правилу сего Патриарха, который по требованию султана Магомета, взявшего Константинополь, предоставив ему письменно премудрые богословские положения веры христианской, приобрел у него великое уважение, вашего же Патриарха дело совсем в другом положении, ибо он не подал ни письменного отрицания своему Собору, ни ваше священное Величество равно, как и весь народ, не принимали отречения. Неоспоримым сему доказательством служит то, что ваше священное Величество до ныне приглашаете его возвратиться. И так из всех обстоятельств явствует, что его отречение недействительно и состоит только в его словах, и должно вам, как я прежде сказал, снова призвать его. С сим вместе пишу я и к нему, братски увещевая его, что ему неприлично было оставить столицу и жить вне оной. Ежели соизволит ваше священное Величество, то перешлите к нему помянутое послание...» Патриарх Нектарий пишет, что он не может приехать по причинам, о которых скажет посланный Севаст Димитриев (политическим), и заканчивает письмо так: «Предлагаем вашему Величеству и то, что, если Кир

Никон по вторичному приглашению не согласится возвратиться на свой престол, то извольте поступить по правилам положения, что будет совершенно правосудно, ибо неприлично столичному городу быть без духовного пастыря. Итак непременно должно его возвратить или другого возвести на его место; однако гораздо лучше вашему Величеству возвратить его по вышеуказанным причинам. Господь же Вседержитель, Податель мира и тишины, да сохранит державу Богодарованного Твоего царствия в долговременное наследие священнейшего и державнейшего рода твоего». Лета 1664 г. марта 20 дня». Грамота эта помещена в Русском Архиве за 1873 год. Однако, не только Никона не приглашали возвращаться, а старались доказать, что он ушел не от непокорной паствы, а от престола; мало того, что будто он отрекался с произнесением клятвы на себя в случае возвращения, что Никон категорически всегда отвергал, и что утверждали из всех свидетелей его ухода только его заклятые враги Митрополит Питирим и вторившие ему после его показания священник Феодор Терентьев и Хутынский архимандрит Тихон (Николаевский. Обстоятельства и причины удаления Патриарха Никона с престола. Хр. Чт. 1883, I).

Собор 1660 г. решил, что Никон окончательно отрекся от престола, на основании этих последних показаний, а Никон никогда этого не признавал; самое решение Собора 1660 г., устанавливавшее отречение Никона, настолько не было воспринято умами, что Собор в январе 1665 г. снова вступил в переговоры с Никоном об условиях его отречения от престола.

Уход Никона правительством сознательно истолковывается иначе, чем это было в действительности.

Суждения Епифания Славинецкого и Патриарха Нектария интересны потому, что дают справку не только каноническую, но и историческую относительно того, как трактовались Соборами случаи отречения от кафедр. Что Никоновского возвращения ни царь, ни правительство не

желали и лишь хотели истолковать его уход, как отречение, вытекает уже из того, что Никон дважды предполагал вернуться не только в декабре 1664 г., как это известно из судебного дела над Местоблюстителем Патриаршего престола Митрополитом Ионой за принятие им благословения от Никона по приезде его в Успенский Собор во время утрени 19 декабря 1664 г., но, как доказал Гюббенет, еще и в 1662 году 27 декабря. Эти попытки Никона показывают, что он не отрекался от престола, но считал возможным управлять Патриархатом только при соблюдении данной ему царем и боярами клятвы; когда он имел некоторые основания думать, что, вернувшись, он сможет управлять Церковью канонически, – в виду предполагавшихся, хотя и ошибочно, им перемен в отношениях царя к нему, – а не по указке царя и бояр, тогда он предпринимал попытки занять вновь Патриарший престол. Однако, обе его попытки показали, что в Москве думали не о каноническом разрешении вопроса об его уходе, а об его принудительном удалении во что бы то ни стало. Выше цитированное письмо Патриарха Нектария к царю не только не было показано Никону, но даже не было доставлено и то письмо, которое было прислано ему лично Патриархом Нектарием; оно было уничтожено царем (IV, 502, Прим.); даже посланный Патриарха Нектария Севастьян Димитриев был арестован и не допущен до Никона. Патриарх Нектарий ошибался, что царь продолжал желать возвращения Никона на престол; ему лично могло быть неизвестным, что царь отклонил первую попытку Никона в декабре 1662 года вернуться, вторая же попытка в декабре 1664 года случилась позже времени отправления письма Патриарха Нектария, но исход ее также свидетельствовал, что в Москве хотели другого Патриарха и искали только создать подобие канонической правды при лишении Никона Патриаршего престола и священного сана. Услужливые греки, привлеченные царем на Собор 1660 г., соглашались на то, что Никона надо лишить и сана со ссылкой на 16 пр. Двукратн. Собора, где, по их словам, говорилось: «абсурдно

для отрекающегося Епископа удерживать право на священство». Собор между 10 и 21 мая 1660 г. решил, что Никон должен быть низложен и быть лишен не только Епископского сана, но и священства.

Протест Епифания Славинецкого против лишения Никона Епископского сана.

Епифаний Славинецкий, сначала введенный в заблуждение вышеупомянутой цитатой из 16 пр. Двукратного Собора, присоединился к постановлению об избрании нового Патриарха и низложении Никона но, узнав о том, что таких слов нет в 16 пр. Двукратн. Собора, взял обратно свое согласие на низложение Никона в виду его неканоничности и несправедливости и заявил о своем раскаянии особой докладной запиской, мотивируя свой поступок, что он не осмелился противоречить Собору, веря цитате (IV, 257). Он соглашался на избрание нового Патриарха, но, писал он, «я не осмеливаюсь писать о низвержении из сана бывшего Патриарха Никона, ибо не нашел такого канона, который низвергает и лишает священства Епископа, оставляющего свою кафедру, но не отказывающего от священства».

В другой, более подробной записке, лучше мотивированной, Епифаний Славинецкий подробно это мотивировал, приведя не только исторические примеры оставления кафедры без лишения священства (Св. Григорий Богослов, Епископ Феодул Маврикийский и Епископ Евстафий), но и анализом прав Епископа. «Епископство (надзор) одно дело, а Первосвященство – другое. Каждый Епископ – Первосвященник, но не каждый Первосвященник – Епископ. Архиепископ и Митрополит – Первосвященник, но он не Епископ, ибо он Митрополит. Патриарх есть Первосвященник, но он не Епископ, ибо он Патриарх, ибо одно дело Епископство (в смысле административных прав), а другое – Первосвященство. Во-вторых, Епископская (административная) власть различается по степеням. Власть Епископа – меньшая, ибо ей подчинены

только священники; власть Архиепископская больше, также власть Митрополита, ибо им не только священники, но и Епископы подчинены. Больше всех власть Патриарха, ибо ей подчинены не только священник и Епископ, но и Митрополиты. Но власть Первосвященника неделима. Ибо все Первосвященники равны в отношении их Первосвященства. Ибо Епископ есть такой же Первосвященник, как Архиепископ, и Архиепископ такой же, как Митрополит, и Митрополит такой же, как Патриарх. Здесь на лицо двойная функция: одна состоит в том, чтобы обличать, отделять от общения, низлагать и питать стадо, ему вверенное, а другая функция – совершать богослужения, посвящать диаконов, священников; последнее Епископ совершает как Первосвященник. Ибо Епископство – одно дело, а Первосвященство – другое; Первосвященник может оставить Епископство и свои административные функции и удерживать Первосвященство и совершать относящиеся к Первосвященству функции» (IV, 268). Самая записка Славинецкого датирована им 26 мая 1660 г. (в IV, 281 все постановление написано полностью).

Постановление Собора 14 августа 1660 г. И мнение архимандрита Игнатия.

16 августа того же года тот же Собор принял другое постановление о поставлении другого Патриарха, не лишая Никона Епископского сана, но и это постановление не было приведено в исполнение. Ведь и Славинецкий, и другой ученый – архимандрит Борисоглебский и игумен Богоявленского монастыря в Полоцке Игнатий заявил о некомпетентности Епископов судить своего Патриарха без совета Константинопольского Патриарха и других Вселенских Патриархов (мнение Игнатия – IV, 245-250). И Сардик. Правило 17 говорит, что, «если Епископ несправедливо притесняется, хотя бы он был вне своей епархии до прекращения гонения, он должен быть принят обратно» (I, 595).

Греческие Архиереи подали записку, в которой объясняли, как надо относиться к оставлению кафедры Архиереем, и приложили два приговора, более строгий с лишением не только кафедры, но и священства, и более мягкий с лишением только кафедры. Гюббенет отмечает, что не одно возражение Епифания Славинецкого остановило царя в исполнение приговора. Греческие Архиереи, хотя и согласились с постановлением Московского Собора о низложении Никона, но в своих правилах, представленных на Собор, и в особом объяснении, поданном царю, Собору и синклиту, предоставляли власти оказать снисхождение; они говорили, что Никон в отречении своем, хотя и погрешил, как человек, но в догматах веры он благочестивейший и в соблюдении Апостольских и Отеческих Преданий Восточной Церкви был большой ревнитель; они указали на пример Евстафия Памфилийского, которому третий Вселенский Собор оказал в подобной вине снисхождение (дозволил священнодействовать), и на этом основании предлагали оказать и Никону снисхождение. Все эти обстоятельства и могли иметь влияние на царя; по всей вероятности, все это было причиной, что царь остался при прежней нерешимости, и постановление Собора не было приведено в исполнение (Гюббенет I, Конец IV главы).

Никон не отрекался ни от священства, ни от кафедры.

Сам Никон неоднократно утверждал, что он не отрекался ни от священства, ни от престола. В июле 1663 года Никон говорил приехавшему в Воскресенский монастырь на следствие о Никоновских проклятиях на молебне Николаю Ивановичу Одоевскому и через него всем боярам. Одоевский говорил ему: «Ты сам писал «бывший Патриарх», поэтому ясно, что ты оставил Патриаршество». Никон сказал: «Патриаршества и Епископства я не оставлял, но ушел от вашей злобы, давая место гневу. Почему ты не называл меня «бывшим» с самого начала. Ты сам видел, как (август 1659) мы были во время неожиданного набега татар на Москву, и как мы были по обычному приняты царским величеством,

как и раньше, так как он знал, что ничего нет в нашем уходе заслуживавшего порицания. И царь и царица и царевна и царевичи и все бояре приняли от нас благословение, никто не упрекал нас» (IV, 168). Когда в 1660 г. Никон говорил посланному к нему стольнику Пушкину, что не могут ставить без него нового Патриарха, он также исходил из мысли, что ни Первосвященство, ни кафедра им не оставлены; в селе Чернове 19 декабря 1664 года, когда после его непринятия в Москве у него хотели отобрать взятый им посох Чудотворца Петра, он его не хотел отдать и сказал, что «его некому по правилам передать; оставил он Патриарший престол на время вследствие насилий против него от посторонних (церковному управлению) людей и вследствие неких обид» (IV, 549); так и на суде в заседании 5 декабря 1666 г. он говорил, «Я не отрекался, а отошел по Святому Писанию: «Где не приемлют вас, отыйдите»; я и отошел, а про отречение свидетели говорят ложь». А в другой раз в заседании Патриархи его спросили: «Разве ты не отрекался?» Никон сказал: «Отрекался в особом моем смысле, подобно Мартирию Антиохийскому, который, когда паства стала ему непослушна, отказался оставаться их пастырем»; тем не менее, так как он сделал это устно, то его заявление не сделало кафедры вакантной (V, 683). На суде Никон несколько раз заявлял, что не имеет больше желания возвращаться на кафедру, и прибавлял, что он не один, который подвергается неправильному гонению, то же сделали и с Иоанном Златоустом и, повернувшись к царю, сказал: «Когда были бунты в Москве, ты сам признавался, что среди бояр гнездилась эта несправедливость, и я, будучи огорчен, что ты попускаешь этой несправедливости, отошел от твоего гнева» (V, 715). О возможности еще более раннего ухода Никона говорил Родион Стрешнев на суде в заседании 5 декабря, свидетельствуя, что будто Никон говорил, что он давал обеты не оставаться больше 3 лет; Пальмер прибавляет, что в 1655 г. Никон чувствовал, что царь не хочет поддерживать его против бояр, и искал ухода с кафедры (V, 715). Что касается канонической стороны вопроса, то Никон

сам указал, что природа его ухода не подходит под 16 пр. Двукратн. Собора. «Он уходил не в другую епархию, а оставался в своей и следовательно не нарушал прав другого Епископа в его епархии. Он к тому же не Епископ, а Патриарх, и оставался в пределах своей епархии». Если вникать в смысл 16 пр. Двукратн. Соб., то оно установило определенные ограничения для отсутствия Епископа из епархии, хотя бы и по важному делу, в 6 месяцев, но это постановление сделано отчасти ради охраны прав других Епископов, а с другой стороны 11 Сард. правило указывает еще другую причину этого ограничения: на охрану от огорчения вверенного Епископу народа в случае его долгого отсутствия и на возможность возникновения в его епархии многих смятений и неустройств» (Троицкий, Церк. Ведом. 1924 № 14—15).

Смысл ухода Никона.

Никон же уходил из-за гнева царского и за практической бесполезностью борьбы с боярством против захвата им церковного управления, при отсутствии поддержки со стороны царя, и невозможности получить таковую поддержку от Епископата. Он ушел, ибо его управление становилось при таких условиях той «блевотиной», как он выражался, на которую возвращается пес, о чем не преминул упомянуть в суде 5 декабря дьяк Алмаз Иванов (V, 715), желая напрасно этим показать, что будто Никон в этих словах выражал отречение от кафедры. Никон и уходил с тем, чтобы побудить царя обратить внимание, что такое положение получилось в результате несоблюдения царем клятвы предоставить управление Церкви Никону по канонам церковным, а не по уложению 1649 года; следовательно, самый уход совершен им не из-за небрежения к пастве, а, напротив, вследствие самой ревностной заботливости о ней. Одновременно его уход был и уходом от всех людей, которые роняли его авторитет и препятствовали каноническому управлению Церковью. Поэтому Никон и

говорит, что он уходил так, как уходили Апостолы из того города, где их не принимали.

Поучение Никона после литургии 10 июля 1658 г. гласило: «Свидетельствую перед Богом, перед Св. Богородицей и всеми святыми, если бы великий государь царь не обещался непреложно хранить Святое «Евангелие и Заповеди Св. Апостол и Отец, то я не помыслил бы принять такой сан; но великий государь дал обещание здесь в храме перед Господом Богом, перед святым чудотворным образом Пресвятой Богородицы и перед всеми святыми, перед всем Освященным Собором, перед своим царским синклитом и всеми людьми, и поколику царское величество пребывал в обещании, повинуясь Св. Церкви, мы терпели; теперь же, когда великий государь изменил своему обещанию и на меня гнев положил неправильно, якоже весть Господь, оставляю я место сие и отхожу отсюда, дая место гневу» (По Гюбб. из I гл. I т.). Никон дважды думал об осуществлении своего возвращения на кафедру, но оба раза его не пустили.

Приезд Никона в Москву в 1662 году и показания старца Аарона.

Помимо того пришествия в Москву, которое было в августе 1659 г. по случаю тяжелых военных известий о возможности вторжения в Москву татар, Никон, как доказал Гюббенет, выехал в Москву 27 декабря 1662 года. В это время он еще пользовался свободой передвижения, которой был лишен только в июле 1663 года; его ограничение в общении с внешним миром заключалось до тех пор в том, что к нему в Воскресенский монастырь никого без разрешения правительства не пускали; Гюббенет доказал, что Соловьев смешал в один приезд 1664 г. два разных приезда Никона в Москву – в 1662 и 1664 г. Первый из них состоялся после решения царя созвать Собор Вселенских Патриархов и послать с грамотами к ним на восток иеродиакона Мелетия, по инициативе глубоко преданного Никону Воскресенского монастырского старца Аарона, не побоявшегося сказать царю на допросе в том же 1662 году правду о причине

углубляющейся ссоры между ним и Никоном и поплатившегося за это ссылкой в Соловецкий монастырь. Этот старец привез письмо от Никона царю, которое имело целью остановить уже решенную царем посылку Мелетия к восточным Патриархам, в виду плохих известий о Мелетии, бывших у Никона. Никон одновременно напоминает царю о причине своего ухода, о канонической своей правоте, о бывшем на него Соборе и о готовности быть судимым по канонам. Никон писал царю: «Ведомо мне учинилось, что ты, великий государь, изволил писать ко Вселенским Патриархам о Соборе, нашего ради отшествия, с черным диаконом Мелетием греком. И если есть истина с правдой, во истину не отметаемся и хвалим твое изволение, как Божественное, если Патриархи восхотят сами быть и суды произвести по Божественным заповедям евангельским и по канонам Св. Апостол и Св. Отец. Ей, не отметаемся, но молим твое благородие, с кротостью и долготерпением послушать, это малое наше извещение. Ведь, твое благородие и сам, знает, что наше отхождение было вследствие гнева; этому свидетель Бог, Св. Церковь и все люди, что я страхом Божиим свидетельствовал в то время и небу и земле: услыши небо и внуши земля! Итак, по заповеди Божией от гнева твоего изыдох по писанному: дадите бо, рече, место гневу. А что твое благородие изволил созвать по нашем отшествии на суд Митрополитов, Епископов и архимандритов, то это сделано против заповеди Божией, так как нигде нет такого закона или правила, чтобы своего Патриарха судили свои Епископы, в особенности же от него рукоположенные и в его отсутствие, ибо не подобает никого осуждать прежде, чем будет известно доподлинно о вине осужденного, хотя бы и много было оговаривающих. «Приводя суд Пилата над Христом, Никон продолжает: «Зри, христианнейший царь, даже и иудеи в такой лютой зависти ничего не сделали против закона, без свидетельства и заочно, хотя и все сделали неправедно и из зависти; потому Христос и сказал Пилату: Предавый Мя тебе болий грех понесет; так и здесь: смутивый твое благородие болий грех понесет. Если созванный по

твоему государеву указу Собор по составленному им определению, список, которого мы имеем, хочет осудить меня только за одно отхождение, то уже подобает и Самого Христа низвергнуть, так как Он много раз отходил зависти ради иудейской, и Св. Предтечу, и Св. Апостолов и Пророков, всех Святых и Св. Евангелия, и все священные книги, из которых мало нечто на память твоему благородию выпишем, что следует удаляться от наветующих». Затем Никон выписывает из Евангелия о бегстве Христа в Египет и другие случаи, когда уходил Христос, о бегстве Апостолов из Деяний и указывает на Соборное правило: «если Епископ за исповедание веры, или как поборник истины, сопротивляясь властям нетворящим истины, из своего города быв изгнан, в другой город придет, не возбранится ему там пребывать, пока обрести возможет и пременения бывшего на нем досаждения». Далее Никон говорит: «в то время как твое благородие с нами в добром согласии и любви были, мы писали тебе великому государю, что ненависти ради людской невозможно предстательствовать в Святой Великой Церкви – каков был тогда твой великого государя ответ? Письмо это хранится в тайном месте одной церкви и о том никто не знает кроме нас самих. Ты же смотри, благочестивейший государь, чтобы не было чего тебе от таковых твоих грамот, или не будет ли в суд перед Богом и созываемым тобой Вселенским Собором, рассмотри все это; я уже писал об этом к твоему благородию, не как высоты сана взыскуя, желаю, чтобы, Св. Церковь без смущения была, и тебе бы великому государю перед Господом Богом не вменился грех, не боясь Великого Собора, но не давая святому царствию зазора, так как между двумя или тремя станет всяк глагол, а наипаче во множестве. Везде Епископы наши обвиняют нас одним правилом Двукратного Собора (16 пр.) которое не о нас писано; а как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда я думаю, ни один Архиерей или пресвитер не останется достойный, но все сами постыдятся и осудятся от св. правил. Еще не внял и твое благородие, что Архиереи по

избрании исповедали св. символ и обещали св. каноны хранить непреложно... Когда придет время, тогда, как нетопырь усмотрит свое деяние смущающий твое преблаженство Крутицкий Митрополит с Иваном Нероновым и прочими советниками которые о нас говорят, что словом клялся не быть Патриархом, а их клятвы мы имеем за их руками. Слышали мы, что твое благородие изволил послать со своими царскими грамотами Мелетия; согласно Карфаг. Собора по 8 пр. можно ли такому вверять такое важное дело, а он – злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает, а здесь такое дело за ним было – чаять оно есть в Патриаршем приказе – и известно Арсению Греку и другим, которых он знает; есть у тебя великого государя своих много помимо такого воришки». Никон стремился остановить посылку Мелетия, и этим письмом, если бы оно было принято во внимание, была бы предотвращена и история подделки полномочий от Константинопольского Патриарха Паисию Лигариду и вся искусственная процедура нечестивого суда, с рядом подтасовок канонов, обманов, подкупов, бросившая тень не на невинного исповедника, а на тех, кто совершал эту комедию для получения желательного для себя результата – окончательного удаления Никона от власти. Письмо кончалось так: «Тем же молим твою кротость принять малое сие наше написание, как Божественное, и прочитать с великим прилежанием, и Бог мира устроит святое твое царство мирно и безгрешно, да и мы богомольцы ваши поживем во всяком благополучии и тишине». Аарон привез письмо в Москву, хлопотал там, чтобы Никон приехал в Москву и виделся бы с царем, и он послал нарочного с письмом к Никону: «Царское де величество пятый год не может дождаться тебя, Святейший Патриарх». Аарон 27 декабря явился к царскому духовнику, подал письмо от Никона и сказал ему: «Патриарх приехал в Черново, чтобы царь позволил ему приехать в Москву помолиться Пресвятой Богородице и где государь велит ему очи свои видеть». Царь ответил духовнику: «Скажи посланному – видеться мне с

Патриархом на Москве непригоже да и не для чего, а как приедут Вселенские Патриархи, тогда если Богу будет угодно увидимся, а кроме того пошли в Черново к Патриарху окольничьего с поручением отклонить приезд Никона в Москву». Но Никон уже разъехался с посланным и прибыл в Москву в Воскресенское подворье и послал доложить царю. Царь разгневался и сказал: «Патриарху не видеть моих очей до приезда Вселенских Патриархов». Извещенный об этом Никон в тот же день уехал в Воскресенский монастырь.

Вернувшись в монастырь, Никон написал письмо царю с мольбой о справедливости и о прощении в своих винах: «Богомолец ваш, государь, смиренный Никон Патриарх Господа Бога молю о вашем государевом душевном спасении и о телесном здравии и о еже на супостата о победе и о одолении, да даст Господь в мире сем царствование мирно и безмятежно якоже Давиду Кроткому и Соломону Премудрому и Константину Православнейшему и Владимиру Приснопамятному, крестившему русскую землю, и да приложит ти Господь Бог лета на лета и дни на дни до дня рода и рода». Уведомив царя о получении денег за соляные варницы у Воскресенского монастыря, Никон продолжает: «А что я писал к тебе, великому Государю, второе мое писание и прошение, чтобы мне помолиться Пресвятой Богородице и Св. Образу Ее приклониться и пресветлое лицо твое великого Государя видеть, и престолу славы царствия поклониться – в том погрешил; безмерно и непрощенно согрешил перед тобой, великим Государем; знаю, что мытари и лихоимцы, которые хотят тебя видеть – видят; один только я, более всех грешнейший перед тобой, недостоин тебя видеть. Молю тебя, великий государь, если я в чем согрешил беззаконно, от всего сердца, оставь Господа ради, да Господь Бог оставит твои согрешения. Хотя ты и царь земной, но и ты просишь от Царя, царствующего над царями, Господа Бога прощение. Более сего не могу к милости тебя, великий государь, умолить, если сим не умолишься». На это письмо ответа не последовало, как

вообще не было ни одного письма от царя к Никону после оставления им Патриаршего Престола. Что касается, устного ответа, то о таковом ничего неизвестно, был ли он, по исследованию Гюббенета. Письмо же Никона являет собой величайшее смирение, он просит у царя прощения за то, что ехал к нему, ошибочно думая, что гнев царя на него умалился. Никон в 1662 году ехал на личный разговор с царем, отнесся к его отказу принять его, как его подданный, но иначе он отнесся к такому отказу, когда в 1664 г. Никон приезжал, как Патриарх, в Успенский Собор, возвращаясь на престол.

Интересно отметить показания старца Аарона после приезда Никона в Москву в 1662 году. Преданность свою Никону старец Аарон доказал беспристрастным ответом на личном допросе царя, вскрывавшем наличие у Никона многих сторонников, преследуемых царем, и об отсутствии вражды у Никона к царю личного характера. «Изволил ты, великий государь, спросить меня, убогого богомольца твоего о том: кто ездит из твоего дому государева к господину нашему Св. Никону Патриарху, и важивал ли я, убогий, письма от сестры твоей? И я тебе государю вестно чиню: ездил я к Москве и важивал письма к духовнику Дионисию давно и от него духовника важивал же, а чьи – того он мне не сказывал; а женщин езживало много, только не всех именами знаем, и мы такое дело, Государь, в великое не ставим – кто ни приедет, в правилах Св. Апостолов и Отцов того не написано в вину, а я работал Божией Церкви и питаемся от господина нашего Св. Никона Патриарха и того ради нам нельзя его было не слушать. А что ты, великий Государь, молвил, что от тех ездов стала меж вами великая смута и деется и до ныне, то я, убогий и последний твой царский богомолец разумею, что Божий есть се гнев за всемирные грехи; ничто не бывает без воли Божией, а не от тех ездоков и писем. А что изволишь, Государь, иметь больше всяких людей и прещением мукой претить; тогда больше будет вражды между вами – великими столпы. Ведаешь и ты сам, великий Государь, что пишет в Св. Евангелии Господь наш Иисус Христос: «Якоже хощете да творят вам человеци, и вы

творите им такожде;» что себе не хочешь и иным не твори. Хочешь ли ты, чтобы кто сильнее тебя взял у тебя лучших рабов и стал бы им муками грозить, чтобы они сказали тайну Твою? Или бы иной раб твой убежав к врагу твоему, поведал бы тайну Твою, каково бы тебе мнилось на сильного того и на раба твоего»... Аарон говорил в данном случае о преследовании царем людей за поездки их к Никону. В заключение он говорит: «Еще мало тебе, великий Государь, сотвори милость Бога ради и святых Его Заповедей со Св. Никоном Патриархом и с нами узниками, учини мир во Святой Церкви, чтобы не быть и впредь претыканию о сем, и он тебе, великому Государю, не гонитель, но богомолец и ныне готов и умереть».

Другая попытка была сделана Никоном в декабре 1664 г., после чего он отряхнул прах от ног своих, уезжая из Москвы, и отказался окончательно от мысли стать опять правящим Патриархом. Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих случаях и в 1662 г., и 1664 г. Никон поехал в Москву, получив, хотя бы и оказавшееся потом ложным, сведение от своих друзей о том, что царь его ждет. Так как опора царя была необходимым условием для него возможности реально противодействовать неканоническому вторжению бояр в церковное управление, то с надеждой опять иметь эту опору в царе, он и мог строить планы на возвращение на престол. Эти два появления в Москве, в особенности последнее, когда он приехал в Успенский Собор и встал на Патриаршее место, особенно рельефно обнаруживают, что Никон не оставлял Патриаршества в смысле окончательного оставления кафедры а только ушел от непокорного народа. Если бы он совсем оставил кафедру, то не могло бы быть ни возвращения на престол, ни той сцены в Черневе 19 декабря 1664 года с посохом Чудотворца Петра, когда Патриарх не хотел его возвращать, как принадлежащего ему по праву.

Приезд Никона в 1664 году.

В 1664 году Никон имел особое основание полагать, что царь настроен к нему хорошо. Если на первый раз его хотел свести с царем преданный Никону старец Аарон, то во

второй раз попытка свести их, в полной уверенности, что личное свидание поможет новому соглашению царя с Никоном, исходила от боярина Никиты Алексеевича Зюзина, вполне преданного Никону, бывшего Путивльским воеводой и получившего боярский чин при содействии Никона. С большим трудом, неоднократными присылками писем к Никону ему удалось убедить Никона в том, что царь хочет его возвращения. В воздействии на Никона помогло ему то обстоятельство, что за несколько дней до писем Зюзина царь очень хорошо принял в Савином монастыре Воскресенского архимандрита и обнаружил в разговоре с ним расположение к Никону и отсутствие на него гнева. Наконец Зюзин обставил это дело так, что Никон мог поверить. Зюзин был ему безусловно предан и сообщал о том, что боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин Нащокин человек тоже к нему расположенный, и сокрушавшийся о ссоре его с царем, а также Матвеев полковник сообщили Зюзину, что они знают от царя об отсутствии у него гнева на Никона. Мало того, Зюзин сообщал со слов якобы Нащокина и Матвеева, будто царь им на заутрени 7 декабря в церкви Евдокии передавал о своем разговоре с Воскресенским архимандритом, присылке которого царь был де весьма рад. Сообщал им царь, что, когда Григорий Неронов приезжал в Хорошево в Николин день с поносными речами на Патриарха, он де ничему не поверил. Наш совет и наше обещание, будто говорил им царь, Господь Один знает, и душою своей от Патриарха не отступал, да ради духовенства и синклита, по нашему царскому обычаю мне Патриарха звать нельзя; а хотя он ко мне о своем пришествии и отписывает, но ко мне нельзя ему о том писать: я знаю его нрав; он не удержится и в сердцах на властей и на бояр скажет, что я ему велел придти или на письмо мое откажет, и мне это будет в стыд, в совете нашем будет препона, и мне все поставят то в непостоянство. Но, хотя я пришлю в церковь спросить, отведя подозрение и скрывая совет, то, чтобы говорил: по воле своей для церковных потреб отъезжал и опять пришел; кто мне возбранит, кто в Церкви

указчик... Царь де говорил, что я свидетелем поставлю Бога, что ему ни в чем противник не буду. И о том душевно советую, и так много времени прошло, что мы не сходилися, врагу лишь на радость да неприятелям нашим, которые не хотят того видеть, чтобы нам в совете быть, что я вполне знаю. Только бы Патриарх пришел в Соборную церковь к 19 декабря в заутреню перед памятью Чудотворца Петра, а он Чудотворец нам и посредник в любви нашей и всех врагов наших отпрянет. Да сказал бы и то, что пришел для того, чтобы вместе с нами кровь христианскую умирить и то его слово надобно во всенародное множество, и любо им, конечно, будет, и все за то ему рады и послушны будут, а мы в помощь для него и заступление... А ты де Афанасий моим словом прикажи Никите обо всем этом отписать к приятелю моему Патриарху, втайне, чтобы пришел к тому дню без всякого опасения, а приход его нужен к тому дню, чтобы с ним посоветываться о твоем посольстве и поставить условия к мирным переговорам с поляками, чтобы пожаловал, не покинул нас одних; я во всем этом упование имею на Бога и на его одного молитвы, любовь и совет духовный. Паки молю его, чтобы не опасался того, что не пишу своей рукой о его приходе, потому что то его дело и отшествие и пришествие, сам бы изволил довершить, никто ему не возбранит, с Святительского престола я его не отсылал и ныне не возбраняю придти. Паки о том сугубо пишу, чтобы все сомнение оставил и пришел бы не мешкав, в тишине и любви, мир и благословение неся с собой, и все рады будут... А враги наши посрамятся, в мешкотном его неприходе ничего у нас доброго не учинилось, кроме вражды и мятежа. Если же сего последнего он приятель мой не изволит послушать, и в том я поставлю свидетелем Бога, что моего прошения было много и прежде сего, Царь де сообщает, что он уже просил Никона о возвращении, намекая на события 10 и 12 июля 1658 г., и что после он не мог больше просить его; знаю, что он учинил это от большой ревности и усердства, а ныне это последнее прошение». Передавая такие слова царя, будто бы сказанные им Нащокину, Зюзин затем

от него, Матвеева, и от себя пишет Никону, что время благоприятное для примирения с царем, что, если он теперь не вернется, то добра не будет, и невозможно будет больше и писать ему без воли царской. С своей стороны они подтверждают план прихода Никона в церковь и о посылке этого письма через иподиакона Никиту, с просьбой письмо возвратить. Письмо это не могло не произвести впечатления на Никона. Единственная причина, по которой он не считал возможным вернуться на престол, гнев царский, делающий невозможным для него канонически управлять Церковью, отпадала. Ему сообщалось, что царь ему противиться не будет, что, уйдя с престола, Никон должен и докончить это дело, т. е. вернуться, раз больше царь не противится ему и показывает теперь любовь ему, прося его вернуться. Письмо очень правдоподобно рисовало положение царя, не могущего лично обращаться к Никону из-за возможности посрамления в случае неудачи с приглашением Никона. Никон был в большом недоумении. Он не верил, что так переменилась обстановка при царе в его пользу, и дважды возвращал письма Зюзину, но после третьего наконец согласился, письма не вернул и обещал прибыть. Решение это и факт состоявшегося приезда Никона очень важны, ибо подтверждают самым делом многократные заявления Никона о том, что он не отрекался от престола, а только от непокорной паствы, под которой разумелись первый сын Церкви – царь и окружавшие его бояре. Прежде, чем ехать в Москву, Никон пережил большие сомнения и бури душевные, проистекавшие с одной стороны от недоверия к перемене царя, а с другой из таких сообщений Зюзина, которые ставили его в положение не желающего возвращаться тогда, когда причина его отсутствия отпала – прекратился гнев царя. Сообщение от Зюзина совпало с усиленными размышлениями Никона о состоянии Патриаршего престола, которые начались еще с начала Рождественского поста 1664 года. Никон начал молиться в уединении, чтобы найти выход из тупика, в который зашло церковное дело. Вот, как передает сам Никон о том, что его

окончательно побудило поехать в Москву. «Слыша смятение и молву большую о Патриаршем престоле, удалился я 14 ноября в пустыню, вне монастыря, на молитву и пост, дабы известил Господь чему подобает быть; молился долго со слезами и не было мне откровения. Декабря от 13 дня уязвихом перед Господом Богом молитву к молитве и слезы к слезам и бдение к бдению, и пост к посту, и постихомся даже до 17 дня; начал поститься со вторника и постился до субботы, ничего не ел, даже и воды не пил, но хлеб заменил молитвою и питье слезами, не ложился спать, а только, утомясь, садился на час в сутки; но трудился и молился со слезами, доколе известит мне Господь Бог, что подобает сделать и что угодно Его святой воле. От многого труда сел я в церкви на своем месте и, так как все четыре ночи и три дня я не отходил ко сну, то несколько воздремал и вижу, что я нахожусь в Соборной церкви; из живых никого в ней не было, а были прежде почившие святители и священники в священных одеждах, ставшие по сторонам, где гробницы Митрополитов и Патриархов; один из них муж святолепен и сединою украшенный обходил Святителей, подносил им хартии и киноварницу с киноварем, и все они подписывали. Я же со страхом приступив к носившему хартию, спросил его: «что это вы подписываете? если по правде, покажи мне». Он показал, и я увидел, что истинно то, и спросил его: подпишишься ли ты? – Я подписался уже и показал мне написанное о себе. Я посмотрел со вниманием и нашел: истинно написано на двух с пол. строках: «Смиренный Иона Божию милостью Митрополит тако страхом Божием подписую». Я же, прияв дерзновение, пошел к месту и хотел взойти но нашел Святителя стоящого на месте в Архиерейском облачении и ужаснулся. Он же мне сказал: «Ужасайся, брате, яко така воля Божия есть, взыди на стол свой и паси словесные христовы овцы, которые тебе Господь поручил. И тотчас был невидимый, я уже утвердився изыдох. Стоящий Святитель – мне кажется – был Петр Чудотворец».

Это видение описывалось в письме Никона к царю, которое и было передано им ему тотчас по приезде в

Успенский Собор. Никон действительно поступил так, как ему советовал Зюзин, и ночью приехал в Москву, прямо в Успенский Собор, прошел на Патриаршее место, приложившись к иконам, и растерявшееся духовенство во главе с Местоблюстителем Патриаршего престола Ионой, преемником Митрополита Питирима с лета 1664 г., подошло к нему под благословение.

Во дворце, по описанию Лигарида, произошел страшный переполох; собраны были наскоро духовные власти, где Лигарид подал голос потребовать у Никона отчета, почему он так дерзновенно посягнул на Патриарший престол, и сказать ему, чтобы он ждал решения от Вселенских Патриархов. Царь велел идти в Собор Митрополиту Сарскому Павлу, боярам князю Одоевскому, Ю. А. Долгорукому, окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу и думному дьяку Алмазу Иванову и говорить Никону: оставил ты Патриарший престол самовольно, обещая впредь не быть в Патриархах, и съехал в монастырь, чтобы там жить, о чем и ко Вселенским Патриархам написано, а теперь для чего в Москву приехал и в Соборную церковь вошел без ведома великого Государя и Освященного Собора?» Никон ответил им: «Сошел я никем не гоним и пришел на свой престол никем не зовом для того, чтобы великий Государь кровь утолил и мир учинил; от суда Вселенских Патриархов я не бегаю, а пришел по явлению», и передал письмо царю, где описано бывшее ему явление. Без разрешения царя письма у него не взяли, но, получив разрешение, взяли письмо и от имени царя велели ехать обратно. Никон отдал письмо и сказал: «Буде великому Государю приезд мой в Москву не надобен, то я поеду обратно в монастырь, но до тех пор пока не получу ответа от великого Государя из Соборной церкви не пойду». Письмо понесли царю и читали объяснение Никона.

Никон писал, что причину отхождения своего он исполнил, что помыслял, то сделал, а теперь пришел видеть пресветлое лицо царя и поклониться престолу царства его; пришел он в кротости и смирении и принес с собою мир,

который подал Господь ученикам и Апостолам и по них действующим в Св. Церкви Архиереям, сказав: мир Мой оставлю вам, мир Мой даю вам. Им же Господь заповедал: в онь же град или дом входите первее глаголите: мир дому сему, и аще убо будет ту сын мира, почиет мир на нем. Но, если и больше сего, пишет Никон, восхощет твое царское величество слышать и научиться, то не отречемся сказать: хощеши ли Самого Христа принять? Мы твоему благородию покажем, как Господь свидетельствует: принимающий вас Меня принимает и слушающий вас Меня слушает. Что твое благородие изволит, то и сделает, или во имя Господне прими нас и дому отверзи двери да мзда твоя по всему не отменит по писаному. Это я написал твоему царскому величеству не от себя как от Бога перед Богом о Христе говорю. Царь выслушал и приказал Митрополиту Павлу вновь идти к Никону и сказать, что его письмо доложено, и чтобы он шел в монастырь. Когда кончилась утреня, Никон приложился к иконам, взял посох Петра Митрополита и направился к выходу. Бояре требовали оставить посох, но Никон сказал: «отнимите силой», и вышел. Садясь в сани, Никон отряс прах от ног своих и сказал евангельские слова: «Идеже аще не приемлют вас, исходяще из града того, и прах прилипший к ногам вашим отрясите». Провожать Никона по приказу царя отправились Д. А. Долгорукий и Артамон Матвеев. Матвеев сказал: «Мы этот прах подметем». – «Разметет вас, сказал Никон, указывая на комету, сия метла, явившаяся на небеси, хвостатая звезда». По поводу этого приезда Никона возникли судебные разбирательства с одной стороны относительно Зюзина и лиц, передававших его письма Никону, а с другой стороны относительно Местоблюстителя Митрополита Ионы, принявшего благословение от Никона. Уловка Зюзина после его сознания и допроса Нащокина и Матвеева, совершенно ничего не передававших Зюзину от царя, выяснилась, и он был сослан в Казань с конфискацией имущества (V, 558) после того, как боярский приговор о смертной казни для него не был утвержден царем по ходатайству родных царя; священник

Сысой сослан в Соловецкий монастырь. Арестованный иподиакон Никита умер от страха и был погребен самим Никоном, как мученик, с крестным ходом и похоронен подле того места, которое завещал Никон для своей могилы (IV, 526).

Отстранение в январе 1665 г. от Местоблюстительства Митрополита Ионы за принятие благословения от Никона.

Митрополит Иона, оправдавшийся своей растерянностью от приезда Никона и доказавший свою непричастность к приезду Никона, был отставлен от Местоблюстительства Патриаршего престола. Царь рассылал циркуляр от 20/3 1665 всем Епископам о постановлении Соборном, о Митрополите Ионе, где сказано, что все Епископы запрошены были о том, может ли оставаться Местоблюстителем Митрополит Иона, который без ведома нас, великого Государя, и без совета с бывшими в Москве собратьями пошел под благословение к бывшему Патриарху Никону. «И ты богомолец и другие Митрополиты и Архиепископы писали своим собратьям и дали свои мнения, что Митрополит Иона, не ожидая решения Вселенских Патриархов (но законы отлучают и низвергают всякого, кто, не ожидая соборного решения, отклонит общение с своим духовным начальником), вошел в общение с бывшим Патриархом Никоном, и за это великое небрежение, согласно канонам Святых Отцов (в действительности, согласно воле царя, который своей волей заменяет все каноны, и согласно приговора благочестивых бояр, которые исправляют и руководят даже самим царем) не должен быть Местоблюстителем Церкви. Мы, великий Государь, советовав со Священным Собором, постановили, что названный Митрополит Иона должен оставаться в своей Ростовской епархии и, чтобы на его место был Местоблюстителем Митрополит Павел. Таким образом, прибавляет Пальмер (IV, 574), царь, посоветовав со Священным Собором, сменял одного викария и назначал другого, совершенно также, как,

посоветовав с боярами, он обыкновенно сменял и назначал гражданских чиновников.

Переговоры Никона с Собором об условиях отречения от кафедры в январе 1665 года.

Никону таким образом пришлось убедиться, что его паства в лице ее первых членов, царя и бояр, окончательно его оставила, и тогда он сделал в январе; 1665 г. доклад об условиях отречения им от Патриаршего престола, который рассматривался Собором русских Епископов в феврале 1666 г. Когда после первого ухода в июле 1658 г. он предлагал отречение и свое содействие в поставлении нового Патриарха с условием обращения с ним самим не как с преступником, а как с Патриархом, так и теперь, после окончательного его оставления паствой в декабре 1664 г., он возобновил свой план, убеждая царя не привлекать греческих Патриархов в Москву. Но, как и в 1660 г., Никон не получил никакого ответа на свои письменные предложения, как об этом сообщает сам Никон в своем письме к Константинопольскому Патриарху Дионисию; об этих предложениях стало известно только потому, что Синод весной 1666 года их изучал и составлял свой проект (IV, 600). Еще настигнутый в Чернове 19 дек. 1664 г. ночью для отобрания у него Патриаршего жезла, Никон просил Митрополита Павла передать царю: «Он де знает о посылке царя к Вселенским Патриархам для суда об уходе и о поставлении другого Патриарха, и он просит царя не посылать за ними, ибо он сам, как и раньше обещал, так и теперь обещает не возвращаться на кафедру и предоставляет Священному Собору с содействием царя поставить на его место Патриарха. Сам он обещает не вмешиваться в Патриаршие дела после поставления нового Патриарха с тем, чтобы ему предоставили жить в его монастырях, самостоятельно им управляемых, не под властью нового Патриарха, а как брат ему. Жезл свой он отправляет со своим архимандритом Герасимом. Одновременно Никон передал, после Митрополичьих требований, и письма Зюзина с

объяснением своего пришествия. Однако, от Никона хотели получить письменное изложение этих заявлений, может быть, для того, чтобы потом истолковать их, как отречение.

14 января 1665 г. к нему прибыли, в качестве посланных от царя, архимандрит Чудова монастыря Иоаким и Дементий Башмаков. Никон вручил им условия своего отречения на письме, датированном 14 января 1665 года. Там он обещает жить в одном из основанных им монастырей или приписанных к ним; заявляет, что в управлении ими будет руководствоваться заповедями Св. Евангелия, правилами Св. Апостолов, Святых Отцов семи Вселенских и других Поместных Соборов и другими Священными Книгами, принятыми Святой Апостольской Церковью, равно и изданными в дополнение к ним царскими законами, принятыми ею. Руководствами будут служить исправленные по совету с Восточными Патриархами книги: служебник, требник и прочие св. книги, исправленные по старым греческим книгам, «и иметь мне любовь и единение со Вселенскими Патриархами во всем неотменно. Когда случится мне надобность придти в Москву поклониться образу Пресвятой Богородицы и лицо великого Государя видеть и благословение подать и престолу царства его поклониться, то чтобы мне не возбранять, а мне без указа великого Государя и без совета брата нашего Св. Патриарха Московского против Божественных законов ничего не делать». Никон желает утверждения со стороны царя всех грамот на земли, пожалованные царем его монастырям. Из священных Архиерейских одежд выдать сколько укажет царь, ибо старые износились. Из церковных доходов выдать ему в милостыню по усмотрению царя. Никон обещает в духовные и иные дела нового Патриарха, Митрополитов, Епископов и монастырей, приходских церквей не вступаться и не посылать никого, а только хочет для себя права посвящать в свои монастыри архимандритов, игуменов сам, пока он жив. По кончине своей Никон просит царя, синклит и Собор его обители отписать в книги к царствующему граду Москве, к епархии, а не к Патриаршему дому нашего брата и

сослужителя Московского Патриарха (IV, 592), ибо все они основаны его благословением из излишков доходов царствующего града Москвы, по соглашению с царем, а не благословением Митрополитов и Епископов (Это желание Никона показывает, насколько нелепо было обвинять его в создании какого-то папского государства в виде особо разросшейся Патриаршей области). Никон отстаивает, согласно с канонами и царскими законами, право для своих духовных лиц ни в каких делах не привлекаться к светским судам, и рассматривать их по канонам и царским законам, помещенным в Номоканоне. Он выговаривает право для монастырей быть занесенными в реестр в соответствии с их удельным весом и архимандритам их быть приглашаемыми на Соборы, которые будут по благословению Патриарха и по указу царя. Сам он не будет писаться Патриархом Московским и всея Руси, но так: «Смиренный Никон, милостию Божиею Патриарх» по обычаю Константинопольских Патриархов, оставивших свои престолы. Имя его считать в ряду Московских Патриархов без изменения, не препятствовать благочестивым людям к нему приходить и выпустить на свободу и простить всех арестованных за сочувствие Никону. Никон обещает простить всех Архиереев, неправильно его осудивших, и бояр, злословивших и клеветавших нас, Симеона Стрешнева, Романа Боборыкина, и Ивана Сытина, если они покаются. Никон оставляет за собой право приходить на Соборы беспрепятственно и сидеть подле правящего Патриарха выше Митрополитов, Архиереев и Епископов. Никон говорит: «что я по отшествии из Патриаршества в огорчении и великой кручине, жалуясь Господу Богу на царское величество, на синклит и на Священный Собор, суд Божий износил – о том мне молить Бога, да милостивый Господь будет мне и по данной нам Архиереям благодати святым молитвословием разрешить (IV, 589—599).

Однако, Никон прибавлял, что, если что-либо будет сделано относительно поставления Патриарха вопреки Божественным канонам и постановлениям и узам любви,

властью этого мира, тогда избранный таким образом не должен называться Патриархом, но будет прелюбодей и разбойник и тогда вместо мира придет мечь Божий и разделение согласно Божественному Слову»: «Не думайте, что Я принес мир на землю; я не принес мир, но меч. Ибо Я пришел поставить сына против отца. А в другом месте Писание говорит: «Всякое царство разделившееся приводится к опустошению и всякий град или дом, разделившийся на ся не устоит». Сравнение кафедры Епископа с женой есть явление укоренившееся в Церкви, и Никоновское уподобление показывает только, что он относил и к первому Епископу, начальному отцу, ту привилегию, которая была достоянием каждого епархиального Архиерея, относил эту нерасторжимость союза без согласия жены, не только к Патриарху, как Епископу определенной епархии, но и к Патриарху, как начальному Епископу, пастырю пастырей.

Проф. Троицкий пишет: «Каноны указывают на существование теснейших и неразрывных уз, связывающих Епископа с его епархией. Эти узы отцы Церкви прямо уподобляют по их неразрывности брачным узам, почему неимеющую Епископа епархию и называют вдовствующей (IV, 25). Уже начиная с IV века мы встречаем толкование слов Апостола «единые жены муж» в применении к Епископу в том смысле, что под женой Епископа следует разуметь его епархию, менять которую он не может ни в каком случае. На западе о таком толковании упоминает Блаженный Иероним, на востоке Блаженный Феофилакт Болгарский. Это искусственное толкование слов Апостола показывает однако, как смотрела древняя Церковь на отношения Епископа к епархии. С другой стороны в древних церковных памятниках незаконное занятие Епископом чужой кафедры часто называется прелюбодеянием. Так Собор 336 г. обвинил Константинопольского Епископа Анфима, что он «прелюбодейно посягнул на Епископскую кафедру этого города вопреки церковным канонам; также называл Евстафий прелюбодеянием его поступок с Церковью,

имеющей уже своего жениха. Никита Пафлагон сообщает о Соборе 869 г., что отцы Собора низложили Фотия и отлучили, «как за прелюбодеяние», за занятие Константинопольской кафедры при жизни Патриарха Игнатия».

Никон и в данном случае охранял церковный строй, ограждая свой Патриарший сан от бесчиния. Строй этот, запечатленный святыми канонами, он считал неприкосновенным не только для светской власти, но и для носителей высшего духовного сана, когда эти носители призваны в судебном порядке применять каноны. И в другом случае Никон подчеркивал эту связанность церковных властей канонами и связь между благоденствием государства и почитанием канонов Церкви. Так он писал еще в декабре 1664 г.: «Мы не отклоняем Собора, но хвалим такое намерение (созвать Собор) как благочестивое, если Патриархи сами хотят сюда прибыть и судить согласно заповедям Евангелия, канонам Св. Апостол и Св. Отец...» Но одновременно какое то предчувствие Никона, основанное вероятно на том, что он знал о том, кто руководители обвинений против него – преступники и продажные Лигарид и Мелетий, – заставляло Никона писать царю в том же письме: «Я пишу не из желания Патриаршей кафедры; мое желание, чтобы Св. Церковь пребывала без смуты, и чтобы ты не навлек греха в очах Божиих; я пишу не из боязни для себя Великого Собора, но не желая, чтобы на твое святое царство было навлечено несчастье». Никон и позже, когда подкупной Собор лишил его сана и принудил к ссылке после целого ряда своих неправосудных действий, не признавал его постановления и несколько раз засвидетельствовал об этом: в ссылке своей надписью на кресте, поставленном им самим на им же сооруженном каменном острове среди озера около Ферапонтова монастыря, где сказано: «Смиренный Никон Патриарх, заточенный за Слово Божие и за Св. Церковь». Также он заявлял в ссылке: «Если нечестивый приговор Вселенских Патриархов не будет отменен, добра ждать нечего (для

царства)». Наконец, он всегда подписывался Патриархом и в письмах к царю из ссылки, ибо ему ясно было, что суд над ним происходил не по канонам, а был целым рядом правонарушений; на некоторые из них он указал и в суде. Это был не суд, а расправа сильной властью стороны над своим идейным противником, которого было предрешено осудить и заточить с сохранением внешних форм суда.

Проект контр-предложений Никону на Соборе в феврале 1666 г. Противоречие их Архиерейскими взглядами на положение Никона в декабре 1666 г.

У Пальмера (IV, 624-651) приведен проект Соборного постановления в ответ на предложение Никона, составленный весной 1666 г. и представляющий полную неустойчивость воззрений у Архиереев русских относительно положения Патриарха Никона после его ухода. Прежде всего Собор всюду титулует его Св. Патриархом и признает, что Никон в будущем должен титуловаться, как он предлагает: «Смиренный Никон Божиею милостью Патриарх». Он разрешает ему приходить на Собор, созываемый Патриархом, и иметь место подле него выше всех Митрополитов и Архиепископов (IV, 636 и 637). Что касается того, что Никон готов был простить Архиереев за суд над ними, если покаются, то Собор сказал, что не в чем каяться, ибо Св. Патриарх Никон, очевидно, неправильно осведомлен, некоторые же люди ему налгали на Собор и смутили его. Он предполагает, что Собор 1660 г. вынес решение против него, но это не так (IV, 594), (а между прочим после низвержения Никона оба Восточные Патриарха писали, что они только утвердили то, что совершенно канонически (?) постановил Собор Русских Архиереев 1660 г.). Далее в Соборном проекте говорится, что Архиереев созвал царь в виду вдовства Церкви, что они рассматривали показания свидетелей об уходе Никона и приняли к сведению, что Патриарх Никон ушел с кафедры своей волей, отрекся от Патриаршества и объявил, что больше не будет Патриархом, а после писался царю

«бывшим Патриархом». Поэтому, они решили избрать нового Патриарха, как и раньше поступала в таких случаях Церковь, но что Св. Патриарх Никон не был судим Собором, ни осужден, ни удален, ни приговорен к изгнанию, ни к извержению из сана. Если Патриарх Никон писал, что его Епископы судили незаконно, то это по ложной осведомленности». Странно читать такие заявления Собора, когда через полгода от тех же Архиереев посыпались яростные нападки на Никона и требования его низвергнуть из сана. Очевидно, в феврале 1666 года Архиереи еще не были уверены, какой оборот примет суд Восточных Патриархов. Архиерейский Собор в феврале 1666 г. пошел навстречу Никоновским желаниям, но не соглашался только, чтобы Никоновские монастыри были изъяты из-под юрисдикции нового Патриарха (IV, 630), как того хотел Никон; они требовали, чтобы Никон подчинился ему, как и всякий Епископ, и без его воли и благословения ничего не предпринимал, ибо по 8 пр. I Вселенского Собора не может быть двух Епископов в одном городе. «Так как Никон обещает не вмешиваться в духовные дела царства и обещает соблюдать каноны, которые запрещают посвящать клириков в чужих епархиях и делать какие-либо Епископские акты без разрешения местного Епископа, то мы и требуем, чтобы Никон не осуществлял юрисдикции в монастырях без согласия Св. Патриарха, или Митрополита, или Архиепископа или Епископа в каких бы то ни было духовных делах, но он должен обращаться к Епископу той епархии, которой принадлежит соответствующий монастырь, и с его согласия может делать разрешенные ему акты, но без этого разрешения ни в каком случае. Власть духовная и юрисдикция, в силу 4 пр. IV Вс. Соб.; I Двукр. и 85 Карф., над монастырями предоставляется соответствующим Епископам, а не Никону, которому однако дается внешняя власть над владениями в смысле хозяйственного управления ими, но не в духовных делах (IV, 633). Права посвящать игумнов и архимандритов в своих монастырях предоставлялись на усмотрение правящего Патриарха и

соответствующих Епископов, в зависимости от нахождения монастыря, ибо 13 Ант. пр. запрещает Епископу посвящать в чужой епархии. О неподсудности духовных лиц светским судам Собор приравнивал духовенство Никоновских монастырей ко всем прочим монастырям. Также, все монастыри после смерти Никона Собор хочет передать епархиям по месту нахождения монастырей. Так Никон, по предложению русских Архиереев, не лишался бы священства, а жил бы в своих монастырях и хозяйничал на положении правящего архимандрита, однако, с правом совершать действия, свойственные Епископскому сану посвящения духовных лиц с разрешения соответствующего епархиального начальства. Относительно избрания нового Патриарха Собор писал, что новый Патриарх будет избран по старому обычаю; именно, изберет Собор с содействием царя, и что Патриарх по обычаю должен быть посвящен своими Епископами с благословения Константинопольского Патриарха, а светские власти не избирали Патриархов и теперь избирать не будут. Нового Патриарха Св. Патриарх Никон должен будет поминать на первом месте и приказывать об этом в своих монастырях и почитать его главным пастырем и начальником. Если Патриарх Никон не будет ему повиноваться, то новый Патриарх может судить Патриарха Никона по канонам, ибо не может быть двух равных Патриархов. Но этому проекту не суждено было осуществиться, и сам Никон ничего не знал об его существовании: ни он, ни кто другой о судьбе проекта ничего не сообщает.

Контр-предложение Собора Никону весной 1666 г. Есть признание, что Никон не отрекался от кафедры.

Таково было мнение русских Епископов относительно будущего положения Никона, представленное ими в ответ на предъявленные им царем предложения Никона. Оно принимало отречение Никона от Патриаршего престола, но не лишало, как видим, Никона Епископского сана, ограничивало его административные права по управлению

монастырями канонической зависимостью от соответствующей епархиальной власти, и подчиняло его общей власти Патриарха. Это контр-предложение было победой утверждения Никона, что Собор 1660 г. канонически не действителен, что уход его не был отречением от Патриаршего престола, что он не подлежит за него наказанию, ибо уход был актом Архипастырства, а не наказуемым деянием, что Епископы не могут судить своего Патриарха; а, судя по общему тону контр-предложений, Собор и не находил ничего, за что судить Никона, и давал ему почетное положение с сохранением титула Патриарха, озаботившись, лишь предотвращением возможности двоевластия.

Насилие, совершенное судом 1666 г. над Патриархом Никоном, подрывает значение самого Патриаршества.

Такое решение вопроса соответствовало бы достоинству Патриаршего сана и устранило бы от Русской Церкви то посрамление, в которое ее ввергли греки, руководимые Паисием Лигаридом, и бояре через участие в приговоре 5 декабря 1666 г., направленном на унижение величайшего Русского Патриарха и на достоинство Московского Патриаршего престола. Идее самостоятельного в церковных делах Патриарха нанесен был непоправимый урон. Оставалось по внешности учреждение из которого была вынута душа, и Патриарх стал простым викарием царя. Раз представитель Высшей Церковной Власти был сведен на роль подсобного орудия царя, то надо только ждать того времени, когда бы царь решил, что орудие власти может быть устроено и другое, более гибкое и удобное для воздействия. Тогда явились и теоретики, ставшие по протестантской указке объяснять, что внешнее устройство Церкви не есть по существу даже дело церковной власти, а дело светской. Все Никоновское воззрение является решительным протестом против такого понимания, которое проложило дорогу Петровской реформе и коренному изменению положения Церкви в русском государстве, с

утратой канонических основ управления вплоть до восстановления Московского Патриаршества в 1917 году. Воззрению на Патриаршество, как на учреждение, существующее в силу акта церковной власти, соответствовало и первое учреждение Патриаршества в России в 1589 году, и его восстановление собственными церковными силами без всякого содействия государства в 1917 г. Когда шла речь о введении Патриаршества в 1589 г. Архиереи на Соборе сказали царю, когда была поставлена на обсуждение мысль о введении Патриаршества: «Аще восхощет благочестивая ти держава, да возвестится о сем писанием Вселенским 4 Патриархам и сим комуждо со своими Митрополиты и Епископы советовавшим и писанием между собой согласившими, Богу помогающу, удобь таковое начинание к совершению прийти возможет; понеже благочестивая ти держава и мы все имеем сих, яко столб благочестию... Но и паче же сего ради, да не возмнитца, о благочестивый царю, инем языком, наипаче же пишущим на святую веру латынам и прочим еретикам, яко в царствующем граде Москве Патриарший престол устроился токмо единою ти царской властью». На это летопись замечает: «Благочестивый царь, сие слышав не тяжко внять о сем, аще и по власти можаше высочайший престол Патриарший устроить, яко царь и самодержец; но обаче изволи повинутися воле Божией и Святительскому Совету; наипаче же по всему явился, яко сын и послушник Святыя Церкви». Видно, что и во времена полного правительственного смешения церковного и государственного мысль о принципиальной самостоятельности церковного управления не умирала в Московском государстве. Но Никон впервые на Руси Московской ее так выпукло выделил и обосновал.

Развитие церковной Иерархии по Никону.

В соответствии с своей теорией царской власти, не входящей у него интегральной частью в состав власти церковной, а являющейся органом другого союза и выступающей по отношению к Церкви лишь в качестве

власти предлагающей, Никон дал свое понимание развития Иерархии чисто церковное, путем, при котором политические причины могут быть определяющим фактором, однако решающей инстанцией является всегда власть церковная. Чтобы показать это, он говорит о развитии Иерархии, начиная со дня Сошествия Святого Духа на Апостолов, об их расхождении по разным странам и о дальнейшем продолжении их деятельности через посвящение ими Епископов.

Он говорит между прочим (I, 229) о поставлении Апостолом Петром Св. Марка в Александрии, Апостолом Андреем Ап. Стахия, упоминаемого Ап. Павлом в послании к Римлянам, первым Византийским Епископом, признает достоверным известие о путешествии Св. Апостола Андрея Первозванного в Киев, где он будто бы воздвигнул Животворящий Крест и после благословил Великий Новгород. «Благодатью Духа Святого, пишет Никон, были установлены приматства или первые кафедры пяти глав Иерархии, именно Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима, как члены одного тела, чтобы в согласии поддерживать единую веру под единой главой нашего Спасителя Иисуса Христа. И первоначально высшим был Папа Римский, и, когда Папа умер, тогда советом и избранием четырех Вселенских Патриархов другой был назначен на Апостольскую кафедру. Равным образом, когда кто-либо из четырех Патриархов умирал, тогда советом Папы Римского и избранием трех Патриархов поставлялся четвертый. Но когда Папа Римский впал в ересь, он был исключен из общения четырех Патриархов и от обычного поминовения, и после него первенство перешло к Патриарху Константинопольскому» (1, 230). Говоря об учреждении Патриаршества в России, Никон оттеняет участие в этом церковных органов власти. Он говорит о путешествии Патриарха Константинопольского Иеремии в Москву, о том, что он предложил учредить Патриаршество в России в виду размеров и благоденствия русского царства; о том, что Митрополит Иов был избран Вселенским Патриархом

Иеремией и греческими Епископами и всеми русскими Епископами по совету царя и наречен и посвящен благодатью Святого Духа (I, 231). Никон рассказывает (I, 232) о том, как Иерусалимский Патриарх Феофан в 1619 году вместе с Митрополитами, Архиепископами и Епископами избрали Патриарха Филарета, блаженной памяти и не без свидетельства (т. е. оправдывая то, что они делали). Они нашли в архиве грамоту Патриарха Иеремии и остальных Вселенских Патриархов об учреждении в России Патриаршества. Так они посвятили Патриарха Филарета благодатью Святого Духа, а не по простому желанию царя, как свидетельствуют священные документы. Если бы Патриархи были избираемы только царем, то это не осталось бы не упомянутым в грамоте Иеремии, писанной совместно с другими Патриархами, и в грамоте Патриарха Феофана. Но они не только сказали о посвящении Патриарха благодатью Святого Духа, но Патриарх Феофан оставил наказ царю Михалу Феодоровичу: «Благодатью, данной от Святого Духа, мы наказываем ему, чтобы он хранил и осуществлял к вновь назначенному Патриарху Филарету Никитичу, Божией милостью Патриарху Москвы и всея Руси, любовь, милость, щедрость и превыше всего, должен иметь к нему повиновение в духовных делах и подчинение в вещах телесных (ибо Михаил Феодорович был ему сын), и всегда его почитать, как своего главу, любящего пастыря и отца, радеющего об его спасении». К тому же послушанию в духовных делах Патриарху призывает в поучении Феофан и бояр, к послушанию ему, как отцу и учителю, согласно Божией заповеди: Слушающий вас Меня слушает (Лук. X, 16). И в конце концов свою историю происхождения Иерархии Никон заканчивает так: «Видишь ли, нечестивый вопрошатель, как священство имеет свое начало от Бога, а не от людей и не от человека, и старое и новозаветное священство, а никоим образом не от царей, как ты думаешь» (1, 234). Для нас важна не историческая точность воспроизведения Никоном развития духовной Иерархии , а принцип, положенный им в основу ее развития,

непризнающий за властью светской в этом деле определяющего значения.

И, чтобы запечатлеть в действующем церковном праве учение о самостоятельной природе Высшей Иерархии Никон внес в кодекс Церковного права – Кормчую соответствующие три дополнения в ее начале: 1) о том, почему четыре Патриарха исключили Римского Папу из Божественной Восточной Церкви, из обычного повиновения и из союза любви и перестали искать у него своего утверждения (также о принятии Патриаршего титула сербскими и болгарскими Митрополитами). Здесь говорилось, что после смерти Апостолов Божественно вдохновенные Отцы – их преемники установили, чтобы вместо двух князей Апостолов Петра и Павла занимал Апостольскую кафедру Папа Римский, а за Папами Римскими четыре Патриарха вместо четырех Евангелистов имели первенство в главных городах: Константинополе, Александрии, Антиохии и Иерусалиме, имея согласие, как части одного учреждения. Так высшим братом был Папа Римский, и потому, что Рим был первой столицей и потому, что Папа был вместо двух князей Апостолов – Петра и Павла. 2) Об обращении и крещении Руси, как по Божественному промыслу русские получили христианскую веру и ее священство от Константинопольской Церкви, и 3) о поставлении Патриарха Филарета. Последнее имело значение по нахождению в нем определения об отношении царской власти к духовной в духовных делах. Приложенная в конце Кормчей статья о Римском отпадении заканчивала утверждение церковного строя, поскольку в пентархии пяти Патриархов место отпавшего Римского Папы призывался занять Патриарх Московский.

Теория Феофана Прокоповича о царе-носителе церковной власти в противоположность Никону.

Теории Никона о самостоятельном росте Церковной Иерархии, определяемом церковными законами, так живо подтверждаемом на наших глазах восстановлением

Московского Патриаршества без всякого содействия государственной власти, при Петре Феофаном Прокоповичем была противопоставлена другая теория в соответствии с цезарепапистской теорией Царя-Первосвященника в статье. 1721 г. «Розыск исторический коих ради вин и в яковом разуме были и нарицалися императоры Римские, как языческие так и христианские, понтифексами или Архиереями многобожественного закона; а в законе христианском христианские государи могут ли нарещися Епископы и Архиереи, и в каком разуме?»

Цитатами из древних языческих писателей Овидия, Цицерона, Тацита, Плиния, Тита Ливия и Плутарха Феофан доказывает, что Римский император носил название понтифекса ради 4 вин, 1) что он ни от кого не был судим в делах управления своего, что 2) понтифекс великий един только был, не имея другого себе равного, 3) что мог и должен был наблюдать на начинания как Сенатские, так и всенародные , не суть ли противны благочестию, 4) что был в том чину непременно до кончины живота своего. Сии прерогативы или преимущества весьма нужные и полезные были к самовластительству императорскому. В начале самодержавство Римских императоров могло бы начиная их быти от Сената и от народа принято, но и высший понтифекс мог бы нетрудно приискать будто благословную вину намерению императорскому противную и делу, от императора намеренному, пресечение положить. И тако власть императорская была бы аки связана. Того ради первии Римскии Кесари, желая весьма свободную монархию иметь, а насилием получать того не дерзая, изрядным умыслом присовокупили к себе сан понтифекса великого». Эта тирада есть стремление оправдать восхищение де факто на себя Петром I власти на изменение церковного устройства. Далее, чтобы оправдать церковные преобразования Петра, Феофан ближе подходит к определению объема власти государя, и оказывается, что он имеет всю Епископскую и Архиерейскую власть, только без права совершать богослужения. Сказав, что христианские императоры первое время продолжали

называться понтифексами для упрочения своей власти, Феофан переходит ко второму поставленному им вопросу, могут ли называться христианские государи Архиереями и в каком смысле. «Могут называться не только Епископами, но Епископами Епископов, отвечает Феофан, ибо власть высочайшая есть «надсмотритель совершенный, крайний верховный и вседействительный», т. е. имеющий силу и повеление и крайнего суда и наказания над всеми себе поданными сынами и властьми, как мирскими, так и духовными. Государи могут называться и Архиереями, но только в том общем смысле, в каком Св. Писание называет всякого христианина иереем, но нельзя их называть Архиереями в специальном церковном смысле, потому что отправлять самим церковную службу им не подобает» (Морозов, Ф. Прокопович, как писатель, гл. VI, т. 210 Ж. М. Н. Пр.). Очевидно, что разъяснение вопроса о правах на титул Епископа и Архиерея касается вопроса о принадлежности Государю церковной власти и направлено на доказательство прав Государя на управление церковными делами, в которых он не может только совершать богослужения.

Проф. Апостолид о правах государственной власти в Церкви.

Как более поздний отголосок этих воззрений на значение светской власти в создании церковного устройства и более близкий к нам, мы встречаем теорию, получившего образование в Германии, Апостолида Афинского проф., издавшего в 1843 г. брошюру «Опыт теории о Патриаршей власти и об отношении церковной власти к гражданской»: «имя Патриарха, говорит он, означает не высшую степень священства, но только особенное достоинство церковного устройства, установленное Вселенскими Соборами и утвержденное верховной гражданской властью. Последняя для пользы Церкви и Государства иногда и отменяла ее, как это, например, сделал Петр Великий, учредивший на место Патриарха Синод, управляющий Церковью, под верховным надзором гражданского правительства. Кроме того,

Патриарх, как Епископ, равен всем остальным Епископам и перед прочими Епископами и Митрополитами своего диэцеза имеет только первенство чести с правом рукополагать их» (Курганов, Устройство Управления Церкви Королевства Греческого, 117 стр.). Такая точка зрения с признанием права отмены светской властью Патриаршества возможна только при воззрении на светскую власть, как на верховный источник всякой власти и была впоследствии оставлена самим Апостолидом (Курганов, Устройство Управления в Церкви Королевства Греческого, стр. 117—119); при Никоновском же признании за властью Церкви власти особой природы, имеющей самостоятельный орган власти, всякая перемена в церковном устройстве должна исходить от инициативы церковных органов, определяться причинами церковными и соответствовать неизменному православному принципу верности преданию, нормы которого стоят над нормами Поместной Церкви и ею не отменяемы. Как незыблемая основа церковного устройства стоят перед нами следующие положения: 1) Основание Иерархического устройства церковного управления положено самими Апостолами, 2) дальнейшее его развитие и каноны, определяющие строй Церкви, система местных независимых Церквей постановлены отцами Церкви в духе Апостольских правил, сообразно историческим образцам; 3) каноны, определяющие основной строй церковного управления, его сущность и характер, постановлены отцами Церкви независимо от гражданской власти; и независимо от нее они создали Патриарха, как центр церковного единства и руководства в недрах Поместной Церкви. Это понятие о Церкви, как о самостоятельном организме, было подорвано реформой Петра I. Церковь призвана охранять свой строй от всякого покушения даже и от гражданской власти. Эти канонические истины были забыты при Петре I, но пример его оказался заразительным; еще в половине 19 века, при выработке устава управления Греческой Церкви в 1833 году его идеи нашли себе применение через влияние иеромонаха Фармакида, открытого поклонника протестантизма в

построении церковно-государственных отношений. Он совершенно обнажал основную предпосылку Петровской церковной реформы и приводил эту реформу, как доказательство, что русский император есть вместе с тем и великий Первосвященник. Фармакид говорит, суммируя все исторические случаи вмешательства императоров во внутреннее церковное управление и не подвергая их канонической оценке, что христианские императоры сохранили за собой звание языческих Римских великих Первосвященников и проявляли над Церковью такую же власть, какую их языческие предшественники имели над современным им обществом... «Чем были бы для Церкви Византийские императоры от Константина Великого до XII века, то же самое со времени Петра Великого составляют для Русской Церкви императоры, и великие Первосвященники, хотя и не носят этого звания» (Курганов, ibid., 112 стр.). Такое восхищение на себя церковной власти представителями власти царской можно назвать несчастьем для Церкви и косвенно для государства, ибо такая подневольность Церкви отнимает должное вдохновение и дерзновение у предстоятелей Церкви и обессиливает самую силу Церкви в ее воздействии на общество. Это именно и случилось в России, как об этом сказал Митрополит Антоний в 1906 г. в Предсоборном Присутствии: «В Высшем Церковном Управлении главное условие церковного творчества, от него исходит учение Церкви, имущественное содержание церковных учреждений; Епископы не столько начинатели церковных дел, сколько исполнители предписаний высшей власти. В правильности этого учреждения, в его согласии с волей Божией, выраженной в святых канонах главное условие спасительной деятельности Церкви. Извращение Высшего Управления Церкви, особенно в централизованной Русской Церкви, есть растление всей церковной жизни. Никакие Патриархи не могут утвердить и авторитетность учреждения неведомого Православию и придуманного для растления Православия». От этого несчастья цезарепапизма, властно вторгшегося в жизнь Церкви и переделывающего ее,

и предостерегал Русскую Церковь Никон, жизнью своей запечатлевший борьбу с вкрадывавшимся в Церковь его времени духом века сего.

И надпись, сделанная им собственноручно на кресте, поставленном им в ссылке на острове среди одного озера у Ферапонтова монастыря, верно определила его значение в истории Русской Церкви: «Смиренный Никон Патриарх, заточенный за слово Божие и за Святую Церковь».

Глава III. Основные принципы церковного законодательства в России до Уложения 1649 г.

Суд над духовенством в гражданских делах. – Суд приказа Б. Дворца в XVI и XVII веках. – Протесты церковных властей против вмешательства воевод в церковные дела. – Положение Патриаршей области. – Система приказов в Церковном управлении. – Патриаршая область и церковная реформа Уложения. – Реформа Церковного суда по Уложению. – Расширение сферы Монастырского Приказа на практике. – Общая характеристика Монастырского Приказа. Отношение к нему Никона. – Никон о самостоятельной природе церковных полномочий, вытекающих из природы Церкви. – Захват церковных дел царем – источник несчастия для царя. – Понятие о Церкви у Никона и его критика основных принципов – предпосылок Уложения. – Суд не царский, а Божий. – Идеал, которым вдохновлялся Никон в начертании церковного суда по гражданским делам духовенства. – Мнение Никона о природе церковного суда в гражданских делах духовенства. – Никон о суде Церкви в гражданских делах духовенства. – Почему Никон объединяет подсудность духовенства и по духовным делам и по гражданским. – Никон обвиняет царя в пренебрежении к исторической традиции относительно суда по гражданским делам духовных лиц. – Принятие Собором 1667 г. идей Никона о подсудности суду Церкви гражданских дел духовенства и крушение его идей в 1701. – Никон о наказании за восхищение царем церковной юрисдикции. – Другие причины для протеста Никона против захвата церковного суда государством. Ст. 83 и 84 Уложения. – Оценка Никоновского суждения о церковном суде с современной научной точки зрения. – Учение Суворова о церковном суде. – Критика Суворовской точки зрения. – Суд Церкви в церковных делах – Божественное установление. – О суде Церкви над церковными служителями. – Самостоятельность церковного суда по происхождению и по компетенции. – Положение императорских комиссаров на суде, производившемся Вселенскими Соборами. – Природа церковного суда по гражданским делам духовенства; основа его в посредническом суде Епископов. – Различие в отношении Епископов Византийской Церкви к вторжениям в собственно церковный суд и к сокращению церковного суда по гражданским делам духовенства.

О церковной собственности.

Спекуляризационные стремления Московского правительства в отношении к церковной собственности. – Меры Уложения относительно церковных имуществ. – Вообще о секуляризации церковных имуществ и мнение Никона об этом. – Неприкосновенность церковных имуществ по церковным правилам. – Никон о захвате царем церковной собственности и о наказании за это. – Никон о субъекте церковной собственности. – Никон об обязанности материальной помощи Церкви еще в Ветхом Завете. – Никон о наказании за нарушение церковной собственности. – Сон Никона 12 января 1661 г. и напоминание царю о наказании Божием. – Никон о вознаграждении Богом за жертвы, принесенные Его Церкви. О необходимости исполнять обет и клятву. – Точка зрения Никона, с которой он критикует Уложение.

О судопроизводстве и других законах Уложения.

Закон Уложения о судопроизводстве. – Никон о необходимости в общественной жизни дать большее проявление началу церковному. – О сравнении царя с Богом. – Никон о тщете земного величия. О необходимости оцерковления жизни. – Никон о несправедливости законов Уложения, карающих строже людей низшего социального положения. – Никон о статьях Уложения, парализующих пастырское воздействие. – Никон о неправильном принципе Уложения для повышений и понижений наказаний. – О высших принципах, обязательных и для законодателя. – Никон в вопросе применения Кормчей вместо Уложения, о внесении им изменений во второе издание Уложения. О преобразовании действий Уложения. Выделение Патриаршей области из действия Уложения. – Идея Никона – оцерковление государства – противоположность идее, растворяющей Церковь в государстве. – Никон о государственной апостасии и о гибели царства, как ее следствии. – Никон об Антихристе, захватившем власть в Церкви. – Апостасия – признак наступления Антихристова царства; она – предмет борьбы для Никона. – Обязанность Первосвятителя в борьбе с апостасией (по Никону). – Никон о грядущей гибели Московского царства. Проклятие за нарушение церковной собственности. – Анафемы Никона за нарушение церковной

юрисдикции. – Пальмер о наказаниях Божиих за общественные грехи и об исполнении Никоновских пророчеств. – Смысл клятвы 22 июля 1652 г. в историческом освещении. – Никон о значении праведности для общественной жизни. – Никон о праведности царя и о власти, удерживающей пришествие Антихриста.

Основные принципы церковного законодательства в России до Уложения 1649 г.

Чтобы понять, что отстаивал Никон в вопросе о церковном суде, надо уяснить не только его принципиальную точку зрения, но и ту конкретную историческую действительность, которая была на лицо в его время. В этой исторической действительности нужно возпроизвести прежде всего состояние церковного суда, как оно было выработано в уставах Св. Владимира и Ярослава и как утверждено на Стоглавом Соборе. Тогда ясны будут те коренные изменения и то направление, которое приняло государственное законодательство через введение уложения 1649 года. Попутно с этим важно уяснение того особого положения, которое в государственном законодательстве занимал Патриарх как в отношении своего личного положения, так и в отношении своих прав в области церковного суда. Тогда будет ясно, с чем собственно боролся Никон, защищал ли он только Патриаршие права, как готовы думать те, которые хотят приклеить к нему стремления своеобразного восточного папизма, или же стремления Никона были шире, и защита им Патриарших прав входила только в качестве одного из звеньев в общую систему его представлений о надлежащем отношении государства к Церкви. Развитие церковного законодательства и законодательства о Церкви в России началось на основании законов и юридических начал, уже определенно выработанных и установившихся в Греции и принесенных в Россию оттуда вместе с верой. Русская Церковь не только получила первое бытие от греческой, но и признавала ее устройство для себя образцом, подчинялась верховному

водительству одного из пастырей, принимая от нее и своего первопрестольного Архиерея и других Архиереев.

Русские православные князья с своей стороны признавали права, присущие Церкви, и давали ей права в том же круге действий, как и цари греческие. Через это суду Церкви подлежали не только дела, принадлежащие по самой природе своей к существу Церкви, как связанные с теми благами и положениями, которые истекают от нея, но и дела, предоставляемые ей государством либо в силу исторической традиции, унаследованной от греческих царей, или в силу того, что князья видели в Церкви тот орган, который призван проявлять свое благодетельное влияние и умение в разрешении тех вопросов, до которых не доросла примитивная языческая государственность в России. В силу этого церковному суду в России оказался подчиненным целый комплекс отношений, не только унаследованный от Византии, но еще и увеличенный самостоятельно. Непрерывность в осуществлении Церковью своих прав в течение столетий сливала их в сознании людей в одно целое с теми правами, которые Церковь имела в силу самого своего существования, как союз особой природы с особыми целями и особыми средствами в их достижении. Суду Церкви оказались подчиненными: 1) все лица духовного звания, не только в области своих служебных отношений, но и вообще в делах гражданских и даже уголовных, за исключением особо квалифицированных, вроде убийства и разбоя, оставленных за государством. 2) Также миряне, по особенному их отношению к Церкви причисляемые к церковным людям, как вдовы, сироты, находящиеся в богадельнях, вплоть до Петра I. Это расширение прав Церкви сделано было русскими князьями из благоговения к вере в виду того, что они видели в ней начало, призванное устроить и гражданское общежитие. 3) Лица, живущие на церковных землях духовного ведомства, и дворовые люди этого ведомства, без всякого особого закона, в силу того общего принципа, что право суда соединялось в то время на Руси с

землевладением. Кто владел населенной землей, тот и судил и справлял государственные с нее подати.

Суд над духовенством в гражданских делах.

Что касается первых, то есть лиц духовного звания (монашествующие и лица белого духовенства, со включением их жен и неотделенных детей), то еще греческое законодательство исходило из повеления, данного Ап. Павлом (1 Кор. VI, 1—6) всем христианам по гражданским делам между собой не искать суда у языческого правительства; эта же норма для лиц духовного звания имела особую силу, ибо они призваны служить примером для прочих. Когда христианство сделалось в Римской Империи господствующей религией, то и государственный закон поставил в обязанность духовным судиться в делах между собой у Епископов. Церковные законы на Карфагенских Соборах третьем (397) и четвертом (398) и на IV Всел. Соборе подтверждали этот принцип еще раньше, чем император Маркиан возвел этот принцип в государственный закон через утверждение IV Вселенского Собора. В России этот принцип получил еще расширение в смысле подчинения церковному суду тех лиц, которые в Греции ему не подчинялись, через учреждение смешанных судов: именно, если дело происходило между духовным и мирянином, то поставлялся общий суд из духовного и светского начальства подсудимых. Если светская власть в Москве и стремилась подчинить духовенство своему суду еще в XV веке, то Митрополиты отстояли для духовенства право судиться перед своим начальством. Судебники Иоанна III и IV почитали этот принцип обязательным законом для всех земель, подвластных Московскому великому князю. Это право, однако, нередко ограничивалось несудимыми грамотами великих князей, которые освобождали от святительского суда иные монастыри и церкви. В таких случаях настоятель монастыря или священник судили подвластных себе клириков и мирян сами, а сами в свою очередь судились великим князем или его боярином, за

исключением, однако, дел о душегубстве или разбое, судившихся всегда светским правительством, и дел духовных, подлежащих всегда Архиерейскому суду (Бывали еще несудимые грамоты другого рода, когда Архиереи сами освобождали монастыри и церкви от суда своих десятников, предоставляя монастырскому и царскому начальству право суда над подвластными, а жалобы на само начальство принимали сами). Хотя Стоглавый Собор определил уничтожить все несудимые княжеские грамоты, освобождавшие духовенство от святительского суда, как неканонические, и признал право Архиереев судить духовенство во всех делах гражданских и уголовных, кроме душегубства и разбоя, однако, постановление Собора не исполнялось, и несудимые грамоты выдавались. Что касается самих Архиереев, то о них Стоглав ничего не говорил, и на них жалобы по-прежнему шли князю или царю, который судил со времени образования приказов в начале XVII века через приказ Большого Дворца.

Суд приказа Большого Дворца в XVI и XVII веках.

Этот приказ Б. Дворца был местом, где в особенности скрещивались Церковь и государство. Он ведал все финансовые государственные сборы с церковных вотчин, принимал отчетность в монастырских расходах, ведал описи имуществ, жалованные грамоты и вообще все правительственные действия государства в отношении церковных дел; все государственные постановления по церковным делам шли через этот приказ.

Здесь сосредотачивалась и судебно-гражданская власть в делах, подлежащих непосредственному суду государя. Ему подлежали Митрополиты, Архиепископы и Епископы, привилегированные монастырские власти, настоятели, игумены, прикащики, все вообще обитатели привилегированных монастырей, монастырские слуги и крестьяне, лица белого духовенства, владевшие вотчинами, соборные протопопы с братией, духовенство монастырских сел, принадлежавших привилегированных монастырям, – все

эти лица подлежали суду приказа Б. Дворца, когда на них подавались жалобы от сторонних светских людей. Многие церковные учреждения добивались того, чтобы им самим давалось право вчинять иск на сторонних людей в этом приказе, тогда как по общему правилу надо было обращаться к суду, которому подсуден ответчик. Многочисленность дел приказа приводила к тому, что он многие дела ведал не сам, а отправлял на место боярина, или поручал дело воеводам; а недостаток точного разграничивания между церковными и государственными делами, и тенденция того времени определять подсудность не по предметам, а по лицам, делали то, что приказ Б. Дворца вмешивался в круг обязанностей церковной власти, т. е. и в дела чисто церковные .

Протесты церковных властей против вмешательства воевод в церковные дела.

Воеводам поручали не только судить, но и именем царя наблюдать над делами чисто церковными. На практик воеводы стали вмешиваться не только в гражданские дела во владении церковных учреждений, но и в дела церковного управления и суда над духовными лицами.

Горчаков пишет: «Еще чаще сами воеводы без особого дозволения вступались в дела, огражденные от них привилегиями и церковными канонами. Если они дозволяли себе такое вмешательство в привилегированных местностях, пользующихся несудимыми грамотами, то они считали уже себя в праве судить и рядить духовных лиц и крестьян церковных вотчин в непривилегированных местностях помимо епархиального суда и власти. Если их не удерживали царские несудимые грамоты от вмешательства в дела, от них изъятые, то требования церковных властей не могли иметь силу против них. Вообще в 16 и особенно в первой половине 17 в. со стороны светских чинов были весьма частые вторжения в судебные дела, которые церковными властями и учреждениями признавались изъятыми из их подсудности. Так стремление церковных учреждений к самостоятельности

от церковных епархиальных судов и местных государственных привели их к зависимости от светских чинов и в судебно-гражданском отношении, и в церковно-служебном. Представители церковной власти не признавали таких вмешательств каноническими и в своей защите опирались на неподсудность вообще мирским судьям церковно-служебного сословия, признанную Уставом Св. Владимира и Св. Ярослава. Они считали себя вправе отстаивать и суд по чисто церковным делам, и тот гражданский суд, который создался для Церкви в силу прав, дарованных князьями, и в силу владельческих прав Церкви. Они ограждали себя и запрещениями духовным лицам судиться у светских лиц, и литературным путем, публикацией правил «об обидящих Церковь Божию», а также тем, что добивались подтверждения несудимых грамот, по которым они подлежали только непосредственному суду Б. Дворца. В сущности и суд Приказа Большого Дворца, как суд царя, мог почитаться уступкой со стороны Церкви, ибо церковные правила (IV, 9; Карфаг. 15) духовных лиц подвергают суду Епископов, а Епископов суду Митрополита, и для всех устанавливают высший суд – суд Соборный. Дело стало хуже, когда с Уложением такой инстанцией стал уже не непосредственный суд царя, каким в принципе почитался суд Приказа Б. Дворца, а подлинное государственное учреждение, выделенное из состава Приказа Б. Дворца в виде Монастырского Приказа.

Положение Патриаршей области.

Говоря о подсудности духовенства, надо обратить особое внимание на те грамоты, которыми определялось положение Патриаршей области. Михаил Феодорович дал особую несудимую грамоту в 1625 г. Патриарху Филарету. В ней сказано, что по царскому указу до тех пор ведали духовных Патриаршей области судом и управой во всех делах, кроме духовных, в Приказе Б. Дворца. Теперь, вместо того, Патриарху предоставлено право судить духовных своей

Патриаршей области во всех делах, кроме смертоубийства, разбоя и воровства, и притом как по жалобам духовных между собой, так и по жалобам на них от мирян; но духовные Патриаршей области должны были искать на посторонних в тех царских приказах, которым подсудны были их ответчики; встречные иски всегда разбирались там, где первоначальный иск. «После смерти Филарета, пишет Неволин в отделе об Управлении Церковном (в 6 т. своих сочинений), до издания Уложения Алексея Михайловича, не давалось Патриаршему престолу новых несудимых грамот, и не подтверждались прежние. Основываясь на смысле Уложения, надо было бы думать, что в этот промежуток духовные Патриаршей области были судимы во всех делах, кроме духовных, в Приказе Б. Дворца. Но из других свидетельств явствует, что и в это время на духовных Патриаршей области суд давался Патриархом и лицами, от него назначенными. Во всяком случае духовные Патриаршей области, не освобожденные от суда Патриарха особыми несудимыми царскими грамотами, в делах между собой подлежали суду Патриарха и лиц, им назначенных. С этого времени Патриаршая область явно начала выделяться из круга прочих епархий: здесь все духовенство, белое и черное, по всем своим делам, духовным и гражданским, оставалось в подчинении Патриарха, тогда как в других епархиях и церковные причты, и особенно монастыри по делам гражданских все больше освобождались через несудимые грамоты от подсудности своим Архиереям и подчинялись Приказу Б. Дворца (Макарий)». В 1657 году Патриарх Никон исходатайствовал от царя подтверждение грамоты 1625 г., так что подсудность духовенства ею и определялась в Патриаршей области. Это духовенство судил Патриарший разряд – один из Приказов Патриарха.

Система Приказов в церковном управлении.

Приказная организация Патриаршего управления последовала при Патриархе Филарете по образцу государственного управления, придя на смену прежней

системе управления через отдельных лиц. По Стоглаву каждый Архиерей, в том числе и Первосвятитель, в управлении своей епархией действовал через своих наместников, старост, десятинников; в управлении имениями через дворецкого, прикащика; при Архиерее было два суда: для духовных дел и для недуховных; в последний входили лица, назначаемые государем, которые не могли быть удалены Архиереем. На место этих учреждений являлись Приказы, с 1620 г. дворцовый и казенный, с 1622 г. судный Приказ и с 1628 г. Патриарший разряд. Во дворцовом приказе сосредоточивалось высшее управление и суд над всеми вотчинами и крестьянами Патриаршего дворца, также как и всеми приказными и дворовыми людьми, служившими при Патриаршем дворце или в Патриарших вотчинах, заведывание доходами с вотчин и выполнение государственных повинностей. Казенный приказ ведал Патриаршую казну, сборы пошлин на Патриарха, домовые Патриаршие монастыри, и отчетность в Патриаршей казне. В Патриаршем разряд, называвшемся также судным приказом, ведались все собственно церковные дела в Патриаршей епархии и в качестве высшего управления по делам всех епархий, и дела административного характера; сюда присылались ведомости о поведении лиц, сосланных в монастыри, сюда поступали ведомости о числе денег и даточных людей, отданных на государственную службу. Во всех этих приказах сидели светские чиновники, назначаемые и увольняемые государем. Такое же приказное устройство распространялось и по прочим епархиям.

Патриаршая область и церковная реформа уложения.

Исключение Патриаршей области из ведения монастырского приказа выясняется по сличении статей XIII гл. о монастырском приказе со статьей XII гл. о суде Патриарших всяких людей. В статьях о монастырском приказе упоминаются все чины духовные от причетника до Митрополита, но о Патриархе не говорится. Лица же Патриаршей области вместо Монастырского Приказа

подчинены в исках на них суду одного Патриарха и его судебным органам. Причины этого исключения указаны в самом Уложении (XII, 1): «потому что при прежних государях и блаженные памяти при великом Государе, царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси ни в которых приказах на них суда не давано, а судили их на Патриаршем дворе, судные дела слушает и указывает Патриарх». Основа этого изъятия – в прежних несудимых грамотах, из которых одна была дана еще при Грозном Митрополиту Афанасию и впоследствии была повторена Годуновым в пользу Патриарха Иова в 1599 г., затем Шуйским Гермогену в 1607 г. и Михаилом Феодоровичем в 1614 г. Статьи Уложения «о суде Патриарших всяких чинов людей» изложены согласно с этими несудимыми грамотами. Под этим выражением «всяких чинов людей» разумеются и люди духовных чинов, жившие в Патриарших вотчинах: архимандриты, игумены, попы, диаконы и проч., ибо эти лица не перечислены в XIII, 2, где перечислены все духовные чины, подведомственные монастырскому приказу; эти же чины перечисляются в несудимых грамотах, на основании коих организован суд Патриарший всяких чинов людей; но, хотя судьями в Патриарших приказах были светские чиновники, однако, приговор исходил от лица самого Патриарха. Не надо, однако, упускать из виду, что Патриаршая область не составляла никогда государства в государстве. Ее подчиненность государству выражалась не только в поставке денег и людей на государственную службу, но также и в способе назначения в нее Патриарших чиновников, зависимых от Государя, и особенно в подчинении ведомству государственного суда дел по разбою и убийству и воровству с насилием. Привилегированное положение Патриаршей области пережило и Уложение; последнее, в отношении к ней будучи более бережно, чем к другим епархиям, все же затронуло и ее. Так, Уложение отдало в ведение местных государственных властей иски менее 20 рублей на прикащиков и крестьян не только всех церковных учреждений, но и Патриарших, так что Никон только 25/II

1657 г. добился отмены этой подсудности, восстановлением старинной Патриаршей грамоты о неподсудности лиц духовного ведомства государевым наместникам. Эта грамота запрещала наместникам, волостелям и тиунам судить Патриарших людей где бы то ни было и в чем бы то ни было, опричь душегубства, а судит их сам Патриарх или его приказные люди». По Уложению Патриарх, его приказные и дворовые люди, дети боярские, крестьяне, и всяких чинов люди, живущие в епархиальных домовых вотчинах, были изъяты во всех делах из ведомства монастырского приказа и оставлены под судом самого Патриарха (XII, 1). Оно предоставляло судить на Патриаршем дворе людей, живущих в Патриарших домовых вотчинах, но дозволяло только приносить жалобы на неправильное решение Патриаршими приказными людьми государю (Неволин). Уложение не изменило прав Патриарха судить духовных своей области. В конце концов грамота 25/2 1657 г. совершенно восстанавливала прежнее положение Патриаршей области, и, когда Никон писал свои грозы на «проклятую Уложенную книгу», он имел в виду вовсе не личность Патриарха и его права.

Реформа церковного суда по Уложению.

Личность самого Патриарха ограждалась и Уложением наравне с государем, и он мог подлежать в гражданских делах только суду царя. Но порядку церковного суда вообще Уложением был нанесен существенный удар, и за эти права выступал Никон. Уложение произвело коренную реформу церковного суда. Оно ввело Монастырский Приказ, учреждение чисто государственное, которому и представило ведать все иски на Митрополитов, Архиепископов, Епископов, их приказных и дворовых людей, на детей боярских и крестьян их, на монастыри на архимандритов, игумнов, строителей, келарей, казначеев, на рядовую братию, на монастырских слуг и крестьян, попов и церковный причт (XIII, 1). Все духовные чины и их люди стали одинаково ответственны перед одним

государственным судом, за исключением Патриарха и его области. Прежний Святительский суд совершенно устранялся для гражданских дел, и таким образом прежнее стремление Московских государей, направленное на непосредственное подчинение своей власти всех церковных учреждений, было достигнуто (еще при присоединении уделов Московское правительство стремилось всегда освобождать имевшееся там церковное владение от Святительского суда). Ко времени Уложения подсудность духовных лиц вне Патриаршей области была в таком виде: 1) Архиереи по мирским делам подлежали суду Б. Дворца; 2) они судили свое духовенство а) в делах духовных, в) в делах мирских одно духовное лицо с другим (в мирских делах духовного лица с светским образовывался смешанный суд с начальством последнего), с) в преступлениях гражданских, кроме смертоубийства и воровства с наличным; 3) многие монастыри и церкви жалованными грамотами освобождались от Святительского суда: тогда само начальство монастыря судило подвластных во всех делах, кроме духовных (они всегда у Архиереев) и дел о смертоубийстве, разбое и воровстве, которое ведало местное начальство государственное, а начальство само судилось наравне с Архиереями в Приказе Б. Дворца. С Уложением наступили важные перемены: 1) Прежде Монастырскому Приказу, как отделению Приказа Б. Дворца, подлежали по суду только те монастыри и духовные лица, которые имели несудимые грамоты; Уложение упразднило все несудимые грамоты и подчинило все монастыри и всех духовных, (кроме Патриаршей области) Монастырскому Приказу. 2) До Уложения монастыри и духовные лица судились в Приказе Б. Дворца только в исках на них со стороны лиц других ведомств; теперь же в Монастырском Приказе должны были судиться все духовные лица во всех исках, следовательно и в исках между собой, что было прямым вмешательством гражданской власти в дела Церкви. 3) Прежде Архиереи и настоятели привилегированных монастырей подлежали в исках на них сторонних лиц непосредственному суду царя,

согласно жалованным грамотам, и постепенно стали судиться в Приказе Б. Дворца; теперь же прямо было узаконено, что Митрополиты, Архиепископы и Епископы во всех исках на них должны судиться в Монастырском Приказе, и Церковь в лице своих предстоятелей явно подчинялась суду власти гражданской (Макарий). Хотя Уложение уничтожило несудимые грамоты, однако, принцип этот не выдерживался, и 6/2 1651 г. Новгородскому Митрополиту Никону была выдана несудимая грамота, на подобие той, которую получил Патриарх Филарет; он получил, в отступление от Уложения «право ведать судом и управой во всяких управных делах, опричь разбойных, татных и убийственных монастыри, архимандритов, игумнов и братью, и соборных церквей протопопов, и попов и диаконов и всех окружных и приходских церквей попов и диаконов, и причетников и монастырских служек и крестьян». Одним из самых существенных нововведений Уложения было изменение принципа подсудности духовенства: раньше была церковно-судебная власть Архиерея по гражданским делам, а теперь создано совершенно независимое от Церкви учреждение – государственный суд над духовенством в виде Монастырского Приказа, т. е. гражданские дела духовенства отняты от Церкви и переданы государству. Раньше же церковные учреждения считали себя независимыми от светской власти и знали над собой в гражданских делах только непосредственный суд Государя.

Однако, оставалась неясность в том, что Уложение не отменило прежних законных оснований гражданской власти духовенства прямым постановлением; лишь косвенно эта власть подрывалась учреждением Монастырского Приказа и отнесением в его компетенцию гражданских дел духовенства. Другим нарушением прежнего принципа было предоставление Монастырскому Приказу рассмотрения исков между духовными, что почиталось вмешательством гражданской власти в церковные дела: до Уложения высшие духовные власти – Митрополиты, Архиепископы, Епископы,

привилегированные архимандриты, игумены и даже прикащики подлежали непосредственному суду Государя, а боярский суд почитался унижением. Теперь они все наравне с своими крестьянами подчинялись Монастырскому Приказу.

Все вообще привилегированные и непривилегированные церковные учреждения уравниваются перед Монастырским Приказом. В судопроизводстве введено единство основания с централизацией и упрощенным Иерархическим устройством. Новый принцип подсудности духовенства гражданской судебной власти проведен и в низших инстанциях: a) Приказные и Дворовые люди Архиереев, монастырские власти и крестьяне призваны по Уложению вчинять иски против посторонних в Приказах с обязанностью отвечать самим в них же в случае встречного иска: так власти епархиальные подчиняются суду других государственных Приказов, кроме монастырского. b) Прикащики и крестьяне монастыря, приказные люди патриаршие и архиерейские в исках меньше 20 рублей подчинены суду воевод. c) Хотя не говорится о суде по маловажным искам на Митрополитов и на высшие церковные власти, но, по-видимому, и они подведомствены воеводам. d) В столкновениях лиц подведомственных прежде до Уложения гражданскому суду с лицами других ведомств был суд смешанный, а Уложение его отменило, заменив воеводским судом.

Общий принцип подсудности духовенства гражданской власти был нарушен, как мы видели, в отношении патриаршей области, что являлось напоминанием о прежней самостоятельности Церкви в гражданских делах. Св. Патриарх и его область, как сказано, по всем исковым делам изъяты были от ведомства Монастырского Приказа (XII, 1-2), но лишь по городам, кроме Москвы, в малых исках прикащики и крестьяне Патриарха были подведомствены низшим инстанциям Приказа (XIII, 3).

Расширение сферы Монастырского приказа на практике.

Обращаясь к фактической стороне дела, исследователь того времени (Проф. Горчаков) констатирует, что на практике Монастырский Приказ далеко не ограничивался юрисдикцией над гражданскими делами духовенства, а пошел в своем вмешательстве в церковные дела далеко за пределы Уложения. Этому содействовала неопределенность круга действий монастырского Приказа, которая присоединилась к той неопределенности объема церковного суда, которая была, в виду отсутствия определенной отмены прежних принципов церковного суда.

Именно по Уложению Монастырский Приказ – исключительно судебное учреждение, но в действительности уже в первый период существования 1649-1667 он – и административное, и финансовое, и полицейское по отношению к чисто церковным учреждениям. Он грамотами предписывал отправление государственных повинностей и платежей в церковных вотчинах и принимал от них отчеты в исполнении грамот. До его учреждения требования о государственных повинностях шли из Приказа Б. Дворца, и Монастырский Приказ унаследовал его права. На этой же исторической преемственности Монастырский Приказ основывал и свои административные и полицейские права по отношению к церковным учреждениям. Через него шли царские грамоты к церковным властям о приписке одних монастырей к другим, о составлении описей и переписных книг церковным имуществам. К нему же шли от надлежащих мест и исполнительные по этим предметам документы. Горчаков приводит два характерных документа, один из времени до Патриарха Никона, другой из времени после того, как Никон ушел в Воскресенский монастырь. В 1650 г. Монастырский Приказ приказывает воеводам наказывать и посылать в монастыри на покаяние лиц, не оказывающих благоговения к Св. Тайнам. А в 1660 г. Монастырский Приказ предписал Новгородским воеводам смотреть, чтобы священники внушали прихожанам ходить в посты на

исповедь, составлять списки неходящих на исповедь и присылать в Монастырский Приказ, где присуждались наказания на непричастившихся и на духовных отцов за беззаботность в обращении паствы на путь истины или за сокрытие непричастившихся. Горчаков пишет: «Вероятно, Монастырский Приказ принял от Приказа Б. Дворца все дела, касавшиеся церковных властей и учреждений и, пользуясь неопределенностью законов, в круге своей деятельности простирал свою власть, без различия, на всю Русскую Церковь. Во всяком случае на практике происходило смешение разных родов деятельности в отправлениях Приказа, хотя законодательство усваивало ему одни только судебно-гражданские власти без указания на другие его функции, и вообще неопределенность круга его деятельности могла повести Приказ к действиям, несогласным с законами Церкви, и способна была возбудить ревность духовных лиц, готовых охранять неприкосновенность существующих духовно-гражданских прав Церкви; тем более, что в производстве и решении дел судьи Монастырского Приказа всецело призваны были руководствоваться Уложением, его законами, как общими, так и специальными для сего Приказа постановленными (XIII, 1-7). До тех пор Церковь судила по Кормчей, где во второй части находились законы Византийских царей, как бы канонизированные уже Церковью и принятые ею в свой свод. Монастырский Приказ, будучи учреждением чисто государственным, государством основанным, руководящимся государственными законами, и по составу своему весьма скоро оказался составленным из лиц исключительно светских. Есть указания, правда, на то, что сначала в его состав входили и духовные лица, например Чудовский архимандрит и келарь Троицкой Лавры. Об этом упоминает сам Никон, писавший в 1661 году царю: «Уложение, книга хотя и по страсти написана, многонародного ради смущения, но и там постановлено: в Монастырском Приказе от всех чинов сидеть архимандритам, игуменам, протопопам, священникам и

честным старцам, но ты все это упразднил, судят и насилуют мирские люди». Первое время сидел в нем и творец Уложения князь Никита Иванович Одоевский. Постепенно духовные чины, присутствовавшие раньше при делах духовенства в Приказе Б. Дворца, перешли оттуда в Монастырский Приказ, но были оттуда вытеснены, чему соответствовала сама логика вещей, в виду намерения создать из Монастырского Приказа независимое государственное учреждение. В соответствии с этим судьи Монастырского Приказа назначались, получали содержание, были ответственны и увольнялись царем без содействия церковной власти. Во всем судопроизводстве этого Приказа сказывалась всепоглощающая власть государства.

Общая характеристика Монастырского Приказа. Отношение к нему Никона.

Монастырский Приказ оказался судьей в тех делах, которые Церковь почитала своими, состоял из лиц, назначенных государственной властью, руководился государственными законами и на практике оказался не только судебным для Церкви учреждением, но и правительственным. Все эти явления и вызвали ожесточенную критику Патриарха Никона, который и вступил в управление Церковью лишь после того, как ему обещана была возможность управления Церковью на канонических началах. Сделавшись Патриархом, он неоднократно просил царя уничтожить «проклятую книгу Уложения», но успел только в приостановке действий Монастырского Приказа. Эта приостановка и продолжалась только до тех пор, пока царь поддерживал Никона, а как только он лишился его поддержки, бояре привели в исполнение постановление Уложения о монастырском Приказе со всеми теми расширениями его полномочий, о которых мы говорили, как следствии неопределенности постановления Уложения и исторически унаследованной им практики. В сокровенной исповеди, которую Никон отправил зимой 1665 года Константинопольскому Патриарху

Дионисию, определенно об этом говорится. Рассказывая историю своего вступления на Патриаршество, Никон говорит о «том обещании, которое он получил от царя и бояр – соблюдать заповеди Св. Евангелия и канонов Св. Апостолов и Св. Отцов и законы благочестивых греческих царей и повиноваться всему, что он будет возвещать по Божественным заповедям и законам»... «Сначала, продолжает Патриарх, царь был чрезвычайно благочестив и милостив и во всех Божественных законах повиновался всему, что мы говорили, настолько, насколько это и подобает нам, и по милости Божией и с нашего благословения успешно воевал с Литвой. Затем он начал постепенно возноситься и пренебрегать тем, что мы говорили от заповедей Божиих и захватывать дела, подлежащие Епископам, изданием приказов и осуществлением суда в делах Божественной благодати; сам ли собой он решил так действовать, или был склонен к тому дурными людьми, подобно Ровоаму – царю Израильскому, отвергшему совет старейшин».

В своем «Раззорении» Никон сурово порицает царя за захват церковной юрисдикции и церковного управления и выясняет, что она не принадлежит царю, ибо имеет источник в благодати Святого Духа. Это тесно связано в уме Никона с его понятием о Церкви, которая имеет собственные органы для выражения своего правосознания, и воли для управления и суда в делах своей сферы. Но на ряду с этим Никон, не говоря этого прямо, отдает себе отчет в том, что у Церкви помимо своих существенных прав есть права, не присущие ей по существу, но делегированные ей от государства: в этих случаях он ссылается не на благодать Святого Духа, а на историческую традицию, на пример благочестивых царей, выражавших свое почтение к Церкви в отношении к ней. Никон, однако, прежде всего заботится об охране собственных прав Церкви, вытекающих из ее существа.

Никон о самостоятельной природе церковных полномочий, вытекающих из природы Церкви.

Говоря об Уложении Одоевскому, Никон говорит об этой самостоятельной особой природе церковных законов: «Ты делаешь сатанинское дело, восставая против Церкви. Послушай! Откуда церковные законы? Они свыше и говорят с небеси, а ты не веришь, что эти вещи сказаны от Бога? Они посланы от Бога. Основание стен – блаженные Апостолы, на которых основана Церковь. Стена Церкви – Сам Христос. Зачем же ты подрываешь и хочешь разрушить стену церковную, которая есть Христос? Свет Церкви – Христос. И почему ты, мрак, гасишь его? Но она основана на скале, и врата адовы не одолеют ю. Но откуда истина этого утверждения и пророчества? Как это врата адовы не одолели ю? Потому что Христос с нами. Ибо, если бы Христос не был с нами, как бы Церковь могла побеждать, и Евангелие распространиться по миру? Говорящие против нас Должны дать свидетельство древности своего учения от книг. А не видишь, как вся вселенная отвергает твои лживые книги... Почему ты ставишь конец царству Христову беззаконным Уложением, так что здесь является вся власть князя мира сего? Но, если другой приходит, то этот другой никто иной, как Антихрист, как свидетельствует и Иоанн и другие: теперь много Антихристов. Закон был наш учитель, чтобы вести нас ко Христу (Галатам 3, 2-4). Апостолов послал никто, как Бог (Д. 1, 8). И Он сказал им (Лук. 24, 44-49) и на них сошел Дух Св. (Д. 2, 1-4). Видел ли ты, как Евангелие пришло к нам? С неба, и как Апостолы сделались мудры, и как Дух Св. сошел на них. И после даров такой великой благодати и принятия Св. Духа Апостолы не переставали свидетельствовать от закона и пророков (Д. 2, 14-18). Но почему же ты не принимаешь заповеди Божии и Его учеников и Апостолов? Видишь ли, что не своей собственной властью или благочестием делали все Апостолы, – но благодатью Духа Св. свыше» (I, 535-539). И в другом месте Никон говорит об этой благодати Св. Духа, как об источнике церковных полномочий: «Ты говоришь, что Государь

поручил Никону надзор за церковными делами. Но это не царь поручил, а благодать Св. Духа, но царь поставил ни во что эту благодать, обесчестил Св. Духа и сделал ее безвластной. Теперь без приказа царя благодать Св. Духа не может действовать, так как Епископы, такова слабость их понимания, пишут теперь: Я посвятил этого человека в архимандриты, игумены благодатью Св. Духа и указом Великого Государя. Они готовы хоронить повешанных за преступления, молиться за детей, в грехе рожденных, все по царскому Приказу. Что может быть ужаснее этого (I, 206)? Не царю или князю этого мира обручена Церковь, строители коей суть Божии Апостолы (через которых ей дано ее духовное обручение)». Не от царя церковные полномочия, и Никон пишет: «Ты говоришь, что царь вручил мне, Никону, надзор за церковными делами, но это ложь: ни царь не давал мне никакого авторитета, ни мы не ищем от него какого-либо авторитета, зная Божественные каноны: «Всякий, принимающий Церковь от светской власти, низвергается.» И хотя Бог до ныне терпит такое нарушение, и царь, вопреки Божественным правилам, избирает кого хочет и дает приказ их посвящать, но все эти люди не избраны Богом и недостойны. За все это царь отдаст отчет перед Богом. Как он может давать то, чего сам не имеет?» (1, 192). В другом месте Никон говорит: «Надо помнить 39 Апост. правило, 13 Лаод. и VII Вс. Соб. 3 пр. Теперь и Епископы, и архимандриты, и игумены, и священники и низшие клирики посвящаются и назначаются указом царя. 34 Ап. правило запрещает делать что-либо внеепархиальное без воли Первосвятителя, но царь сделал Митрополита Крутицкого, стоящего ниже всех Епископов, первым над всеми ними, Архиепископами и Епископами без Собора и без выборов, а 35 Апостольское правило низвергает получившего власть от светских властей» (I, 501). В другом месте: «Ты, вопрошатель, говоришь, что царь поручил Никону надзор над церковными делами; это нечестивая хула, превосходящая гордость Люцифера. Ибо он сказал: я поставлю мой трон на небесах и буду подобно Всевышнему. Он думает иметь здесь власть и над Богом, но

мы имеем свою власть от Бога и знаем только Его, как законодателя (I, 189), давшего власть вязать и решать (Иоанн 20, 22; Мф. 18, 18-20). Какую же власть дал мне царь? Эту? Нет. Но он восхитил ее на себя, как свидетельствуют его незаконные деяния. Что он делает? Он властвует над Церковью; обогащается священной собственностью и кормится ею; он хвалится делать так, чтобы все клирики, Митрополиты, Архиепископы, Епископы, священники и все низшее духовенство подчинилось, служило ему, как рабы, платило поголовную подать, служило в войсках; он властвует над ними и высшей юрисдикцией и налогами. Таких привилегий мы не только не получали от него, но и гнушались их и бежали от них, как от семени дракона; мы гнушались их, как нарушений Антихриста, согласно заповеди Христовой, когда Он указал на эти наши времена (Мф. 24, 4, 5) (I, 189).

Захват церковных дел царем – источник несчастия для него.

Никон видит несчастие для царя в том, что он захватывает церковные дела. «Кому может дать благодать Святого Духа такой человек, который осмелился оскорбить Святого Духа и сделать Его благодать бездейственной, прибавив слова: «И по указу великого государя?» Не написано ли, что избранный светской властью низвергается вместе с поставившим его, но им это не важно. Что больше этого свидетельства? Сам Бог свидетельствует, что такой грех не простится ни в этом, ни в будущем веке. Он, Государь, даже не боится этого, хотя нет ничего ужаснее этого – не быть в состоянии получить прощения ни в этом, ни в будущем веке, но он действует, как если бы он был Верховный Первосвященник, и кого он хочет, того и приказывает посвятить. Увы! Увы! Какое презрение! Какое ужасное осуждение! И кто его освободит от этого? (I, 206).

Понятие о Церкви у Никона и его критика основных принципов – предпосылок Уложения.

Никон подходит к понятию Церкви с практической стороны, которая обращена к деятельности человека. Много раз он говорит: «Церковь – не стены и храм, а церковные законы»; также и от людей он требует прежде всего действий, соответствующих этим законам: не слушатели, а исполнители закона спасутся, – часто встречаемая у него цитата. И вступая на патриаршую кафедру, он говорил: «Мы называемся христианами, но мы христиане только по имени.» И, обличая царя, он говорит, «что он не поносит его власти, но обличает направление его деятельности и говорит: мало в царе христианства.» Естественно, что права Церкви, вытекающие из ее существа на самостоятельное законодательство, управление и суд были предметом его особой защиты. То, что Уложение не считается с канонами и вводит силой светской власти судопроизводство, несоответственное им, вопреки традиции Византийского светского законодательства и русского, традиции, считавшейся с каноническими постановлениями, а практика жизни идет еще дальше и глубже захватывает res interna Церкви, – и побуждает Никона видеть в этом проявление духа Антихристова. Судоустройство, введенное Уложением, подвергалось критике Никона не только потому, что оно на деле привело к государственному управлению в Церкви, ко вмешательству государства в то, что почиталось res interna Церкви, как назначение на церковные должности и суд государства в церковных делах над духовенством, но вообще потому, что оно выражало во всех своих постановлениях основную тенденцию Уложения поставить Церковь в зависимости от государства во всех ее проявлениях. Это было нарушением того начала, которого держались и Византийское и Русское государственные законодательства – признавать правила о подсудности в гражданских делах духовенства суду Церкви. Устав Св. Владимира говорит о Церковном суде: «Если кто нарушит мой устав, будет ли то мой сын или слуга, или кто-либо из моего рода или из бояр,

и вмешается в церковные дела Митрополита, которые я дал Митрополиту и Церкви и Епископам во всех городах, согласно канонам, тот будет судим и наказан. Если кто попытается захватить суд церковный, он лишается имени христианина, и все такие да будут прокляты Святыми Отцами» (I, 380). «Кто ты, обращается к князю Одоевскому Никон, что ты осмеливаешься, вопреки Божественным заповедям и канонам, составлять новые законы, подобно Лютеру?» (I, 365). Никон верно подметил, что самостоятельное распоряжение государства в делах церковного устройства есть принцип не православный, а протестантский, и исторически обусловлен у протестантов отсутствием церковной иерархии.» «Князь Никита из канонов Св. Апостолов и Св. Отец ничего не писал, как этот беззаконный кодекс сам свидетельствует. И где в отдельных местах он уверяет, что он сделал оттуда выписки, то он врет, ибо нет таких канонов (которых требует текст); во всей книге нет ни одного правила Св. Апостолов и Св. Отец 7 Всел. Соборов или Поместных, нет и из гражданских законов благочестивых греческих царей и православных русских государей. Но все – новая композиция, чуждая Православию и церковным законам Апостолов и Св. Отцов и гражданским законам греческих царей.

Суд не царский, а Божий.

Он сам это свидетельствует в своей лживой композиции в гл. X о суде, называя суд судом царя. Как пишешь ты: «Суд царский»? Суд изначала Божий, а не царский. И цари называются слугами Божиими» (1, 390). А в другом месте (1, 470): «Послушай, нечестивый человек, что Бог говорит о таких лицемерах, как ты: ты нечестивый слуга, из собственных уст твоих буду судить тебя. Ты говоришь, если кто подделает письмо царя, за это предается смерти. Но что делать с тем, кто неистовствует против Бога, отменяет Божественную власть, подобно Люциферу, и переносит порчею писанного документа Божию собственность и Божий суд на имя царя, пиша «Суд царя и т. д.» и бесчестит Святых

Апостолов и Св. Отцов, наших учителей и законодателей, которые приняли власть от нашего несравненного Царя и Бога Господа Иисуса Христа, Который имеет власть связывать и разрешать на земле и на небе, которые должны судить не только людей, но и ангелов, которые разрушают их власть и честь и ставят их в ничто? Каких мук и какой смерти они не достойны? (По поводу Улож. IV гл., 1, 2, 3). Не научен он от людей, ни людьми, но Самим Богом» (Исх. XIX, I XX, 3) (I, 355). «Установление старого закона в Синае, пример Давида, Соломона и Самого Христа показывает, что суд – Божий. В Исходе XIX, 5 говорится:. Итак, если вы будете слушаться глагола Моего и соблюдать Завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь Израильтянам». Следовал этому завету и Никон и ставил в пример, как прежнее законодательство в судопроизводстве считалось с канонами, как с Божественным законодательством. «Как ты осмеливаешься подделывать суд, и кто уверен, что твой суд праведен и, что ты не писал по собственному произволу, а по воле Божией» (I, 420). «Покажи, где написано в правилах Св. Апостолов и Св. Отец и в гражданских законах греческих царей или в старых кодексах царей, что боярам, окольничим и людям Совета надлежит судить Патриарха, Митрополитов, Архиепископов и Епископов, архимандритов, игуменов и весь духовный чин» (I, 478).

Никон считал, что сам Патриарх Уложением может быть подвержен суду светскому, раз по 3 ст. XII главы люди патриарших Приказов и принадлежащие Патриарху чины должны быть судимы в том суде, где они сами начали дело, стало быть и Патриарх, начав против кого-либо дело в суде, может быть судим там при встречном иске (I, 484).» По 9 IV Всел. Соб. и 15 и 104 Карфаг. Соб. кто прибегает к светскому суду, тот не Епископ, и, если другие лица священнического чина, оставя церковный суд, обращаются к светскому суду, то даже при выигрыше дела подлежат низвержению. И кто, будучи Митрополитом, Архиепископом, Епископом,

архимандритом, игуменом, подчиняются в нарушение Божественных канонов суду светскому, не может больше называться по своему сану, ибо канонами низвергнут. И в другом месте (I, 594) Никон пишет: «Где написано, чтобы царь и князья, и бояре и дьяки судили Патриарха, Митрополитов, Архиепископов, Епископов и Архимандритов и прочих клириков? В каких канонах это написано? Скорее написано, что сами они должны быть судимы, а не судить. Что касается суда над Патриархом, то никакие законы об этом не говорят, хотя бы ты всех их прочитал, если только не законы правителей нехристиан и преследователей. И Митрополит не может быть судим по канонам иначе, чем Патриархом с другими Епископами, т. е. по IV Всел. Соб. 9 пр., ни Епископ иначе, чем всеми Епископами провинции, согласно Карфаг. канонов (12 Карф.) и во всяком случае не менее, чем 12-ью; священник 6 Епископами, а дьякон тремя, а клирики одним.» «А ты на каком законе основываешь (пишет он Одоевскому) установление, чтобы в монастырском приказе простые светские люди судили Митрополитов, Архиепископов, Епископов, архимандритов, игумнов, священников, дьяконов и клириков?» (I, 549). Никон требует, чтобы суд над духовенством и в гражданских делах по правилам древней Церкви давался органами самой Церкви.

Идеал, которым вдохновлялся Никон в начертании церковного суда по гражданским делам духовенства.

Этот идеал древней Церкви всегда предносился перед глазами Никона, и последующие исторические наслоения, когда государство присвоило себе часть тех функций, которые в древнее время, во время составления Апостольских правил и во времена Карфагенских Соборов III и IV веков, осуществлялись самой Церковью, являлись для него наростом, который надлежит, в его глазах, уничтожить. Не видно, чтобы Никон именно гражданский суд над духовенством определенно относил к существу самой Церкви; возможно, что он считал его делегацией государства,

ибо он оправдывает его не ссылкой на существо Церкви, а исторической традицией самого государства.

Мнение Никона о природе церковного суда в гражданских делах духовенства.

Так в «Раззорении» на стр. 322 он пишет: «Если заповеди Божии и правила Св. Апостолов и Отцов недостаточны для уничтожения вашего незаконного суда (Монастырского Приказа), то мы прибавляем свидетельства от законов и установлений царей. Если бы Никон чувствовал в данном случае, что сами Божественные законы достаточны для защиты гражданского суда над духовенством, он едва ли подкреплял бы ее ссылкой на светские законы. Можно думать, что в самих древних канонах Никон чувствовал различие Божественной неизменной части канонов от той человеческой их части, которая привнесена в них условиями места и времени, и, когда он ссылался на каноны о подсудности духовенства в гражданских делах, он, не чувствуя за этими правилами Божественной санкции, ссылался еще на обычай, на то, что благочестие требует уважения к их постановлениям, освященным давностью.

Никон о суде Церкви в гражданских делах духовенства.

Так (I, 299) Никон писал: «Следующие Божественным заповедям не должны подчиняться светским судьям, принуждающим отвечать перед ними, но должны помнить Господа, сказавшего (Мф. 10, 17-20): «Остерегайтесь же людей, ибо они будут вас отдавать в судилища, и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как им что сказать; ибо в тот час дано вам будет, что сказать.» А в другом месте (I, 297): «Никон никогда не посылал духовных к суду царя; он не говорит этого и теперь, и не согласен, чтобы так было. Но посланным от царя он сказал: Божественные законы не позволяют царям узурпировать власть над собственностью, посвященной Богу, и судить лиц, Ему посвященных, т. е.

клириков. Хотя бы мы были лишены последней одежды, Христос запрещает нам идти на суд царский. Но, если царь привлекает нас к своему суду силой, как сделали евреи с Христом и Его Св. Апостолами, по образу гонителей, то это увидит Всевышний Царь царей, Господь господствующих, Который быстро отмщает за всякую обиду тем, которые совершают несправедливость и насилие.» Никон далее пишет: «Мы говорили, не хуля царя, а порицая его действия; пусть кто хочет служит царю, те и получают от него суд, но нам Христос наш Бог дал закон и Себя Самого поставил примером не повиноваться перед нечестивыми судьями и не привлекать перед ними других (Марк 14, 57-61; Иоан. 18, 19-21; Мф. 26, 59-64). Видишь ли ты, подражатель жидам, как Христос, привлеченный к суду царя неправедными первосвященниками и старейшинами иудейскими, не отвечал и поставил пример для всех верующих в Него? Он отверг их даже, когда они спрашивали Его с заклинанием (Мф. 26, 63). О, нечестивые евреи! Что они слышали? «вы сказали, что это Я», а не прямо: «это Я.»

Сам Бог воздавал возмездие тем, которые поднимались против Божией собственности и наследия и судили неправедным судом, как фараон, Дафан, Авирон, Навуходоносор, нечестиво осудивший Даниила и трех отроков, Иосия, незаконно воскуривший фимиам, Ахав, преследовавший пророка, Ирод, Пилат, первосвященники и все те, кто были нечестивыми судьями Св. Пророков и Апостолов и преследовал и убивал их подобно Максентию, Юлиану и Валенту.

Видишь, вопрошатель и подражатель нечестия евреев: Христос не отвечал евреям, спрашивавшим его, и так же Он сделал, когда Его привели перед правителями (Мф. 27, 11-14; Иоанн 18, 33-38; Иоанн 19, 7-12). Видишь ли, как язычник Пилат был склонен прощать Иисуса . А мы не делали обиды нашему царю и не назывались царями. Как я есмь то, что я есмь, так и он – то, что есть, ибо как они, отвергая Спасителя, кричали: «мы не имеем царя, но только кесаря», так эти кричат: не надо нам Патриарха, достаточно с нас

Митрополита Крутицкого» (I, 297). Если в деле по обвинению в вознесении проклятия на царя, Никон защищал неподсудность своего духовенства царю в деле дисциплинарно-церковном, то в деле Сытина и Боборыкина он защищал неподсудность свою царю в гражданском деле. Никон говорил, что Церковь требует отдавать и рубашку, и сам отдал Боборыкину, вместо спора, всю кассовую наличность монастыря, в 10 раз превышавшую ценность самого спорного предмета. Никон так об этом рассказывает (I, 583-601): «Со времени ухода моего до сего дня царь упорствует в гневе своем на Патриарха Никона, за что, не знаю, и верит всяким ложным обвинителям, а добрых людей сослал. Царь не только подчинил себе Епископов, Архимандритов, игумнов, священников, но ищет, чтобы и Патриарх Никон выступил стороной в его суде с Романом Боборыкиным и Иваном Сытиным перед окольничьим Осипом Сукиным и думным дворянином Иваном Баклановским. Никон указал на неправильность этого им: даже Митрополита нельзя судить без Патриарха. Осип Сукин посмотрел в инструкции царя и сказал, что, если Никон не даст ответа по жалобам, то царь решит по своему. Никон ответил, что не боится царя, ибо есть у него свой Царь на небесах. Никон предложил, если надо, убить его, и грудь раскрыл, сказал, что не боится ни смерти, ни потери собственности, а в суд царя не пойдет, ибо это противно Божественным правилам. Никон приказал принести все наличные деньги (ибо Евангелие требует отдать и рубашку), их оказалось 600 руб. Никон сказал: если Никон кого обидел, пусть тот придет и возьмет свой ущерб в страхе Божием, и, если чего не хватит, то он снимет ризы с икон, отдаст и церковные книги, и колокола и скотину» Боборыкин взял эти 600 руб. за 67 четв. по предложению Сукина (цену, превышавшую в 10 раз рыночную).

В другом месте Никон пишет: «Господь говорит: Если кто позовет тебя в суд и отнимет верхнюю одежду (I, 201), то пусть отдаст и нижнюю. Но царь теперь тащит к своему суду и тех, кто не хочет с ним спорить, хотя бы добровольно

отдавал свою одежду и свою рубашку. Он судит принудительно тех, суду которых сам подлежит. Он попирает своей властью и не только это, но Епископы, священники и весь духовный чин, которых он не имеет права и сам судить, по его приказу судятся даже боярами, и всеми его нечестивыми судьями и дьяками вопреки Божиих канонов. Ибо каноны устанавливают, что Епископ должен быть судим Митрополитом с Епископами, или по крайней мере 12 епископами. Но царь сам – и нападающий, и обвинитель, и судья, и свидетель, и составитель, и руководитель лжесоборов против своего Патриарха. Вопреки св. канонам он принуждает идти к нему для суда, но он не думает о предостережении Апостола 2 Кор. 5, 10 (о будущем суде).»

Какие средства указывает Никон в борьбе против незаконного светского суда, постанавляющего на основании Уложения против духовных лиц? – отказ в повиновении. «Ты пишешь о том, что по X, 142 Улож. подлежит тюрьме на три месяца, кто издерет у посланного к нему царскую грамоту. Но если кто священного чина, Патриарх, или Митрополит, или Архиепископ, или Епископ или священник до низшего клира привлечется к исполнению незаконного закона, то он должен презреть и незаконного судью, и самый закон, как три отрока, услышавшие царский приказ, не только не согласились терпеть насилие, но презрели приказ. Равно и другие святые мученики, о которых ты читаешь в прологе, как браво они спорили, когда их тащили в суд, и не только не повиновались, но проклинали беззаконие. Так и теперь, если кто ради Св. Евангелия и заповедей Христа и канонов Св. Апостолов стоит твердо, то он не только не будет повиноваться судье, но плюнет на него и проклянет его нечестивый закон» (I, 486).

Почему Никон объединяет подсудность духовенства и по духовным делам, и по гражданским.

Если Никон объединяет обе подсудности духовенства и в духовных, и в гражданских делах, то это объясняется

тогдашней традицией определять подсудность по лицам, а не по предметам. Подсудные в одном отношении становились подсудными невольно и в другом отношении. Если Уложение на практике привело к захвату государством чисто церковных функций, то учение Никона приводило к сохранению церковных полномочий, которые были освящены церковным обычаем и признанием гражданских законов на ряду с теми, которые вытекали из самого существа Церкви.

Никон обвиняет Царя в пренебрежении им исторической традиции относительно суда по гражданским делам духовных лиц.

Никон обвиняет царя в нарушении исторической традиции в отношении государственного законодательства о Церкви. Он пишет (I, 201): «Царь не только не исполняет заповедей Божиих, но и пренебрегает прежними законами благочестивых царей и великих князей.» На стр. 217: «Константин Великий под страхом проклятия требовал исполнения привилегий Церкви. Также и Юстиниановы законы, данные им Церкви в подтверждение ее прав, следуют во всем законам Св. Апостолов и Св. Отцов» (Оттуда они и в 42 главе Кормчей II л. 3). На стр. 327-330 Никон цитирует ряд новелл, где утверждается юрисдикция Церкви над всеми чинами духовными. Эти новеллы исходят из сообразования с церковными канонами.

Никон цитирует (I, 330) Устав Св. Владимира, где говорится: «Открыв греческий Номоканон, я нашел в нем предание Св. Апостолов и Св. Отцов, касающееся самой веры, и указы первого христианского императора Константина и всех прежних царей, сделанные в соответствии с Вселенскими Соборами о церковных делах, и касающиеся всего священного чина и десятин. И теперь, что касается этих дел, уголовных или гражданских, то не надлежит судить их князю или боярам или тиунам. Я отдал суд по этим делам Божиим Церквам, Митрополиту и всем Епископам земли русской. И поэтому никто в моем царстве

не должен вмешиваться в дела церковных лиц.» По Уставу Ярослава (I, 332) Митрополит и Епископы должны судить все дела, которые его отец, Великий князь Владимир, согласно канонам, дал им во всех городах и провинциях, где есть христианство. Оба судебника Ивана III и Ивана IV признавали церковную юрисдикцию в прежнем объеме. На Стоглавом Соборе (I, 344) в 53 главе об епископской юрисдикции сделано соборное постановление в соответствии с канонами и постановлениями греческих царей. «Неправильно князьям и боярам или каким-либо светским судам беспокоить церковный чин и судить его. Ни один мирянин не может обладать ими, но только великая Соборная Церковь (и ее митрополичий собор) и судить по св. канонам. Но из светских людей никто не должен обладать священниками, Митрополитами и монахами. Пусть непосвященные не вторгаются в вещи священные . Но если покушатся отобрать что-либо от Церкви без благословения Епископа в нарушение прав Церкви, таковой никто иной, как святотатец, вор, грабитель Церкви Божией. За это люди, если не покаятся, наследуют разрушение. Так приказал Господь: Воздайте Кесарево Кесарю и Господне Господу. Если кто из потомков, прибавляет Устав Св. Владимира, захватит церковный суд и доходы Церкви и Епископов, то за это подлежит проклятию» (I, 219). Из желания оградить те привилегии, которые подверглись нападкам, и те существенные права Церкви, которые подверглись опасности, Никон в конце Кормчей присоединил «Дарение Константина Великого», которое было палладиумом прав Церкви и в отношении юрисдикции, и в отношении собственности, как образец отношений христианского императора не только к существенным правам Церкви в ее собственной сфере, но и в той, где она явно соприкасается с государством (права гражданского суда над духовенством и в вопросе о собственности церковной). Когда Никона упрекали в непоследовательности на деле, то он опровергал это; когда Никону возражали, что у него в приказах судили светские люди, он объяснял, что в принципе всякое дело

решалось им, и приказы только докладывали ему. «Ты пишешь: я спрашиваю, осуществлял ли когда Никон суд. Сидел ли он когда на своем судебном месте и выслушивал ли жалобы? Никогда. Он взял светских лиц, которые судили в его приказах и распределяли петиции людям его двора, и они решали правое с неправым и наоборот. Делают ли так праведные судьи? Разве так поступают Патриархи отцы отцов с своими сынами? Ты сказал мне, сидели ли мы когда на своем судебном месте для выслушивания жалоб и отвечаешь: никогда. Но мы постоянно были за судейским столом» (I, 550).

Конфликт из-за учреждения Монастырского Приказа, состоящего из назначенных царем светских людей, с обязанностью принять уже не Кормчую, а Уложение, был началом той апостасии гражданского законодательства, которая лежала в основе конфликта между Никоном, неподдержанным Архиереями, с царем, восстановленным против Никона боярами – родственниками царя (Стрешневы и Мстиславские) и титулованными боярами, импонировавшими в положением в родословной (Кн. Одоевский, кн. Трубецкой). Сама комиссия, составленная перед Собором 1649 г., состояла из 5 членов; в нее входили князь Никита Иванович Одоевский, князь Феодор Феодорович Волконский, Семен Васильевич Прозоровский и дьяки Гаврила Леонтьев и Феодор Грибоедов. Кн. Волконский за труды по составлению Уложения пожалован был из окольничьих в бояре; что кн. Одоевский был главным вдохновителем главы XIII о Монастырском Приказе, видно из того, что Никон, критикуя Уложение, постоянно обращается к нему.

Идеи Никона о церковном суде были восприняты вскоре после его осуждения, именно через полгода; в июле 1667 г. Собор постановил: «О духовном судии советовахом убо с братом нашим Святейшим кир Иоасафом, Патриархом Московским и всея Руси, и со всем освященным собором быти духовному человеку, сиречь архимандриту с другими искусными мужи в патриарше дому, в духовных делах

судити и рассуждати духовные лица, сиречь священнического и монашеского чина, яко да не вовлекают отныне священников и монахов в мирские судилища, ниже да не судят мирские люди освященного и монашеского чина и всякого церковного причта, яко же запрещают св. правила Св. Апостол и Св. Отец Четвертого Вселенского Собора иже в Халкидоне правило 9 и Св. Поместного Собора иже в Карфагене правило 15, и законы благочестивых царей подобне в книге законней Иустиниана царя гл. 58, 74, 8 и царя Мануила Комнена гл. 62 и прочих». Не упомянув о Никоне, Отцы Собора осуществили его теорию о церковном суде, подобно тому, как в учении о царской власти они, в принципе, осуществили его теорию о двух властях государственной и церковной, преимуществующей каждая в своей сфере. Но с падением глашатая этих теорий, некому было остановить поток секуляризационных идей, восторжествовавших окончательно с установлением единоличного правления Петра.

Принятие Собором 1667. идей Никона о подсудности суду Церкви гражданских дел духовенства и крушение его идей в 1701.

Завершением этой идейной борьбы за положение Церкви было при Петре восстановление Монастырского Приказа в 1701 г., с правами, еще более усиленными в сравнении с его положением в 1649-1677 г.г. в смысле административном, захват управления церковной собственности государством при Петре I, а после ее окончательная конфискация при Екатерине II; а в отношении церковного устройства последовало сведение канонического примата к декоративному положению при Петре I (Патр. Адриан), а затем и реформа церковного устройства, в которой канонический первосвятитель был вовсе выведен из числа живых органов Церкви и заменен государственным коллегиальным учреждением – Синодом, созданным в порядке государственного законодательства. Теория, что вопросы церковного устройства являются объектом

государственного законодательства, являла здесь полное применение. Издание Феофаном Прокоповичем катехизиса в протестантском смысле с недоверием к почитанию икон и мощей, захват государством законодательства о церковных делах были лишь завершением того разрушения церковного устройства, которое было начато при Алексее Михайловиче Уложением с практикой, из него вытекающей.

Если и допустить, что Никон, защищая каноны, и преувеличивал объем неприкосновенной их части, опирающейся на Божественное право, которая современным анализом определяется иначе, то он все же отстаивал верный принцип – недопустимость нарушения канонов государственным законодательством и боролся с духом века, который вовсе игнорировал каноны. Его идеи о неподсудности духовенства гражданским судам были приняты Собором 1667 г., постановлением: «Монастырскому Приказу и прочим светским приказам не производит суда над духовенством.» Высочайший указ, 1667 г., приводивший в исполнение постановления Собора 1667 г. гласил: «Божественные законы не повелевают мирским людям возложенным Господеви обладати движимыми и недвижимыми имуществами ниже судити.» Лишь восстановленный при Петре в 1700 г. Монастырский Приказ снова взял в свои руки и суд над духовенством в гражданских делах и полное управление церковной собственностью.

Другие причины для протеста Никона против захвата церковного суда государством. Ст. 83 и 84 Уложения.

Восставая против судебной реформы Уложения, Никон говорил с одной стороны о противоканонической реформе по ее содержанию, а с другой в ней он видел проявление того неуважения к Церкви и ее законам в лице представителей, в котором он усматривал зародыш погибели государства, как он писал еще в письме к Зюзину из Крестного монастыря в 1660 году. С передачей суда по гражданским делам духовенства в руки светских властей и с устройством Монастырского Приказа, умалялось социальное значение

представителей Церкви, которые отдавались в руки светских властей, служащих делу века сего. Подрывалось также это положение и некоторыми особыми постановлениями Уложения, препятствующими духовенству выполнять свою обличительную роль в обществе, а также его постановлениями о церковной собственности, которые приводили к обеднению всех церковных учреждений, включая и Патриарха, а через это к понижению общественной роли Церкви в государстве.

Никон восстает против установления наказаний за порицания, которыми духовенство призвано клеймить порок. По поводу X, 83 84 Никон пишет (I, 487): если кто-либо отказывается слушать Слово Божие и еще рассматривает, как оскорбление, сделанное ему увещание за такое бесчестие, сделанное этому непослушному человеку, и он согласно этому беззаконному кодексу требует штраф по определенной шкале, в золоте или серебре, или налагает другие строгости, как наказание, то пусть такой радуется и веселится, ибо велика его награда на небесех. Ибо так, говорит Спаситель, они преследовали пророков, которые были раньше вас. Но ни один волос не погибнет с вашей головы. В вашем терпении стяжете души ваши.»

Оценка Никоновского суждения о церковном суде в современной научной точке зрения.

Если мы поставим вопрос, был ли прав Никон конструировать церковный суд, как основанный на Божественном праве, то мы должны сказать, что русская каноническая наука его бы одобрила, лишь различала бы в составе церковного суда два разных суда. С одной стороны собственно церковный суд в сфере церковной, а с другой – суд Церкви по гражданским делам. Никон мог смешивать эти два вида суда, ибо при разграничении суда по лицам, а не по предметам, как это было в его время, ведавший один суд захватывал и другой. При таком положении ему в его практических целях можно было не различать этих двух видов судов, но они по существу своему различны, ибо один

основан на Божественном праве, а другой дарован Церкви государством.

Учение Суворова о церковном суде.

Из русских канонистов последнего времени только один Проф. Суворов держится совершенно особой точки зрения на церковный суд в духе цезарепапизма, т. е. основанием всякого формального суда Церкви считает право Церкви, как может его передать любой частной корпорации. Формальный церковный суд по Суворову – явление позднее, являющееся не прежде того времени, когда государство признало Церковь. Евангелическое же место о суде в Мф. XVIII, 15-18 он почитает лишь, как основу для учения о богоучрежденности таинства покаяния, и это, по его мнению, нельзя переносить в сферу права, формальным положением которого не может подчиняться власть связывать и разрешать. Открытый церковный суд находит, по нему, свое основание в понятии о Церкви, как обществе, ибо в нем отдельные члены поставлены во взаимное отношение к другим членам и к целому организму, и для них не может не существовать определенный порядок. Если этот порядок есть нечто существенно необходимое, без чего не может существовать и Церковь, то не может быть подвергаема сомнению и необходимость восстановления нарушенного порядка путем суда и наказания. Если бы даже в Новом Завете, говорит он, не было ясных показаний на право Церкви карать своих членов, то право наказания для Церкви вытекало бы все равно, в объеме власти, соответствующей ее существу и назначению. Но суд самой Церкви, в глазах Суворова, есть лишь суд дисциплинарный, не содержащий в себе ни умаления, ни ограничения государственного суда, так как он рассматривает только такие явления церковной жизни, о которых определения даются только церковным правом или, если и даются светским правом, то Церковь расзсматривает их с своей особой точки зрения. Это, если и есть юрисдикция, то лишь в относительном смысле, ибо юрисдикцию в собственном

смысле Церковь получает от государства; эта юрисдикция является суммой судебных правомочий, выделенных государством из своей судебной компетенции, и тогда Церковь действует в качестве государственного суда, заменяя его и следовательно умаляя и ограничивая компетенцию государственных судебных органов, так что по некоторым предметам государство совсем не осуществляет своей юрисдикции через свои судебные органы, перенося это осуществление на Церковь, а Церковь, ведая дела, предоставленные ей государством, решает уже их с последствиями для государственной жизни. Означенное учение о том, что церковный суд имеет источником государственную власть, опровергается всеми нашими канонистами.

Критика Суворовской точки зрения.

Дело в том, что учение это возможно при протестантском воззрении на Церковь, как частную корпорацию, подчиненную государству, зависимую от него в самом своем существовании, а не только в отношении покровительства и защиты. Но Церковь, имея своим основателем и главой Христа, как Божественное учреждение, почитает себя вне зависимости от государства; ее назначение, как царства не от мира сего, было стать рядом с государством – царством от мира сего, и она достигла этого и никогда не сливалась ни с каким институтом общественного характера, будь то семья или государство, но всегда почитала себя самодовлеющим организмом, имеющим свою задачу, невыполнимую ни для какого другого союза. Поэтому Церковь должна иметь самостоятельную судебную юрисдикцию; так это и было уже в первые три века, когда Церковь и государство были во враждебных отношениях, так было и после того, как государство вынуждено было признать Церковь с ее властью в делах церковных.

Суд Церкви в церковных делах – Божественное установление.

Наконец, и это самое главное, в Евангелии даны прямые указания на формальный церковный суд, и основой его указана власть вязать и решить. Таким образом формальный церковный суд не есть продукт исторического развития, а непосредственное божественное установление. Слова Спасителя в Мф. XVIII, 15-19 известны[34]. Они – классическое доказательство власти Церкви и основа ее практического употребления. Со словом «вам» Спаситель обращается к ученикам Своим, которые слушали Его речь, и этим указывает, кто должен пользоваться даруемой властью. Если увещания представителей Церкви отвергаются, то они имеют власть извергать из Церкви, и приговор их будет иметь силу перед престолом Божиим. Речь здесь идет не о тайном грехе, который исповедуется на суде совести, не о внутренних расположениях, а о суде над внешними отношениями внутри Церкви между ее членами. Здесь разумеются деяния против брата, говорится о средствах примирения, о свидетелях, о публичном суде перед целым обществом; есть тут истец, и обвинитель, и суд, и приговор и исполнение; установлено и взятое из еврейского права (Второзакония XIX, 15), количество свидетелей. Что основанием формального церковного суда должно считать полномочия вязать и решить (на которое опирается и догматическое учение о таинстве покаяния), то на это указывает, говорит Епископ Иоанн Смоленский, теснейшая связь заключительных слов Спасителя с предыдущими, выраженная внешне через соединительный союз «бо». Право совершать формальный суд нельзя рассматривать отдельно от права совершать таинства покаяния, как особую совершенно самостоятельную функцию, основывающуюся на особом полномочии.

---

[34] Мф. 18, 18: «Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси»…

Отправление формального суда и совершение таинства покаяния – тесно связанные между собой формы проявления одного и того же полномочия, принадлежащего церковной власти. Древняя Церковь не знала разделения судебных полномочий на forum externum и forum internum; оно появилось лишь в средние века. На языке отцов и древних учителей Церкви выражение «вязать и решить» в таинстве покаяния и «отлучать» (в формальном суде) употреблялись, как синонимы. «Вязать» Церковь всегда понимала в смысле карательной власти.

О суде Церкви над церковными служителями.

В отношении к суду над самими церковными служителями право наказания установлено в I Послании Ап. Павла к Тимофею (V, 19-21). Там также определенно говорится о формальном суде Церкви; на лицо и принятие обвинений, и свидетели, и изобличения деяний согрешившего перед всеми. Апостол вручает здесь судебную власть над духовными лицами не собранию пресвитеров, не гражданским правителям, но благовестнику и наместнику Апостола – Тимофею, т. е. Епископу, который и является по Божественному праву законной судебной властью над всеми духовными лицами.

В 1 Кор. V, 3-5 изображен суд Апостола над кровосмесником с приговором именем Господа «предать такого во измождение плоти». На этих текстах Епископ Иоанн и устанавливает свое положение, что формальный церковный суд есть непосредственное установление Самого Иисуса Христа, подтвержденное Апостолами, Его продолжателями, и имеет в основе власть вязать и решить.

Самостоятельность церковного суда по происхождению и по компетенции.

Самостоятельный по своему происхождению суд, самостоятелен и в своей компетенции. Здесь Церковь имеет такую же самостоятельную юрисдикцию, как государство в своей сфере. В церковных правилах Епископ Иоанн находит

три главных разряда преступлений, подлежащих церковному суду: 1) преступления против веры, 2) преступления против Церкви и законов церковного священнодействия: А) в лицах священнослужителей, а) при избрании их: незаконность власти избирающей, незаконность способов избрания – симония, несовершенства избираемых лиц, в) в служении духовных лиц – нарушение церковных уставов, упущение церковных служб и т. д. с) в нравственном поведении клира – лихоимстве, многобрачии, нетрезвости и т. д., В) во всех членах Церкви: самочинные сборища, поругание святых, святотатство, духовное общение с еретиками, принятие запрещенных священнослужителей и пр., 3) преступления против законов церковного управления и правил христианской жизни, как то: нарушение пределов поместного церковного управления, непринятие мирянами поставленных им пастырей и т. д. И в истории в ведение самостоятельного церковного управления, после признания Церкви государством, относились все вопросы о предметах веры, христианской морали и все те церковные права, которые вызваны к бытию, созданы Церковью, раздаются и принимаются под условиями, указываемыми самой Церковью. Что существует сфера, где право суда принадлежит именно Церкви, а не государству, иллюстрируется фактом церковного суда над высшими представителями государственной власти, которые таким образом не могут никак почитаться источником церковно-судебной власти. Мы разумеем случай отлучения от Церкви Патриархом Арсением императора Михаила Палеолога и обратное принятие его в Церковь после коленопреклонного публичного испрашивания прощения перед всем сонмом Архиереев в Церкви. После признания Церкви Константином Великим, его преемники: Феодосий Великий, Гонорий (412), Валентиниан III (425), Юстиниан (Новеллы 42, 83, 137, 123 и Василики Lib. III, Tit. I) положительно подтвердили с своей стороны, что дела церковного характера должны рассматриваться церковными властями по церковным правилам.

Положение императорских комиссаров на суде, производившемся Вселенскими Соборами.

Церковный суд и действовал в своей сфере самостоятельно, как суд общественный, аналогичный государственному, с высшим судебным органом в лице Собора. Если на церковном суде присутствовали императорские комиссары, то они не участвовали в приговорах; они заботились только о соблюдении в точности юридической формы судопроизводства; в результате их присутствие оказывало свое содействие по исполнению приговора Собора государственною властью. Если они высказывали свои мнения, со Собор мог их принять и не принять, как утверждали на IV Вселенском Соборе сами императорские комиссары по делу двух Епископов, оспаривавших одну и ту же кафедру.

Фактические нарушения императорами принципа независимости церковного суда объясняются традициями языческой древности, личным религиозным рвением императоров, трудными обстоятельствами церковной жизни, когда сама Церковь разделившаяся на ся вовлекала императоров в свои споры, чтобы с его помощью выиграть дело. Но такие вторжения не соответствовали церковному правосознанию и встречали протесты Епископов.

Природа церковного суда по гражданским делам духовенства; основа его в посредническом суде Епископов.

Иларий Пуатьеский писал Констанцию, покровителю Ариан, просьбу, чтобы его чиновники не касались того, что относится к религии и не присваивали себе права суда над клириками. Так церковное сознание ограждало право Церкви на самостоятельный суд в церковных делах, но оно относилось равнодушно, когда императоры то ограничивали, то расширяли так называемую прикладную юрисдикцию Церкви, т. е. ее юрисдикцию в гражданских делах, дарованную ей государством, юрисдикцию, которая выросла из посреднического суда Епископов первых времен на основании I Посл. К Кор. VI, 1-5.

Что эта юрисдикция не имеет основания в Божественном праве, показывает отказ Спасителя (Лук. XII, 13-14) разрешить спор о дележе имущества. Приобретение ее возможно при условии надлежащего уполномочения, без которого она не вмешивается, как сказал Спаситель: «Кто поставил Меня судить вас?» Возможно еще обращение спорящих в гражданской тяжбе к посреднику, на что и указал Апостол Павел, упрекая христиан за обращение к языческим судам. В самом языческом мире на ряду с суровым judicium, связанным правом, существовал arbitrum для большей свободы судьи в достижении справедливости; тем паче должен был иметь значение для христиан епископский суд при наличии языческих судов, не испытавших на себе гуманного влияния Христианства. Христианство возводило в данном случае в общее правило римскую идею arbitrum'а. Один из Архиерейских Соборов прямо запретил искать правосудия у еретиков. Естественными посредниками у христиан были Епископы, как люди уже известные через свое избрание, в качестве людей благочестивых, справедливых.

В Апостольских Постановлениях говорится, что Епископы могли поручать это разбирательство не только пресвитерам, но и мирянам, оставляя за собой окончательный приговор. Когда римское государство сделалось христианским, то терялось основание поддерживать епископский суд в гражданских делах, но по своим достоинствам – по простоте производства дела и по нравственным свойствам судей он пользовался большим уважением, и императоры поддерживали его своими законами. Константин Великий законом 321 году предоставил всякому право переносить любое гражданское дело в епископский суд по соглашению с противной стороной, хотя бы оно слушалось в светском суде, а другим законом он дал еще привилегию епископскому суду рассматривать дело, перенесенное одной из сторон, даже при нежелании другой, во всякой стадии процесса, и решение Епископа подлежало исполнению государственными властями. Суворов и ведет начало собственно Церковного суда с этих законов, но это

неправильно, ибо суд церковный посреднический существовал и раньше и по природе не был судом дисциплинарным, а общественным, ибо Церковь Христова не частная корпорация, получающая свои права от государства, а учреждение, установленное самим Иисусом Христом. Но с изданием государственных законов, подтверждающих этот епископский суд, из основанного на добровольном обращении к нему сторон образовался постоянный суд Епископов с недопущением на него апелляции и признанием его исходящим как бы от самого императора. Что природа этого суда отличалась от природы церковного суда по церковным делам, видно из отношений и императоров и Епископов к ним.

Различие в отношении Епископов Византийской Церкви к вторжениям в собственно церковный суд и к сокращению церковного суда по гражданским делам духовенства.

Суд в церковных делах признавался императорами, и Епископами защищался от внешних давлений (так Папа Либерий требовал, чтобы суд над Св. Афанасием был вдали от императорского дворца), как основанный на божественном праве, а суд Епископов по гражданским делам ограничивался законами, и к концу IV века, при нежелании одной из сторон ему подчиниться, он не допускался законом. Еще больше затруднил его Валентиниан III, потребовав (425 г.) формального компромисса для обращения к нему. Юстиниан же разрешил его только в тех городах, где нет ординарных судей (86 Нов.), а в 82 Нов. он потребовал заключения формальных условий о штрафе в случае, если одна из сторон обратится после посреднического суда к другому суду. Так свободно законодательствовали императоры о прикладной юрисдикции Церкви, а сами Епископы нередко даже ею тяготились, например Блаженный Августин, ибо видели в ней занятие постороннее для своего епископского сана.

Учение Никона о церковном суде и точка зрения современной науки (Заозерский).

Это учение о самостоятельном церковном суде, основанном на Божественном праве, развитое Епископом Иоанном и Прокошевым, писавшим исследование его канонических теорий, связано со взглядами на Церковь, как на особый организм, имеющий самостоятельное от государства происхождение, – цель и средства к ее достижению, и потому оно разделяется теми канонистами, которые понимают и законодательство и управление Церковью, как права, исходящие свыше и осуществляемые теми ее органами, которые имеют на то соответствующие благодатные полномочия. К таковым, как мы видим, принадлежат все русские канонисты, кроме разделяющего цезарепапистский взгляд Профессора Суворова. Никон является прямым их предшественником. Он, как мы указали, не выделял церковного суда по гражданским делам Епископов от церковного суда по церковным делам, но чувствовал, видно, различие, ибо ссылался, доказывая неотъемлемость первого, на уставы Св. Владимира, Ярослава, Стоглава, а не на Божественное право; возможно, что он не слишком ясно сознавал это различие, ибо, говоря вообще об законах Уложения о суде, утверждал, что суд – Божий, а не человеческий; но для его целей – отстоять независимость Церкви – необходимо было отстаивать и тот, и другой суд, ибо они в то время на практике сливались, и чтобы отстоять собственно церковный суд, надо было отстоять и суд по гражданским делам духовенства. Когда Никон противопоставил законам Уложения законы благочестивых греческих и русских царей, признававших за Церковью суд по гражданским делам духовенства, то он боролся против начавшейся общей секуляризации государства, считая ее нечестивым делом. В этом смысле он был прав, ибо он боролся против начавшейся секуляризации, а различение подсудности по предметам, а не по лицам, было достижением более позднего времени и в его время не существовало. Из двух вещей: полной судебной автономии

духовенства и полного его порабощения государством он естественно выбирал первую, ибо суд государственных чиновников, при отсутствии правды в суде, совершенно подавлял бы духовенство и делал бы его орудием светских сановников и чиновников, а не служителями Церкви, знающими прежде всего ее закон, ее волю. Никон, столько заботившийся об улучшении нравов духовенства и о независимой пастырской деятельности служителей Церкви, не мог не озабочиваться изъятием его из подсудности продажных Московских судов, создавших пословицу: с богатым не судись, с сильным не борись. Но что касается собственно церковного суда, то он, подобно современным нам канонистам, основывал его на власти вязать и решать, а не на царском полномочии, и сферу его действий определял не полномочиями государства, а природой самой Церкви, назначенной для спасения людей, и указаниями канонов, которые в его глазах были обязательны для православного государства. Это подтверждается и рассмотрением труда Проф. Заозерского «Церковный суд в первые века христианства». Он признает за церковным судом Божественное полномочие в словах Спасителя Мф. XVIII, 15-18, а также в Деянии V, I-II (Анания и Сапфира) и 1 Кор. V, 1-5 (Коринфский кровосмесник), а для суда над духовными лицами в 1 Тим. V, 19, 20 и 21; определения пространства епископского суда дано в Тит. 1, 9, 13 и 2, 15 («Церковный суд в первые века христианства» стр. 8-26). Суд же Церкви по гражданским делам имеет основание в 1 Кор. VI, 15 (стр. 26-29), где рекомендован Апостолом суд посреднический по соглашению тяжущихся, который не имеет опоры в Божественном праве, ибо Сам Спаситель отказался принять участие в споре о дележе наследства (Лук. XII, 13, 14), сказал: «Кто Меня поставил судить или делить вас». С точки зрения Сына Человеческого, равного в гражданских правах с просившими принять Его обязанность судьи, Спаситель по господствовавшему тогда праву мог бы исполнить просьбу, если бы это посредничество испрашивалось и другой стороной, и было бы это согласие утверждено высшим

гражданским авторитетом. Заозерский останавливается на словах Спасителя, устанавливающих и внешний церковный суд: «Аще же не послушает их (два или три свидетеля), повеждь Церкви: аще же Церковь не послушает, будет тебе яко язычник и мытарь. Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси...» Уже само выражение, пишет он (стр. 13), «скажи Церкви» – не дает ли оснований для всей Церкви выделить лишь несколько лиц, которым обвинитель действительно мог бы разъяснить дело, и которые и сами считали бы себя в праве призвать к своему суду обвиняемого и свидетелей и могли бы сообщить суду над ним характер суда карательного, причем и обвиняемый и свидетели находили бы себя обязанными оказывать в отношении к ним полное повиновение? Св. Златоуст прямо так и объясняет выражение «скажи Церкви», т. е. ее предстоятелям. А что эти предстоятели облечены именно такой властью, ясно следует из слов Спасителя: «Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связаны на небеси, и елика разрешите на земли, будут разрешена на небеси,» – которые стоят непосредственно за словами: «Буди тебе якоже язычник и мытарь». Слова эти указывают, что некоторым членам Церкви (предстоятелям) дано право и вязать, связывать и разрешать, т. е. удалять из Церкви (как Церковь и понимала эти слова). Итак, пишет он (стр. 15), в учении Спасителя мы находим ясные свидетельства того, что a) Церковь необходимо должна производить свой открытый внешний суд по поводу частной жалобы своего члена. Она имеет на то положительные предписания и право от Самого Иисуса Христа, указывающего в церковном суде одно из необходимых средств к сохранению духа любви евангельской в новых людях, составляющих Его Церковь. b) Этот суд отличается ясно от бесформенного братского суда основными чертами суда формального внешнего. c) Наконец, в Церкви есть особенные лица, уполномоченные Спасителем исключительным правом и властью производить этот церковный суд над согрешающими членами Церкви».

«Вообще (стр. 18) обновление человеческого рода, для совершения которого пришел на землю Иисус Христос, и которое, как продолжение начатого Им Самим дела, должна производить Церковь, или точнее, которое производит Сам Христос через Свою Церковь, должно было внести и действительно внесло в мир совершенно новое законодательство и, как необходимое средство охранения его неприкосновенности, суд устроенный на его же началах и одного с ним происхождения (Божественного), каковым и является церковный суд. А отсюда прямо вытекает общее положение, что церковному суду подлежат все преступления против этого нового, т. е. христианского и церковного законодательства». Этот суд Церкви не затрагивает суда государства, которое может судить члена Церкви и своим судом, как гражданским, в качестве власти, исходящей от Бога. Обе власти, хотя и одинаковы по источнику с той разницей, что государственная власть, в отличие от церковной, не является властью непосредственно установленной Богом, однако, они совершенно различны по непосредственному назначению и по своему характеру, и потому каждая в своей сфере может действовать самостоятельно и не стеснять другую. Приговоры Апостолов Петра над Ананием и Сапфирой и Павла над Коринфским кровосмесником являются примерами открытого церковного суда Апостолами; суд этот производился и апостольскими преемниками по наставлениям, касательно формы и способа производства указанным в посланиях Апостола Павла. Что эта власть дана Епископам, указывает 1 Посл. к Тимоф. V, 19-22, а характер церковного суда указан в Тит. I, 9-13, II, 15; где приписывается Епископу увещевать и обличать» – со всякой властью и нещадно, чтобы никто не пренебрегал тебя». Это нещадное начальственное обличение противящихся может выражаться, пишет Заозерский, не в чем ином, как в положительных карательных мерах, ибо простое обличение путем словесного доказательства и убеждения несостоятельности противоречащих может сделать и пресвитер (стр. 26, прим. 1). Результатом исследования

Заозерский устанавливает (стр. 31): a) в Церкви существует единая Божественная власть, обнаруживающаяся как положительным образом – в сообщении верующим права на участие в Божественных Дарах: учении и благодатном освящении, так и отрицательным – в лишении этого права. b) Эта власть в обоих ее видах есть не земное человеческое полномочие, но божественное, дарованное Церкви в лице ее Епископов и исходящее на них вместе с Божественной благодатью при посвящении их в этот сан. Поэтому и церковный суд, как высшее проявление этой власти есть учреждение божественное, и в то же время юридическое, потому что основано на божественном праве. c) Дела, подлежащие этому суду – грехи, глубоко развратившие нравственную природу человека, или нанесшие вред (соблазн) членам Церкви: по этому свойству своему они одинаково подвергаются открытому суду (обличению), кем бы из членов Церкви ни были совершены – пресвитером или мирянином. d) Церковный суд, по внешнему своему значению, есть одно из необходимых, вверенных Епископу, средств для воспитания новых людей к новой жизни, т. е. для осуществления главной задачи Церкви. «Прилежащии добре пресвитеры сугубые чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении... Согрешающих же перед всеми обличай, да и прочии страх имут».

Апостол Павел лишь более точно, определенно, с юридической терминологией развил то (обвинение, предание сатане в измождение плоти), чему основу положил уже Сам Спаситель в Мф. XVIII, 15-18. Позже апостольские правила дополнили недостаточную подробность правил, упомянутых в Посланиях Апостола Павла, записали в существовавшие правила о соборном суде, стоящем над Епископским, указали разряды караемых церковным судом общих преступлений, должностных и установили меры наказания за них. Посреднический суд Епископа по гражданским делам впоследствии, по принятии государством христианства, как государственной религии, обратился в Епископскую юрисдикцию предоставляемую

Церкви государством, и через Юстиниановы законы и Кормчую попал и к нам, особенно в отношении к делам духовенства. Основывать ее на Божественном праве нельзя, но утверждать абсолютно, что Никон основывал ее именно на Божественном праве, также, нельзя, ибо он ссылался в этом вопросе по преимуществу на историческую традицию, в силу которой государство в Уставах Св. Владимира Св. Ярослава, в Судебниках и Стоглаве признавало Церковь призванной судить граждан и белое духовенство в гражданских делах, ограждая нарушение этого иммунитета проклятием. Наконец, мы упоминали уже об отсутствии различия в XVII веке подсудности по роду дел, а не по лицам, и перед Никоном стала дилемма – признать компетенцию по всем делам духовенства (и гражданским, и церковным) или за государством, или за Церковью. Мы видели, почему он должен был предпочитать второе.

Никон писал в «Раззорении»: «Первый царь Израильский Саул, неистово напавший на священство, потерял свое царство. Убив священников Божиих он был убит сам своими руками. И после него Давид царствовал в Израиле. И Давид выполнял суд над своим народом, но не над священниками. Снова Божественный Давид, как бы в лице Христа, сказал всем воюющим против Христа: Пс. 2, 1: «Зачем возмущаются народы и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и вельможи совещаются вместе против Господа, против Помазанника Его. Расторгнем узы и свергнем се себя верви их». Послушай, вопрошатель! Кто это возмущается и замышляет тщетное. Не те ли это теперь вельможи, которые с беззаконными Епископами стоят в Церкви и собрались вместе против Бога и против своего Христа, то есть против Священного Евангелия, которое говорит: «Я говорю вам, что вы свяжете на земли...» А вы говорите: расторгнем с себя узы их и свергнем с себя верви их, т. е. не будем обращать внимания на порицание Патриарха и сбросим с себя его наказы. Против таких псалом продолжает: «Живущий на небесах осклабится, Владыка посмеется над ними (Пс. 2, 5). Поэтому блаженный Давид говорит, как бы увещевая их:

Итак, цари, вразумитесь, остерегитесь, судьи земли, служите Господу со страхом и хвалите Его с трепетом. И в другом месте (Пс. 61, 11): Не надейтесь на грабительство и не тщеславтесь хищением, т. е. не отнимайте власть и юрисдикцию священства» (I, 322). Кроме канонических причин для протеста против захвата церковного суда государством, Никон имел еще и другие причины восставать против этого захвата, причины, которые мешали выполнению Церковью ее задач, чисто духовных. Ибо подсудность духовенства светским судьям усиливала социальную зависимость духовенства. Эти же причины духовные заставили Никона восстать против тех статей Уложения (X, 83 и 84), которые карали духовных лиц за обиды, ими чинимые, ибо и простое духовное обличение могло самолюбивыми людьми почитаться за обиду, а страх преследования мог парализовать пастырское рвение духовных лиц[35].

О церковной собственности.

Секуляризационные стремления Московского правительства в отношении к Церковной собственности.

Восстает Никон против стремления правительства уменьшить церковную собственность и прекратить возможность ее роста. Уложение и здесь нанесло ущерб

---

[35] X, 83, А будет Митрополит или Архиепископ или Епископ или Архимандрит или игумен или келарь или казначей или рядовые старцы, обесчестит словом бояр и окольничьих и думных людей, или стольников или стряпчих или дворян Московских или гостей или дьяков или жильцов, или дворян или детей боярских, городовых или иных чинов, кого ни буди, а сыщется про то допряма, и им по сыску тем людям, кого они обесчестят, платити за бесчестие против их окладов, что кому государева денежного жалования; а гостям и иных чинов людям по указным статьям, как писано ниже сего.

X, 84. А будет которому Архимандриту или игумену или келарю или казначею или рядовых старцев за чье бесчестие платити будет нечем, и на них тем людям правити бесчестие нещадно до тех мест, как они с истецы учинят сделку или как в том истцом своим да бьют челом.

Церкви в интересах служилых людей. Проф. Загоскин, исследовавший источники Уложения, доказал, что XIII глава Уложения о монастырских людях и 42 статья XVII главы о запрещении приобретать вотчины – возникли по челобитью выборных при обсуждении проекта Уложения на Земском Соборе 1649 года, равно как и глава XI, «Суд о Крестьянах» (последняя по челобитью, поданному до срока, назначенного для съезда выборных).

Секуляризационные стремления Московского правительства в отношении к церковным землям были еще в XV и XVI веках. Эти стремления имели разнородные источники. Нил Сорский и заволжские старцы выдвигали религиозно-нравственную сторону вопроса, находя противоречия между иноческим обетом и действительной жизнью монахов, владеющих собственностью. Общество же светское занималось экономической стороной вопроса, стремясь воспрепятствовать переходу земель из светских и служилых рук в руки духовных учреждений. Ни Иоанн III, ни Василий III не пошли на меры общей секуляризации. Василий III пошел к этому обходным путем посредством подчинения монастырей государственному контролю, где они становились в экономическую зависимость от правительства. Он вмешивался во внутреннее управление монастырей, сам назначал игумнов, давал им наказы, требовал отчетности в употреблении денег; его писцы принимали и сдавали настоятелям монастырей имущество. После наступили и ограничения в самом землевладении. В управление Марии Глинской, в малолетство Грозного, грамота 1535 г. запрещала монастырям покупать и брать в заклад или по душам вотчины земли служилых людей без ведома правительства. Попытка Грозного на секуляризацию разбилась о сопротивление Стоглавого Собора 1551 г., как разбилась попытка его деда о сопротивление Собора 1503 года: «Нельзя взять вещи, отданные Богу в наследие благ вечных по Божественным правилам». Правительство, не имея возможности совершить секуляризацию земель, ограничилось воспрепятствованием увеличения количества

церковных земель. Под его влиянием Собор 1573 года, запретил отказывать вотчины многоземельным монастырям, а Собор 1580 г. окончательно отнял у Архиереев и монастырей все способы увеличения вотчин, кроме одного пожалования, которое дозволялось только для монастырей убогих малоземельных и безземельных. Иоанн IV принимал меры к целесообразному употреблению Архиерейских и монастырских доходов вотчин, признававшихся неотъемлемыми и неотчуждаемыми. В 1555 г. он собирал временную подать с них на открытие Казанской кафедры, а другую на утверждение новокрещенных в христианство татар; он увеличил военную подать духовенства, отбывавшуюся поставкой даточных людей и денежными взносами. Однако, ограничения правительства не достигали цели, испаряясь в общем складе народной мысли: в приношениях церквам и монастырям видели непосредственные приношения Самому Богу и Его святым угодникам, и потому на практике не устанавливалось и различия между монастырями, которым можно отказать вотчины и которым нельзя. Обычай отказывать вотчины по душам в пользу всяких монастырей держался во всей силе. Мнение нестяжателей не проникало в народное сознание: Запрещение завещать в пользу монастырей было последним в ряду запрещений разных способов приобретения и не оказалось действительным.

Меры уложения относительно церковных имуществ.

При таких условиях отнимать у монастырей то, что они уже имели, было еще более противно церковному сознанию, ибо надо было отнимать имущество, данное по душе в надежде на вечное спасение. Уложение было радикальнее. Оно выразило непреклонное намерение положить конец дальнейшему приобретению вотчин духовными властями и учреждениями в ст. 42 гл. XVII, где перечисляются все духовные власти и учреждения, к которым относится запрещение, начиная от Патриарха до монастырей, запрещаются почти все тогдашние способы передачи и

приобретения имуществ: покупка, заклад, дарение, завещание.

Если Духовный Собор 1580 г. запрещал духовным властям и монастырям только покупать и принимать в заклад вотчины, то Уложение запрещало и принимать их «по душам в вечный поминок никоторыми делы». Запрещено было монастырям принимать вотчины и при пострижении в монахи, а постригавшимся велено было «постригшись, в монастыре вотчин отнюдь не держать». Поместному Приказу приказывается не переводить имений от светских лиц во владение духовных чинов и монастырей. Устанавливается и наказание за нарушение запрета: вотчины, отчужденные в духовное ведомство, отбирать на государя безденежно для раздачи жалующимся. Статья не отменяла только пожалований от царя и, воспрещая отказывать монастырям, не запрещала отказывать властительским чинам: Патриарху, Епископам; только и им вотчины не поступали натурой, а за них вносились деньги по стоимости вотчин наследниками (XVII, 8).

Эта статья не отнимала еще права собственности у духовных властей и монастырей, а только прекращала дальнейшее его расширение, но были другие статьи, которые произвели уже частичную секуляризацию и в зародыше содержали мысль о повороте в казну церковных имуществ – дело впоследствии в значительной степени двинутое вперед при Петре восстановлением в 1700 г. Монастырского Приказа с полной передачей ему управления ими и законченное при Екатерине II в 1764 г. переводом их в государственную собственность. XIX глава Уложения статья I говорит: «Все слободы на Москве и около Москвы, принадлежавшие Иерархам епископского сана и монастырям со всеми торговыми и ремесленными людьми, кроме кабальных отписа на государя в тягло и службы бессменно и бесповоротно..., а у Патриарха, – продолжает Уложение, – слободы на Москве взять совсем опричь тех дворовых людей, которые исстари за прежними Патриархи живали в их патриарших чинех.» Архангельский в

сочинении «Соборное Уложение 1649 г. в отношении к Православной Русской Церкви», обращает внимание на то, что была при этом соблюдена справедливость, и за вотчины, отобранием коих нарушалось право собственности духовных властей, приказано было давать земли в других местах из государевых владений. Только один Патриарх принес, пишет он, неизвестно почему наибольшую жертву на пользу государства, ибо XIX гл. ст. 1 говорит: «А у Патриарха слободы взять совсем, опричь старинных его дворовых людей.» Статья эта имела в виду устранить ту невыгоду посадских людей, что жители владычных и монастырских слобод занимались торговлей, откупами и промыслами, не тянув государственного тягла, и тем конкуренцией подрывали торги и промыслы посадских людей, плативших подати и отбывавших службу. Однако, была произведена у Патриарха частичная конфискация имущества без соответствующего вознаграждения, и тем обнаруживался общий дух Уложения, тенденция которого против духовенства сказывалась также и в постановлении о беглых крестьянах, ибо Уложение давало право светским землевладельцам отыскать беглых крестьян у духовных лиц и учреждений, но не обратно (XI, 12).

Проф. Беляев в своей критике сочинения Проф. Горчакова «Монастырский Приказ» отметил то обстоятельство, что уже первое учреждение Монастырского Приказа в 1649 г. отвечало не столько стремлению сделать суд для всех равным и отменить привилегию духовенства в гражданском суде, как представил это Горчаков, но и скрытому стремлению передать церковные вотчины государству. Вообще при распределении дел не по предметам, а по лицам и учреждениям, как это было в XVII веке во всех приказах, Монастырский Приказ невольно стал не только судебным, но и административным и финансовым и полицейским учреждением. Он стал казенным управлением церковными делами во всем их объеме, хотя Уложение и говорило только об его судебных правах. Традиция и практика завершили недосказанное

законом: все относящееся к Церкви, естественно, вместе с подсудностью перешло в его ведение. Правительство вообще стремилось, чтобы земли из службы не выходили; для этого оно частную земельную собственность – вотчины почти сравняло с поместьями в отношении государственной службы к XVIII веку. Это стремление вызвало еще в XVI в. ограничения в приобретении вотчин церковными учреждениями, а потом повело и к постепенной секуляризации монастырских и церковных земель. Случаи секуляризации в Уложении были последствием того же стремления, чтобы земля из служб не выходила. В государственном законодательстве Уложения уже проведена была мысль, что государство может обращать в свою собственность принадлежащие церковным властям и учреждениям поземельные имения.

Вообще о секуляризации церковных имуществ и мнение Никона об этом.

Это было полным крушением Уставов Св. Владимира и Ярослава, в течение 6 веков определявших общественное положение Церкви, и признававших неприкосновенность этих имуществ. Заветы эти содержались и в Дарении Константина Великого Папе Сильвестру, цитируемом Никоном в своем «Раззорении», как образец отношения православного царя к Церкви. В наше время такую секуляризацию некоторые оправдывают соображениями целесообразности. Так, проф. Павлов в своем историческом очерке секуляризации церковных земель в России пишет: «По определениям канонического права, принятым у нас вместе с христианством, в греческом Номоканоне недвижимые церковные имущества имеют характер неподвижности не в физическом только, но и в юридическом смысле: как посвященные Богу, они не могут быть ни отъемлемы, ни отчуждаемы. В силу этих определений и духовная Иерархия обязана была блюсти неприкосновенность земных стяжаний Церкви во имя их общего и неизменного назначения – служить

благодетельным целям христианской религии..., а по сему, естественно, что перестает служить этим целям, то необходимо теряет внутренний смысл церковного имущества. Оно может сделаться и нецерковным и в юридическом смысле – уже потому, что частные жизненные цели, служащие основанием права церковной собственности, или те или другие имущества не имеют характера необходимости и неизменяемости». Однако, почему же правомочным и надлежащим судьей назначения имуществ Церкви должно быть государство, а не высшие чины церковной Иерархии? Откуда у самого государства право на властное вмешательство в церковные дела и решение их с точки зрения своих интересов? Предпосылкой такого суждения о правах государства является учение об его всемогуществе, с которым и боролся Никон, принципиально выделявший из его компетенции чисто церковные дела и почитавший обязанностью православного царя не нарушать церковных канонов в своем законодательстве. Осуществление секуляризации обессиливало Церковь в ее задачах, и с этой точки зрения слова Никона о гибели царства, не почитающего священства, оказались для нас пророческими. Подрыв общественной мощи Церкви не оказался ли большим злом, чем неправильное в иные эпохи употребление церковной собственности самой Церковью, которое могло бы и пройти? Никон напоминает о законе императора Маврикия: «Если кто ради овладения ли или по взятке причиняет обиду Церкви или захватит вещи, отданные Богу и Его Церкви и что находится под Митрополитами, Архиепископами, Епископами и монастырями, будет ли то доходы или имущества, то пусть он не видит милости Св. Троицы в день судный, но отпадет от христианского имени, как отпал Иуда от 12 Апостолов и да будет проклят всеми Святыми» (1, 348). Также, Устав Св. Владимира предает проклятию потомков, которые захватят суды и доходы Церкви (I, 219).

Неприкосновенность церковных имуществ по церковным правилам.

«Имущества даются Христу, Богоматери и Святым: а не Патриарху, Митрополитам, как свидетельствует Устав Св. Владимира» (I, 546). Никон приводит и церковные правила, ограждающие церковную собственность. Вещи, посвященные Богу и отданные Церкви или монастырю, не отнимаются согласно IV, 24. «Пусть монастырь, основанный с содействием Епископа, останется неприкосновенным и его собственность неотчуждаемой» (1, 117). То же устанавливает и 49 пр. VI Всел. Соб. и 1 пр. Двукр. Соб. и 12 пр. VII Всел. Соб. (I, 118). Они запрещают что-либо отнимать или удерживать отнятое у Св. Церквей или монастырей, или превращать их в светския жилища, или обращать их для светских целей, как и Господь предписывает отдавать Божие Богу и Кесарево Кесарю. Об управлении церковной собственности говорит 38 Ап. пр.: «Пусть Епископ полновластно управляет церковной собственностью, но пусть он ничего не дает от нее своим родственникам, разве, что они бедны»; также 41 пр.: «Мы приказываем, чтобы Епископ имел власть управлять церковной собственностью, ибо, если ему вручаются драгоценные души человеческие, то тем более церковная собственность». Также 25 Ант. правило: «Но чтобы царь мог распоряжаться собственностью Церквей и монастырей, этого не написано нигде в канонах. И потому всем, кто надменно начинает возноситься над Св. Церквами и монастырями и над собственностью, им принадлежащей, движимой или недвижимой, тот навлекает за этот грех гнев Божий на себя и на свое царство (1, 120).

Никон цитирует речь Св. Никона одному князю о том, что захватывать церковную собственность есть святотатство. «Хотя ты и не внял части моих советов, данных по твоей же просьбе, я снова пишу: и опасная болезнь напала на тебя, так что ты не далек от смерти; только Бог предохранил тебя, ища твоего покаяния. Теперь она напала не на тебя одного, а на весь твой дом и на всех родных. Так случается с теми, кто действует против слова Божие. Смотри, теперь ты здоров, не

греши же только, чтобы чего худшего не случилось с тобой. Я пишу тебе, чтобы ты мог показать плоды своего покаяния, ибо собственность Церкви, монастырей и монахов и их дела – все посвящено Богу, и оно не должно употребляться в иное место, как на бедных, странников, пленных и других подобных и для нужд монастырей и церквей. Я не могу сказать, был ли до этого дня какой-либо светский князь, который взял что-либо из этих доходов, но, если и был такой, то он осужден Богом, как святотатец» (I, 120). Когда цари жертвовали имущество Церкви, как и царь Алексей Иверскому монастырю, то они писали заклятия в самих грамотах на тех, кто захватит эту собственность: например, в грамоте 6/III 1654 Иверскому монастырю (Palmer I, 269), или 25/IV 1655 (I, 261), (I, 134). «Глосса на Апост. 59 пр. говорит: «Собственность Церкви есть богатство бедных, и надо распределять ее бедным. Но, если обязанность церковных правителей распределять ее другим нуждающимся, то насколько более они обязаны быть милосердными к подчиненным им клирикам и давать им необходимое? Если они этого не делают, они подлежат отлучению». Поэтому и Церковь должна иметь собственность, чтобы уметь удовлетворять нужду и бедных вообще и прежде всего своих клириков.

Вопреки Уложению, запрещавшему Патриарху, Архиереям и другим духовным умножать недвижимые имения посредством покупки, царь дозволил Никону приобретать вотчины для 3-х монастырей, им основанных, и сам царь им много жаловал. Иверский монастырь получил множество деревень, соляных и рыбных озер. За Крестным монастырем считалось 819 крестьянских дворов; ему было пожаловано 4357 душ крестьян. За Воскресенским монастырем числилось в 1674 году 16287 душ. Эти три монастыря не причислялись к домовым монастырям патриаршей кафедры, а были собственностью Никона. Их вотчины составляли отдельную от патриарших вотчин обширную область. Государь по просьбе Никона приписал к этим монастырям еще 14 монастырей с вотчинами из

епархий других Архиереев Тверского и Новгородского, так что они от них перешли в ведение Никона. С этим переходом перешло к Никону и право суда, – пошлины и дани с них (Соб. 1667 г. вернул все приписные монастыри и церкви местным Архиереям и признал Никона виновным, что он вопреки правил ввел царя в заблуждение).

Никон о захвате царем церковной собственности и о наказании за это.

Никон приводит из Ветхого Завета много примеров наказаний за отнятие церковной собственности (1, 275); жертву в пользу Церкви предписывали еще в Ветхом Завете. Никон пишет: «Ты пишешь, что царь дал Никону много привилегий. Какие привилегии? Скажи мне, например, десятины? Они были установлены Ветхим Законом. Что же царь дал нам? Он отнимает у Церкви собственность, лишает нас наших прав и ссылает подведомственных нам людей (I, 207). Никон говорит об изобилии нечестия в последние времена, когда любовь оскудеет. Чье нечестие (I, 191)? Того, кто вопреки воле Божией захватывает непринадлежащее ему, как государь царь взял под свое господство владения Церкви и всю ее собственность. И потому, он ненавидит нас, как прелюбодей законного мужа, против которого он замышляет, и в другом месте Божественные законы не позволяют царям узурпировать власть над собственностью, движимой или недвижимой, посвященной Богу» (I, 297). А в другом месте (I, 225): «Что доброго сделал царь? Разве то, что восхищает на себя преступно духовный чин? Но порядок священства одно, а порядок царства – другое... Ты лжешь, ответотворче, что царь сделал то же, что Константин Великий Папе. Посмотри, что дал Константин Великий Сильвестру и его преемникам. Есть ли малейшее сходство? Никакого. Что царь водил за уздцы лошадь Питирима? На это его добрая воля, он мог посадить кого угодно и водить лошадь» (I, 240). Здесь Никон указывает, что дух надлежащего отношения к Церкви отлетел, сохранена одна только видимость, за которой скрывается своеволие царя.

Никон о субъекте церковной собственности.

Никон обращается к Одоевскому и объясняет, что, отстаивая церковное имущество, он отстаивает не права Патриарха, а права Церкви. «Почему ты набрасываешься на слуг Божиих? Патриарх сам, как и остальное духовенство, слуга Божий и слуга Святой Церкви, и он не имеет имущества, но все – и слободы и крестьяне – Божие наследство. Патриархом бывает то один, то другой человек, но Бог есть и будет всегда; Он неизменяем, и Его наследие вечно. Если ты желаешь узнать о Божием наследии, какое самое необходимое употребление было придумано людьми, любившими Бога, то вот оно: Великий государь и великие князья и другие любившие Бога давали собственность Святым Божиим Церквам, согласно святым канонам, для вечного их поминовения, но не Патриарху, Митрополитам Епископам и мирянам, как об этом свидетельствуют и их грамоты. Поистине это правило передано от Бога Самого. В книге чисел III, 6-13 говорится о выделении Левитов для службы Богу; а в Числах XXXV, 18 говорится об отделении имущества Левитам. Видишь ли ты, богоборче Никита, – а ты говоришь о слободах, как принадлежащих Патриарху, Митрополитам и монастырям. И мы все принадлежим Богу. Часть священников – Божья часть и собственность. Зачем же ты, оставляя в стороне большее, спускаешься к нашему смирению и называешь Божью часть нашей собственностью? Это не наша собственность, а Божья. И, как в древности по заповеди Божией народ платил десятину, так и при Новом Законе благочестивый царь, как Константин Великий, а равно Св. Владимир Великий князь и другие после них делали дары Св. Троице, Св. Церквам и всем Святым, а не Патриарху, Митрополитам, Епископам и монастырям, как и написано в их уставах. И эти слободы даны на службу Св. Церквам Божиим вместо левитов, как показывают и правила Св. Апостолов. Апост. прав. 38: «Пусть Епископ полновластно управляет собственностью церковной и ничего не будет из нее для его родных».

Никон об обязанности материальной помощи Церкви еще в Ветхом Завете.

Если старый закон и скинии, и храм и жертвоприношения, которые были тенью грядущих вещей, т. е. Нового Закона и Церкви и христианского священства, были почитаемы с такой великой честью, то сколь более должны почитаться Церкви и священство Нового Закона. Теперь вы это бесчестите. И что оно имело малое число слобод для своей службы ранее в Москве и в других городах, вы все это присваиваете для собственного употребления. Кто теперь обслуживает самые необходимые службы Церкви и Епископу, т. е. охраны и прочее. Как Бог сказал Моисею, как выше сказано? Никто, но только чужие. Слышали ли вы, как сказал Господь, что всякий чужой, близко подошедший, должен быть предан смерти? Чужой означает здесь не чужого Израилю, а всякого, кто не из племени Левита, как Корей, Дафан и Авирон, которых Бог не избрал, и они бежали, и земля поглотила их, Озия приложил руку к жертвеннику, чтобы поддержать его, и Господь поразил его (2 Цар. VI, 6, 7).

Никон о наказании за нарушение церковной собственности.

Так и все те, которые смотрят на Церковь Божию и завидуют ей и говорят, что те слободы были собственностью Патриарха, Митрополитов и монастырей, и мы возьмем их. Они взяли немногое и потеряли гораздо большее, что было их собственное. Они взяли тысячи и потеряли много десятков тысяч через гражданские распри, чуму, войны, разные другие несчастия, которые невозможно и перечислить» (I, 539-548). Это основной мотив Никона: несоблюдение канонов законодателем влечет за собой несчастие для всего государства. Духовные лица призваны предупреждать об этом и заявлять во всеуслышание, не стесняясь говорить правду и истину и перед лицом царя. Духовные не призваны прибегать к противодействию, а должны поступать так, как поступил священник, когда царь Озия вошел в алтарь воскурить фимиам. Он только

предупредил его о недопустимости этого, и, когда царь не послушал, то проказа взошла на его чело. Это было наказание от Бога, Который сказал: «Мне отмщение, Аз воздам».

Никон приводит Лук. XII, 45, 46: «Если раб тот скажет в сердце своем: не скоро приидет Господин мой, и начнет бить слуг и служанок, есть, пить и напиваться; то приидет господин раба того в тот день, в который он не ожидает, и в час, в который он не ожидает, и рассеет его и подвергнет одной участи с неверными», Никон говорит: «Здесь Господь говорит о дурных слугах, т. е. о нечестивых царях, князьях и судьях, которые, приняв свое призвание, судят по собственной воле, подобно тому, как написанное Уложение показывает их беззаконие по писанному: твоими устами буду судить тебя, лукавый раб (Лук. XIX, 23). (I, 386)... Господь сказал (Лк. XIX, 27): «Врагов же Моих, тех, которые не хотели, чтобы Я царствовал над ними, приведите сюда и избейте их передо Мною». Так поступит Господь с теми, которые отвергли Его Божественные законы и Его суд, в день судный, согласно словам Его: отвергающий Мене и не принимающий Слов Моих имеет судью себе: Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Иоанна 12, 48). Приведя притчу о хозяине виноградника (Мф. 21, 33-41), Никон спрашивает: понимаете ли вы Божественную притчу? Кто этот хозяин? Сам Господь. Кто виноградари – Израильтяне. Кто слуги? Пророки, к ним посланные, из которых они одного били (Иеремия), другого убили. Что сделал им Господь? Он разрушил этих нечестивых людей, т. е. евреев. И где теперь их царство? Все сделалось согласно словам Пророка. Что сделал Господь с Иродом, когда Он отсек голову Предтече, и с Нероном, который приговорил к смерти Апостолов Петра и Павла, и с другими тиранами? Он уничтожил их и отдал виноградник другим. Так после них многие греческие цари и государи других царств, жившие по заповеди и по канонам Св. Апостолов и Св. Отцов, умерли в мире и сделались наследниками небесного царства. А те, которые нечестиво их нарушали, погибли в своем нечестии, а царства их преданы опустошению (I, 387).

«Не случилось ли всего этого с нами? спрашивает Никон, напоминая жертвы чумы 1654 и 1655 г., гибель от чумы бояр, оставленных царем в Москве во главе с кн. Пронским, и страшные поражения на войне 1659 и 1660 г. Василия Шереметева и князя Ивана Хованского» (I, 338)? Так противопоставлял Никон надвигавшейся секуляризации церковных имуществ и полному засилию государства в распоряжении церковными делами через Уложение – грозную силу Божественных канонов, которые не имеют принудительной санкции для их исполнения, – но за нарушение которых карает Сам Бог, но карает неумолимо и неотвратимо, ибо непослушание им есть непослушание Апостолам и их преемникам, а отвергший их отвергает Сына Божия, а отвергающий Его отвергает и Пославшего Его.

Никон весьма мучительно переживал тот захват церковного управления светской властью, который особенно явно обозначился после его ухода в 1658 г. в Воскресенский монастырь, когда оставленный им местоблюститель патриаршего престола Митрополит Питирим перестал почитать Патриарха Никона, как Патриарха, возносить его имя и сделался слепым орудием царя и бояр. В 1661 году он писал царю свое сокрушение о состоянии церковных дел и о тех тяжелых снах, которые напоминали ему об его обязанности предупредить царя о несчастии, к которому ведет новый путь правительства в церковных делах. Он написал в 1661 г. в декабре царю письмо, в котором сообщал и о своем сновидении, бывшем 12 января 1661 г. Видение это было подробно записано со слов Никона в тот же день властями Воскресенского монастыря.

Видение Патриарха Никона в Воскресенском монастыре в 1661 году, по свитку Московской Синодальной Библиотеки, напечатанное в «Христианском Чтении» за 1885 год.

«1668 году в день недельный Святейший Никон Божьей милостью Патриарх, будучи в своем строении живоносного воскресенья Нового Иерусалима, в день недельный во Святей

Церкви с Архимандритом Герасимом и с прочией братией, егда по чину нача чести по первой кафизме той преждереченный Архимандрит Герасим (Святое Евангелие толковое), якоже обычай, и Святейшему Никону Патриарху седшу на своем месте от многого труда, и абие приложися в тонок сон и обретеся в Московской Великой Церкви, идеже риза Господня. И зрит в Церкви велий неизреченный свет, и от страха того неизреченного ужасеся; и во страхе зрит того храма на обе страны и видит из гробов восстающих всех Архиереев и ту сущих от десные страны Киприана и Фотия и Филиппа священномученика, а от левыя страны Ину Митрополита и прочих всех. По сем зрит от алтаря от северных врат пресветла юношу идяща со многими последующими светлеющимися, яко бывает вход со Святым Евангелием, и той пресветлый юноша на руках нося царский венец; и с теми светлеющимися те все Архиереи соединяся пойдоша во святый алтарь отверзенным сущим святым и великим вратам. И той пресветлый юноша царский венец поставляет на престол перед Святым Евангелием. Той же Святейший Никон Патриарх во страхе последуя им обретохся от десные страны престола, и зрит свет такожде неизреченный, и в том свете видит возставша первопрестольного Петра Митрополита великого чудотворца, вкупе и Геннадия и грядуща ко преждереченным Архиереем, онем же уставившим ему с честью дающе первенство. Той же Петр Митрополит став на обычном первом месте у Святого престола и через царский венец простре руку на Святое Евангелие и рече Святейшему Никону Патриарху: засвидетельствуем тебе брате, Никоне, сим Священным Евангелием, иди, глаголи царю, чего ради он Святыя Церкви и святыя обители поработил и многия святыя вещи недвижимыя учинилъ царским своим повелением движимы, и царским державством неудоволился, восхитил на ся архиерейский суд, многия обители многочисленными пенятзми и многочисленными мерами оскудил и оскудити хощет. И Святейший Никон Патриарх во страхе велице отвеща: вы великие первопрестольные Архиереи о сем засвидетельствуйте, аз же смиренный много

о сем глаголах и писах царю, и непреклонен к послушанию явися наипаче возъявился, хвалится на мя мученми и изгнанми в заточение. И Петр великий чудотворец отвеща: Ты, брате, в жизни сей, тебе подобает засвидетельствовати и пострадати о сем даже и до крове; аще ли же сего нашего речения не восхощет веровати царь и твоего свидетельства не приимет, и, простер руки со всеми Архиереи на западную страну рек: зри, что по сем будет. И, видя белый свет в велицей Церкви, обратился в неизреченный пламень огня и с шумом громогласным пойде в царские чертоги, и бысть все пламенно видно. И в том велицем страхе он Святейший Никон Патриарх едва в себе пришед и узре вышереченного архимандрита Герасима стояща перед собою, отседающа по чтении по обычаю благословенного прощения, уже и второй кафизме совершающейся. И Святейший Никон Патриарх в том часе исповеда то страшное видение ту сущим с ним бдящим Архимандриту Герасиму и протчей братии всякого чина и возраста. И по отпетии утрени своею десницею сие видение писал и ко благочесгивейшему государю царю послан; и ничтоже вменено и забвению предано даже до днесь. А сие видение его Святейшего Никона Патриарха вскоре збыстся тоя же нощи».

Сон Никона 12 января 1661 г. и напоминание царю о наказании Божием.

Никон пишет царю, что ему в легком дремании представилось, и заканчивает: «И сия суть тако, аще от Бога или метанием, не вем, Бог весть, обаче так бысть. Если кто подумал, что я от себя вымыслил это, то да сожжет меня тот огонь, который я видел». Так Никон противопоставил государственной теории, стремившейся поставить государственную собственность на место церковной, теорию неприкосновенности церковной собственности.

Никон о вознаграждении Богом за жертвы, принесенные Его Церкви.

Обязанность же жертвы и подаяния лежит на каждом, и исполнение ее вознаграждается сторицей. Никон пишет (I,

274): «За какую неправедность погиб через потоп первый мир, и за какую добродетель был спасен Ной? Не принесением ли в жертву лучшего и не нуждой ли в покаянии? И он первый принял обет у Бога, когда явилась радуга, в знак того, что не будет больше потопа, и после нашего первого предка Адама, подобно ему, стал родоначальником новой расы. Также отец наш Авраам не своей ли жертвой угодил Богу и принял обетование, когда он принес в жертву своего возлюбленного и единородного сына Богу и не сомневался? И вместо одного сына Бог увеличил его семя, как звезды небесные и как песок морской. Писание Старого Завета гласит: «За великий обет, который дает Богу человек всем, что он имеет от человека до животного, он должен отдать то, что обещано. Ты должен исполнить всякий обет, который дал Богу. Не должен ты отсрочивать уплату, ибо Господь Бог истребует это от тебя, и тебе будет поставлено это в грех. Но соверши то, что исходит из уст твоих, и дай дар, обещанный тобой Богу. Если ты не исполнишь сказанного тобой, то ты вотще употребил имя Божие, и Бог не оставит безнаказанным тех, кто напрасно произнес Его Имя». И слова: «Если ты клянешься Богу, то не ослабни в исполнении, ибо твое желание не неразумно. Что обещал, то и плати» (I, 274). Никон в принципе и против того, чтобы взыскивались налоги с церковной собственности, ибо она посвящена Богу. Но Никон считал Церковь обязанной помогать государю в случае нужды. Иллюстрацией к этому служит случай, упоминаемый в истории Ферапонтова монастыря (Странник, 1898, ноябрь): Во время войны со шведами в 1655 г. по указу царя и Патриарха было велено из хлебных запасов Ферапонтова монастыря отмерить половину ржи и четвертую долю овса и приготовить из них 600 четвертей сухарей да 200 круп и толокна, отправить под Смоленск на монастырских и крестьянских подводах, С большим трудом отправили половину запасов – монастырь жаловался на отсутствие денег в казне и просил освободить его от доставки другой половины, но Патриарх Никон не уважил просьбы этой и

приказал доставить в Смоленск и другую половину запасов «летним путем, когда вода вскроется».

Никон также не одобрял в принципе установленного обычая приношения Патриархом подарков царю в некоторые большие праздники (Успение, Вербное Воскресение) после трапезы у Патриарха. (I, 569). «Царь их принимает и отсылает в казну. Скорее следовало бы, чтобы они исходили от царя и его семейства и бояр, чтобы не являлись к Господу с пустыми руками (как требует Писание, Числ. 28, 2; Исх. 22, 29, 30). Но они Божьи заповеди обращают в свою пользу и не приносят даров Богу, но после литургии наедаются за патриаршим столом и берут дары, уходя домой веселые, не сделав добра перед Богом а взявши налог с Божьей собственности. Они говорят: Патриарх благословил тем-то и тем-то, а Патриарх просто вынужден подобно рабу давать свой оброк, а не благородные люди, зная обычай, обязывающий Патриарха доставить это к празднику, за все берут с него вдвое, втрое к празднику (за серебряную посуду, соболя и пр.). Зачем такие люди ходят в церковь? Оки не только не приносят ничего, но расточают положенное там. Разве это не обида? Обида и не малая Церкви, так как из страха Патриарх не может изменить этого, как если бы это был закон Бога или обет Ему». Никон все законы и обычаи проверяет с точки зрения соответствия их законам церковным и внутреннему смыслу тех отношений, которые подобают к священству. Он не допускает, чтобы государственный закон или обычай мог в чем-либо не соответствовать им, и если это оказывается, он настаивает на его отмене. Именно с этой общей точки зрения он подвергает критике все Уложение и самый способ его составления. В последнем он находит несоответствие между задачей, поставленной составителям его, и ее исполнением.

Точка зрения Никона, с которой он критикует Уложение.

«А указал государь царь то все Уложение собрать и в доклад написать боярам, кн. Никите Ивановичу Одоевскому

с товарищами, а он кн. Никита человек прегордый, страха Божия в сердце не имеет и Божественного Писания и правил Св. Апостолов и Св. Отец ниже чтит, ниже разумеет, и жити в них нехощет и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам быв враг всякой правды, а товарищи его люди простые и Божественных Писаний не ведущие. А дьяки – ведомые враги Божии и дневные разбойники без всякой боязни в день людей божиих губят». Далее Никон говорит, что государь велел выбрать из всех классов добрых и смышленых людей, чтобы быть соборному Уложению нерушиму, но прибавляет, что «сбор был не по воле, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради. А что по государеву цареву и великого князя всея России указу, бояре князь Никита Иванович Одоевский с товарищами, будто выписав из правил Св. Апостол и Св. Отец и из гражданских законов греческих и из старых судебников прежних великих государей, государю приносили, и то он враг Божий и всякой истины все солгал: из правил Св. Апостол и Св. Отец и благочестивых царей градских законов ничего не выписывал якоже и сама та Уложенная беззаконная книга свидетельствует беззаконие их. А где и написал, будто из правил Св. Апостол и Св. Отец, таковых правил нет и во всей его книге и ни единого апостольского правила, ниже Св. Отцов 7 Вс. Соборов и прочих нет, ни благочестивых греческих царей градских законов что-либо, ниже от православных великих государей царей великих князей русских, но все ново твое писание, чюжде православию и Святых Апостолов и Св. Отец церковных законов. Да и сам той свидетельствует о своем ложном списании в 10-й главе о суде: «Повсюду писание (священное) со свидетельствы писанное, а не без свидетельств, а Одоевский самоумне написал Уложенную книгу без всякого свидетельства».

Не только в учреждении Монастырского Приказа и в конфискации части церковной собственности Никон видит это нарушение церковных правил и должного отношения к Церкви и ее законодательству, но и в целом ряде других законов Уложения, о которых он и говорит в разных местах

своего «Раззорения». Так Никон охранял неприкосновенность Церкви от вторжения чуждых ей принципов в ее interna, ибо и суд в гражданских делах духовенства и управление церковной собственностью он относил к делам церковным на основании церковных правил и обычая его времени. Он охранял и существенные неотъемлемые права Церкви, отвергая право царя на церковное управление и на права церковного законодательства без участия и согласия Собора, возглавляемого Патриархом. Есть еще ряд изданных Уложением законов, которые Никон оспаривал, как нарушение правил, которым должны подчиняться лица духовные и которые обидны для Церкви, так, например, правила Уложения о присяге и жребии при судопроизводстве.

Но есть также другие законы Уложения, которые не наносят непосредственного ущерба Церкви нарушением или противоречием ее правилам, а выявляют собой лишь недостаточное проявление почтения к Церкви, желание секуляризировать общественную жизнь и на место руководства начал церковных поставить в ней начала светские: с ними также борется Никон и видит в них проявление апостасии, предсказанной для последних времен мира.

Никон о судопроизводстве и других законах Уложения.

Законы Уложения о судопроизводстве.

Что касается судопроизводства, то оно получило в уложении для лиц духовных некоторые особенности в сравнении с правилами, установленными для других лиц. Особенности эти касались судебных доказательств в виду звания подсудимых. Именно для духовных лиц не допускается присяга (4 ст. XIII глава) и заменяется жребием (так было и раньше); другая особенность в том, что мирские люди в исках своих на духовных могли просить, чтобы челобитчик вместо жребия был допрошен высшим начальством духовного лица – Патриархом ли,

Митрополитом ли, Епископом ли по священству или по иноческому обету. Ответчик мог выбирать между жребием и святительским допросом. Святительский допрос, избранный ответчиком с согласия истца, решал дело окончательно. Никон говорит по поводу 4 ст. XIII главы (1, 510, 511, 512): «Где в каких канонах написано, что для священнического чина должен быть жребий вместе целования креста? Хотя мы не знаем законов, устанавливающих, чтобы люди священного чина судимы были перед мирянами, и чтобы на суде был жребий, или чтобы духовные лица целовали крест, мы знаем другие законы, несогласные с твоими нечестивыми законами, устанавливающие, что лица священного чина не должны вовсе быть судимы перед светскими судами, ни целовать креста ради клятвы по правде ли, или по неправде, и что жребий не должен употребляться». Никон негодует, что светское правительство в лице князя Одоевского с товарищами устанавливает правила и суда и судопроизводства для духовенства, и притом не согласно с правилами Церкви. «Из твоих лживых писаний мы признаем, что писано по Слову Господа: «Если другой придет во имя свое, вы его примете.» Смотри, кому сказано: паси стадо Христово, в котором Дух Святой вас поставил Епископами пасти Церковь Господа, которую Он искупил кровью Своей? Но кто тебя поставил пасти стадо Христово? Как говорит Апостол 1 Кор. 12, 28, Он поставил иных Апостолами, иных Пророками.... (Еф. 4, 11, 12). Все ли Апостолы? Все ли Пророки? Все ли Учители? (1 Кор. 12, 29). Но о тебе пророчество есть: после Меня явятся среди вас жадные волки, не щадящие стада, и из вас восстанут люди, говорящие превратные вещи. Разве ты не превратные вещи пишешь в XIII гл. 6 ст.? Где же нашел ты такое беззаконие, чтобы мирянам судить священный чин, Патриарха, Митрополитов и т. д. Не подобает, чтобы овцы давали закон пастырям, но скорей, чтобы слушали и повиновались им по Писанию: «Слушающий вас Меня слушает» и «Повинуйтесь наставникам вашим»... Никон говорит далее и о нарушениях в современной практике судопроизводства: это принятие

свидетельств от Лигарида и от бояр против Никона. «Я покажу тебе нечто из суда против Митрополитов, Архиепископов, священников и дьяконов, что такое лицо, как ты, не должно быть допущено к свидетельству против клириков по какому-либо обвинению (Лигарид неправославный и от него свидетельства, как от еретика, неприемлемо по новелле императора Юстиниана). «Далее Никон цитирует 132 Карф. правило. «Обвинитель не должен представлять свидетелей из своего дома. Глосса: свидетельство из своего дома отвергается и царскими законами, ибо 22 гл. тит. 1 в 21 книге Василик говорит: обвинитель не может представить домочадцев в свидетели.

И гл. 25 тит. 1 в 21 книге Василик гласит: «Свидетельство от дома обвинителя отвергается». Под свидетелем собственного дома должно разуметь тех, кто находится под властью кого-либо, так что способен действовать по приказанию. Таковые не допускаются к свидетельству за своего начальника, ни против тех, кого они обвиняют. Этим указанием Никон подрывал и ценность показаний против него со стороны бояр – царских слуг.

Никон о необходимости в общественной жизни дать большее проявление началу церковному.

Никон хотел, чтобы государственное законодательство не только не вступало в противоречие с церковным, но и проникалось его духом. Он ревниво оберегает значение Церкви и ее правил в общественной жизни и вступает в полемику с кн. Одоевским по поводу более почтительных его выражений в отношении к царским дням, чем Господним Праздникам. «Как ты осмелился, пишет Никон (I, 391), писать в своей лживой, проклятой компиляции в X гл. 25 ст. «А в воскресный день никого не судити и в приказех не сидети и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел. Да суда же не судити и никаких дел в приказех не делати опричь Великих царственных дел. В день Рождества Христова, в день Святого Богоявления и в иные Господние праздники сырной недели на первой неделе

великого поста на Страстной неделе, в седмь дней по Пасхе, да в который день приспеет праздник день рождения государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии и его благоверной царицы и великие княгини Марии Ильинишны и их благородных чад. А против воскресных дней по вся субботы православных христиан от великие работы и от торговли престати, и ряды затворити за три часа до вечерни. А в воскресный день рядов не отпирати, и ни чем не торговати, опричь съестных товаров и конского корму. А съестные товары и конский корм овес и сено продавати по вся дни и часы невозбранно. А работы никакие в воскресный день никому не работати, да и в господские праздники быти по тому же, как и в Воскресные дни. А в которые дни бывает со кресты ход, и в те дни в рядах ничем не торговати и рядов не отпирати до тех мест, как из ходу со кресты придут в соборную церковь, а потом торговати». Ах ты, беззаконный нечестивец! Как ты не постыдился, не испугался? Ведь, дьявол признавал Его Сыном Божиим и говорил, зачем ты Сын Божий пришел мутить нас раньше времени. Но ты, человек злых страстей, не признаешь Иисуса Христа нашим Богом, но пишешь, как о обыкновенном человеке: «в день воскресенья», «в день рождения Христа»; ведь, есть много Христов (и цари и священники также Христы, т. е. помазанные). Есть ложные Христы, как сказал Христос Своим Апостолам, но Христос наш Бог – Один. Ведь, не отсохли бы твой нечестивый язык или рука, не отсохли бы говорить или писать: «Рождество нашего Господа Бога и Спаса Иисуса Христа?» Или «Святое Богоявление нашего Господа и Спаса Иисуса Христа?» Ты даже не назвал это праздником, а просто днем, но когда говоришь о царе, тогда пишешь: «На какой бы день ни пал праздник рождения государя царя и также о царице и их детях.» Какие это праздники? Какое таинство здесь, разве что одно удовольствие и светская суета? Не довольствуешь сравнивать людей с Богом, ты их даже предпочитаешь Богу. Касательно Божественных таинств, т. е. Рождества нашего Господа и Бога и Спаса Иисуса Христа и Его Святого Богоявления и Его

Воскресения, прочти Богослова Григория (Наз.), как в своей первой Гомилии на Пасху он пишет о воскресении нашего Господа и Бога и Спаса Иисуса Христа (I, 392); праздник Рождества Его Божественный Григорий много раз называет таинством, ибо в этих праздниках содержатся таинственные чудеса строительства нашего спасения. Они – тайны, ибо неизвестны неверующим; ибо неправильно говорить неверующим о таинственном значении праздников и, по Божьему Слову, не подобает метать бисера перед свиньями. Посмотри ты, богоборец, какие тайны в праздниках нашего Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа, Его Воскресения, Его Рождения и Его Святого Преображения и, что рождение царя, о котором свидетельствовал Давид? И какое соединение света с тьмой, согласно Божественного Апостола, или праведности с нечестием, что ты, пустой претендент на мудрость, предпочитаешь в чести дни рождения царя, царицы и их детей дням таин Христа, т. е. Его Святого Воскресения, Рождения и Богоявления? Ты даже не называл их праздниками в уважение тайны, как называет их Григорий Богослов, но просто называешь «День Рождества Христова», но когда говоришь о рождении царя, называешь это праздником. Но что это за праздник? Или какая тайна? Слушай внимательно, что мы скажем тебе еще. Эти праздники показывают тайны и представляют первое пришествие во плоти нашего Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, т. е. как Он родился, был крещен, преобразился, как был распят, похоронен, воскрес из мертвых на третий день, и как Он вознесся на небо. Каждый праздник Господень есть культивирование духовной радости, средство достижения для души ясности и красоты; он для духовного украшения и возвеличения Церкви, для неба и земли он есть плод восхождения, переход от низших вещей к высоким и божественным, восхождение от вещей мирских к вещам надмирным и от вещей телесных к вещам духовным, от вещей чувственных к вещам интеллектуальным, от земных к небесным, поэтому мы и соблюдаем их духовно: освящением себя, умерщвлением

страстей, миром и совместными собраниями мы угождаем Богу. Проводя время в молитве, псалмопениях, чтениях, мы просим Бога, чтобы нам дано было от Него в изобилии восхождение в то царство небесное, которое вечно и блаженно, где не перестает голос тех, которые блюдут праздники, где невыразимое удовлетворение души и радость бессмертному благу. Ибо духовные праздники суть Божественные торжества, достигающие спасения для наших душ. И они настолько больше светских праздников и торжеств, насколько душа больше тела, а небо больше земли, насколько будущая жизнь выше этой временной, как говорит Божественный Апостол: «И око не видело, и ухо не слышало, и сердцу человека не дано понять, что Бог уготовал любящим Его» (I, 398). Видишь ли ты, какое расстояние между божественными и светскими праздниками, такое же, как между небом и землей». Далее Никон говорит о невозможности праздновать царские дни рождения великим постом, раз св. пост не может быть нарушаем не только царскими днями, но даже воспоминаниями мучеников. «Ты нечестивый составитель, говоришь, что, на какой бы день ни пал праздник рождения государя царя, он должен быть соблюдаем. Но разве ты не знаешь, что день рождения царя падает на великий пост, а также и праздники дней рождения царицы, царевен и государя цесаревича. Но Божественные заповеди не позволяют нарушать великого поста не только для царских дней рождения, но и для воспоминания мучеников. Послушай. Если Епископ, священник или дьякон или чтец в течение 40 дней великого поста не постится и в течение года каждую среду и пятницу, то он низвергается, разве что, для него трудно поститься вследствие какой-либо телесной болезни. Такому дается разрешение по силе нужды вкушать мясо и вино. А если светское лицо не постится, то оно отлучается. Если кто из аскетов без телесной необходимости возгордится и освободит себя от поста, наложенного Церковью на общину и на келью, как бы имея уверенность в том, что достигнуто им, то да будет он проклят... В течение 40 дней великого поста, кроме суббот и

воскресений, нельзя совершать поминовения мучеников или других святых. Нельзя в течение великого поста ни праздновать бракосочетания, ни совершать поминовения умерших, ни какого-либо празднования. Так писал и Никита, прозванный Стифат, иеромонах Студийский. Но ты, попиратель всех канонов, как ты решился сравнить в чести великие праздники нашего Господа с царским рождением, между тем, как церковные законы запрещают соблюдать день рождения царя в воскресенье и другие торжественные праздники, постановляя их переносить на какой-либо другой день и не соблюдать одновременно в один день».

О сравнении царя с Богом.

Что касается стремления сравнить царя с Богом, то Сам Бог отверг такой грех Своим ответом одному из вопрошавших его: «Учитель благий, как мне унаследовать вечную жизнь? и Иисус сказал ему, зачем ты называешь Меня благим. Никто не благ, токмо един Бог». И первосвященник спросил Его: «Ты ли Сын Божий? Он сказал: «вы говорите, что Я. Иисус спросил учеников, за кого они почитают Его, и Симон Петр сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго». Тогда Иисус запретил им говорить кому-либо, что Он Сын Бога Живаго. Но перед государем царем многие говорят: Ты, государь, Бог земной, и государь не запрещает так называть себя. Патриарх Никон много раз говорил царю, когда был в Москве и после, чтобы он запретил безумцам на будущее время называть его Богом, но царь молчал и не слушал того, кто говорил такие слова, как царь Давид: наш Бог на небеси. Он не поревновал князьям Апостолам, о которых написано в Деяниях XIV, 11-18, что когда их приняли за богов, то они сказали: О, люди. Что вы делаете? Мы люди со страстями, подобно вам, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому, Который сотворил небо и землю и море и все, что с ним. Они едва убедили народ не приносить им жертвы и идти домой. Видишь, как они чисты от гордости, и не только не пожелали почестей, но обеспокоились, когда ее им воздали.

Никон о тщете земного величия. О необходимости оцерковления жизни.

Послушай, новый Арий. Что есть царь? Один мудрец сказал: он сегодня – царь; а завтра умирает; а, когда человек умирает, он наследие ползучих животных и червей. Начало гордости – когда человек отходит от Бога, и сердце его отворачивается от Творца, ибо гордость есть начало греха, и имеющий ее изливает мерзость. За это Господь наказует человека ниспосланием на него несчастий». В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ воскликнул: это голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу, и он, быв изъеден червями, умер» (Д. XII, 21-23). И божественный Апостол Павел, проповедуя о тех, которые отступают от закона Христа, которых он называл также противниками, говорит: Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет отступление, и не откроется человек греха, сын погибели» (I, 403). Управление и жизнь по законам Церкви для представителя государства есть первый залог благополучия его царства». Почитание, воздаваемое тем или иным праздникам, – показатель того, какими стихиями руководится жизнь, земными или небесными. Никон не ограничился платоническими признаниями истины и ищет ее осуществления в нормах жизни. Когда нормы закона впадают в противоречие с теми нормами, которые диктуются высшим законодателем, он обнаруживает это несоответствие и клеймит такой закон за то, что он не осуществляет в содержании своем своего призвания – быть отражением высшей правды.

Никон о несправедливости законов Уложения, карающими строже людей низшего социального положения.

Так Никон подвергает критике ст. 27-31, 83, 84, 91 и 92 Х-ой главы Уложения за то, что они бедного человека, не имеющего положения в государстве, карают строже, чем

занимающего видное положение, тогда как должно быть наоборот (I, 472-476). Статьи 27, 28, 29 X гл. назначают наказание для боярина, окольничьего и думного человека за бесчестие словом Патриарху (выдача головой ему), Митрополиту (400 рублей), Архиепископу (300 рублей), а за бесчестие архимандриту, игумену или иному иноческому чину по государеву Указу. ст. 30, X гл. назначает наказание за бесчестие словом духовных лиц, последовавшее от других чинов государства, именно от стольников, стряпчих, дворян московских, гостей или дьяков или жильцов, или дворян, или детей боярских, городовых людей, иноземцев и определяет за бесчестие Патриарху – битье батогами, за бесчестие Митрополиту и другим – заключением в тюрьму на разные сроки. Статья 31 назначает за таковое бесчестие духовным лицам для людей гостиной и суконной сотен и черных сотен и слобод тяглых людей, стрельцов, казаков, пушкарей или иных чинов наказания еще более высокие; именно за бесчестие Патриарху торговую казнь и тюрьму на месяц, за бесчестие Митрополиту битье батогами и тюрьму на четыре дня; за бесчестие, нанесенное Архиепископу, Епископу битье батогами и тюрьму на три дня; за бесчестие Архимандриту, игумну, архидиакону и Троицы – Сергиевской Лавры и всех монастырей келарам и казначеям и соборным старцам и рядовой братии постановлений правити за бесчестие. «Откуда ты, беззаконный человек и составитель нечестивых вещей, учишь, вопреки Божественным заповедям Христа и законам Св. Апостолов и Св. Отцов, воздавать битьем, денежными штрафами в зависимости от социального положения виновного? Неужели не слышало твое невнимательное ухо нашего законодателя и учителя Господа Бога и Спаса Иисуса Христа, Который учил в Мф. V, 20: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное». Но какая праведность в твоей нечестивой компиляции, устанавливающей, что, если кто бесчестит Патриарха, тогда после суда выдается ему головой, другой бьется кнутом, третий плетьми, иной сажается в тюрьму или

штрафуется, как это установлено в твоем безумном и проклятом Уложении» (I, 474).

Никон о статьях Уложения, парализующих пастырское воздействие.

Ст. 83 и 84 Уложения говорят о бесчестии словом, нанесенном со стороны духовных лиц боярам, окольничьим, думным людям, стольникам, стряпчим или дворянам московским или гостям, дьякам, жильцам, дворянам или детям боярским, городовых или иных чинов, и назначают штраф в пользу тех, кто обесчещен, в размере оклада государева жалованья, а гостям и иным чинам по указанным статьям. При чем ст. 84 допускает по отношению к духовным чинам, начиная с архимандрита и ниже, в случае, если им нечем платить, нещадный правеж до тех пор, пока они с истцом учинят сделку или добьют челом. Никон восстает, как мы говорили, против этих статей не только потому, что здесь допускается позорящее наказание от светских духовным, но и потому, что под обиду словом легко можно включить пастырское обличение, которое парализуется таким образом угрозой наказания, ибо может восприниматься, как обида словом. Такие статьи, парализуя пастырское воздействие духовенства, воспринимаются Никоном, как искажение суда.

«Разве это, пишет он (I, 487), не закон дьявола, самого антихриста для того, чтобы никто не осмеливался из страха наказания проповедовать об истине Божьего слова? Ибо упрек для нечестивого все равно, что зерно в ноге, хотя оно не большое, но болезненно. Так для непринимающих слово Божие невыносимо, если кто говорит о праведности Божией: они в этом видят себе оскорбление и упрек.

Никон о неправильном принципе Уложения для повышения и понижения наказаний.

Далее Никон переходит к X гл. ст. 91 и 92, не касающихся духовенства и устанавливающих наказание за бесчестие, нанесенное думным чинам со стороны иных светских чинов,

причем для более высоких чинов назначается штраф и, в случае невозможности его заплатить битье кнутом, а для более низших чинов более высокое наказание – битье кнутом и тюрьма на 2 недели. Никон обращается к Одоевскому (1, 475) и пишет: «Ты не послушал написанного: «не делай различия между могущественным и слабым в суде, ибо суд – Божий». Ты же установил неравные наказания в пользу тебя самого и подобных тебе. Ты не послушал Спасителя, сказавшего: Каким судом судите, таким и будете судимы, и какой мерой мерите, такой и возмерится вам. Ты думаешь, безумец, уклониться от Божьего суда? По истине против делающих такие дела есть Божий суд. Каких великих мук и наказаний ты не заслуживаешь за такое нечестивое учение и беззаконное законодательство? Какие бы бедствия или несчастия ни навлекло в силу этого Уложение на бедных людей, которые будут осуждены, ты будешь виновен во всем. Это есть исполнение написанного в Псалмах: «Сказал безумец в сердце своем: несть Бог. Они развратились, дошли до гнусности в пороке; нет творящего добро. Бог с небес воззрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумевающий, ищущий Бога. Все уклонились, все растлились; нет творящего добро, нет ни одного. Неужели не вразумятся делающие беззакония, съедающие народ Мой, как едят хлеб не призывающие Бога?» (Псалом, 52, 2-5)... Послушай ты, нечестивый представитель беззакония, Божественное учение, которое дает Сам Бог (Мф. 5, 22): «А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду». Какому? Не твоему беззаконному, но суду Божьему, который не делает различия между лицами и праведен, как учит тому нас Св. Евангелие: «Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и вси Св. Ангелы с Ним, тогда сядет Он на престол славы и перед Ним предстанут все народы.» Но суд дается не таким судом, о котором ты пишешь, что решение дается по указу царя» (I, 476).

Что касается законов процессуальных, то русским церковным правом не было выработано до Уложения самостоятельных форм делопроизводства, а формы,

перешедшие в Россию из Византии, по словам Архангельского остались в книгах без применения к делам. Так Патриарх Никон, пишет он, напечатал в «Кормчей» «Закон Судебный людям царя Константина» (Кормчая II ч. гл. 46). На Никона очень сердились светские чины за внесение этого устава в действующее законодательство Русской Церкви. Конечно, отдельные правила этого судного устава принимались в соображение на святительских судах по делам церковным. Но в целом составе в церковных приказах Судебный Устав никогда не действовал, оставаясь почти мертвой буквой в книгах.» Скажем более: он и не мог получить в тогдашних церковных судах всецелого применения по той причине, что наши патриаршие и архиерейские приказы были установлены не по Византийским образцам, а по образцу государственных приказов, сложившихся исторически и самобытно. (Так по образцу светских приказов в патриаршем разряде у Митрополита Новгородского и прочих Архиереев были свои пристава с цепями, свои недельщики, свои тюрьмы, в которых содержались не только колодники духовные, но и миряне). Отсюда в силу самой необходимости, с изданием Уложения во всех учреждениях все дела в церковных учреждениях производились по тем статьям, которые изложены в нем, особенно в X главе о суде. Статьи эти имели полное применение, как в учреждениях гражданского ведомства, так и в духовных. Уложение само обязывало все учреждения русского государства, в том числе и церковные руководствоваться именно его правилами относительно суда. В Уложении XII глава исключительно состоит из правил относительно суда на разных патриарших людей, принадлежавших церковному ведомству и судимых на патриаршем дворе, и разрешает подавать на суд патриарших чиновников апелляции, в случае нарушения ими правил Уложения о суде (Ст. 1-2). Это показывает, что уложение было призвано к применению и в церковных судах. Поэтому критика Никона, направленная на Уложение, касалась с одной стороны защиты духовенства от засилия светской

власти, а с другой стороны и вообще направлялась против некоторых принципов государственного законодательства, без отношения к духовенству.

О высших принципах, обязательных и для законодателя.

Никон считает, что светский законодатель связан высшими принципами, которые дает Церковь, и которых он не должен преступать: в них норма для самого законодателя, который, оставляя в стороне эти принципы, может легко создать беззаконное законодательство. Так и суд есть по источнику своему суд Божий; он призван стремиться воплощать Божественную правду, а не ту относительную условную, людьми созданную, которая в угоду отдельным классам или чинам, созданным строем той или иной эпохи, потворствует их эгоистическим интересам, нарушая высшие принципы Божественного закона.

Никон в вопросе применения Кормчей вместо Уложения; о внесении им изменений во второе издание Уложения. О приостановке действия Уложения. Выделение патриаршей власти из действий Уложения.

С этой точки зрения Никон стремился к тому, чтобы расширить сферу применения церковных законов; как мы видели только что, обиду словом Никон относил к церковному суду: он отдавал предпочтение вообще Кормчей, в состав которой входило во II части Византийское гражданское законодательство Номоканонов, уже одобренное и санкционированное Церковью, как подтверждающее каноны или, по крайней мере, если и дополняющее их, то в их духе, и не противоречащее их основным принципам. За неимением в своем распоряжении первоисточников, которые бы показали полностью все разряды дел, в отношении к которым Никон отстаивал применение законов Кормчей, мы укажем только отдельные случаи, почерпнутые нами в разных исследованиях. Так Архангельский указывает, что в 1657 году жаловалась

Никону одна вдова Нижегородского посадского, что поручитель взыскивает с нее кабальные деньги ее мужа, а после смерти его не осталось ни дворов, ни движимого имущества. Никон справился с градскими законами, и на основании их запретил производить взыскание с вдовы, если она ничем не владеет, кроме своего приданого и указанной 4-ой части. Вообще дела чисто духовного характера, а иногда и гражданские, подведомственные суду Церкви, разрешались в приказах церковных святительским судом на основании правил Св. Апостол, Соборов и Отцов и вообще на основании Никоновской Кормчей, включая и II часть ее, равно и в таких случаях, для которых не было подходящих законов в Уложении. Никон, отстаивая применение Кормчей, не ограничивался применением ее в делах, входивших в компетенцию церковных учреждений, но стремился, чтобы и государственные суды применяли не Уложение, а законодательство, санкционированное Церковью, т. е. Кормчую (Чт. О. И. и Д. Р. 1847 г., III т., стр. 29. Калачев «О значении Кормчей в системе Древне русского права»). «Что в древний период русской истории Кормчая имела значение и силу источника права в судах церковных, и что иногда ею руководилась также светская власть в своих судебных решениях и при их исполнении, это не подлежит никакому сомнению, и уже не раз было замечено многими исследованиями, хотя только мимоходом, неопределенно и почти бездоказательно» (Стр. 1, Калачев). Проф. Загоскин (Записки Казанского университета за 1880 г.), сообщает, что в 1654 г. Никон уговорил царя, чтобы он разослал Указы воеводам судить уголовные дела на основании Кормчей, для чего и были им разосланы выписки из нее. Карамзин обещал напечатать их в своей истории, говоря об этом в одном примечании[36], но за смертью не успел этого сделать[37]. Мало

[36] Ист. Гос. Рос. т. III, прим. 222.

[37] Можно думать, что это были законы, помещенные в «Законе судном людем», который как раз включает уголовный кодекс о преступлениях и наказаниях. О нем пишет проф. Суворов (Курс 1, 309): «Закон Судный людям не есть законодательство, касающееся Церкви, а есть уголовный

того, Никон добился другой уступки, о которой говорит Загоскин: перепечатания Уложения с некоторыми изменениями, а именно: 1) в X гл. 28 ст. бесчестие Епископу приравнено к бесчестию Архиепископу и Митрополиту; 2) в X гл. ст. 30, 83 и 91 гости поименованы в отношении бесчестия не ниже всех чинов, а наравне с высшими между дьяками и Московскими дворянами; 3) в X гл. ст. 25 прибавлено: «Да в Петров пост во многих городах заговенье в первый понедельник бывает играют, и то искоренить проклятое дело;» 4) исправлена XIV гл. 10 ст. Раньше было написано: «А кто поцелует крест на кривде и тому 30 лет епитимьи, к Церкви не приходить и приноса от них не примати, ни в дом к ним не приходить и молитвы им не давать». По поводу этого в Раззорении (I, 515) Никон писал: «Божеские каноны поручают Епископам и священникам исправлять грешников в их грехах, но кто тебе дал власть над священством и законодательствовать, да из каких канонов ты взял такое постановление?» И, действительно, во втором издании Уложения наказание за ложную клятву положено иное, согласно канонам, чисто исправительного свойства. «А кто крест поцелует на кривде, и тому Василий Великий в 64 своем правиле налагает запрещение на 10 лет; два лета да плачется, три лета да послушает Божественных Писаний; четыре лета да припадает и едино лето да стоит с верными и потом Божественного Причащения причастится». Все исправления, указанные Загоскиным, относятся как раз к тем статьям Уложения, которые подвергаются критике в Никоновском Раззорении, и тем еще более подтверждают его мысль о существовании второго издания Уложения в исправленном виде.

Не имея возможности добиться от царя уничтожения «Проклятой Уложенной книги», Никон пока был

устав о преступлениях и наказаниях, в котором нередко вместо членовредительных и других кар Византийского права назначается церковное покаяние в Западно-католическом духе». Такая мера Никона вполне соответствует его основной идее — оцерковления государства и лишний раз подтверждает ее наличность у Никона.

Патриархом стремился приостановить ее применение. Жалованная грамота царя самому Патриарху выделяла его уже из компетенции монастырского Приказа, и Никон уже достигал возможности вести в своей области управление и суд в соответствии с канонами. Но его заботы простирались дальше; и не только в смысле ограждения самостоятельного Церковного суда, но и в смысле внесения оцерковления в самое государственное законодательство открытым признанием со стороны государя, что государственные законы не должны противоречить церковным, а, напротив, стремиться проникаться духом Церкви.

Как пример этого достижения оцерковления в отдельной сфере, можно рассматривать суд над убийцами у Византийских Патриархов. Преступник, отдавшийся под покровительство Церкви, должен был каяться публично на суде в особой церемонии и получал эпитимию на продолжительные годы, заключавшуюся в прохождении целой стадии различных ограничений в церковном общении. Эта система оцерковления может противополагаться ультрамонтанской, превращающей Церковь в государство.

Первой ступенью к оцерковлению государства является принцип признания Церкви, как особого союза, и непротиворечия закона канону. Примером его, между прочим, может служить ст. 185 осн. законов, изд. 1906 года, изданная впервые в издании свода законов 1832 года[38].

---

[38] Не трудно видеть, что статья 185, требующая, чтобы невеста лица, могущего иметь право на наследование престола, приняла Православие не позже, как накануне бракосочетания, имеет в виду необходимость канонического, в глазах Церкви, брака и стремится поставить государственный закон в согласование с церковными правилами, а именно Лаодик. 10 и 31, 72 пр. VI Всел. Собора. VI, 72 говорит: «Не достоит мужу православному с женою еретическою браком совокупляться, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися. Аще же усмотрено будет нечто таковое, соделанное кем-либо, брак почитать их нетвердым и незаконное сожитие расторгати». В том же смысле гласит 58 пр. Номоканона при Большом Требнике: «Нелепо есть православному мужу с еретической совокуплятися женою, ниже с еретическим мужем жене

Идея Никона – оцерковление государства – противоположность идее, растворяющей Церковь в государстве.

Объединяя в одно целое Никоновские воззрения на необходимость проникновения государства церковными принципами, мы можем причислить его систему к системе иерократической, по которой государство ставит себе, как отдаленный идеал, никогда не достижимый, превращение в Церковь; эта система противоположна протестантской, растворяющей Церковь в государстве, как было при Петре I. Никон предостерегал государство от самоосвобождения от церковных начал. В Уложении оно уже вступало на этот пусть и переставало принимать во внимание церковные законы, эмансипируясь вообще от церковного влияния в законодательстве. Но, освобождаясь от церковных начал, государство возвращается к естественным началам, которые противны церковным, как языческие начала христианским; торжество их запечатлевает развитие новейшего государства с культом эгоизма, материализма, с заменой христианства неоязычеством. Государство целиком принимает на себя задачи Церкви, восстанавливая в своем лице идею верховного первосвященства, постепенно подчиняя себе все интересы, в том числе и интересы Церкви. С этим грядущим неоязычеством и вступил в борьбу Никон. Странно видеть в его борьбе проявление гордости и стремление сохранить

православной; аще же и будет, нетвердый да вменится брак, и беззаконное да расторгается сожитие». Совершенно ясно, что Синодальное постановление при Петре I, разрешавшее из государственных соображений, ради удержания шведских пленных, смешанные браки, — не может отменить Вселенского канона. В отношении же церковных чинов есть и особое упоминание в 14 пр. IV Всел. Собора: «Понеже в некоторых епархиях позволено чтецам и певцам вступать в брак, то определил Святой Собор, чтобы никому из них не было позволено брати себе в жену иноверную». Закон 1832 года, оцерковляя царский сан, и установил означенное требование, как то и соответствует понятию царского сана, как чина священного (об этом см. нашу книгу: «Царская власть и закон о престонаследии в России»), и представляет яркий пример оцерковления государственного закона о престолонаследии.

свое положение. Последнее было бы ему очень просто, стоило бы только отказаться от своей борьбы за церковную самостоятельность и стать послушным орудием царя и бояр, как это сделал его заместитель Митрополит Питирим, бывший в окружении царя на войне и стремившийся свалить Никона в союзе с боярскими, враждебными Никону, элементами. Сам Никон, выходя из последнего заседания суда 12 декабря 1666 г., признавался в своей непримиримости, когда, садясь в сани, говорил: о Никоне! Все сие бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовал трапезы драгоценные и с ними вечерял, не бы ти сключишася (Шушерин, 128 стр.).

Никон о государственной апостасии и о гибели царства как ее следствии.

Но Никон ничем не поступился в борьбе за свою идею и пронес ее через всю свою жизнь, как горячий факел, до гроба.

Церковь он понимал, как совокупность руководящих законов жизни, и в ее Вселенском законодательстве видел верховные нормы, обязательные для самого государства. Сообразуясь с ними, почитая служителей Церкви, воздавая Церкви, как Богу, свое лучшее достояние, государство получало основание рассчитывать на свое благоденствие и, попирая их, должно было, в его глазах, сознательно идти навстречу своей гибели. Как ревнитель вселенского канона и как русский Патриарх, он предостерегает неоднократно и царя и бояр от того опасного пути, на котором прекращается благословение Божие. Он многократно говорит об апостасии, о грехе, который неумолимо влечет Божью кару, будет ли то грех индивидуальный, или грех общественный, как грех носителя власти в осуществлении им его функций. Эта Божья кара может быть отсрочена, но она неотвратима в конце концов. Эту апостасию государственную Никон видел в Уложенном законодательстве, в несоблюдении царем и боярами клятвы, данной ему 22/VII 1652 года, в попрании его патриарших прав через назначение при его жизни царем

независимого от него местоблюстителя, в попрании царем самостоятельного управления и суда Церкви, в неканоническом самочинном принятии царем Лигарида без соответствующих грамот от его Патриарха, Лигарида, бывшего не то католиком, не то запрещенным православным Митрополитом, одним словом эту апостасию он видел в том, что царь-орган государственной власти стал тем, чем был римский император – верховным понтифексом, и в том, что его законодательство перестало видеть для себя границу в церковных канонах и стало служить не Божьей правде, а интересам класса (служилых), и в конце концов в том, что его законного Патриарха Всероссийского осудили нечестивым судом. Впоследствии, в изгнании в Ферапонтовом монастыре Никон говорил, что царству нечего ждать добра, если этого приговора вселенские Патриархи не отменят. Никон напоминает слова Апостола Павла (2 Фес. 2, 3, 4): «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Видишь ты, составитель лжи (I, 407), что Божественный Апостол предупредил нас о вещах грядущих, но которые для нас, благодаря вам и вашей преступности, стали настоящими? Разве нет теперь отступления от Священного Евангелия, от преданий Св. Апостолов и Св. Отцов, разве не обнаружился человек греха, сын погибели, который противится и возносится превыше всего называемого Богом, или Святынею?

Никон об Антихристе, захватившем власть в Церкви.

Он говорит об отступлении, ибо он погубит многих, и что может быть более разрушительно, чем то, что, оставляя Закон Бога и Его заповеди, они предпочли традиции человеческие, эту Уложенную книгу, полную злобы и лукавства? Но кто это, спросят? Сатана? Никоим образом. Это – человек, который взял все дело сатаны и приготовил и

образовал других в союзе с собой, таких, как ты, представитель лжи, и твои подобные тебе товарищи. Сидение в храме имеет в виду не Иерусалимский храм, но всюду в Церквах. Сидение это не буквальное сидение во всех Церквах, но обладание властью над всеми Церквами. А Церковь – не каменные стены, но церковные законы и пастыри, против которых ты, апостат, воздымаясь согласно делу Сатаны, дал в Уложении юрисдикцию над Патриархом, Митрополитами, Архиепископами, Епископами и над всем остальным духовенством светским людям, не думая действовать согласно воле Божией. Как Бог сказал однажды: «Отойди от Меня, Сатана, ибо помыслил ты не о вещах Божиих, но о вещах человеческих». И в другом месте Он сказал: «Вы – от отца вашего диавола и похоти его творите». О таких Церквах Христос сказал: «Мой Дом наречется домом молитвы, а вы превратили его в разбойничий вертеп». Как сказал Иеремия (VII, 4): «Не надейтесь на обманчивые слова: здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень». Что это за храм Божий, который под властью царя и его подчиненных, в котором они делают и устанавливают, что вздумается? Такая Церковь уже не храм Божий, но дом тех, которые властвуют над ней. Ибо, если бы это был храм Божий, то никто из страха перед Богом не осмелился бы захватить его или отнимать что-либо у него. А о преследовании Церкви Господь открыл наиболее богословствующему Своему любимому ученику Иоанну» (I, 408).

Апостасия – признак наступления Антихристова царства; она – предмет борьбы для Никона.

Никон видел в Апостасии знаки наступления Антихристова царства и грядущую гибель отечества, и он боролся с этим мольбами, протестами, своим удалением с кафедры, отряханием праха от ног своих, анафемой на правонарушителей, грозными пророчествами, своей непреклонной стойкостью в посылаемых на него гонениях, отказом дать царю полное прощение в качестве Патриарха,

несмотря на его просьбы о прощении, пока он не восстановит правду по отношению к предстоятелю Церкви Никону.

Обязанность Первосвятителя в борьбе с апостасией (по Никону).

Обязанность священнослужителя в таких случаях указана священником Азарией в его протесте перед царем Озией (I, 132): «Царь Озия вошел в храм, не повинуясь священнослужителю, воскурить фимиам, говоря: я праведен: – ты праведен, может быть, но оставайся в своих границах. Установленные границы царства такие то, а границы для священства другие, а это последнее больше первого. И Азария священник вошел за ним. Разве я без основания сказал, что священнослужитель выше царя? Ибо он не искал удалить его с почтением, как царя, но как некоего презренного отверженного и неблагодарного раба. И пошел за ним Азария священник и с ним 80 священников Господних, людей отличных, и воспротивился Озия царю и сказал ему: «Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников сынов Аароновых, посвященных для каждения; выйди из святилища, ибо ты поступил беззаконно, и не будет тебе это в честь у Господа Бога. И разгневался Озия, а в руке у него кадильница для каждения; и, когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его перед лицом священников в доме Господнем, у алтаря кадильного» (2 Парал. 26, 17-19). Видишь ли, как душа священника наполнилась храбростью и мудростью? Он не посмотрел на величие правителя, он не подумал, как трудно удержать душу, упоеную страстью; он не послушал Соломона, говорящего: гнев царя подобен рычанию льва, но он взирал на истинного Царя – Царя небесного; и думал о том суде и награде, которые грядут; подкрепив себя такими мыслями, он поспешил к нарушителю. Он знал, что гнев царя подобен рычанию льва, но для того, кто решил скорее умереть, чем без протеста потерпеть нарушение священных заповедей, этот лев презреннее самого маленького пса. Нет практически

ничего более безвластного, чем человек, нападающий на законы Бога, и с другой стороны нет ничего сильнее человека, борющегося за эти законы. Ибо совершивший грех есть раб греха, хотя бы имел тысячи корон на своей голове, но кто поступает праведно, тот больше самого царя, хотя бы он был последний из всех. Все эти мысли об истинной мудрости были у этого доброго, и благородного священника, когда он вошел в храм... Что же священник сказал? «Не подобает тебе воскурять фимиам Господу». Но что сделал Господь, видя, что священник оскорблен и слово священника презрено, и сам священник был бессилен что-либо сделать еще? Дело священника – только выразить порицание и показать дерзновение, но не поднимать оружие, не хвататься за щит, не метать копье, но только смело выговаривать. И так как священник выговорил царю, а царь не подчинился, не поднял свое оружие и копье и использовал свою власть, то священник сказал: я сделал свое дело, больше я не могу; защити ты, Господи, священство, попранное ногами; Твои законы нарушены; Твои заповеди преступлены. И что же сделал Господь, любящий человечество? Он тотчас ниспослал проказу на чело царя» (I, 132). В этом приведенном Никоном рассказе — определение и его собственных обязательств по отношению к нарушениям царя, как он их понимал и осуществлял.

Никон о грядущей гибели Московского царства. Проклятие за нарушение церковной собственности.

Никон несколько раз говорил о гибели Московского государства, когда видел неуважение к правам Церкви или к ее Первосвятителю. Такое проклятие последовало от Никона и за неуважение его патриарших прав на патриарший престол.

Когда он в декабре 1664 г. выезжал из Москвы, не допущенный царем к возвращению на престол, он сказал: «Бог разметет вас всех», отрясая прах от ног своих перед лицом всей земли. «Три раза я проклял вас», – писал он царю, когда царь думал получить прощение, не давая публично

удовлетворения признанием правды Никона, – «выше Содома и Гоморры». Когда на суде его упрекнули в том, что он пророчествовал, говоря в декабре 1664 г. о комете, которая принесет разрушение Московскому государству, и Митрополит Илларион Рязанский сказал: «Пусть Никон скажет, от какого духа он это узнал?» То Никон перед Патриархами, царем, всем Собором и синклитом сказал: «И в древние времена старого закона бывали такие знамения, и над Москвой также это исполнится. Господь пророчествовал на горе Олив о разрушении Иерусалима, но это исполнилось через 40 лет». Никон и в другое время упоминал о том, как Господь проклял города Хоразин и Вифсаиду и Капернаум выше Содома и Гоморры, и Его проклятие исполнилось, хотя и не тотчас (V, 858). Это проклятие следовало от Никона и за захват церковной собственности 25/VI 1663 г. в Воскресенском монастыре, когда у Никона несправедливо отняли землю, оспариваемую у него Романом Боборыкиным, хотя земля эта была утверждена за Воскресенским монастырем царской грамотой. Несправедливость этого отнятия у Никона доказывается уже тем, что земля эта была возвращена Воскресенскому монастырю по просьбе архимандрита монастыря и братии при царе Феодоре и Патриархе Иоакиме, даже с прибавлением села из имения Боборыкина (IV, 442 пр.). Патриарх Никон отправился тогда в церковь петь молебен Животворящему Кресту и читать молитву и псалмы 68 и 108, которые полагается читать терпящим насилие по правилам Св. Афанасия Александрийского. Под Святым Крестом, перед иконой Богоматери была положена Никоном царская грамота о пожаловании Воскресенскому монастырю земли, оспаривавшейся Боборыкиным, но записанной за Никоном в Поместном Приказе по указу царя. Хотя Никона обвиняли в том, что он проклинал царя, но он оспаривал это, относя проклятие к Боборыкину (IV, 475), затеявшему это дело. Проклятие на всякого возможного нарушителя этой собственности налагала уже сама грамота. Но, замечает Пальмер (IV, 475 стр.), совесть царя и бояр могла сказать им,

что эти проклятия не могли быть выражены против Боборыкина, не задевая и их. Ибо что виновнее, частная ли злоба и жадность в человеке, ищущем клочка земли, или их общественная злоба на Никона? Если бы царь действовал теперь на месте Саула, то могли ли заклятья Давида касаться только Эдомита или заклятия Никона касаться только Одоевского, Стрешнева, Боборыкина и их товарищей? Конечно, они должны были поражать и самого преследователя царя, и с тем большей силой, чем менее это имелось в виду Давидом, почитавшим полу Сауловой одежды, или Никоном, пророчествовавшим, не желая того, против царя Алексея».

Пальмер сопоставляет слова псалмов 68 и 108 с тем, что произошло с семьей царя, и видит в этих событиях исполнение гнева Божьего. Слова Псалма 68 говорят: «Излей на них (врагов моих), ярость Твою, и пламень гнева Твоего да обымет их. Жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих... Да изгладятся они из книги живущих и с праведниками да не напишутся». А в Псалме 108: «Отовсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины. За любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь: воздают мне за добро злом, за любовь мою – ненавистью. Да будут дни его кратки (царь Алексей умер в 1676 г. до исполнения 47 лет) и достоинство его да возьмет другой; дети его да будут сиротами, а жена его вдовой (дети царя Алексея преждевременно остались сиротами и вместе с своей матерью, его второй женой подвергались опасностям и несчастьям после его смерти); да скитаются дети его и нищенствуют и просят хлеба из развалин своих (его сын Петр, оставшись без отцовских забот странствовал у нечестивых иностранцев, моля у них яда, как хлеба, и был странником вдали от Бога и своей страны, ища пищи из опустошенных мест, где не произрастало хлеба); да захватит заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят труды его (его царство обеднело от войн и плоды его ранних побед были захвачены иностранцами, и труд его и его преемников был поглощен немецким басурманством); да не будет

сострадающего ему, да не будет милующего сирот его, да будет потомство его на погибель, и да изгладится имя его в следующем роде (не было никого: Матвеев был в изгнании, когда его присутствие было особенно нужно, изгнанный родственниками самого царя Алексея; Феодор умер, как скоро достаточно вырос, чтобы делать добро; Петр был духовно истощен и духовно убит своей собственной полусестрой Софьей и превратился благодаря плохому воспитанию в чудовище, способное только развить следствие грехов своего отца. Право наследственного преемства отошло от потомков Алексея, и наследник был предан смерти своим собственным отцом, сыном Алексея, и во втором поколении его имя в мужском поколении исчезло). Да будет вспомянуто перед Господом беззаконие отцов его (Иоанн III и IV) и грех матери его да не изгладится (Семейство матери его и родственники его Стрешневы). Да будут они всегда во очах Господа и да истребит Он память их на земле (оно исчезло с земли: ни семьи его матери, ни семьи от его первой жены больше не существует)» (IV, 444).

Никон определяет ближе принцип неприкосновенности церковной собственности (I, 134). Если кто не только не оказывает милосердия, но отнимает у других их имения для собственного употребления, то каких наказании не навлекут такие люди? Пр. 59 Св. Апостолов: «Если Епископ или священник не дает в нужде клирику, то да будет отлучен; если упорствует в своем немилосердии, то будет низвергнут, как убийца своего брата». Глосса далее определяет самое назначение собственности Церкви и смысл этого назначения. Собственность церковная называется в Св. Писании богатством бедных, и существует обязанность давать ее бедным. Если обязанность правителей церковных распределять другим нуждающимся, то насколько больше их обязанность быть милосердными к подчиненным им и давать им необходимое?» Вот обоснование, почему Церковь должна иметь имущество. На Святителях лежит долг помощи бедным и обязанность дать средства жизни клирикам – отсюда необходимость церковных имуществ.

Анафемы Никона за нарушение церковной юрисдикции.

Такое же проклятие следовало от Никона и за неуважение прав Церкви в отношении ее юрисдикции. 16. 11. 1662 г. в Воскресенском монастыре одна из анафем определялась (IV, 365) тем, «которые пытались нанести обиду священному чину, или захватить в свое ведение церковные дела и права или привлекать к ним Епископов, священников или дьякона или какое-либо лицо священного или монашеского чина, или насилием захватывать то, что дано монастырям, и отнимать у них что-либо, данное Христу, и умерли не раскаявшись». Другая анафема провозглашалась «тем, которые отрицают, что христианскому священству дана от Бога отдельная и независимая власть учить и управлять Церковью, и которые утверждают, что эта власть или дана всецело светской властью, или, по крайней мере, должна будто бы осуществляться только в соответствии с приказами светской власти и гражданскими законами, а не по священным канонам и правилам Св. Отцов, подтвержденным гражданским законодательством прежних благочестивых и православных греческих царей и русских великих князей, – подвергаются анафеме таковые, как говорящие против Святого Духа и ищущие подчинить благодать Божию духу этого мира». Этой анафемой Никона поражалась самая основа цезарепапизма, а следующими представители церкви, сверх меры подчиняющиеся светской власти с нарушением канонов. Именно, следовала анафема на того, кто оставил или опустил из обычных церковных молитв имя Епископа, Митрополита или Патриарха прежде, чем он обвинен перед компетентным Собором за какое-либо преступление, канонически исследован, найден виновным и низложен (разумея местоблюстителя Питирима). Такая же анафема следовала и «тому, кто захватывает управление какой-либо Церковью через светскую власть или совершает какой-либо церковный акт неканонически из страха или благодаря влиянию светских правителей, или захватывает какой-либо престол или митрополию, провинцию или

патриархат, не принадлежащий ему, или сам собой, или по приказу светских властей, или совершает неканонический акт не для своей епархии (разумея опять Митрополита Питирима, посвятившего Митрополита Мефодия в Киеве – принадлежавшем тогда в церковном отношении Константинопольскому Патриарху (I, 366).

Обратим внимание, что анафемы Никона относились только к тем мерам правительства, которые посягали на права Церкви, присущие ей по существу. Анафемы же за отнятие собственности у Церкви произносились тогда, когда собственность Церкви основывалась на грамотах, уже включавших анафему на всякого будущего обидчика, но анафем за светское законодательство, поскольку оно не затрагивало собственных прав Церкви, он не произносил, хотя бы это законодательство и не отвечало идеям Никона об оцерковлении государства.

Мы видим, что все анафемы на своих идейных противников Никон произносил уже после ухода из Москвы, при чем первую из них без малого через 4 года после этого ухода, когда он увидел, что взятый царем курс захвата церковного управления в царские руки окончательно укрепился, несмотря на многократные письма Никона, которые он писал и в 1659 году (о шествии в неделю Ваий) и в декабре 1661 г. (о захвате церковного управления) и другие. Это были последние его крайние меры, которым предшествовал его уход.

Пальмер о наказаниях Божиих за общественные грехи и об исполнении Никоновских пророчеств.

Мы не можем не остановиться на размышлениях Пальмера о наказаниях, посылаемых Богом за общественные грехи, как относительно того, на кого может падать такое наказание, так и в отношении того, что это наказание навлекает на себя, по его мнению, и Россия за ее отношение к Церкви. «Наказания за общественные преступления и грехи бывают общественные и личные. Общественное наказание падает на нацию, общество или класс или чин или на само

учреждение, иногда скоро, иногда после долгого промежутка, поражая и будущие поколения. Это общественное наказание часто падает, по-видимому, на правителя и потомков, которые лично невинны, возможно даже не сознают вину своих предшественников, как бы показывая различие между чисто личными и общественными актами и между личным и общественным вознаграждением и наказанием. Так в Англии вина тех Тюдоров, которые в XVI столетии восставали против Бога и Его Церкви и вовлекли целую нацию своим тираническим насилием в схизму и ересь, была наказана столетием позже в королях другой фамилии, против которых тогда восстал народ, как раньше короли восстали против Бога: они были свергнуты и изгнаны, и один из них даже обезглавлен через последующее развитие той же ереси, которую они сначала навязали народу... Также во Франции честолюбие и гордость, с которой Людовик XIV вел войну и наносил обиды Церкви, и безнравственность регента и Людовика XV были наказаны в ближайшем поколении ужасами атеистической и смертоносной революции, в которой были обезглавлены или умерщвлены с еще большими мучениями невинный и добродетельный Людовик XVI, его королева, его сестра и его сын» (V, 772).

Относительно России Пальмер говорит, что «если мы подумаем только об общественных актах, то, так как все делалось в деле Никона во имя царя, и не боярам, как классу, (хотя на них лежит главная вина в преследовании Никона), а царю была порабощена Церковь, то для короны и надо было ждать главных наказаний. «Если бы ты только боялся Бога», – сказал Никон царю на суде после взрыва гнева на него, во время чтения некоторых мест из его конфиденциального письма к Патриарху Дионисию, «ты бы не поступил со мной так» (V, 902), а после чтения его сказал: «Бог да будет тебе судьей» (V, 704). А в столовой палате дворца, когда Никон выходил с собора, он встал посредине и, обернувшись к царю, отряс прах от ног своих в третий раз (1-ый в 1658 году, 2-ой в 1664 г.) и сказал царю: «Моя кровь и общий грех да

будет на твоей голове» (V, 902). Об исполнении этих пророчеств Пальмер уже отмечал, говоря о судьбе детей царя Алексея. Он видит исполнение и предсказаний Никона, сделанных им на суде, о разрушении Москвы, ибо это все исполнилось с уничтожением боярства, как класса, стрельцов, на царствующей династии и на духовенстве, и на пожаре 1812 г., уничтожившем старую столицу, совершившую апостасию (IV Введ. 50 стр.). Любопытны приводимые Пальмером внешние параллели о сорока годах, о которых говорил Никон для исполнения пророчества о гибели Иерусалима. С Собора 1660 г., когда Собор утвердил восхищение на себя духовной власти царем, совершенное в 1658 г., до смерти последнего Патриарха Адриана в 1700 г., когда царь уничтожил и внешнюю форму канонического примата и взял в свои руки всю церковную собственность, прошло также 40 лет; от смерти Патриарха Никона в 1681 году до создания духовного коллегиума в 1721 году также 40 лет (IV Введ. 50). Но этого мало. Пальмер ждал дальнейшего исполнения пророчества. «Правительства, говорит он, которые однажды пошли на апостасию, не легко идут обратно; они идут к разрушению (I, Введ. 9). А в IV Введ. 63 стр. Пальмер спрашивает: «Пойдет ли Россия к немецкому материализму и в конце концов утрате самого имени христианства... или произойдет православная реакция? И возможна ли реакция? Хвост не может вести голову, а голова и хребет у России – немецкие. Православная Церковь привязана к немецкому принципу светского верховенства, как хвост к хребту собаки. Хвост должен следовать за головой. Индивиды, хотя бы они сами, или их отцы, согрешили, могут покаяться, но история не знает примера нации, раз отступившей от более высокого религиозного положения к низшему, чтобы она восстановила сама себе своим собственным внутренним усилием покаяние. Но невероятное человеку возможно для Бога».

Смысл клятвы 22 июля 1652 г. в историческом освещении.

А в другом месте он говорит (I, Введ. 23): «Когда либерализм сбросит существующий барьер достижением религиозной свободы, когда Русская Церковь будет предоставлена своим собственным ресурсам,... тогда в поисках самозащиты и в особенности против католиков, она откроет, что ее действительный борец и представитель был Никон». Это особенно ярко представляется, когда выявляем совершенно противоположные идеи при Петре I: и строй церковный был объявлен делом государственной власти, и восстановлена теория верховного понтифекса, и духовенство было всецело подчинено монастырскому приказу, восстановленному в 1700 году, и церковная собственность была отдана в полное управление государственному учреждению (Монастырскому Приказу), когда государство, отбросивши влияние Церкви, стало свободно устанавливать идеи для руководства жизнью и поощряло издание катехизиса с протестантским направлением (Феофан Прокопович), и когда оно вмешавшись в церковную жизнь, стало определять жизнь в монастырях и подчинять ее строй светским утилитарным целям. Все это было увенчано созданием на ряду с прочими государственными коллегиями особой коллегии по духовным делам, члены которой стали избираться представителями государственной власти на срок и приносить присягу царю, как главе Церкви; в конце концов это полугосударственное полуцерковное учреждение подчинено было другим государственным учреждениям, в роде Верховного Тайного Совета, и о той самостоятельности Церкви, которой требовал для нее Никон, исчезало воспоминание, и самое понятие о ней терялось, пока катастрофические события 1917 года не вызвали к жизни неизбежной необходимости для Церкви определить самой свое устройство. Зародыш процесса падения положения Церкви в Русском Государстве, и вместе ее обессиления, был на лицо перед вступлением Никона на патриарший престол. И Никон, клятвой 1652 года, хотел сдержать

секуляризационное стремление века. Ему это не удалось, но память об его усилиях должна напоминать нам, как он боролся, и кто были главные виновники падения его, а вместе и постепенной утраты той религиозно-нравственной силы, которой держался царский престол, и с которой неразрывно связывал его Никон, требуя от царя истинного православия, не на словах, а на деле, в его законодательстве, управлении и суде, а Патриарха ставя главной опорой престола, как его наставителя в вере и ее оберегателя.

Никон о значении праведности для общественной жизни.

Никон придавал огромное значение праведности в смысле снискания помощи Божией на совершение того, что человеку само по себе непосильно. Он писал (1, 530): «Делающий волю Божию имеет большую ценность, чем 10.000 нарушителей... Какая польза от множества? Разве не знаешь, что действительный народ – святые, а не многие? Выведи на битву миллион людей и одного святого, и посмотришь, кто сделает больше. Иисус Навин пошел на войну и один добился успеха, остальные были лишние; даже такое множество людей, когда оно не делает воли Божией, есть ничто».

Никон о праведности царя и о власти удерживающей пришествие Антихриста.

Царь, не следующий благочестию, разрушает свой народ, а царь благочестивый, является силой, удерживающей обнаруживание Антихриста. Никон приводит 2 послания к Фессалоникийцам от Павла 2, 6-9: «И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему (человеку греха) в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (I, 404). Вопрос в том, что же именно удерживает обнаружиться человеку греха. Глосса говорит, что – Римская

власть, ибо если бы разумелся дух, то не было бы надобности говорить прикровенно, а о Римской власти Апостол говорит прикровенно, чтобы не навлекать ненужных преследований на христиан. Ибо, если бы он заговорил о разрушении Римской Империи, то могли бы подумать, что христиане стремятся к ее разрушению. Человек греха явится только тогда, когда разрушится Римская Империя, ибо пока есть страх этой власти, никто ему не подчинится, но, когда она будет разрушена, то наступит анархия, и он будет искать захватить власть Божескую и человеческую. И как раньше погибли империи Мидийская (Ассирийская) от Вавилона, а Вавилон от Персидской, Персидская от Македонской, и Македонская от Римской, так и последняя будет разрушена Антихристом, а он Христом». Это отступление, которое предшествует приходу Антихриста, для Никона на лицо в том законодательстве по человеческой стихии, которое он показал в Уложении, в захвате Церкви светской властью. И, если царь перестает быть стражем и защитником Церкви, то он губит не только лично себя, но и святое царство. Неоднократно Никон пишет в Раззорении о том, что благочестивые цари дают счастье и себе и царству, а нечестивые губят себя и царство; благочестие это определяется не только личным поведением царя, но и его деятельностью в качестве царя, его отношением к Церкви, в признании с его стороны самостоятельности и неприкосновенности для государства ее канонов. С точки зрения Никона, охраняя Церковь от захвата государственной властью, он спасает Церковь от захвата, но еще в большей мере само государство. Ибо Церковь Вселенская имеет обетование, что не одолеют ее врата адовы, и захват поместной Церкви не есть еще порабощение всей Церкви, а только части ее; между тем государство может погубить себя совершенно, как это и наблюдается в истории, где одна империя сменяла другую. Как Патриарх, Никон стремился, чтобы Русь, единственное православное царство, бывшее самостоятельным, могла стать центром культуры, просвещения и высшего благочестия, чтобы она явила и ту

удерживающую власть, которая препятствует разлитию по всему миру отступничества. Чтобы царство могло выполнить эту задачу, оно само должно противопоставить злу не только механическое сопротивление, но и чистоту Православия и его исповедничества в своем высшем органе-царе, который только при наличии этих условий может стяжать Божию помощь в путях выполнения своей задачи и бесконечно далекой цели – оцерковления своего государства.

Глава IV. Об уходе Никона в Воскресенский монастырь 10 июля 1658 года

Уход Никона из Москвы в 1658 г. – церковный факт его деятельности. – С. М. Соловьев об уходе Никона. – Критика Соловьевского изображения ухода Патриарха Никона из Москвы и его объяснения этого события. – Фактическая сторона ухода Патриарха Никона изложена Соловьевым не верно. О свидетельских показаниях 1660 г. – О природе ухода Никона из Москвы в 1658 г. – Прощальная речь Никона в Успенском соборе 10 июля 1658 г. – Толкование речи Никона Пальмером. – Поучение Златоуста, читанное Никоном 10 июля 1658 г., как ключ к пониманию отдельных выражений его речи и его объяснений с боярами, присланными в собор. – Никон не отрекался от патриаршества. – Дополнительная характеристика свидетельских показаний на Соборе 1660 г. – Уход Никона – протест против нарушения царем клятвы и мера архипастырского воздействия. – Ответ Никона Лигариду на обвинение его в гордости по поводу его ухода. – Центральная идея Никона – борьба с секуляризационным духом времени во всех его проявлениях. – Никон о грехе, как причине всех несчастий; в частности о клятвопреступлении. Никон о наказаниях уже ниспосланных Богом. – Неизбежность Никоновского ухода. – Стремление опорочить Никона в сочинении Лигарида и влияние его сочинений на мнение Соловьева и Каптерева о Никоне и в частности об уходе Никона в 1658 г. – Разъяснение мнимых противоречий в показаниях Никона о своем уходе, находимых профессором Каптеревым. Суждения Каптерева базируются на опороченных показаниях врагов Никона. – Показания личных врагов Никона: Александра Епископа Вятского, Ивана Неронова и Лигарида о характере Никона, восприняты Каптеревым, как истинное объяснение. – Личные отношения к Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать их свидетельства о Никоне. – О невозможности принимать свидетельства Лигарида о Никоне, в виду стремления Лигарида построить свою карьеру на обвинении Никона. – О вопросе Каптерева, оставил ли Никон патриаршество, или это было притворство. О мнимых противоречиях в заявлениях Никона. – Каптерев игнорирует важное каноническое правонарушение: царь поручает Митрополиту Питириму управлять патриархией, не обращаясь к Никону и не поминая его, как Патриарха. – Причины изменений в тоне Никона –

каноническое правонарушение – поставление Митрополита Питирима на самостоятельное управление Церковью, независимо от него. – Произвольность предположений Каптерева об изменении настроения Никона относительно природы оставления престола. Объяснение перемен Никона – в окружающих его событиях. – Как Никон смотрел на возможность своего возвращения на патриарший престол в Москву. – Взгляды Каптерева на «отречение Никона. – Средства, которыми отстаивал Никон свое каноническое миросозерцание.

Уход Никона из Москвы в 1658 году – центральный факт его деятельности.

Ответственной перед Богом задачей Патриарха является ограждать царя от уклонений с праведного пути, и Никон ничего не пощадил, чтобы по мере сил удержать царя на этом пути. Он берет с него клятву перед вступлением на патриаршество, что царь предоставит ему управлять Церковью самостоятельно и канонически и не приведет в исполнение государственное законодательство, противоречащее церковным канонам. Когда царь клятву перестал исполнять и Никоновские увещания перестали действовать на него, Никон покинул патриарший престол и ушел в Воскресенский монастырь. Его уход является с нашей точки зрения актом исповедничества и центральным фактом его жизни и деятельности. Если бы Никон не ушел, а остался управлять кафедрой в новых условиях, когда царь оказался под влиянием боярской партии и предоставил ей вмешательство в церковное управление, то Никон был бы не одной из центральных личностей в истории России, отстаивавших осуществление своей идеи, а одним из многих придворных слуг, потакавших светской власти, имена которых никому не интересны.

Соловьев об уходе Никона.

С. М. Соловьев (XI, 249) так описывает расхождение Никона с царем и его уход. «Никона обвиняют враги новшеств в длинной жалобе царю (которую приводит Соловьев) в том, что он не отстранил тех тяжких для

духовенства обычаев, какие ввел его предшественник по своему корыстолюбию; но главное положительное обвинение Никона состоит в том, что он уничтожил прежнюю общительность между верховным святителем и подчиненным ему духовенством преимущественно белым. Патриарх окружил себя не оступным величием, возлюбил «стоять высоко, ездить широко». «Я под клятвою вселенских Патриархов быть не хочу», говорил однажды Неронов Никону: да какая тебе честь, Владыка Святый, что всякому ты страшен и друг другу грозя говорят: знаете ли кто он, зверь ли лютый, лев или медведь или волк? Дивлюсь: государевы – царевы власти уже не слыхать, от тебя всем страх, и твои посланники пуще царских всем страшны, никто с ними не смеет говорить; затвержено у них: знаете ли Патриарха? Не знаю, какой образ или звание ты принял?» Но и подле царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланий патриарших боятся больше, чем царских, что великий Государь Патриарх не довольствуется и равенством власти с великим государем Царем, но стремится превысить его; вступается во всякие царственные дела и в гражданские суды, памятки указные в приказы от себя посылает, дела всякие без повеления государева из приказов берет, многих людей обижает, вотчины отнимает, людей и крестьян беглых принимает. Когда Алексей Михайлович окончательно поверил этим внушениям, неизвестно; очень может быть, что и сам он не умел в точности определить этой печальной для него минуты, когда последняя, может быть ничтожная капля упала в сосуд и переполнила его. Любовь и нелюбие подкрадываются незаметно и овладевают душой; человек уверен, что он все еще любит или что все еще хладнокровен, пока, наконец, какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вскроет состояния души, давно уже приготовленного. По природе своей и по прежним отношениям к Патриарху, царь не мог решиться на прямое объяснение, на прямой расчет с Никоном: он был слишком мягок для этого и предпочел бегство. Он стал удаляться от Патриарха. Никон заметил это

и также по природе своей и по положению, к которому привык, не мог идти на прямое объяснение с царем (?) и вперед сдерживался в своем поведении. Холодность и удаление царя прежде всего раздражили Никона, привыкшего к противному; он считал себя обиженным (?) и не хотел снизойти до того, чтобы искать объяснения и кроткими средствами уничтожить нелюбие в самом начале. По этим побуждениям Никон также удалился (?) и тем давал врагам своим полную свободу действовать, все более и более вооружать против него государя. Как скоро вельможи, враждебные Патриарху, уверились, что их сторона взяла верх, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество» (В примечании Соловьев пишет: «следующее изложение Никоновских дел составлено по подлинным актам, хранящимся в государственном архиве между столбцами Приказа Тайных Дел; часть актов хранится в Синодальной Библиотеке, некоторые напечатаны в Собрании Государственных грамот и договоров. В синодальной же библиотеке находится изложение Никонова дела, составленное Паисием Лигаридом, любопытное по некоторым живым подробностям).

«Летом 1658 г. был обед во дворце по случаю приезда в Москву Грузинского царевича Теймураза; окольничий Богдан Матвеевич Хитрово очищал путь царевичу; он это делал по известному обычаю, наделяя палочными ударами тех, кто слишком высовывался из толпы; случилось, что попал ему под палку дворянин патриарший: «Не дерзай Богдан Матвеич, закричал дворянин: «ведь, я не просто сюда пришел, а с делом». «Ты кто такой?» спросил окольничий. «Патриарший человек, с делом посланный», отвечал дворянин. «Незваный», закричал Хитрово и с этими словами ударил его в другой раз по лбу. Дворянин побежал к Патриарху, и тот своей рукой написал к царю, прося разыскать дело и наказать Хитрово. Алексей Михайлович отвечал также собственноручной запиской, что велит сыскать дело, и сам повидается с Патриархом. Но свидания не было. Наступило 8 июля, праздник Казанской Богородицы,

крестный ход; царь не был в Казанском Соборе ни на одной службе; через день, 10 числа, был также большой праздник в Москве, установленный с недавних времен, праздник Ризы Господней, принесенной из Персии при царе Михаиле; перед обедней явились к Патриарху князь Юрий Ромодановский с приказанием от царя, чтобы не дожидались его к обедне в Успенском соборе. Но к этому приказанию Ромодановский прибавил еще другое: «Царское величество на тебя гневен, сказал он, ты пишешься великим государем, а у нас один великий государь царь». – Называюсь я великим государем не сам собой, отвечал Никон, так восхотел и повелел его царское величество; свидетельствуют грамоты, писанные его рукой. – «Царское величество, продолжал Ромодановский, чтил тебя, как отца и пастыря, но ты этого не понял; теперь царское величество велел мне сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя вперед не будут». Разговор этим кончился. Никон отправился в собор служить обедню и после причастия велел ключарю поставить по сторожу, чтобы не выпускать людей из церкви: поучение будет. Пропели: «Буди Имя Господне», народ столпился около амвона слушать поучение и услыхал странные слова: «Ленив я был вас учить», говорил Патриарх: «Не стало меня на это, от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени я вам более не Патриарх; если же помыслю быть Патриархом, то буду анафема. Как ходил я с царевичем Алексеем Алексеевичем в Калязин монастырь, в то время на Москве многие люди к лобному месту собирались и называли меня иконоборцем, потому что многие иконы я отбирал и сжигал, и за то хотели меня убить. Но я отбирал иконы латинские писанные по образцу, какой вывез немец из своей земли. Вот, каким образам надобно верить и поклоняться (при этом указал на образ Спаса в иконостасе); а я не иконоборец. И после того называли меня еретиком, новые де книги завел. И все это делается ради моих грехов, а вы, в окаменении сердец своих, хотели меня каменьем побить: но Христос нас один раз

кровью искупил, а меня вам каменьем побить – и мне никого кровью своей не избавить, и чем вам каменьем меня побить и еретиком называть, так лучше с сего времени я не буду вам Патриарх». Кончил и стал разоблачаться; послышались всхлипывания, голоса: «кому ты сирот нас оставляешь?» – «Кого вам Бог даст и Пресвятая Богородица изволит», отвечал Никон. Принесли мешок с простым монашеским платьем; но тут толпа двинулась и отняла мешок. Никон пошел в ризницу и написал письмо к царю: «Отхожу ради твоего гнева, исполняя писание: дадите место гневу, и паки: егда изженут вас от сего града, бежите в ин град и еже аще не приимут вас, грядуще отрясите прах от ног ваших». В ризнице Никон надел мантию с источниками и клобук черный, посох Петра Митрополита поставил на святительское место, взял простую палку и пошел было из собора, но народ бросился к дверям и не пустил его, выпустил только Крутицкого Митрополита Питирима, который пошел во дворец сказать царю, что делается в соборе. Алексей Михайлович сильно встревожился: «Точно сплю с открытыми глазами и все это вижу во сне», сказал и отправил в собор самого сановитого боярина, князя Ал. Ник. Трубецкого. Много переменилось с тех пор, как в 1654 г. тот же самый Трубецкой перед отправлением в поход с благоговением принимал благословение Никона, бывшого во всей силе и славе. И теперь Трубецкой начал тем, что подошел под благословение к Патриарху, но получил в ответ: «Прошло мое благословение, недостоин я быть в Патриархах». «Какое твое недостоинство? Что ты сделал»? – спрашивал простодушно Трубецкой. «Если тебе надобно, то я стану тебе каяться», отвечал Никон. Трубецкой еще более смутился: «это не мое дело, не кайся, скажи только, зачем престол оставляешь? Живи, не оставляй престола. Великий государь наш тебя жалует и рад тебе». – «Поднеси это государю, сказал Никон, подавая Трубецкому письмо: попроси Царское величество, чтобы пожаловал мне келью». Трубецкой отправился во дворец; Никон в сильном волнении то садился на нижней ступени патриаршего места,

то вставал и подходил к дверям, но народ с плачем не пускал его; наконец и сам Никон заплакал. Все ждали, что царь явится, последует объяснение и примирение между ними; но вместо царя опять вошел Трубецкой. И отдавая Никону письмо его назад, говорил именем Царским, чтобы он Патриаршества не оставлял, а келий на патриаршем дворе много. – «Уж я слова своего не переменю, отвечал Никон, да и давно у меня обещание, чтобы Патриархом не быть». Поклонившись боярину, Патриарх вышел из церкви, но, когда хотел сесть в карету, то народ бросился на нее и выпряг лошадей; Никон пошел пешком через Кремль к Спасским воротам, но народ забежал вперед и запер ворота; Никон сел в одном из углублений (в печуре); тут явились посланные из дворца и заставили отворить ворота; Никон встал и опять пошел через Красную площадь на Ильинку, на подворье построенного им Воскресенского монастыря (Нового Иерусалима), благословил плачущий народ, отпустил его и через несколько времени сам отправился в Воскресенский монастырь (Соловьев XI, 253) (Здесь мы имеем дело с двумя несходными свидетельствами, с письмом Никона к Патриархам, где он описывает свой уход, и с показаниями лиц, находившихся в соборе 10 июля; но так как Шушера, пристрастный к Никону, гораздо более сходится с последними, чем с Никоном, то мы и следуем показаниям. Г. Субботин, который верит более письму, говорит: «Кажется, впрочем он еще думал, что его дело не проиграно, что царь, одумавшись, помирится с ним, не допустит оставить его Патриаршество, тем более, что, по его словам, «Царское величество прислал ему сказать, чтобы, не видясь с ним, не отходил». В этих ожиданиях Никон около трех дней прожил на подворье». Но время проходило, а от царя не было никаких вестей. Никон увидал, что ждать ему больше нечего и решил уехать из Москвы. Около 3 дней! 10 июля была сцена в Успенском соборе, а 12-го Трубецкой и Попухин уже вели переговоры с Никоном в Воскресенском монастыре. Вот, куда ведут попытки верить Никону) (Ib. XI, 399). На 3-й день, 12 июля туда поехали к нему кн. Ал. Ник. Трубецкой и дьяк

Ларион Лопухин. «Для чего ты, Св. Патриарх», спрашивал Трубецкой, поехал из Москвы скорым обычаем, не доложа великому государю и не подав ему благословения, и, если бы великому государю было известно, то он велел бы тебя проводить с честью. Ты бы, продолжал боярин, подал великому государю, государыне Царице и детям по благословению; благословил бы и того, кому изволит Бог быть на твоем месте Патриархом, а пока Патриарху нету, благословил бы ведать Церковь Крутицкому Митрополиту». – «Чтобы государь, государыня царица и дети их пожаловали меня, простили, отвечал Никон, а я им свое благословение и прощение посылаю, и кто будет Патриархом, того благословляю, бью челом, чтобы Церковь не вдовствовала и беспастырна не была, а Церковью ведать благословляю Крутицкому Митрополиту; а что поехал я вскоре, не известив великого государя, и в том перед ним виноват; испугался я, что постигла меня болезнь и чтобы мне в Патриархах не умереть; а вперед я в Патриархах быть не хочу, а если захочу, то проклят буду, анафема». Соловьев говорит далее, что Никон, по-видимому, совершенно успокоился, приняв твердое решение не возвращаться на патриаршество и, задавшись исключительно заботами о Воскресенском монастыре, смиренно простил умиравшего боярина Морозова. Но скоро де тон писем изменился. Соловьев дает такое объяснение. «Раздраженный окончательно речами Ромодановского, Никон решил поразить царя и народ своим удалением; впечатление было произведено сильное, но все не такое, какого мог ожидать Никон; царь не пришел для объяснения с ним в Успенский собор, не умолял его остаться, не просил торжественно прощения; сцена, происходившая при избрании Никона на Патриаршество, не повторилась. Но за то и речи Ромодановского не повторились; посланные царя относились к Никону с уважением, царь присылал с теплыми словами, напоминавшими прежние отношения. Эти присылки и медленность царя относительно избрания нового Патриарха испугали врагов Никона: они видели, как царь волнуется

тяжелыми сомнениями – хорошо ли поступили с Никоном, действительно ли он виновен? И вот враги Патриарха стараются убедить Алексея Михайловича, что бывший Патриарх действительно виновен. Сам царь дал знать Никону об опасности, послав сказать ему, что только он да еще Юрий (Долгорукий?) добры до него. Скоро после этого Никон узнает, что враги под ним подъискиваются, хотят показать его неправость, его грехи, его недостоинство, показать, что Патриарх Никон старается внушить, будто удалился вследствие гонения неправедного, не стерпел неправды царской и грехов народных, но что ему следовало оставить Патриаршество по своему недостоинству. Никон увидал перед собой ту бездну, к которой привел его поступок 10 июля, возврата не было, и вот поднимается искушение: человек, привыкший стоять на первом плане, привыкший, чтобы все и все к нему относились, все перед ним преклонялись, оставлен, забыт. Мало того, отдан на жертву врагам, которые позорят его. Человек, привыкший к обширной и видной деятельности, принужден ограничиться мелкими заботами о постройке монастыря. Явились и другие искушения; привыкши к роскоши, изобилии во всем, Никон сильно чувствовал отсутствие этой роскоши, этого изъятия в Воскресенском монастыре. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздраженную; нравственного величия, христианского духа Никону недоставало для преодоления искушения, и вот он ищет средств, как бы удержаться в выгодном положении и относительно чести, и относительно средств к жизни, выставляет такие права свои, которые могли казаться незаконными и опасными даже не врагам его. Раздражение, борьба и соблазн усиливаются. Патриарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всяких чинов людям запрещено ездить к нему в Воскресенский монастырь (XI, 255).

«Никон писал царю по поводу обыска: слышим, что все это делается для того, чтобы отобрать твои грамоты, в которых ты писал нас великим государем, не по нашей воле,

а по своему изволению; не знаю, откуда взялось это название? Но думаю, что от тебя: ты писал так во всех своих грамотах, и тебе так писано в отписках из всех полков, во всяких делах, и невозможно это исправить. Да истребится злое мое и горделивое проклятое название, хотя я и не по своей воле получил его; надеюсь на Господа, что нигде не найдется моего хотения и веления на это, разве ложно сочинят; ради этих ложных сочинений я много пострадал и страдаю Господа ради от лжебратии: что сказано мною со смирением, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими ложными словами возвеличен твой гнев на меня; истязуют от меня то, чего не хотел, не искал – называться великим государем, перед всеми людьми укорен и поруган понапрасну; думаю и ты помнишь, что и в святой литургии слыхал по нашему указу кликали великим господином, а не великим государем... Молю, перестань Господа ради понапрасну гневаться; я больше всех людей оболган тобой, поношен и укорен неправдою (XI, 257). В 1659 году певчий дьяк Иван Тверитинов и Савва Семенов допрашивались за посещение Патриарха вопреки указу. (XI, 297). Когда приехал в Воскресенский монастырь дьяк Дементий Башмаков, Никон ему сказал, что его забывают, не считают Патриархом. «Между властями много моих ставленников, они обязаны меня почитать, они давали мне письмо за своими руками, что будут меня почитать и слушаться. Я оставил святительский престол своей волей. Московским не зовусь и никогда зваться не буду, но Патриаршества не оставлял и благодать Святого Духа от меня не отнята» (XI, 258). Эти притязания Никона смутили царя, должны были смутить многих, даже и не врагов Никона: теперь нельзя было приступить к избранию нового Патриарха, не решивши вопроса, в каком отношении будет находиться новый Патриарх к старому? Притязания Никона явно показывали, что он хочет сохранить первенствующее положение. Крутицкий Митрополит, который вследствие его удаления принял управление делами Патриаршества, счел себя в праве заменить Патриарха и в известной церемонии в Вербное Воскресенье, когда Патриарх ездил на осляти,

представляя Христа, вступающего в Иерусалим. Никон, узнавши об этом, написал такое письмо государю: «Некто дерзнул седалище Великого Архиерея всея Руси облюбодействовать в неделю Ваий, деяние действовать. Я пишу это не сам собой, и не желая возвращения к любоначалию и к власти, как пес к своей блевотине. Если хотите избрать Патриарха благозаконно, праведно и Божественно, да призовется наше смирение с благоволением честно. Да начнется избрание соборно, да сотворится благочестиво, как дело божественное; и кого божественная благодать изберет на великое архиерейство, того мы благословим и передадим божественную благодать, как сами ее приняли; как от света возсиевает свет, так и от содержащего божественную благодать приидет он на новоизбранного через рукоположение, и в первом не умалится, как свеча, зажигая многие другие свечи, не умаляется в своем свете» (XI, 259). Когда у Никона были 1 апреля 1659 г. от царя думный дворянин Прокофий Елеазаров и думный дьяк Алмаз Иванов и говорили, что он отказался от Патриаршества и потому ему не следует вмешиваться в церковные дела, это Никон опять повторил, что он святительский престол оставил своей волей, никем не гоним, имени Патриарха не отрицал, только не хочет называться Московским, о возвращении на патриарший престол и в мыслях у него нет. Когда же Елеазаров продолжал, чтобы он больше о церковных делах великому государю не писал, ибо оставил Патриаршество, то Никон сказал: «В прежних давних летах благочестивые цари греческие об исправлении духовных дел и пустынников возвещали; я своей волей оставил паству, а попечения об истине не оставил, и вперед об исправлении духовных дел молчать не стану» (XI, 260).

Критика Соловьевского изображения ухода Патриарха Никона из Москвы и его объяснения этого события.

В этом рассказе Соловьева, несмотря на то, что его мнение о Никоновском уходе стало господствующим, много неверного, и источники его ошибок, после исследования

ухода Никона Гюббенетом, Николаевским и Пальмером, совершенно обнаружены. Если фактическая сторона события изложена не верно, то для объяснений фактов сделано худшее, приведено совершенно априорно составленное мнение, основанное на показаниях Никоновских врагов. Сам Соловьев указал на свои источники: это были официальные акты Собора 1660 г. и история осуждения Патриарха Никона» Паисия Лигарида. Соловьев поверил относительно обстоятельств ухода Никона свидетельским показаниям в том виде, как они даны были на Соборе в 1660 году, а относительно характеристики Никона следовал Лигариду. Достаточно вспомнить о том освещении, в котором становится перед нами личность Лигарида после исследований Пирлинга, Каптерева, Пальмера, чтобы понять всю тенденциозность сочинения Лигарида, рассчитанного на грубую лесть Московскому правительству, Лигарида, добившегося осуждения Никона ради возвеличения собственного своего положения при дворе. Посвящая обстоятельствам ухода Никона в своей истории всего около 2 страниц (III, 41-43), Лигарид не приводит даже речи Никона 10 июля 1658 г. после обедни перед уходом, а просто пишет: «And so after that his stale and rotten and tong harangue he attempted of his own will to divest himself of his patriarchal power imprecating on himself the greatest curses, if he should ever again return to his chair, or take the title of patriarch, or allow himself to be called patriarch by others.»[39] «И, говоря так, Никон поступал по своим словам. Ибо, снимая свои епископские одежды одну за другой, он беря каждую говорил: «я более не Патриарх», так что он сам себя низложил». Затем, говоря об удивлении царя при известии о происшедшем в соборе, Лигарид говорит, что царь послал первого боярина Ал. Ник. Трубецкого во главе других послов, чтобы попытаться

[39] «Так после этой черствой, гадкой и длинной речи он хотел своевольно снять с себя свой Патриарший сан, призывая на себя самого величайшие проклятия, если он когда-либо пожелает снова вернуться на свою кафедру, или если примет титул Патриарха, или если другим позволит называть себя Патриархом».

установить доброе согласие с Никоном, с просьбой вернуться на Патриаршество и не налагать позора на Церковь и на государство, не делать из них объекта насмешки со стороны всей поднебесной из-за единственного мотива своей страсти. Но Никон вознесся еще более, возгордясь, потерял себя и, ни во что ставя посылку этого боярина и не обнаруживая никакого уважения или добрых чувств, отверг дружбу, ожидая, по-видимому, что могущественный царь после присылки других придет сам умолять его. Царь бы и сделал это, пишет Лигарид, если бы мог думать, что этим достигнет цели. Но зная неумолимое и непоколебимое упорство Никона, что он надмился до высшей точки гордости, он допустил ему на время уйти в надежде исцелить впоследствии преждевременную скорбь Никона. После этого посылалось не мало посольств, посредников, просьб, писем, но все ни к чему; единственный результат был тот, что он стал возноситься перед ними и, обращаясь с ними все более и более гордо сражаясь и неистовствуя против них, он вознес высоко свою выю, подобно горячей и неукротимой лошади, заявляя, что он не хотел Патриаршества, в то время как в действительности он алкал его подобно оленю». Вот, источник, откуда явилось мнение о неимоверной гордости Никона, мнение, которое призвано было у Соловьева, а вслед за ним у Каптерева, освещать и самый уход Никона и все позднейшие переговоры его с царем, которые мы цитировали, при чем основой всей последующей деятельности Никона от 1658 г. до его осуждения являлось будто бы намерение его захватить опять патриарший престол. Для Соловьева явилось загадкой первоначальное заявление Никона послам царя о готовности допустить другого Патриарха и его благословение Митрополиту Питириму на местоблюстительство, и затем последующие заявления в апреле и мае 1659 г. о том, что благодать Святого Духа с ним, с Никоном, что он от Патриаршества не отрекался и только не называет себя больше Патриархом Московским. Соловьев полагает, что Никон увидел, что ему возврата в Патриархи нет, и в нем поднялись де искушения

власти и роскоши, к которым он де привык и потому он стал придумывать свои права и отрицать факт своего отречения от Патриаршества. Причем сам Соловьев доверяет показанию Митрополита Питирима и исходит из того факта, что Никон сказал на себя проклятие, если помыслит быть Патриархом. Мы же не видим никакого противоречия между словами Никона в июле 1658 г. князю Трубецкому о готовности допустить другого Патриарха и о благословении на местоблюстительство Митрополиту Питириму с одной стороны, и его заявлением в апреле 1659 г. Прокофию Елеазарову и дьяку Алмазу Иванову о порицании им Митрополита Питирима за действо в неделю Ваий и напоминанием о том, что он Патриарх, с другой стороны. Для объяснения этого не нужно привлекать Лигаридовские бездоказательные утверждения о гордости Никона и о якобы стремлении Никона придумать способы попасть снова на патриарший престол. Дело в том, что в июле 1658 года Никон дал благословение Питириму на местоблюстительство, но это местоблюстительство при жизни самого Патриарха предполагало, что Питирим будет поминать Никона, как Патриарха, и будет признавать его авторитет по прежнему, ибо Никон, как увидим, лишь оставил на время осуществление своих патриарших прав, удаляясь из Москвы ради непокорного народа, а не отрекался от престола. Он мог заявлять и о принципиальной готовности допустить другого Патриарха, не входя еще в переговоры об условиях посвящения другого Патриарха. Соловьев и Каптерев упускают из вида один чрезвычайно важный момент: что обстоятельства круто переменились, и весь канонический статус сделался другим, когда Митрополит Питирим по приказу царя перестал поминать Патриарха Никона и, сделавшись слугой царя, перестал вообще считаться с Никоном, как будто его, как Патриарха, вовсе и не существовало. Это было со стороны Питирима захватом патриаршего престола через светскую власть и несоблюдением канонической присяги, даваемой Архиереями в послушании Патриарху при своем

посвящении. А когда Митрополит Питирим совершил действие шествия на осляти – то это было совершением священнодействия, которое в глазах Никона мог совершать только Патриарх; а местоблюститель Патриарха не имеет права занимать положение самого Патриарха при священнодействии, что признавал и сам Питирим, говоривший в свое оправдание на суде в декабре 1666 г. о том, что он никогда не становился на патриаршее место. Итак, произошло каноническое прелюбодеяние – захват через светскую власть патриаршего престола. Никон и напомнил о своих правах, как Патриарха. Когда зашла речь о замещении престола другим Патриархом, и Собор 1660 г. послал к Никону просить его дать на это благословение, Никон в этом отказал и сказал, что такое действие, как избрание и постановление другого Патриарха, без его участия недопустимо. Приведенное Соловьевым письмо об этом Никона к царю, как доказал Гюббенет, Соловьевым ошибочно отнесено к моменту посещения его Башмаковым в мае 1659 г., а на самом деле относится к марту 1660 г., когда Собор просил у Никона благословения на избрание нового Патриарха; Никон был осведомлен своими друзьями, что его подвергли заочному, следовательно неканоническому суду, ибо его туда и не приглашали, и, если бы он дал такое разрешение, он был бы повинен перед Церковью в небрежении к обереганию прав своего сана.

Фактическая сторона ухода Патриарха Никона изложена Соловьевым неверно. О свидетельских показаниях 1660 г.

Далее Соловьев исходит из предположения об отречении Никона от престола и о его собственном заклятии на возвращение его на престол, основываясь на свидетельских показаниях 1660 г. об обстоятельствах ухода Никона. Проф. Николаевский однако доказал, что эти свидетельские показания весьма подозрительны и требуют проверки; не все так происходило, как сообщали свидетели через полтора года после ухода Никона, на Соборе, специально

стремившемся доказать добровольный уход Никона, не вызванный будто бы ничем со стороны правительства и царя. Оказывается, что вышеописанная сцена ухода у Соловьева слишком неполна, при чем в ней умолчано все происшедшее, объяснявшее действительные причины ухода. В ней умолчано самое главное: поучение Никона после прочтенной беседы Златоуста и его определенное всенародное заявление о причинах его ухода; Никону приписывается по ложному показанию Питирима заклятие не возвращаться, которого не было в ней, со слов Трубецкого сообщается о разговоре Никона с ним в Успенском соборе, когда Трубецкой после обедни был послан царем к Никону, при чем опять умолчано самое главное – заявление Никона о причине его ухода. Свидетельские показания всех лиц потребовали проверки, как в отношении того, когда Никон говорил поучение, и что он говорил по поводу своего ухода; исследования проф. Николаевского подтвердили истину слов Никона на суде, что он не отрекался, не клялся больше Патриархом не быть, и что Митрополит Питирим просто налгал, приписывая Никону слова о клятве не быть Патриархом, которых он не говорил в действительности.

Гюббенет дополнил цитируемую Соловьевым часть поучения такими многозначительными словами, которые и являются центральной частью поучения: «Свидетельствую перед Богом, перед Святой Богородицей и всеми Святыми, если бы Великий Государь Царь не обещался непременно хранить Святое Евангелие и заповеди Святых Апостолов и Святых Отцов, то я и не помыслил бы принять таковой сан; но великий государь дал обещание здесь в храме перед Господом Богом, перед Святым чудотворным образом Пресвятой Богородицы и перед всеми Святыми, перед всем Священным Собором, перед своим царским синклитом и всеми людьми, и поскольку Царское Величество пребывал в своем обещании, повинуясь Св. Церкви, мы терпели, теперь же, когда великий государь изменил своему обещанию и на меня гнев положил неправедно, яко же весть Господь, оставляю я место сие и град сей и отхожу отсюда, дая место

гневу». Здесь совершенно ясно указана причина ухода Никона – измена царя своей клятве – не мешать каноническому управлению Церковью. Гнев царя делал Никона бессильным в борьбе с боярством, захватившим церковное управление, а проявление царского гнева в виде неприхода в Церковь на церемонии, на которых он участвовал по своему царскому чину, показывало Никону, что он лишается этой поддержки, особенно, когда этот неприход был объяснен посланным от царя Ромодановским, сообщившим о гневе царя будто за то, что Никон титулуется Великим Государем. Никон заявил, что этот титул дан царем, как показывают царские грамоты. Одно было ясно, что Никон мог не уходить, только подчиняясь новым условиям патриаршествования – при отсутствии царской поддержки против бояр, и при допущении такого вмешательства светской власти в церковное управление, при устранении которого он только и соглашался в 1652 г. – быть Патриархом. У Соловьева пропущена главная часть разговора Никона с Трубецким в соборе 10.VII 1658 г.; именно Соловьев говорит (XI, 252), что Трубецкой сказал Никону; «Живи, не оставляй престола. Великий Государь наш рад тебе и жалует тебя» и переходит прямо к просьбе Никона передать царю письмо. Но при этом пропустил нечто, что более пространно рассказано проф. Николаевским. Никон сказал: «Даю место гневу Царского Величества, что бояре церковного синклита и всякие люди без правды творят многие обиды церковному чину, а царское величество не дает на них сыску и управы; а о чем мы пожалимся, и он гневается на нас». Боярам эта речь не могла нравиться; они тотчас вступились за свою честь и стали обвинять Патриарха перед народом: «ты сам назвался Великим Государем, вступаешься во многие государственные дела; и тебе бы впредь великим не называться и в государственные дела не вступаться». Никон сказал: «Самовольно мы так не назывались и в государственные дела не вступались, а что кому говорили о неправде и бедных от напасти избавляли, так мы архиереи на то и поставляемся.

После этого Никон передал письмо царю, где было написано: «Се вижу на мя гнев твой умножен без правды и того ради; и соборов святых в святых Церквах лишаешись; аз же пришлец есмь на земли; се ныне, понимая заповедь Божию, даю место гневу, отхожу от места и града сего, и ты имаши ответ перед Господом Богом о всем дати». Это письмо Никона было послано еще во время литургии с дьяком Иовом и было возращено ему обратно. Царь не принял письма и тогда, когда его передал ему Трубецкой. Соловьев показывает об уходе Никона по версии Трубецкого, Митрополита Питирима, но эта версия не сходится с показанием самого Никона, сделанным в письме к царю, также во всенародном заявлении 10.VII 1658 г. и после много раз в письмах к царю и на суде. Объяснение этому укрывательству письма дает Проф. Николаевский: «Это открытое заявление Никона о царском на него гневе более всего не нравилось правительству. Из-за этого и письмо к царю не было принято последним; из-за этого и церковные власти в своих сказках старались обходить это показание Патриарха и оставили в них явные пробелы. Для правительства и бояр нужно было показать, что Никон удалился добровольно своей волей, и без всякой видимой причины, без всякого повода со стороны государя. Поэтому, князь Трубецкой в своей сказке не дает подробного сообщения о своих переговорах с Патриархом в соборе, не ставит всех, сделанных им вопросов Патриарху, о которых церковные власти говорят единогласно в своих сказках, переставляет порядок своих вопросов, переделывает ответы на них Патриарха, неверно сообщает, будто бы Патриарх говорил, что Патриаршество оставляет собой, а не от чьего-либо и не от какого гонения, и государева де гневу никакого на него не было. Такое показание Трубецкого, данное им 15.II 1660 г., весьма стеснило других лиц при допросах; в сказках лиц, допрашиваемых после 15.II, нет уже не только подробных показаний, но и простых упоминаний о присылке князя Трубецкого в собор и переговорах его с Патриархом. Только в одной сказке Хутынского

архимандрита Тихона говорится о двукратной присылке князя Трубецкого в собор, но архимандрит Тихон отказался сообщить о том, что говорилось князем Патриарху, «а что говорил и те речи он боярин князь Алексей Никитич в своей сказке написал». Значит, содержание сказки Трубецкого, данной в Москве, через 2 недели было уже хорошо известно архимандриту в Новгороде, и Тихон мог свободно на нее ссылаться. Если так обстояло дело с показаниями относительно объяснения с Никоном князя Трубецкого, который умолчал о том, что неприятно было правительству, то так же дело обстояло и относительно самой речи Никона, в которую было внесено через полтора года то, чего Никон не говорил, и что из присутствовавшего сонма духовных лиц утверждал только Митрополит Питирим и священник Феодор Третьяков и Хутынский архимандрит Тихон, тогда как в сослужении с Никоном в этот день был еще Сербский Митрополит Михаил, Архиепископ Тверской Иоасаф, пять архимандритов, три игумена, три протопопа (Успенского, Архангельского и Сретенского соб.), три священника Успенского собора, два соборных дьякона, четыре иподьякона. Сам Никон писал об этом так Патриарху Дионисию: «Питирим по указу Царского Величества собирал о нас множицею соборы и свидетельствовал о нас ложно, что будто мы, отходя из Москвы, проклинали, что нам впредь не быть Патриархом, а мы, отходя, того проклинали, кто после нас ин будет Патриархом, покаместь мы живы есмы». В пятом вопросе – ответе (С. Л.) Никон отрицал и другие слова, приписываемые ему при отречении». «Будто аз говорил недостоин я быть и впредь Патриархом... аз егда отходя от Москвы, говорил не тако, яко же ты глаголиши. Я свидетельствовал перед Богом царский неправедный гнев на меня, и, дая место гневу, свидетельствовал, а не клятвою клялся». В самих свидетельских показаниях явствует разноголосица.

«17 февраля, передает Проф. Николаевский акты собора, слушали сказок. В сказке преосвященного Питирима Митрополита Сарского и Подольского написано: как Никон

Патриарх оставлял Патриаршество и в те поры говорил: анафема де буду аще буду Патриарх; а Михаила Митрополита в сказке тово не написано, что Патриарх себя анафема писал. И Михаил Митрополит сказал, того де я подлинно не слыхал. Тверской Архиепископ Иоасаф в сказке написал: говорил де Патриарх с клятвою не быти ему Патриархом; а, как клялся, того не написал. И преосвященный собор допрашивал, а Архиерей Иоасаф сказал: не помнит; тогда же говорил де так: аще возвращуся, и я де аки пес на свою блевотину, а анафемы не помнит. Разбирая сказки других лиц, собор заявляет, что в них анафемы и клятвы Патриарха Никона не написано; лица, давшие такие сказки, снова допрашиваются на соборе, и снова заявляют, что этой клятвы не слыхали... Показание попа Феодора записано в нерешительном тоне: «Да и то де ему помнится, что он (Никон) промолвил и ту речь: «аще де вменюсь вам быти Патриарх, да буду анафема». Показания архимандрита Тихона, явно пристрастного, относятся уже к марту месяцу, когда было известно направление правительственных намерений, передает так слова Никона: «Я впредь не пастырь и не учитель вам ей, ей; отселе да не буду Патриарх, сказал с заклинанием». Рассказ о клятвенном отречении Никона от престола вошел в сборник соборных определений и послужил одним из главных оснований для обвинения Никона и опирается, главным образом, на Митрополита Питирима и не подтверждается показаниями большинства других лиц». Большинство показаний утверждало, что сказано было: отселе не буду вам Патриархом». Многие показания приводили слова в такой редакции: «Не буду зваться Патриархом Московским». Все эти обстоятельства чрезвычайно важны для понимания природы ухода Патриарха Никона, хотел ли он оставить Патриарший Престол и сан Патриарха, или только престол, и если последнее, то навсегда ли, или только на время.

О природе ухода Никона из Москвы в 1658 году.

Из обвинений самого Никона и его последующих за уходом действий мы полагаем, что он от престола и не отрекался, а ушел из-за непокорного народа, и потому ушел не навсегда, а вплоть до того времени, когда представилась бы возможность управлять Церковью на канонических основаниях; этим и объясняются думы Никона в 1662 и 1664 г. о том, не надо ли возвратиться, судя по доходившим до него слухам о настроении царя. Что это именно было так, что Никон рассматривал свой уход, как меру архипастырского воздействия, имеющую заставить царя и бояр опомниться и вспомнить о клятве, удостоверяют как слова Никона, сказанные в разных сочинениях в разное время о том центральном значении, которое он придавал клятве вообще и данной ему в июле 1652 г. в особенности, а также и содержание его речи в июле 1658 г. при уходе. Он читал печатное поучение из беседы Св. Иоанна Златоуста, беседу 29-ю и нравоучение этой беседы об учителях церковных, о том, каков должен быть пастырь и учитель. Эта беседа содержит толкование послания к Римлянам XV, 14-23. Так как правительство при отобрании показаний интересовалось только отречением Никона, то свидетельские показания вообще и не касались содержания ее. Если бы правительство стремилось выяснить действительные намерения Никона, то оно исследовало бы не только то, из чего можно было бы сделать заранее намеченный вывод, но всю совокупность обстоятельств и истинные намерения Никона. Никон и писал поэтому, что «на соборе 1660 г. все делали по царскому указу, как он хотел, допрашиваемых лиц многими пытками стращали, велели сказываться, как ему Государю годно; и всем архиереям своего государства царь жалованье давал для того, чтобы на меня подписались к его годности; все ему Государю годное собрав, написа сказки готовые, посла на собор и овых своей милостью жаловал, иных же страхом, всех и своему государеву хотению принуди (Вопр. 9, 17, 19). Истинные же намерения Никона надо вывести из действительных его слов и действительных

сопутствующих им его действий. Сам Никон в 17 возражении пишет, что мысль об уходе явилась ему накануне 9 июля, когда к нему прислан был Ромодановский в ответ на посылку Никоном царю перед всенощной священника с установленным по церемониалу приглашением царя к утреннему богослужению. Это было уже второе приглашение царю, ибо первое было перед вечерней, во время которой Никон совершал вынос Ковчега со святой ризой и отслужил молебен без царя в виду его отказа придти. На второе приглашение царь и ответил посылкой Ромодановского, который заявил, что «царское величество на Никона гневен, от того к заутрени не велел ждать себя и к литургии». Затем Ромодановский объяснил причины гнева царя, именно за то, что Никон называется «Великий Государь», и заявил от имени царя, что почитать его не будет. Никон увидел, что гнев царя выявляется уже в нарушении исконных обычаев, следовательно, клеветы боярские имеют силу, и он тут же заявил Ромодановскому для передачи царю: «и то говорено, что от немилосердия его государева иду из Москвы вон, и пусть ему государю просторнее без меня, а то на меня гневается, в церковь не ходит» (17 Возр.). Никон так был смущен, что послал ожидавшим его в Крестовой Палате церковным властям заявил, что не будет Патриаршего выхода, так что всенощная прошла без него. Никон решил оставить престол и заявить о причинах народу после литургии на другой день; приближенным он сказал об этом намерении тотчас по уходе Ромодановского, и они его уговаривали не уходить, особенно боярин Зюзин; Никон поколебался сначала, но потом сказал «иду де». Утром он заявил поддьяку о своем предстоящем уходе, послал купить клюку, простую палку, приготовить монашеское платье и простую телегу ехать после службы. Самую службу Никон решил обставить весьма торжественно, велел принести посох Митрополита Петра, велел певчим дьякам быть в лучших стихарях, заявив им, что провожают его последний раз. После торжественного входа в Успенский собор Никон послал за саккосом Митрополита Петра и

омофором для облачения, которое задержалось из-за поисков. Церковь была переполнена. По причащении Никон сел перед престолом и послал письмо царю. Проф. Николаевский делает предположение, что Никон, повторяя в письме сказанное им на словах Ромодановскому о желании уйти из Москвы, мог хотеть удостовериться в истине слов Ромодановского о гневе царя, также непосредственно узнать, как будет царь реагировать на его уход, будет ли просить его остаться или нет, т. е. вспомнит ли о своей клятве и о своих обязанностях к Церкви. Но царь вернул письмо.

Прощальная речь Никона в Успенском соборе 10 июля 1658 г.

Тогда Никон решил объяснить свой уход всенародно. Никон мог думать о воздействии на царя примером своего смирения и уходом предотвратить общественное смущение от уклонения царя от участия в общественном богослужении и от проявления его гнева еще в более резких формах. Во всяком случае прощальная его речь, когда он весь был проникнут мыслью о предстоящем уходе, наилучше вскрывает состояние его духа, его мысли, и именно из нее надо делать выводы о том, что такое был его уход. Восстанавливать эту речь полностью нет возможности, но главные мысли вытекают из того слова Златоуста, чтение которого предшествовало Никоновскому объяснению. (Проф. Каптерев ее совершенно игнорирует). В этом слове говорилось о той любви, которую пастырь должен иметь к своему стаду. Эта любовь есть непременное условие пастырства, и образец ее дали Апостолы Петр, Павел, Моисей, Давид. Потому и Петру Иисус Христос сказал: если любишь Меня, паси овцы Моя. И Моисея Бог поставил вождем народа после того, как он показал усердие к своим единоплеменникам, и Давид взошел на царство, прежде показав любовь к своим соотечественникам. Бог более всего укоряет иудейских учителей за недостаток любви, говоря: оле, пастыри Израилевы, еда пасут пастыри самих себя, не овец ли пасут пастыри? Но они поступили иначе: се млеко

ядите, говорит Бог и волною одеваетеся, и тучное заколаете, а овец Моих не пасете (Иезек. XXXIV, 3). И Христос – образ совершеннейшего пастыря, говорит: пастырь добрый душу свою полагает за овцы (Иоанн . 10, 11). Так поступал и Давид особенно тогда, когда страшный гнев угрожал истреблением целому народу. Видя общую гибель, он восклицал; аз есмь согрешаяй, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? (2 Цар. 24, 17). Потому и при выборе наказания он избрал не голод, не преследования от неприятелей, но смерть, посылаемую от Бога, в той надежде, что она пощадит других, а прежде всех поразит его самого. Когда же этого не случилось, он плакал, и говорил «да будет на мне рука Твоя, а если это недостаточно, и на дому отца моего. Ибо аз есмь пастырь согрешивый. Он говорил как бы так: если бы и они согрешили, я подлежал бы наказанию за то, что не исправлял их; когда же грех был собственно мой, то по всей справедливости мне должно подвергнуться наказанию. И, желая увеличить вину свою, Давид именует себя пастырем. Так он и оставил гнев, так и умолил Бога отменить определение. Таково исповедание праведника: праведный себе сам оглагольник в первословии: такова попечительность и сострадательность совершеннейшего пастыря... Начальнику должно скорбеть более о чужих, чем о собственных несчастьях. Сколько тяжелых трудов приносят пастухи овец, заботясь о бессловесных. А если столько забот бывает о бессловесных, то какое извинение будем иметь мы, когда нам вверены разумные души, а мы спим глубоким сном. Можно ли тут думать об отдыхе? Можно ли искать покоя? На против для этих овец не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысяче смертей. Или вы не знаете цены этого стада? Не для него ли твой Владыка совершил бесчисленные деяния и пролил Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же может быть хуже таких пастырей? Разве ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злей и свирепей Ливийских? Неужели ты не представляешь себе, какую душу должно иметь тому, кто принимает на себя начальство в Церкви?.. Пусть слышат это

не одни пастыри, но и овцы, чтобы сделать пастырей более усердными и побудить их к большей ревности, оказывая им всякое послушание и повиновение и ничего другого. Так заповедал Апостол Павел, говоря: «повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотящи»... Ведь мученик однажды за Христа умер, а пастырь, если он таков, каким должен быть, тысячекратно умирает за стадо, он каждый день может умирать... Попечение о стаде Божием является преимущественным признаком любви к Самому Христу, так как для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенных пастырях, не о мне самом и подобных нам, но о пастыре, если есть такой, в роде Павла, Петра или Моисея. И так будем им подражать, как начальствующие, так и подчиненные». Вот в сокращении слово, прочитанное Никоном.

Толкование речи Никона Пальмером.

В одну из самых ответственных и тревожных минут жизни душе Никона предносился идеал пастыря, берущего на себя вину и грех своей паствы. «Даже если бы Никон ничего больше не прибавил, пишет Пальмер (V стр. I, 2), к этим словам, которые он читал, проливая слезы, то взятые вместе с обстоятельствами времени их произнесения, они говорят об их применении Никоном. Никон наравне с Иоанном Златоустом, и даже более, отверг бы всякую мысль о применении к себе того описания доброго истинного пастыря, которое он читал, и которое применялось к таким пастырям, как Павел, Петр и Моисей. Но как бы мало их смирение ни претендовало на это, ясно, что и Златоуст и Никон имели сами немалую долю той же любви к стаду, того же усердия, на котором они настаивали. Поэтому и Никон, если бы какая смертная чума угрожала его стаду, будет ли это буквальная чума, как в 1654 г. и в 1655 г., или та гораздо худшая нравственная чума несправедливости и безнравственности, народного суеверия или антихристианского государственного верховенства в Церкви, — он был готов, подобно Аврааму и Моисею, подобно Давиду и

Самуилу, вступиться за народ и подвергнуться самому опасности, и принести скорее себя в жертву, чем видеть его в грехе или страдании. (Так он поступил в Новгороде в 1650 г.). И не только это, но даже когда они согрешили и заслужили наказание, уже ниспосланное или надвигающееся, он хотел прежде всего обвинить себя самого, принимая на себя их грех, как свой собственный (в этом смысле он и носил вокруг своего тела тяжелые вереги со времени оставления кафедры до самой смерти. Эти вереги висят над его гробницей под Голгофой в Воскресенском), ибо он во время или достаточно не исправил их и теперь стремился претерпеть наказание вместо них. Он оплакивал, из любви к царю, его духовную апостасию и восстание, как Самуил оплакивал Саула, или как Давид оплакивал смерть своего вероломного сына Авессалома, и желал даже умереть за него; из преданности к народу желал сам, подобно Ионе, быть выброшенным с корабля, если только сможет прекратиться от этого буря и экипаж корабля спастись.

Поучение Златоуста, читанное Никоном 10 июля 1658 года, как ключ к пониманию отдельных выражений его речи, и его объяснение с боярами, присланными в Собор.

Собственная речь Никона не дошла до нас, но отдельные фразы, выражения, которые приводились в свидетельских показаниях, в сопоставлении друг с другом и с поучением Златоуста проливают свет на отдельные мысли Никона и изобличают пристрастие его врагов в выхватывании из контекста его речи отдельных мест, которые без этого контекста получить могут значение, нужное врагам Никона. Так после Златоустовского поучения вполне понятны, как акт самобичевания, слова Никона о том, что он сам грешен, неспособный пастырь, недостойный и священства, что готов идти в уединение и каяться, так и его слова о том, что «я больше вам не пастырь» (это выражение могло быть перетолковано в клятву или проклятие), «Отныне я уже не Московский Патриарх». Слова Никона Трубецкому о своем

недостоинстве и покаянии понятны не в отрывке, а именно в свете прочитанного поучения, где добрый пастырь сам себя винит в грехах народа; объясняются и другие показания, где Никон обвиняет себя в том, что он не исправил нуждавшихся в исправлении, т. е. прежде всего царя и окружавших его бояр. Когда Никона на соборе упрекали, что он сказал: «Я более не буду Патриархом, а если захочу быть, то да буду анафема», то Никон возражал: «Я этого не говорил. Я говорил: из-за недостоинства своего ухожу. Что Никон открыто говорил о неправедном царском на него гневе, и что это было причиной его ухода – дать место гневу, об этом свидетельские показания не говорят; об этом утверждал сам Никон, но косвенно это подтверждается словами Лигарида, который, будучи орудием бояр, является наилучшим свидетелем, когда он подтверждает Никона. Он пишет, что «Никон после литургии стоял среди Церкви и начал изрыгать публично безумные слова, которые он обязан был не произносить, если бы возможно было для него молчать. Он показал полное невнимание к стиху: «Сдержи свой гнев, чтобы не потерять свою голову». Эти слова Лигарида указывают на распрю Никона с царем и боярами, и на слова, против них сказанные, т. е. на неподчинение ему. Когда Трубецкой приписывал Никону слова, что на него не было от царя гнева, то он просто лгал. В духе Никоновских врагов приписываются Никону слова: «Я пил молоко, волною одевался и тучное закалывал, а овец не пас»; но источник этих слов ясен: они не были Никоновским признанием против себя, но были прочитаны им в их оригинале, как цитата из пророка Иезекииля, но были приняты за его слова о себе. Говорить ему это о себе было просто бессмыслицей; ибо его личная жизнь была жизнью аскета, и он любил эту жизнь. Любовь к внешнему благолепию церковных церемоний – ради религии; какие бы земли или деньги ни становились его собственностью, он ничего не тратил на мирские вещи, а все отдавал Богу, как и сам говорил.

Никон не отрекался от патриаршества.

Никон сам никогда не говорил об отречении от патриаршества, а только об уходе. Он отрицал даже, чтобы когда-либо произносил слово «отречение или отказ», и он всегда, по признанию самих его врагов, всегда твердо и энергично отрицал, чтобы он заявлял с «клятвой или без клятвы» о том, что никогда не вернется назад. Слова же: «я более вам не пастырь», «я более не Московский Патриарх» могли быть обращены против него его врагами в смысле ином, чем он сам их говорил и понимал, и который они имеют в своем контексте. Патриарх Нектарий Иерусалимский так и понимал, что Никон ушел от непокорного народа, несмотря на получение информации об уходе Никона только от Никоновских же врагов. Когда самого Никона спрашивали: «разве ты не отрекался?» Он отвечал: «Отрекался в моем особом смысле». Когда настаивали, что он подписывался царю: «бывший Патриарх», то он отвечал: «Пусть для царя я и тогда, как теперь, не Патриарх». Если вопрошатели кричали: «и для нас также ты не Патриарх», то это восклицание только доказывает, что они примкнули к царю и боярам и соединились в клике в ответ на Никоновское отрицание: «Он отказался. Ловим его на слове; слишком поздно ему поворачивать обратно». Так Пальмер доказывает, что никакого Никоновского отречения не было, а было только удаление от активного управления епархией. Это толкование вполне уясняет все последующее поведение Никона: и его возмущение, что Митрополит Питирим захватил по царскому указу управление церковью, и позднейшие попытки Никона вернуться на кафедру при слухе о перемене в умонастроении царя, и его переговоры об условиях отречения от кафедры в январе 1665 г., и его появление на суде 1666 в преднесении креста, как перед Патриархом. Мало того, самый Собор 1660 г., созванный в отсутствие Никона для суда об его уходе с целью доказать наличность беспричинного оставления им кафедры и низложить его с кафедры и из сана, является по существу не

судом, стремящимся уяснить правду, а одной из многочисленных попыток отделаться от Никона. В 1658 г. вырвали отдельные слова из речи, чтобы приписать ему отречение, в 1659 г. хотели сослать его в Калязинский монастырь, в 1660 г. пытались отравить его через монаха Феодосия, в 1661-1663 обвинить его в убийстве служащего Ивана Сытина и самочинном захвате Боборыкинской земли и предать суду, в 1665 году хотели добиться от него письменного отречения от престола и, при безуспешности этих попыток, наконец – составили пародию на суд Вселенских Патриархов, искусственно обставленную для заранее намеченного исхода (История всех этих попыток за время 1658-1666 гг. нам дает сочинение Гюббенета).

Дополнительная характеристика свидетельств на Соборе 1660 года.

Для характеристики вообще свидетельств об уходе Никона, собранных перед Собором 1660 года, являются интересными показания о том, когда он ушел, до отпуста ли литургии или по совершении отпуста, а также заявления, подхваченные Лигаридом о снимании Никоном одежды. На последнее сам Никон ответил, что после литургии все разоблачаются, а ушел он, взяв епископские одежды.

Что же касается того, в какой момент он стал снимать епископские одежды, то проф. Николаевский исследовал показания, и вот его заключения. О том, что Никон ушел «не отпустя обедни» показали первыми Митрополит Питирим и Архиепископ Иоасаф. Сербский Митрополит Михаил 14 февраля показал, что Патриарх чел поучение после литургии и после отпуста. На Соборе Митрополит Михаил, когда ему указали на несходство с показанием Митрополита Питирима, смягчил свое показание «того де он подлинно не упомнит», в Собор же был внесен заключительный доклад, что в сказке Митрополита Михаила написано подобно той же Митрополита Питирима сказке. Три архимандрита прямо сказали, что Патриарх чел поучение и разоблачался после литургии, а один прибавил, что Патриарх после письма

совершил отпуст и чел поучение народу и, прочтя поучение, начал с себя платье скидывать. Когда архимандритам на Соборе указали на противоречия с Митрополитом Питиримом, они сослались на запамятование. Митрополиту Питириму вторил только Хутынский архимандрит Тихон, показывавший уже в марте под влиянием правительственного взгляда. В сказках 14 февраля протопопов не говорится об уходе без отпуста, а только на Соборе. После 17 февраля, когда мнения членов Собора стали известными, большинство все же показало, что он ушел после полного окончания службы. Так показания Митрополита Питирима остались главным основанием для обвинения Никона в уходе из собора до окончания службы, хотя не подтвердились целой массой других показаний, показания же, данные после 17 февраля, под влиянием правительственного мнения, или противоречат первоначальным показаниям тех же лиц или сопровождаются сомнением относительно памяти.

Все это вместе взятое и приводит к мнению о недоказанности и несправедливости мнения об уходе Никона без отпуста, особенно, если принять во внимание: что 1) служба 10 июля была особенно торжественная, и после литургии Риза Господня подлежала отнесению в прежнее место. Если бы Никон не исполнил этого по чину, то его непременно бы обвинили в нарушении этого обряда, но об этом никто не говорил. 2) Никон был слишком строг в исполнении чина и не мог не сделать отпуста. Если бы он забыл, ему бы напомнили тут же. 3) Многие свидетели говорили, что они не слыхали речи и отречения, ибо разоблачались в алтаре, а, раз они сами разоблачались, значит служба уже кончилась. Вот эта совершенная доказанность факта, противоположного показаниям Митрополита Питирима – показания которого играли главную роль, является характерным для всего способа собирания и оценки свидетельских показаний и опорачивает и всю основательность суждения Собора 1660 г. о факте ухода Никона.

Уход Никона – протест против нарушения царем клятвы и мера архипастырского воздействия.

Обвиняют Никона в уходе. Можно поставить другой вопрос: мог ли Никон не уйти? Он про себя говорил, что и он давал при поставлении клятвенное обещание соблюдать каноны; когда же преграда, сдерживавшая боярское своеволие в виде поддержки царя, пала, и клятва царя перестала соблюдаться, что мог сделать Никон? Или своим участием санкционировать нарушение канонов, которым ознаменовался новый курс правительства, когда бояре сумели поссорить царя с Никоном, или протестовать на весь мир. Если мы посмотрим, какое значение придавал Никон клятве и ее соблюдению, то мы увидим, что он и не мог сделать иначе, как протестовать и уклониться от участия в правонарушении. Вопрос о нарушении царем клятвы имеет центральное значение в уходе Никона; длительный гнев царя, выразившийся наконец в непосещении службы, был лишь второй причиной, которая показывала, что Никон лишен возможности повернуть царя на прежний путь – соблюдение канонов в смысле по крайней мере непроведения постановлений Уложения, противных канонов, в жизнь. При гневе царя, что можно было ждать дальше от бояр, которые держали в руках государственное управление во всех областях жизни, в том числе и в той, которая соприкасалась с Церковью, особенно от Монастырского Приказа, во главе которого был Одоевский, главный автор Уложения, принадлежавший к тем слоям боярства, которые навлекли на себя хищением казны и неправосудием злобу народа, разграбившего его дом в бунт 1648 г. Царь был примером для бояр, и, если он не переменится, то Никону нечего было ждать улучшений в отношении к Церкви и ее предстоятелю Патриарху, а напоминания о клятве были безрезультатны (I, 289). «Царь сам не уважает своего обета, и все люди, смотря на его пример, делают также, как Бог свидетельствует (Мф. X, 24): ученик не выше учителя и слуга не выше господина своего».

Никон пишет в «Раззорении» (I, 104): «Я ушел не без ведома царя; царь знал, что я уходил из за его гнева против меня, начавшегося без благословенной причины. Я сказал князю Ромадановскому и Ив. Матюшину, что я ухожу от гнева царя. Царь гневался на меня и не приходил в церковь. Было много сделано обид: Царь начал не соблюдать Божественные заповеди Христа и Св. Апостолов, которые он клялся соблюдать при нашем поставлении на патриаршество. Но он царь, в нарушение канонов, отнял церковный суд и приказал, чтобы мы сами и Епископы, и весь священный чин судились людьми его судов (Монастырский Приказ), как делается это на виду у всех. И о всем этом мы свидетельствовали здесь перед всеми в Церкви. Итак, я не уходил без оповещения. Но другие по принуждению царя назвали мое свидетельствование «отречением». А в другом месте (I, 583): «Царь и бояре обещали внимательно слушать и повиноваться заповедям Христа и канонам Апостолов и Отцов и ничего не замышлять пустой хитростью по преданиям человеческим и по стихиям этого мира. И сначала царь был добр и послушен, и Никон был Патриархом. Но, когда царь изменился к худшему и начал презирать заповеди Божии и каноны и начал не только не слушать Патриарха Никона, но даже говорить ему неподобающие резкие слова, тогда Патриарх Никон, свидетельствуя в той же Церкви, послал с ключарем письмо, собственноручно написанное, и объяснил почему уходит, т. е. чтобы дать место царскому гневу. А он государь, читал ли, нет ли, письмо, но прислал его обратно, и Патриарх Никон, прождав несколько дней в Воскресенском подворье, ушел в монастырь». И еще (I, 21): «Я скажу тебе, Симеон, и всем желающим слышать, что я не просто свидетельствовал перед Богом и Его Святыми Ангелами о моем удалении, как свидетельствовал о моем вступлении в патриаршество, принятое не через слова, а через великую мольбу Царского Величества и всего священного Собора, но, как говорится в псалмах, я говорил о Твоих свидетельствах перед царем царями и не постыдился, так и мы говорили, не стыдясь в

Святой Церкви, свидетельствуя перед Богом и Матерью Божией и Святыми Ангелами и всеми Его Святыми что, если бы Великий Государь царь не обещал перед Богом и Матерью Божиею соблюдать заповеди Святого Евангелия, Святых Апостолов и Святых Отцов, то я бы не помыслил принять такой сан. Но Бог ведает, как великий государь царь дал свой обет в Св. Церкви перед Господом Богом и всечестным и животворящим образом всесвятейшей Пречистой и Преблагословенной Девой Матерью Божией и Приснодевой Марией и перед Св. Ангелами и перед всеми Святыми и перед освященным Собором и перед его царским синклитом и перед всем народом. И пока он, Великий Государь царь, сколько мог, держался своего обета, повинуясь Св. Церкви, мы хранили терпение. Но, когда он нарушил свой обет окончательно и стал на нас неправедно гневаться, как Господу Богу известно, тогда мы, помня свое собственное обещание соблюдать заповеди Божии, данное при поставлении в Патриархи собственноручной подписью, 10.VII 1658 г. войдя в Св. Церковь в годовщину принесения в Москву святой Ризы нашего Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа, и окончив Св. литургию засвидетельствовали перед Богом... беспричинный гнев царя и ушли, помня Божественные заповеди (Мф. 10, 22): «Когда же будут вас гнать в одном городе, бегите в другой, ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». И выйдя из города, помня заповеди Божии: «Когда не принимают вас и не слушают вас, уходите из дома того, стряхайте прах от ног своих», мы отряхали прах от ног своих и поселились в пустыне. Он обвиняет меня, что я поступил вопреки воле Божией не по благословной причине. Где же здесь отречение?»

Если в наш материалистический век многим непонятно, что Никон мог употребить такую меру архипастырского воздействия из-за нарушения клятвы, то мы, чтобы лучше понять значение нарушения клятвы в глазах верующего христианства, напомним то значение клятвы, которое с нею связывалось не только в мире христианском, но и в мире

религиозном языческом. Об этом упоминает Philips (De droit éccles II, 270) со ссылкой на памятник древней Исландской литературы Edda: «Le serment faisait done aussi chez les paiens un caractère essentiellement religieux et la conviction profondément gravée dans leurs coeurs de la saintété, de son inviolabilité est une nouvelle preuve de la conscience à demi éclairée que le paganisme avait de la sublime et redoutable grandeur de la Divinité. Ouand la foi du serment cesse d’être gardée dans une nation, c’est un symptôme infaillible de son entière dissolution morale; aussi I'Edda signale-t-elle la violation du serment comme le héraut qui annonce l'incendie du monde, la ruine du monde par le feu»[40].

Ответ Никона Лигариду на обвинение его в гордости по поводу его ухода.

Никон сам ответил и на обвинение Лигарида в гордости (1, 281): «Ты, ответотворче, говоришь, что Бог поставил одних Апостолами, иных Пророками; Он не дал всех даров одному, чтобы человек не возгордился и не исключил себя от Его благодати. Посмотри же, лицемер, уставы Апостола, как он перечисляет отдельные дары и как он говорит: «в каком чине человек призван, в том пусть и живет». Как же царь, оставляя свой царский образец, захватывает священство? Ты сам цитируешь пророка Иезекииля 28, 17-19: «От красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребил ум свой по тщеславию твоему; за то повергну тебя на землю и выставлю тебя перед царями на позорище... Ты обратишься в ничтожество, и не будет тебя во веки». Но как можешь ты применять это к нам, когда мы ушли от зла согласно Божией

[40] Присяга и у язычников имела характер существенно религиозный, и убеждение, глубоко запечатленное в их сердцах о ее святости и неприкосновенности, есть новое доказательство сознания наполовину просветительного, которое имело язычество о высшем и страшном величии Божества. Когда вера в присягу перестает сохраняться среди нации, это — непреложный симптом ее полного нравственного распада; также Эдда считает, что нарушение присяги является герольдом, который возвещает «пожар мира, его разрушение огнем».

заповеди и всех Святых. Посмотри же, человекоугодниче, чье сердце надмилось? Разве не у того, кто присвоил себе священство и власть чужую, подобно другому Озии? Если ты говоришь о нашем уходе, я готов перестрадать ради Христа всякое зло, но по закону, как Апостол пишет, или как говорит о Св. Василии Великом Божественный Григорий: В отношении преследования есть руководство Св. Василия, чтобы мы уходили от преследования, а не становились на путь страдания, но скрывались бы, когда нас ищут, и осторожным поведением щадили преследователя, чтобы он не увеличил своего греха преследования. Но когда пришло время, мы должны смело вступать в борьбу. И он говорит, что предоставить себя убивать есть знак гордости и надменности, но, когда пришло время страдать, то нежелание бороться за Христов закон есть признак неразумия». И через три страницы (I, 284) Никон продолжает: «Посмотри, кто же горд, я ли, следующий Божественной заповеди Мф. X, 14? Когда уходили от злобы Христос и Апостолы, это тоже была гордость? Обвиняли уже тогда и Христа и Апостолов и Святых, а не только меня. Обвиняй уж лучше того, кто преступает свои границы и возносится не против нас только, но против Бога и Его законов». И Никон сравнивает стремление царя обвинить его в уходе без причины с Каином, когда он из зависти совершил убийство и вопрошенный Богом, где его брат Авель, ответил: Не знаю, разве я сторож брату моему? Так и теперь царь и вельможа говорят: «Он сам оставил кафедру, никем не гоним» (I, 271).

Центральная идея Никона – борьба с секуляризационным духом времени во всех его проявлениях

Никон говорит, что царь (I, 583) захватил функции епископского сана и церковной власти вопреки Божественным законам и нарушил собственную клятву, данную при посвящении в цари и при поступлении Никона на Патриаршество, что он не будет иначе действовать, чем

подобает православному царю. Вот центральная идея в отношении царя. Царь должен, как царь, своей деятельностью не вторгаться во внутреннюю сферу Церкви, не издавать государственных законов, противных канонам и призван оцерковлять государственное законодательство, приближая его по возможности к духу Церкви. Клятва царя касалась соблюдения канонов Церкви, и нарушение клятвы влечет наказание. Никон, как предстоятель Церкви, считал себя в праве советовать царю заботиться об оцерковлении государственных законов, но что касается охраны самих церковных законов в недрах самой Церкви от государственного засилия, то он считал себя призванным отстаивать их уже не советом, а всей силой церковного авторитета и напоминать о клятве, данной царем и боярами предоставить Патриарху управление Церкви по канонам, и о последствиях ее неисполения. Эту защиту Никон предпринимал по своему первосвятительству, возбуждая вопрос не о борьбе против светской власти, которой он не касался в ее существе, а о границах повиновения ей, согласно словам апостола Петра (Д. V. 29): «Должно повиноваться Богу более, нежели человекам». Борьба Никона была не с государством, как таковым, а с направлением, охватившим правящие сферы и клавшим, через Уложение основание секуляризации государственного законодательства. Он этот дух века хотел остановить клятвой, а потом уходом.

Никон о грехе, как причине всех несчастий, в частности о клятвопреступлении.

Никон говорит в одних местах о клятвопреступниках с точки зрения церковных наказаний, а в других с более широкой точки зрения, что клятвопреступление царя, как грех, вообще лишает самое царство благополучия, и эта идея греха в Никоновском миросозерцании играет центральное значение, и именно с этой точки зрения он объясняет и оценивает события государственной жизни.

Вот что он пишет о самом клятвопреступлении (I, 581): «о клятвопреступниках, т. е. о тех, кто поклялся во лжи или

нарушив клятву, 64 пр. Василия Великого устанавливает 10 лет покаяния. Если человек без всякого принуждения нарушает клятву, то он должен быть среди плачущих два года, три года слушать Божественное Писание, пять лет быть среди substrati (оглашенных), и потом два года стоять с верными и общаться в молитве, а к причастию допускается только через 12 лет. Видишь ли, что нарушители клятвы недостойны даже стоять в Церкви и молиться с верными? Это тебя не беспокоит? Послушай Христа: «Слушающий вас Меня слушает». А 83 пр. Василия Великого говорит: «кто отверг Христа, тот должен всю жизнь проводить в покаянии. «А Глосса на правило: «кто отверг Христа, должен плакать, как кающийся, всю жизнь, но в час смерти может быть допущен к причастию». Но как ты говоришь: царь выбирает Патриарха, Митрополитов, архимандритов? Он не имеет власти этого делать и ни в чем не сдержал клятвы, данной им Богу. Вследствие этого он не достоин даже ходить в Церковь, но должен проводить всю жизнь в покаянии и только в час смерти может быть допущен к причастию... Златоуст запретил всякому, нарушившему клятву, или только ложно покаявшемуся перед крестом, переступать порог Церкви, хотя бы это был сам царь. Но царь нарушил клятву трижды им данную» (при крещении, при поставлении в цари, перед вступлением Никона в Патриаршество). Никон говорит далее о тех наказаниях, которые ниспосылаются от Бога за нарушение клятвы и цитирует Златоуста. «Вспомни, что получил Анания за ложь. Но если такое ужасное наказание получил только солгавший, то что должны получать клятвопреступники? Если та женщина, которая сказала да столько то навлекла такое великое наказание и не избежала его, то подумайте, какого мучения заслуживают те, которые целуют крест ради клятвы и нарушает свою клятву. Ибо, если нас не постигает наказание, то не будем успокаиваться, ибо это к большему несчастию. Что думаете вы? Как много было со времени Анании и Сапфиры, которые осмелились сделать то же, но не понесли такого наказания? И как это, скажут, они не перетерпели его? Это не потому, что им

прощен их грех, но потому, что им предстоит нечто худшее. Поэтому те, которые часто грешат и не наказываются, еще больше должны бояться; их наказание возрастает через его отсрочку и через долготерпение Божие... Многие клялись и нарушали клятву и, если избегали наказания, не будем успокаиваться, ибо их ждет скрежет зубовный. Возможно, что еще здесь на земле они не избежать наказания, хотя и не тотчас, но наказание их будет еще строже. Подумай об истории Соломона, об истории Иеровоама, Ахава и о других царях, нарушителях клятвы. Хотя они и не тотчас получали наказание и муки по своим грехам, однако, в конце концов они были наказаны еще ужаснее. Почему это так? Бог дает некоторое время, чтобы ты мог очиститься, но, когда ты упорствуешь, Он посылает тебе наказание. Вы видите, как наказаны лжецы. Можете отсюда заключить, как пострадают те, которые клялись и нарушили клятву. Нарушающий клятву не может быть спасен. Один акт клятвопреступления достаточен низвести на нас полную гибель». Так учил Златоуст (I, 532).

Никон писал царю в январе 1663 года (IV, 415): «Вспомни о твоем обещании, данном в Св. Церкви при нашем избрании перед Богом, Св. Богоматерью и всеми Его Святыми, как ты поклялся нам перед всем освященным Собором и твоим синклитом, что ты не будешь вмешиваться в священные дела вопреки Св. Божиим заповедям, канонам Св. Апостолов и Св. Отцов, как ты делаешь это теперь и совершаешь деяния великой несправедливости к нам и слушаешь злых клеветников – врагов Божиих и принимаешь их клятвы за правду и вовлекаешь в грех людей всяких чинов через разговоры, происходящие в Крестовой Палате. Пощадит ли тебя Бог? Ты обещал быть для нас, бедных клириков, покровителем и отмстителем за всякую неправду так, чтобы даже скорее умереть, чем оставить заповедь Его без защиты. И ты не сдержал своего слова. Может статься, что ты изведаешь Божьего гнева раньше времени, ибо много уже есть, которые воюют против тебя. Умоляю тебя, перестань от

гнева, внимай словам, относящимся к тебе: «И будет суд беспощадный для того, кто не показал милосердия».

Та же мысль и в другом месте (I, 387). «Что сделал Господь с преступными царями (Иродом, Нероном)? Он только уничтожил этих нечестивых людей и отдал виноградник другим. Так и потом многие греческие цари и цари других царств, жившие по Божественным заповедям и державшиеся св. канонов, преданных Святыми Апостолами и Св. Отцами, умерли и сделались наследниками небесного царства. А те, которые нечестиво нарушали закон, погибли в своей неправедности, и царства их были опустошены». И далее, с силой древнего пророка Никон переходит к своему времени и пишет: «Разве все это не совершилось с нами, по писанному (Второзак. 32, 34, 35, 41, 42): «Не сокрыто ли что у Меня? Не напечатано ли в хранилищах Моих? У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них. Когда изострю сверкающий меч Мой и рука Моя приимет суд, то отомщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам; упою стрелы Мои кровью и меч Мой насытится кровью. Тогда вы увидите, что Я Господь, и что нет иного кроме Меня. «Не исполнилось все это и над нами? Разве не было чумы в великом граде Москве и в других городах свирепых и неизлечимых болезней (намек на чуму 1654 и 1655 гг.)? Разве не было поражено сердце царево, когда в Москве была чума, а царица с царевичами и царевнами не знала куда бежать? Не были ли князья ввергнуты в гибель, как Михаил Пронский с товарищами, умершие во время чумы в Москве (в сентябре 1654 г.), и не ослабела ли рука кн. Алексея Трубецкого с его товарищами, кн. Симеона Пожарского и кн. Львова и других? И что случилось с другими воеводами, как Василий Шереметев и кн. Иван Хованский, сколь много погибло!» (Никон имел в виду поражение Трубецкого под Конотопом 28.VI. 1659 г. от Выговского, Хованского под Слонимом 18.VI. 1660 г. от Чарнецкого (Соловьев XI, 98); поражение Шереметьева на Волыни и сдачу его 23.X. 1660 г. в плен (Сол. XI, 105). Эти

поражения 1659 и 1660 г.г. лишили всех плодов победы 1654 и 1655 г.г., когда русские войска взяли было уже всю Белоруссию на севере и сражались уже в Галиции на юге... «разве это не был день Господень, полный ярости и гнева? Разве не опустошил Господь Москву и другие города? Разве не послал Он погибель на грешников? Разве ад не расширил свою пасть? Разве не поглотил он знаменитых и мужественных мужей, богатых и бедных такое множество людей, число коих Господь Один ведает? Разве не были все они оставлены псам и свиньям, хищным птицам и диким зверям на пожрание? Кто оплакал их и похоронил? Никто. Разве Бог не предал их погибели по всем царствам земли, так что слышат от всех, что приходят к нам из тех стран, что нет дома в странах неверных, где не было бы христианина раба, т. е. пленника (Шереметев сдался с 100.000 армией в плен татарам).

И все исполнилось против тех, которые говорили: завладеем Святилищем Божиим, чтобы было оно нашим наследием, согласно писаному (Псал. 82, 12-19): «Поступи с ними, с князьями их, как с Оривом и Зивом, и со всеми вождями их, как с Завеем и Салганом, которые говорили: возьмем себе во владение селения Божии». Боже мой! Да будут они, как пыль в вихре, как солома перед ветром. Как огонь сжигает лес, и как пламя опаляет горы, так погони их бурею Твоею и вихрем Твоим приведи их в смятение; исполни лицо их бесчестием, чтобы взыскали имя Твое, Господи. Да постыдятся и смутятся на веки, да посрамятся и погибнут и да познают кто Ты, Которого одно имя – Господь Всевышний над всею землею». А пс. 69, 26-29: «Жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих, ибо кого Ты поразил, они еще преследуют и страдания уязвленных Тобою разглашают... Да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся». Приведя и другие места из Св. Писания, угрожающие наказаниями за грехи людей, Никон заключает: «Так угрожает Божественное Писание тем, которые упорствуют в делании зла» (I, 388, 389).

Неизбежность Никоновского ухода.

Никон не мог по своим убеждениям становиться соучастником в том положении, которое он считал неканоническим; пока оно оставалось в силе, он и не пытался возвращаться на управление патриаршим престолом; без содействия царя он не имел другой реальной силы для опоры, ибо в Архиереях видел только угодничество правительству; когда упрекают Никона за слова, что, если бы он возвратился, то возвратился бы аки пес на свою блевотину, то надо помнить, что под блевотиной он и разумел создавшееся в действительности положение вещей, неприемлемое канонически. Слова его и означали, что при таких условиях он не может быть Патриархом, и впредь до изменения их он не вернется. А на изменение он мог рассчитывать, только поскольку царь держал бы свое клятвенное обещание. Но в подлинный смысл слов Никона его враги не вникали. Они ловили его на словах, выхваченных из контекста, зафиксировали их и на основании этого постановляли свои суждения.

Стремление опорочить Никона в сочинении Лигарида и влияние его сочинений на мнение Соловьева и Каптерева о Никоне и в частности об уходе Никона в 1658 г.

В другом месте мы скажем подробнее о мотивах, побуждавших боярство опорачивать Никона и после его ссылки. А сейчас обратим внимание, что стремление опорочить Никона вызвало к жизни и «Историю Суда над ним», написанную в 1667 году Лигаридом, искавшим первого места в Русской Церкви, и потому нуждавшегося в дальнейшей поддержке бояр и царя. Его суждения отразились и на суждениях о Никоне Соловьева и пошедшего за ним Каптерева. Их сближает всех троих то учение, против которого боролся Никон – тот цезарепапизм, который почему то считается заветом Русской Истории, но который по существу есть лишь языческое наследие древнего Рима, которое прорывалось к жизни в Византии, и в России тогда, когда задачи оцерковления жизни забывались, и

первое место в государстве – царь – само захлестывалось стихиями мира сего. Напротив, мы покажем, что симпатии народа лежали всегда к Никону, и именно его идеи надо признать соответствующими русской народной стихии, той стихии, которая творила Русь Святую. На показаниях врагов Никона по строено и суждение об его уходе исследователем Никона проф. Каптеревым, хотя и признающим несправедливость неправедного суда над Никоном на основании существующих документов, однако, расценивающим его уход, не как архипастырское воздействие, а как средство восстановить свое положение великого государя, которое будто бы было мечтою Никона и проявлением его непомерной гордости. Вот суждения об этой гордости, которые являются исходным пунктом у Каптерева для суждения о всех Никоновских действиях, и есть свидетельство только его врагов, а не результат независимого психологического исследования Никоновской деятельности. В виду этих показаний Каптерев и судьбу Никона объясняет в значительной степени его личным характером, а не совершенно тупым, забравшим силу еще в молодости царя Алексея боярством, погруженным в родовую спесь и местнические счеты. В значительной степени это самое боярство и установило ходячее мнение о Никоне, как о гордом властолюбивом Иерархе, искавшем только мирских почестей. Именно через показание его представителей и получились обвинения Никона в противоречиях при объяснениях его ухода; этих противоречий у Никона не было, но так как время от времени после его ухода появлялись боярские или их слуг показания о Никоне, то, они, будучи принимаемы за действительные слова Никона, и создавали впечатление противоречий самого Никона.

Разъяснение мнимых противоречий Никона о своем уходе, находимых проф. Каптеревым. Суждения Каптерева базируются на показаниях опороченных врагов Никона.

Так Каптерев, описывая речь Никона в Соборе 10.VII 1658 г., приводит слова Никона о своем патриаршем

недостоинстве и заявления, что он впредь Патриархом не будет, но умалчивает о том, что Никон заявлял о царском гневе, о котором «свидетельствовал перед небом и землей и о неисполнении царем клятвы»; приводит далее разговор Трубецкого (I, 397) с Никоном в соборе и вкладывает ему в уста заявление: «Оставил де Патриаршество я собою, а не от чьего и не от какого гонения, государева де гнева мне никакого не бывало». Но это показано только князем Трубецким и веры не заслуживает, как доказано проф. Николаевским, ибо об этом царском гневе Никон только что написал царю в письме, которое писал перед причастием в тот же день и после того неоднократно писал и в письмах, и в показаниях, и в Раззорении. Князь Трубецкой в показании 15 февраля 1660 г. нарочно утаил о заявлении Никона о царском гневе, ибо правительству надо было во что бы то ни стало доказать своеволие и беспричинность Никоновского ухода. Заявление об анафеме Никоном в случае возвращения на кафедру принимается Каптеревым, как факт (I, 398), но это показание – кн. Трубецкого и Митрополита Питирима, и почти всеми остальными показаниями не подтверждается. Каптерев упрекает Никона, что он различно объясняет свой уход, что в письме к царю в декабре 1661 г. он говорит об обиде от царя, выразившейся в неудовлетворении его за побитие посланного, князя Мещерского, а в июле 1662 г. Лигариду пишет, что причиной оставления было то, что царь стал гневаться на Никона, удаляться от него, перестал ходить к его церковным службам, что царь восхитил суд и все церковное управление на себя и ему быть стало не у чего. Каптерев поясняет от себя, что Никон понял, что причиной нельзя выставлять неудовлетворенность за обиду Мещерского, чтобы не показаться мелочным и вздорным человеком, но нам кажется, что здесь никакого противоречия нет, ибо неудовлетворение за обиду со стороны царя и было проявлением его беспричинного гнева, и Никон, объясняя царю свой уход, говорил только об этом, ибо остальное царю было известно и так, а письмо Лигариду в июле 1662 г. было первое обращение к нему со стороны Никона, высказывавшее всю историю отношений с царем человеку,

только что прибывшему в Россию, и потому оно было пространнее. Также Каптерев находит, что совершенно новая причина указана в послании Никона к Константинопольскому Патриарху Дионисию в декабре 1665 года (Каптерев I, 400): «Кроме неправедного гнева царского на него (Никона) указывает новую причину оставления им патриаршей кафедры: что будто бы царский синклит, бояре и весь народ не берегут церковный чин и творят многие беззакония», и когда он, как Архипастырь, указывал царю на это прискорбное обстоятельство, царское величество управы не дает и даже стал гневаться за это на Никона». Здесь опять никакого противоречия нет. Пояснение это в действительности не другое, а только более глубокое: указывается не только на гнев царя, но и на ту атмосферу окружающей царя среды, которая породила гнев на строгого Архипастыря; более глубокое разъяснение вызывалось и тем, что оно было сделано спустя еще несколько лет, когда Никон причины гнева царского еще более проанализировал, – и тем, что он писал тому, кого считал судьей последней инстанции над собой, перед назначенным уже судом на него. Каптерев указывает, что в возражении на пятый вопрос в Раззорении Никон еще откровеннее заявляет, что ушел из-за нарушения клятвы царем повиноваться Святой Церкви (I, 401), но об этом Никон заявил и в речи в соборе 10.VII 1658 г., и в письме к Константинопольскому Патриарху, и заявление о клятве тесно связано с другими заявлениями о выявленном непослушании и вторжении царя в церковную сферу, ибо последние были нарушением самой этой клятвы. Каптерев усматривает заявление еще новых причин в «Раззорении», когда в ответе на 17 вопросов (I, 402) Никон говорит об обидах Вселенской Церкви и неисполнении царем правил Святых Отец в том, что он отнял церковный суд и велел судить священный чин своим людям. Но это все та же причина – несоблюдение клятвы, при котором Никон лишается возможности управлять Церковью по каноническим правилам.

Далее Каптерев указывает, что в письме к царю 21 декабря 1671 г. Никон будто бы совершенно иначе представил дело ухода: «Я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе бил челом, что меня на такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет опять тебе бил челом об отпуске и ты милостивого твоего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитием от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь». Здесь опять нет новой причины, а все та же старая, но говорится о разных обстоятельствах ее проявления. Никон, не желая управлять на тех основах, на которых ставилась Церковь по Уложению, не добился его отмены, но добился только приостановки, а когда стал лишаться поддержки царя с его возвращением в 1656 г. в Москву, то вынужден был ставить вопрос ребром: или бояре должны уступить ему и не вторгаться в церковное управление, или он уйдет; но из этого письма нельзя вывести, как делает Каптерев, «будто Никон, желая во что бы то ни стало оставить патриаршую кафедру и уйти в монастырь, стал нарочно поступать так, своим поведением в конец раздражить царя, вывести его из терпения и тем заставить забыть Никона» (I, 404). Такое объяснение, конечно, неприемлемо должно бы быть и для Каптерева при его стремлении доказать, что Никон стремился только к великому государствованию, питая свое честолюбие; мы полагаем, что письмо это не имеет того смысла, который вкладывает в него Каптерев, а только иллюстрирует характер Никоновской борьбы, ведшей к тому, что Никон все более и более стал сомневаться в возможности управлять Церковью на условиях, приемлемых для его понятий, и стал, по его выражению, досаждать царю просьбой отпустить его, ибо оставаться Патриархом при наличии вторжения бояр в церковное управление, при третировании патриаршего сана, он все равно не мог, особенно, когда отпала последняя поддержка-царь, который начал гневаться: ему оставалось

воздействовать уходом. Но Каптерева не удовлетворяют никакие Никоновские объяснения, в которых, однако, нет никакого противоречия и которые выявляют разное время, разные стороны одной и той же причины, с которой боролся Никон. Это – грех, как преступление против прямой заповеди Божией, когда он выражается в нарушении клятвы, и грех, как преступление против Церкви, когда он выражается во вторжении в ее управление без соответствующих даров благодати. Различались эти стороны в зависимости и от того, с кем Никон объяснялся: Константинопольскому Патриарху надо было объяснить подробно, а царь и сам знал причины ухода Никона.

Показания личных врагов Никона: Александра, Епископа Вятского, Ивана Неронова и Лигарида о характере Никона, воспринятые Каптеревым как истинное объяснение.

Каптерева удовлетворяют некоторые объяснения современников врагов Никона: «Современники дело ухода Никона объясняли гораздо проще, пишет он (I, 404). Вятский Епископ Александр, например, пишет государю: многим мнится, благочестивый государь, яко сего ради кручинен был Никон, что на пир не зван. Не сего ли ради и дерзостно послал стряпчего своего безобразно в царскую твою палату, через волю твою государеву, где ему и быть не годится?» В другом месте тот же Епископ замечает: «Никон ум погубя, оставил престол и никем гоним, гордости ради и гнева оставил власть, многа богатства взем, отъиде». Вот это обвинение в гордости, за неимением других, опровергнутых при жизни Никона, осталось для объяснения потомству; его приводил и цитируемый Соловьевым Неронов, его приводил и Лигарид – передавший свое мнение Соловьеву и Каптереву. На это обвинение в гордости Лигариду отвечал в «Раззорении», как мы уже цитировали, сам Никон (I, 281): «Не ты ли цитировал из Иезекииля гл. XXVIII, 17; «от красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребил ум свой по тщеславию твоему; за то повергну тебя на землю и

выставлю тебя перед царями на позорище: как же можешь ты приложить это к нам, ибо мы удаляемся от зла, согласно заповеди Божией и Его светоча? Посмотри, человекоугодник, чье сердце надмилось? Не у того ли, кто присвоил себе чужое наследие и власть, как другой Озия? Если ты говоришь о нашем уходе, то я готов страдать ради Христа, как и теперь страдаю, но страдать согласно закону, как пишет Апостол или Св. Григорий Богослов и Св. Василий Великий. В отношении преследования есть прямое указание Св. Василия Великого, чтобы мы бежали от преследования и не подвергали себя страданию, но укрывались, когда нас ищут, и осторожным поведением щадили гонителя, чтобы он, преследуя до крови, не увеличивал греха своего гонения. Но, когда пришло время, и мы захвачены, то смело должны бороться. И он говорит, что принести себя в жертву на убиение есть признак гордости и надмения, когда же пришло время пострадать, то уже отступать и не желать бороться за Божии законы есть знак не мученичества, а небрежения».

Личные отношения к Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать их свидетельства о Никоне.

Но кто были Епископ Александр Вятский, протопоп Иван Неронов и Лигарид? Личные враги Никона, и потому суждение их явно пристрастно. Епископ Вятский Александр был посвящен в Коломенские Епископы 3 июля 1655 г. и в декабре 1657 г. был переведен Собором в Вятку, епархию открытую в октябре 1657 года вместо Коломенской, которая была присоединена тем же Собором к патриаршей области (Николаевский, «Патриаршая область и русские епархии в XVIII веке» Хр. Чт. 1888, I). Он был крайне недоволен этим переводом и долго туда не ехал. В 1659 и 1660 г. он исполнял поручения Митрополита Питирима по следствию, следовавшему по доносу попа Никиты на Суздальского Архиепископа Стефана. Он содействовал расколу и в 1663 г. составил петицию против Никона и покаялся только в 1666 г.

Дело об открытии Вятской епархии Собор 1667 г. признал вполне законным, но было постановлено восстановить и закрытую Коломенскую епархию. От Епископа Александра беспристрастного суждения о Никоне ждать нельзя.

Что касается Ивана Неронова, то он был в числе закоренелых врагов Никона, был им сослан в Спасокаменный монастырь 4 августа 1653 г. Неронов, пишет о нем проф. Знаменский (Пр. соб. 1869, I), был одним из первых между людьми, которые стремились подорвать значение Никона посредством обвинений в превышении своей власти и презрении власти царской. Убежав из ссылки в 1656 г., и потом спрятавшись под покровительством царя, Неронов помирился с Церковью, узнав, что не один Никон уже, а Восточные Патриархи одобрили реформу. Никон снял положенное на Неронова проклятие, отнесся благосклонно к его раскаянию, разрешил служить ему по старым служебникам ибо «обои хороши, все де равно по коим хочешь, по тем и служи». Но Неронов не унимался против Никона; в 1658 г. он опять говорил царю, указывая на Никона в алтарь: «смутил он всю русскую землю и твою царскую власть попрал, и уже твоей власти не слыхать; от него всем страх». Царь смутился и отошел на свое место. Когда в 1664 г. Зюзин и Ордын Нащокин возымели надежду примирить царя с Никоном, Неронов нарочно приходил к царю поддержать его раздражение против Никона. Об этом рассказал сам царь Нащокину: «Вот и теперь на Николин день приезжал ко мне чернец Григорий Неронов (он постригся в монахи 25 декабря 1656 г.) с поносными словами всякими на Патриарха, что и слушать нечего, и я тому ничему не поверил, а положил то все на волю Божию». Он всегда оставался в симпатиях к расколу, и Собор 1667 г. говорил о нем, что он «пребыть в истине не постоянен яко же трость, ибо паки и паки поколебался». Он был противником исправления обрядов по греческому образцу и не мог простить перемены в Никоне, когда он стал на путь проведения реформ, и оставил прежние совещания с членами их кружка – ревнителями веры. Он ему говорил

первого июля 1653 г. «прежде сего совет ты имел с протопопом Стефаном и на дом ты к нему часто приезжал и любезно о всяком деле беседовал, когда ты был в игуменах, архимандритах и Митрополитах. А которые богомольцы посланы бывали государем к Иосифу Патриарху, что ему поставити овых в Митрополиты и в Архиепископы и Епископы, и ты с государевым духовником Стефаном был в совете и не прекословил нигде и на поставление их не говорил: анаксиос; тогда у тебя все непорочны были, а ныне у тебя те же люди недостойны стали. И протопоп Стефан за это тебе враг стал, а друзей его раззоряешь, протопопов и попов с женами и детьми разлучаешь. Доселе ты друг нам был, а ныне на нас восстал». У Неронова к личной вражде на Никона присоединилась и идейная. Он не мог простить исправления русских книг по греческим и в 1657 г. говорил: да ты же, Святитель, иноземцев законоположения хвалишь и обычаи их приемлешь, а мы прежде сего у тебя же слыхали, много раз ты говаривал нам, гречане де и малоросы потеряли веру и крепость де и добрых нравов нету у них, покой де и чести их прельстили, и своим де чревам работают, и постоянства в них не объявилось, и благочестия ни мало, а ныне у тебя они и святые люди и законоучители».

Никон же был человек ума подвижного и вечно стремился учиться и исправлять свои ошибки. Он просил их указывать и Макарию Патриарху при богослужении. Он сам про себя писал, что готов вечно учиться. Очевидно от человека столь закоренелой вражды и личной, и идейной, как Неронов, всю жизнь боровшегося с Никоном и от него пострадавшего, беспристрастного отзыва ждать также нельзя. Ради ненависти к Никону Неронов почитал даже грека Лигарида. Никон признавал, что увлечение его греческим было причиной непримиримой вражды к нему со стороны противников его церковной реформы. «От всех уничтожен бех, и кроме истины и сего ради многажды хотеша нас убити..., зане держим вся и наипаче греческие законы и догматы» (Из послания к п. Дионисию). А Аввакум еще более ярко выражал вражду к греческому. Он писал царю:

«Вздохни ка по старому, как при Стефане (духовнике) бывало и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грешного. А кириэлеисон оставь; так эллины говорят, плюнь на них. Ты, ведь, Михайлушка, русак, а не грек. Говори своим природным языком, а не уничижай его и в Церкви и в дому и в пословицах. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам грамоту нашим языком Кириллом Святым и братом его. Чего же еще нам хочется лучше того? Разве языка ангельского.. да нет, ныне не дадут до общего воскресения». Известно, что Никон любил не только греческие одежды, но и исполнение литургии по-гречески. Ругательства Аввакума по адресу Никона не могут, конечно, служить основой для понимания Никона.

О невозможности принимать свидетельства Лигарида о Никоне, в виду стремления Лигарида построить свою карьеру на обвинении Никона.

О беспристрастии Лигарида к Никону не стоит и говорить, ибо он из дела осуждения Никона делал себе карьеру и со времени своего приезда весной 1662 г. до весны 1667 г., когда подвел итог этой борьбы в своей «Истории», нераздельно принадлежал делу охуления Никона. Об обстоятельствах ухода Никона Лигарид на заседании соборном 29 декабря 1662 года, на котором он занимал первое место, и которое разбирало вопрос о направлении дела Никона, объявил, что из всех свидетельских показаний сильнее всех показание князя Трубецкого, ныне покойного, что Патриарха Никона надо почесть отрекшимся самовольно; соборные деяния 1660 г. напрасно говорят о народном прошении к Никону, во время его отшествия, не уходить.

Он сильно побуждал царя в письме 18 мая 1662 г. к скорейшему рассмотрению Никоновского дела, в виду де соблазна от слухов, будто Никон бежал от грозившей опасности тайного убийства. Лигарид с самого начала, не вникая в дело, принял сторону бояр, как более выгодную, ибо и приехал он в Москву для материальной выгоды. Его

история начинается с памфлета на личность Никона. Его свидетельство не может иметь никакого значения для суждения о Никоне, как свидетельство главного представителя и наемного адвоката стороны, поставившей своей целью уничтожить Никона.

Вот характеристика Никона Лигаридом, положенная в основу и Соловьевского и Каптеревского суждения: «Никон до Патриаршества скрывал свой истинный характер и казался добродушным, аскетом, любителем учения греков, и по проповедям напоминал Божественного Григория. Но, когда он достиг своей цели, то сбросил маску и показал свое действительное лицо человека каменного, интригана, честолюбивого, мстительного, гордого, бесчеловечного насильника, незаботливого о стаде, любящего роскошь, удовольствия, домагавшегося царских титулов (III, 38). Эта характеристика и легла в основу для разъяснения всех Никоновских поступков, которые получают совершенно иное освещение, если к ним не подходить с предвзятым мнением о Никоне, а исходить из того, что он был прежде всего аскет и ревнитель исполнения церковных правил и в частной, и в общественной жизни.

О вопросе Каптерева, оставил ли Никон Патриаршество или это было притворство. О мнимых противоречиях в заявлениях Никона.

Каптерев задает вопрос по поводу оставления Никоном Патриаршества: «Действительно ли Никон совсем хотел оставить Патриаршество, или это было только притворством с его стороны, рассчитанным только на то, чтобы побудить этим царя преклониться перед Патриархом и признать его своим опекуном» («Патриарх Никон», 408). Самый вопрос в такой постановке предполагает, что Никон хотел вообще навязать свое регенство царю. Но этого ни откуда не видно: ни разу Никон нигде ни в его слове, дошедшем до нас, ни в писаниях, никогда не сказал о желании управлять государством. Каптерев усматривает противоречие в том, что 10 июля 1658 года и вскоре после Никон делал заявления, из

которых можно предположить, что он окончательно оставил Патриаршество и о возвращении не думал. Каптерев опять ссылается на показания Трубецкого, что Никон налагал на себя анафему, если похочет быть Патриархом... В письме царю в июле 1658 г. Никон называет себя бывшим Патриархом. Он дает благословение Крутицкому Митрополиту Питириму быть местоблюстителем до избрания Патриарха, а потом благословляет избрать и Патриарха. Каптерев и заключает, что Никон окончательно отказался от Патриаршества и в первое время вовсе не думал возвращаться на Патриаршество, но царь де этим не воспользовался, а потом и Никон с своей стороны стал колебаться в своем решении окончательно оставить Патриаршество, стал уже уверять в том, что он от Патриаршества не отказывался и даже стал заявлять претензии вновь занять Патриаршую кафедру.

«В марте 1659 г., пишет Каптерев (Op. cit. I, 410) Никон обратился с посланием к государю, в котором протестовал против совершения Митрополитом Питиримом шествия на осляти. Очевидно де Никон не хотел уже оставаться спокойным зрителем тогдашних событий, а решил вмешиваться в церковные дела, мотивируя свое вмешательство ревностью и сохранением церковных порядков». Далее на стр. 411 происходит уже чистая работа воображения Каптерева. «Вмешательство Никона в церковные дела показывало, пишет он, что Никон уже стал тяготиться своим уединением, своей полной отрешенностью от общественных дел, что его снова потянуло к публичной общественной деятельности, и он уже не мог более оставаться спокойным. Его особенно угнетало то обстоятельство, что он совсем удален от царского двора, где так недавно был первым лицом, пользующимся особым исключительным положением и почетом. В его воображении невольно воскресали былые роскошные приемы и обеды, которых он был лишен».

Каптерев игнорирует важное каноническое правонарушение: царь поручает Митрополиту Питириму управлять Патриархией, не обращаясь к Никону и не поминая его, как Патриарха.

Все эти предположения, может быть, и естественны, если исходить из предположения об эгоистической честолюбивой природе Никона, как окрашивали его враги, но эти предположения совершенно излишни, если вникнуть в то, что произошло после 10 июля 1658 г. до 4 марта 1659 г. в общецерковном положении: тогда понятна будет и перемена в объяснении Никона. Никон писал Константинопольскому Патриарху Дионисию о том, что, когда он ушел в Воскресенский монастырь, то через два дня были присланы из тех же бояр, которые говорили с ним 10 июля и спрашивали: почему я ушел без приказа от царского величества из Москвы? Я ответил, что ушел не на большое расстояние; если царское величество изменится к большей милости и отложит в сторону свой гнев, я снова вернусь. После этого не было никакого сообщения по этому делу от царского величества, никакого упоминания о моем возвращении на кафедру, но был отдан приказ (царем и синклитом), чтобы временно управлял Патриаршеством Митрополит Крутицкий Питирим. После ухода нашего царское величество запретил людям всех чинов приходить ко мне и слушать меня. Он также запретил давать мне из патриаршей резиденции то, что мне могло бы понадобиться. Если царское величество узнавал, что кто-либо приходил ко мне, то такое лицо строго пытали и посылали в отдаленные места. Так он терроризовал всех, царское величество приказал, чтобы весь Патриархат во всех делах управлялся бы Митрополитом Крутицким и запретил нас спрашивать или обращаться к нам, и приказал, чтобы к нему самому обращались во всех епископских и духовных делах» (III, 387-388).

Дело в том, что Никон сам благословил еще 12 июля быть Митрополиту Крутицкому быть Местоблюстителем, но, говорит Михайловский, призвав к себе на подворье

Митрополита Питирима, 10-12 июля, Никон сказал ему, что он уходит на время в Воскресенский монастырь и поручил ему до его возвращения в качестве викарного управлять Патриаршеством, а в делах большого значения обращаться к нему (IV, 138). Некоторое время Питирим и действовал в силу Никоновского благословения и позволения. Имя Никона стало упоминаться в богослужениях, а потом было опущено. В некоторых случаях имя и авторитет Никона употреблялись царем или Монастырским Приказом, чтобы переделать решения, принятые Никоном лично и никогда самим Никоном неизмененные . Никон был недоволен и говорил: «Тех людей, которых мы властью, данной от Духа Святого связали, царь разрешает, почитая наше связывание ни во что». Царь, например, 17 августа 1658 г. послал грамоту в Кирилловский монастырь архимандриту Авраамию о прощении Никоном посланных туда двух иеродиаконов, и царь приказывает, в силу прощения Никона, их освободить и держать на свободе в монастыре до дальнейшего царского указа. А 21 февраля 1659 г. царь в грамоте Полоцкому Епископу Каллисту, которым от Никона получена юрисдикция в 1656 г. и обязанность подчиняться только ему в духовных делах, аннулировал древнюю привилегию восстановленную Никоном в марте 1658 г. Богоявленскому монастырю в Полоцке, и приказал ему подчиняться не Патриарху, а местному Епископу. Указ царя Богоявленскому монастырю гласил: «Мы приказываем, чтобы юрисдикцию над тобой и твоим монастырем осуществлял Епископ Полоцкий и Витебский Каллист, и чтобы вы ему во всем повиновались». Для цезарепапистской точки зрения Каптерева не произошло ничего особенного. Царь для него, как единственный источник всякой власти, распоряжается и в Церкви. Сегодня он поручил управление Церкви Никону, завтра Питириму – мало разницы. Но с церковной точки зрения, на которой стоял Никон, произошла целая катастрофа. Патриарх в его глазах не царский чиновник, а носитель власти иного порядка и иного источника. Произошла подмена авторитета, восхищение на себя царем

духовной власти. Никон Патриарх ушел, благодать Духа Святого с ним, он временно поручает на правах викария управлять Митрополиту Питириму, а Митрополит Питирим, по приказу царя, к нему не обращается, его имени не поминает за Богослужением, а царь сам распоряжается в чисто церковных делах, т. е. самовольно фактически устраняет Никона от Патриаршества.

Причины изменений в тоне Никона – каноническое правонарушение – поставление Митрополита Питирима в самостоятельное управление Церковью, независимо от Никона.

Естественно, что при таком попрании патриарших прав, тон Никона изменяется, изменилась природа его положения, неправильно в Москве понятая. Он и говорит 17 мая 1659 г. приехавшему к нему по поручению царя дьяку Дементию Башмакову, что «он, Никон, хотя и оставил Патриаршество по своей воле и Московским не зовется и николи зваться не будет, но Патриаршества не оставлял и благодать остается при нем» (I, 410). Противоречия с его словами в июле 1658 г. никакого нет. Тогда Никон, констатируя невозможность для него управлять Патриаршеством, уходит, считая, что он для царя бывший Патриарх, ибо тот его не ставит ни во что; он не думает в данное время о возможности вернуться и готов допустить другого Патриарха. Весной, 1660 г., когда из Москвы попросят его приступить к делу и дать благословение на поставление другого Патриарха, он соглашается, но уже входит в дальнейшие подробности, в виду наличия дела, объясняет, что он сам должен принять в этом участие; и ставить Патриарха, – вопрос, до которого еще не доходило дело в июле 1658 г. Однако, еще раньше 1660 года обнаруживается, что в Москве, удовольствовавшись уходом Никона, решили, что царь в праве делать, что угодно или сам, или через Митрополита Питирима. Никона своевольно перестали считать Патриархом, и поминать его имя, тогда, как с его уходом в Воскресенский монастырь его каноническое положение не могло само собой измениться

без всякого суда или без выяснения дела с ним. Тогда тон Никона и стал тоном протеста, ибо нельзя же так просто и самовольно не считаться с ним – Патриархом, как будто его нет в живых.

Произвольность предположений Каптерева об изменении настроения Никона относительно природы оставления престола. Объяснение перемен Никона – в окружающих его событиях.

В глазах Никона произошло каноническое бесчиние, на которое он и реагировал, и вовсе для уяснения его протеста нет надобности прибегать к предположению Каптерева о том, что Никон стал тяготиться уединением, что его угнетало воспоминание о прошлых роскошных обедах и приемах, вызывавшее в нем томление. Вся жизнь и аскетизм Никона, его необыкновенная энергия и постоянная занятость и в Воскресенском монастыре исключают такое предположение. Ведь, он и там только изменяет свои занятия, но всегда поглощен делом: он строит храм, сам таскает кирпичи, дарит в 1661 г. в Воскресенский монастырь летопись русскую, доведенную им до 1630 г., очевидно, дополнившую под его руководством одну из прежних летописей, строжайше исполняет монастырские уставы, а на посты удаляется в уединение в каменную башню, построенную в скиту рядом с монастырем. Все умонастроение его никак не дает повода думать о похотях удовольствия: слишком трезвен был он всегда. Такие предположения слишком произвольны и приурочены к слишком плотскому и обыденному человеку. Если бы Каптерев оставил свою цезарепапистскую точку зрения и вник бы в Никоновскую, тогда и строить предположений этих не нужно было бы. Изменение в словах Никона произошло вследствие того, что ему пришлось реагировать на новые явления. Уйдя с кафедры, он мог ожидать, какое действие это произведет. Если царь одумается, он вернется, как сделал под влиянием хотя бы и неверных сообщений об изменении настроения царя в 1662 и 1664 годах; если нет, войдет в переговоры о способах

замещения себя преемником, как и было в 1665 году, но случилось выявление канонического нигилизма: Патриарх уехал из Москвы, и стали действовать именем царя, как будто царские полномочия включают в себе патриаршие. Если так могли думать в Москве, то для Никона это было совершенно отвратно. Каптерев пишет (I, 412), что «Не во имя блага Церкви и пасомых Никон уничиженно молит царя о прощении, а ради того, чтобы опять наслаждаться вместе с другими обильной царской трапезой и близостью к царю. Очевидно, продолжает он, так писать мог Никон, не как Архипастырь и Патриарх русской Церкви, а как царедворец, которому близки и дороги только интересы, тесно связанные с близостью к царскому двору». Никон же был огорчен напрасным гневом царя и писал ему (июль 1659): «Самого тебя молю, перестань Господа ради туне гневаться; солнце, речеся, во гневе вашем да не зайдет... Аз же ныне паче всех человек оболган тебе, Великому Государю, поношен и укорен неправедно: сего ради молю, претворися Господа ради и не дай мне грешному немилосердия». Эти слова показывают, как тяжко пришлось Никону, и тем более повышают ценность его неумолимого отстаивания канонической правды, как она представлялась ему. Он и страдал больше всего за эту бескомпромиссность: так было и в его удалении в Воскресенский монастырь, так будет и в ссылке его в Ферапонтов монастырь. Как христианин, он просит у царя прощение за огорчения, но, как Патриарх, неумолимо отстаивает права Церкви, и будучи в ссылке в Ферапонтовом монастыре, испытает не раз отягощение своей участи, за отказ простить царя настоящим письменным прощением, пока он не восстановит всю правду в его деле, хотя бы и без восстановления на Патриаршестве, от которого Никон тогда уже совершенно отказался.

Как Никон смотрит на возможность своего возвращения на Патриарший Престол в Москву.

Мы думаем, что Никон ушел, чтобы воздействовать на царя, побудить его изменить свое отношение к Церкви и к

нему, как ее Первосвятителю, что без этого изменения со стороны царя он и не думал возвращаться; вопрос возвращения таким образом зависел не от Никона, а от царя. Когда у Никона явилась надежда на изменение царя, он и предпринял возвращение. Когда увидал, что надежда напрасна, то в январе 1665 г. приступил к переговорам с Собором об условиях отречения, и Собор, понимая; что отречения еще не было, составил контрпредложение, а в начале 1666 г. Собор снова обсуждал, как быть по канонам с Никоном в виду его ухода; все дело остановилось при известии, что приедут для суда Восточные Патриархи. Если мы будем исходить при оценке Никоновских действий в период 1658-1666 гг. с его точки зрения на церковную власть, на Патриаршество, на свой уход с кафедры, то в действиях Никона за этот период будем видеть лишь сообразование их с обстоятельствами и событиями, при неизменности его точки зрения и его канонических воззрений. Если же собственную Никоновскую точку зрения оставим в стороне, а также не будем останавливаться на событиях церковной жизни, вызывавших в Никоне то или иное реагирование на них, в виду отсутствия отречения его от Патриаршества, тогда мы можем натолкнуться на непонятности и непоследовательности, для объяснения которых надо будет придумать объяснения, исходящие из произвольных представлений о Никоне, со слов поносивших его устно и письменно его врагов и при жизни его, и после смерти.

Взгляды Каптерева на «отречение Никона».

Каптерев пришел к заключению, что отречение Никона от Патриаршества в действительности имело только демонстративный характер, а не было настоящим серьезным отречением (I, 430). Этим демонстративным актом Никон хотел только с блеском восстановить свои прежние пошатнувшиеся отношения к царю, хотел заставить последнего во всем подчиняться ему – Никону, иметь его главным советником и руководителем во всей его царской деятельности. Никон был убежден, что он так необходим

царю, что тот никогда не решится с ним расстаться и отказаться от его услуг». Мы согласны, что отречения не было не только демонстративного, но вовсе никакого. О нем заговорил Никон только в январе 1665 г. после его непринятия в Москве 19 декабря 1664 г. Намерение Никона стать главным советником царя в государственных делах трудно предположить для июля 1658 года, ибо бессоветие началось уже с 1657 г., когда царь уже ругал Никона неподобными словами, ссорился с ним несколько раз из-за намерения присоединить Малоросию в церковном отношении без Константинопольского Патриарха, стал попускать бояр до вмешательства в церковное управление, наконец выливал публично свой гнев через нарушение чина участия в церковных праздниках, неприглашением Патриарха на торжества, на которые Патриарх по положению своему приглашался, своим отсутствием и присылкой боярина с выражением немилости. Царь уже давно избегал Никона, не желая его содействия. Неужели можно было иметь надежду все это исправить и восстановить положение царского советника через угрозу ухода, который был просто желателен и для царя, и для всех бояр, забравших в руки царя и окружавших его? Стремление Никона восстановить свое положение царского советника в государственных делах через уход мы никак не можем предполагать, но стремление восстановить свой архипастырский авторитет в церковных делах, без которого такой энергичный человек, как Никон, считал бесполезным и принципиально недопустимым свое пребывание в Патриархах, действительно усматриваем. К этому побуждает нас и самый предмет прощальной его речи в Успенском соборе 10.VII 1658 г., и выбранное слово Златоуста о том, каков должен быть пастырь: К сожалению, Каптерев рассматривал уход Никона только по показаниям князя Трубецкого и Митрополита Питирима, веря им во всем, вместо того, чтобы постараться воспроизвести, по возможности, что читал и что говорил от себя Никон 10.VII. 1658 г., как это сделал Пальмер и Николаевский на

основании многих других показаний. Никон ушел, а бояре обрадовались и целой системой интриг довели дело не только до низложения его, но до лишения сана и ссылки.

Средства, которыми отстаивал Никон свое миросозерцание.

Свое церковное миросозерцание Никон отстаивал по пророчески обличениями, угрозами Божьего гнева и несчастиями лично для виновников цезарепапистского засилия и несчастиями для самого государства, и запечатлел его удалением от активного управления кафедрой и анафемами.

Что касается официальных анафем Никона, то они касались непосредственно конкретного нарушения существенных прав Церкви, принадлежащих Церкви в силу ее природы, или дарованных ей государством с заклятием. Но Никон не произносил анафем прежде, чем совершенно явственно не определилось определенное явление и то после многократных безрезультатных протестов. Анафема на Митрополита Питирима была произнесена за облюбодействование патриаршего престола и за вторжение в сферу Константинопольского Патриарха назначением Митрополита Мефодия, почти через 4 года после ухода, после многократных предупреждений царю. Анафема на Симеона Лукьяновича Стрешнева была произнесена за кощунственное научение им пса, названного им «Никоном», благословлять обеими лапами, «по образу Христа при Вознесении», как писал Никон в письме царю в начале 1662 г. (IV. 410). Это письмо было последнее перед анафемой, произнесенной на Стрешнева 16 февраля 1662 г. Никон писал об ответственности царя за поддержку Стрешнева: «Если ты, знай об этом, терпишь такого нечестивого насмешника, не наказывая его, то гнев Божий низойдет на тебя и скоро. А мы готовы ради Христа не только терпеть оскорбления и унижения, но и умереть» (IV, 411). А Константинопольскому Патриарху Дионисию Никон писал, что «мы, услышав о таком нечестии, анафематствовали

Стрешнева, но царь приказал ему не считаться с этим отлучением и почитал его по прежнему».

В отстаивании своего миросозерцания Никон прибегал исключительно к средствам, которые находятся в распоряжении Церкви, и ею дозволены. Это не были средства, допускавшиеся Западной Церковью в средние века в виде освобождения подданных от присяги, низложения с престола и прочие, являющие собой властное вмешательство в светскую сферу.

Мы должны в дальнейшем уяснить: 1) почему у Никона было столько врагов, и кто они были по своему положению и умонастроению, 2) отчего царь перестал его поддерживать в возможности канонически управлять Церковью; 3) из за чего у них произошла так называемая ссора, по каким вопросам явился повод к их разногласию, 4) как конфликт царя с Никоном отразился на дальнейшем развитии государственной (царской) власти в России и ее правовой концепции. Так как эти вопросы непосредственно связаны и со сферой государственной, то предварительно надо уяснить то положение, которое занимал Московский Патриарх в государственном строе Московского государства по своему сану вообще, а в частности Патр. Никон, как государственный регент, назначенный государем в качестве такового, на время его отсутствия из столицы, в виду начавшейся в начале 1654 года войны с Польшей. Царь уехал на войну 18 мая 1654 г., вернулся в Москву в январе 1655 г., снова уехал 11 марта 1655 г., вернулся 10 декабря 1655 г., а 15 мая 1655 г. уехал на войну со Швецией, вернувшись в Москву окончательно в самом конце 1656 года. Т. е. царь отсутствовал с небольшими перерывами целых 2 ½ года из столицы, когда во главе государства был им поставлен Никон. Разрешению этих вопросов посвящена III часть.

Конец II-ой части.

Содержание

Михаил Валерианович Зызыкин

Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи

Часть II. Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении

Руководитель проекта *Л. Сурис*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru